ДІАЛОГИ ПЛАТОНА

ТИМЭЙ

(ИЛИ О ПРИРОДѢ ВЕЩЕЙ)

И

КРИТІЙ.

Переводъ съ примѣчаніями и введеніемъ

Г. В. Малеванскаго.

КІЕВЪ.
Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. улица, собств. домъ.
1883.

ДІАЛОГИ ПЛАТОНА

ТИМЭЙ

(ИЛИ О ПРИРОДѢ ВЕЩЕЙ)

И

КРИТІЙ.

Переводъ съ примѣчаніями и введеніемъ

Г. В. Малеванскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. улица, собств. домъ.
1883.

Изъ Трудовъ Кіевской дух. Академіи за 1882 и 1883 г. г.

Τῇ ἐν Κιέβῳ Ἀκαδημίᾳ ὁ ἐν τῇ αὐτῇ παιδευθεὶς τὸ Πλάτωνος τοῦτο ποίημα εἰς ῥωσσικὴν μεταπεφρασμένον μεθ᾽ ὅσης πλείστης καὶ βαθυτάτης εὐνοίας ἀνατίθησι.

Νῦν δ' ἐπορισάμεθα φιλοσοφίας γένος, οὗ μεῖζον ἀγαθὸν οὔτ' ἦλθεν οὔτε ἥξει ποτὲ τῷ θνητῷ γένει δωρηθὲν ἐκ θεῶν.
(Тимэй p. 47. A.)

I.—Между произведеніями Платона его изслѣдованіе „*о природѣ*“ или „*Тимэй*“, будучи чуть ли не самымъ послѣднимъ по времени написанія, есть несомнѣнно первѣйшее и важнѣйшее какъ само по себѣ—по богатству своего содержанія, такъ и по своему особенному завершающему, объединяющему и, такъ сказать, господственному ко всѣмъ имъ отношенію. Такой геніальный мыслитель, какъ Платонъ, быть можетъ, уже и въ самомъ началѣ своего служенія философіи и наукѣ имѣлъ опредѣленное цѣлостное міровоззрѣніе, но это міросозерцаніе если и сообщалъ онъ, быть можетъ, цѣликомъ въ устной бесѣдѣ своимъ слушателямъ-ученикамъ, то письмени ввѣрялъ не сразу и не цѣликомъ, а постепенно и по частямъ. Въ глубокомъ и живомъ убѣжденіи, что между дарами, данными божествомъ людямъ, нѣтъ высшаго и совершеннѣйшаго чѣмъ философія, онъ впродолженіе всей своей не короткой [1]) жизни беззавистно и щедро дѣлился своею

[1]) Платонъ, не смотря на разстроенное здоровье, прожилъ 81 годъ, какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ Сенека: „Plato ad senectutem se diligentia protulit. Erat quidem corpus validum ac forte sortitus et illi nomen latitudo pectoris fecerat, sed navigationes ac pericula multum detraxerant viribus: parsimonia tamen et eorum, quae aviditatem evocant, modus et diligens sui

мудростію съ незнающими, но съ тѣмъ вмѣстѣ и самъ неустанно и непрестанно старался пріумножать ее въ себѣ, почерпая ее у знающихъ—мудрыхъ и, по мѣрѣ того какъ тотъ или другой вопросъ съ одной стороны привлекалъ и останавливалъ на себѣ его особенное вниманіе, а съ другой находилъ въ его мысли достаточно готовыхъ данныхъ для надлежащаго рѣшенія, онъ ставилъ его для себя предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, которое и переносилъ затѣмъ на пергаментъ, какъ нѣчто вполнѣ уже провѣренное, строго обоснованное, прочное. Такъ перебралъ и переработалъ онъ цѣлый длинный рядъ разныхъ вопросовъ во множествѣ дошедшихъ и недошедшихъ до насъ діалоговъ, такъ прошелъ онъ своимъ изслѣдованіемъ постепенно почти по всѣмъ областямъ и отраслямъ философіи, и только уже послѣ всѣхъ частныхъ изслѣдованій,—послѣ того, какъ изучено, переработано и объединено было въ связную и стройную систему все то, что можно было найти и взять въ извѣстнѣйшихъ философскихъ школахъ того времени,—посѣдѣвшій въ изысканіяхъ маститый философъ, готовясь оставить землю и, согласно своему вѣрованію, унестись своимъ безсмертнымъ духомъ въ высшія сферы вѣчныхъ божествъ, счелъ умѣстнымъ и возможнымъ еще разъ—уже послѣдній разъ, пройденный оглянуться на поднебесную—на весь длинный пройденный мыслію и жизнію, путь и, съ высоты философскаго полета обнявши взоромъ всѣ найденные и познанные на этомъ пути предметы, представить ихъ въ одной цѣлостной философской картинѣ „*Тимэя*“. Написавши своего Тимэя, спѣвши эту послѣднюю прекраснѣйшую изъ всѣхъ лебединую пѣсню,

---

tutela perduxit illum ad senectutem multis prohibentibus causis. Nam hoc scimus, Platoni diligentiae suae beneficio contigisse quod natali suo decessit et *unum annum atque octogesimum implevit sine ulla deductione*. Ideo Magi, qui forte Athenis erant, immolaverunt defuncto, amplioris fuisse sortis quam humanae rati, quia consumasset perfectissimum numerum, quem novem novies multiplicata componunt.—Epist. Moral. lib. VI, ep. 6=58.

великій философъ вскорѣ затѣмъ покинулъ землю, покинулъ и большую семью своихъ учениковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе богатый виноградникъ своихъ произведеній. Много потомъ пришлось потрудиться имъ надъ разработкою разныхъ частей этого виноградника, но больше всего—надъ разработкою самой глубокой и самой богатой почвы „Тимэя"[1]).

Легко понять, что съ мнѣніями и воззрѣніями Платона, изложенными во множествѣ прежнихъ его сочиненій, послѣ слитія ихъ въ одномъ цѣлостномъ изслѣдованіи „*о природѣ*", должно было случиться приблизительно тоже самое, что случается съ образами, взятыми изъ множества отдѣльныхъ картинъ, по перенесеніи на одну общую картину небольшаго размѣра: они конечно явились тутъ въ миньятюрѣ, но за то освѣтились одною общею идеей и связались въ цѣльную стройную систему одною общею идеальною и реальною, то есть, логическою и причинною связію. Конечно, для пониманія философской системы Платона, какъ она изложена въ Тимэѣ, нужно знакомство и со всѣми другими его произведеніями, гдѣ тѣ или другія части его философіи обработаны съ надлежащею обстоятельностію, между тѣмъ какъ въ Тимэѣ онѣ или лишь слегка намѣчены или даже только приняты въ разсчетъ, не бывъ выражены. Но и наоборотъ, еще больше нуженъ Тимэй для надлежащаго пониманія всѣхъ остальныхъ произведеній Платона, потому что въ этихъ произведеніяхъ тѣ или другія мнѣнія, теоріи, воззрѣнія являются нерѣдко съ такою изолированностію и исключительностію, что не легко бываетъ понять ни того, въ какой послѣдовательности онѣ возникали въ мысли философа, какъ связывались, какъ развивались и чѣмъ завершились, ни того, какъ вообще онѣ мирятся и вяжутся между собою, въ какомъ порядкѣ и по какимъ мѣстамъ имъ слѣдуетъ расположиться, какою связію соединиться, чтобъ слиться и составить изъ себя одно цѣлостное міровоззрѣніе, между тѣмъ

[1]) См. слѣдующее примѣчаніе.

какъ въ Тимэѣ именно все это дѣлаетъ самъ творецъ ихъ, и кто при изученіи многосторонней и многотомной философіи Платона возьметъ себѣ въ путеводители Тимэя, тотъ съ одной стороны избавитъ себя отъ лишняго труда самому доискиваться истины путемъ произвольныхъ догадокъ, гипотезъ, измышленій, а съ другой избѣгнетъ опасности большихъ погрѣшностей, важныхъ искаженій.

Но и независимо отъ этого обстоятельства, изслѣдованіе Платона „о природѣ вещей“ само по себѣ представляетъ огромный научный интересъ по чрезвычайному богатству и разнообразію своего содержанія,—при томъ содержанія, могущаго дать важныя историческія указанія на идеи, воззрѣнія, теоріи, гипотезы не одного Платона. И Платонъ, какъ извѣстно, своею мудростію обязанъ былъ не себѣ одному исключительно, но и своему времени—разнымъ философскимъ школамъ, въ которыхъ, какъ въ живыхъ сокровищницахъ, хранились и пріумножались знанія, идеи, накопленныя усиліями многихъ человѣческихъ поколѣній. Многія изъ этихъ знаній, идей, попавши въ горнило философской мысли Платона и расплавленныя силою его генія, отлились потомъ въ такія оригинальныя, совсѣмъ новыя формы, въ которыхъ не осталось ни слѣда, ни намека на то, откуда онѣ взяты и чѣмъ онѣ когда-то были, но многія и послѣ этой переплавки сохранили явные слѣды и своего перваго источника и своего прежняго вида. Платонъ не былъ строгимъ послѣдователемъ ни іонійской, ни елейской, ни атомистической, ни Анаксагоровской, ни даже пиѳагорейской философіи, и однакожъ воспринялъ въ свое міровоззрѣніе не мало элементовъ отъ всѣхъ этихъ философскихъ направленій и даже—отъ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми не хотѣлъ имѣть ничего общаго и къ которымъ относился повидимому только отрицательно. И это отношеніе Платона къ прежнимъ философскимъ направленіямъ если интересно наблюдать и познать въ другихъ его сочиненіяхъ, гдѣ легко еще опредѣлить первоначальный источникъ и видъ того или иного

философскаго воззрѣнія, то еще интереснѣе наблюдать и видѣть, какъ въ „Тимэѣ“ это самое воззрѣніе, попавъ въ совсѣмъ иную философскую систему, получаетъ совсѣмъ иной видъ и смыслъ и служитъ совсѣмъ инымъ цѣлямъ. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что философское любомудріе въ древнее время не было еще замкнуто въ томъ тѣсномъ кругѣ, въ которомъ оно замыкается въ новѣйшее время, но простиралось съ равнымъ правомъ какъ на все то, что можетъ быть предметомъ умозрѣнія, такъ и на все то, что можетъ подлежать наблюденію посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и быть предметомъ точнаго эмпирическаго знанія, что въ составъ философіи входили тогда существеннымъ образомъ и всѣ науки нынѣ такъ называемыя точныя, то есть математическія и естественныя. Съ этой стороны особенно важенъ „Тимэй“ прежде всего для полноты представленія о самомъ Платонѣ, какъ мудрецѣ, потому что здѣсь больше всего можно видѣть его не просто только философомъ, но и строго-научнымъ философомъ, не просто только мыслителемъ, но и мыслителемъ, обладающимъ всестороннею ученостію, потому что содержащееся въ Тимэѣ изслѣдованіе „о природѣ“ только по основнымъ идеямъ своимъ впадаетъ въ область умозрительной философіи, между тѣмъ какъ всю подкладку, всю матерію для этихъ идей заимствуетъ изъ всѣхъ точныхъ наукъ. Въ это изслѣдованіе вошли и начала математики и геометріи въ приложеніи ко всѣмъ почти безъ изъятія явленіямъ физическаго міра, и физика съ ея причинами и законами до законовъ акустики и катоптрики включительно, и химія съ ея процессами, и космогонія съ геологіей, и космографія съ астрономіей и даже съ небесной гармоникой, и анатомія съ физіологіей и даже съ патологіей и гигіеной, не говоря уже о психологіи. Что познанія по всѣмъ этимъ наукамъ представляютъ продуктъ и достояніе не одного Платона,—объ этомъ и говорить нечего. Но это обстоятельство еще больше возвышаетъ важность Тимэя, какъ такого произведенія, которое наравнѣ съ трактатами Аристо-

теля, можетъ служить лучшимъ источникомъ для составленія приблизительнаго понятія о состояніи наукъ того времени.

II.—Это обиліе и разнообразіе научнаго матеріала, почерпаемаго изъ всевозможныхъ наукъ, уже для древнихъ затрудняло пониманіе Тимэя, и дѣлало его произведеніемъ, которое, какъ справедливо замѣтилъ Халцидій, могло быть вполнѣ понятнымъ только для такихъ людей, qui in omnium hujus modi scientiarum usu atque exercitatione versati sunt. А такихъ людей въ древности, конечно, было гораздо меньше, чѣмъ въ новое время, и вотъ почему уже для древнихъ, даже для самихъ грековъ, даже для самой академіи Платона, вскорѣ послѣ его смерти, оказались необходимыми и стали появляться комментаріи на разныя части Тимэя [1]).

---

[1]) Оставляя въ сторонѣ *Ксенократа*—ученика Платонова, а также *Крантора*, *Клеарха* и *Өеодора*—ближайшихъ преемниковъ Платона по Академіи, которыхъ толкованія на разныя части Тимэя не дошли до насъ, умалчивая объ *Аристотелѣ*, который не только постоянно цитовалъ въ своихъ сочиненіяхъ Тимэя, но и сдѣлалъ-было особый связный анализъ его (не дошедшій до насъ) и даже о *Өеонѣ смирнскомъ*, отъ котораго сохранились двѣ небольшія трактаціи „объ ариөметикѣ“ и „музыкѣ“ Платоновой (онѣ были изданы на латинскомъ языкѣ—Paris 1644 par Buislaud),—слѣдуетъ упомянуть прежде всего о Цицеронѣ, который почиталъ Платона „quasi deum philosophorum“, изучалъ и зналъ его, какъ ни одинъ изъ римскихъ писателей, и даже переводилъ на свой языкъ нѣкоторые изъ его діалоговъ. Благодаря счастливой случайности, только отъ его перевода Тимэя сохранились для насъ отрывки, впрочемъ отрывки очень значительные и при томъ обнимающіе самыя важныя и существенныя изъ доктринъ Тимэя. Хотя переводъ Цицерона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не точенъ и вообще довольно свободенъ, но онъ много помогаетъ уразумѣнію Тимэя. Кромѣ того Цицеронъ не малую оказываетъ услугу и тѣми мѣстами своихъ собственныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ нѣкоторыя изъ теорій Тимэя самъ воспроизводитъ, развиваетъ и дополняетъ, словомъ, излагаетъ съ должною обстоятельностію.—Еще болѣе заслуживаетъ упоминанія извѣстный *Плутархъ херонейскій*, отъ котораго остался и дошелъ до насъ особый комментарій на Тимэя (подъ заглавіемъ „о происхожденіи души по изображенію Тимэя“), посвященный главнымъ образомъ самому сложному и запутанному вопросу о міровой душѣ Платона. Комментарій этотъ, къ сожалѣнію, представляетъ по мѣстамъ значительные про-

Но и для людей новаго времени Тимэй не менѣе, если даже еще не болѣе не удобопонятенъ, хотя уже не по причинѣ этой разносторонности своего содержанія. Главная трудность Тимэя для людей новаго времени заключается не столько въ множествѣ излагаемыхъ въ немъ всякихъ научныхъ теорій, сколько съ одной стороны въ неизмѣримой разницѣ ихъ отъ теорій новаго времени, а съ другой частію въ краткости, частію въ своеобразности изложенія этихъ теорій. Если бы Платонъ, согласно своему вѣрованію, воплотившись и явившись въ новое время, всецѣло сроднился и сжился со всѣми его идеями, то и самъ, быть можетъ затруднился бы воспроизвести своею мыслію и отчетливо представить многія изъ воззрѣній и теорій своего Тимэя,—такъ неизмѣрима даль между тѣмъ и другимъ порядкомъ идей! Съ другой стороны Платонъ писалъ своего Тимэя чуть ли не исключительно только для своихъ учениковъ, при томъ не для начинающихъ, а для оканчивающихъ курсъ классическаго любомудрія, предъ которыми ему приходилось не разъ

бѣлы, но содержащіяся въ немъ трактаціи послужили путеводною нитью для многихъ изъ позднѣйшихъ толкователей при разъясненіи этого труднаго вопроса. Дошелъ также до насъ латинскій переводъ и комментарій на Тимэя нѣкоего *Халцидія* (какъ полагаютъ, бывшаго архидіакономъ у извѣстнаго Осіи, еп. кордовскаго). И переводъ и комментарій Халцидія, доведенные только до половины Тимэя, обличаютъ въ авторѣ слишкомъ незначительную подготовку для столь труднаго дѣла. Но тотъ и другой мы имѣли подъ руками (въ послѣднемъ изданіи Platonis Timaeus interprete Chalcidio cum ejusdem commentario, v. Wrobel. Lipsiae 1876), и справлялись съ ними.—Несравненно большею, чѣмъ Халцидій, научно-философскою подготовкою для изъясненія Тимэя обладалъ извѣстный *неоплатоникъ Проклъ* (ок. 440 г.), но зато онъ въ свое толкованіе внесъ много своего личнаго, субъективнаго, неоплатоническаго. Отсутствіе объективности, повсюду идущая неоплатоническая окраска составляетъ такой существенный недостатокъ Проклова комментарія, котораго не искупаютъ даже большія научныя достоинства его. Комментарій Прокла тоже не обнимаетъ всего Тимэя и обрывается раньше, чѣмъ на половинѣ діалога. Существуетъ одно единственное и то, по отзыву Мартена, очень неисправное изданіе этого комментарія—Bale 1534. Конечно мы не могли имѣть его подъ руками.

и при томъ съ полною обстоятельностію излагать и развивать по частямъ матеріи и теоріи Тимэя, такъ что Тимэй для нихъ имѣлъ чуть ли не тоже самое значеніе, какое нынѣ имѣетъ сжатый обзоръ науки, выдаваемый преподавателемъ своимъ слушателямъ съ цѣлію облегчить имъ припоминаніе и воспроизведеніе того, что обстоятельно было развиваемо и излагаемо въ цѣломъ рядѣ уроковъ. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, но только Тимэй, повторяемъ, неудобопонятенъ для насъ во многихъ мѣстахъ прежде всего по чрезвычайной сжатости и краткости изложенія. Еслибы Платонъ изложилъ необъятное содержаніе Тимэя не на 76 тощенькихъ страницахъ, а по крайней мѣрѣ на 700-хъ, если бы для каждой трактаціи, теоріи удѣлилъ по нѣскольку главъ, тогда намъ гораздо легче было бы читать и понимать его, и намъ не дались бы, можетъ быть, развѣ какія нибудь не важныя, второстепенныя частности этихъ теорій. А такъ какъ этого нѣтъ, такъ какъ въ Тимэѣ нерѣдко очень сложныя теоріи выражаются въ двухъ—трехъ сжатыхъ фразахъ, то читатель на всякомъ шагу подвергается опасности не понять, какъ слѣдуетъ, даже самой сущности, даже основаній этихъ теорій. Другая трудность—это своеобразность выраженія этихъ теорій, точнѣе говоря,—обозначеніе вещей и понятій совсѣмъ не тѣми названіями, терминами, которыми онѣ обозначаются въ наше время. Не говоря уже о математикѣ и естественныхъ наукахъ, которыя со временъ Платона—за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ такъ далеко ушли впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выработали множество новыхъ, особыхъ терминовъ для точнаго обозначенія входящихъ въ кругъ каждой изъ нихъ понятій, вещей,—даже философія много ушла въ этомъ отношеніи впередъ отъ философіи классической, которая, при недостаткѣ особыхъ точныхъ терминовъ для разныхъ отвлеченныхъ понятій, обозначала ихъ такими словами и выраженіями, истинный смыслъ которыхъ съ трудомъ дается философу новаго времени. Ко всему этому присоединяются еще неисправности, погрѣшно-

сти текста, которыхъ, натурально, должно было вкрасться въ списки Тимэя тѣмъ больше, чѣмъ менѣе для списчиковъ доступно и понятно было содержаніе его, въ сравненіи съ другими болѣе понятными произведеніями Платона. И, какъ нарочно, эти погрѣшности чаще всего встрѣчаются въ самыхъ трудныхъ и темныхъ мѣстахъ и еще больше затрудняютъ ихъ пониманіе. И этой бѣдѣ не много помогаютъ даже такъ называемые критическіе аппараты, потому что между ними далеко нѣтъ полнаго согласія, потому что изъ нихъ каждый по своему, каждый иначе правитъ испорченный текстъ, возстановляетъ истинный, поправляетъ ошибки, замѣняетъ, вставляетъ, выбрасываетъ слова, выраженія [1]).

Вотъ почему Тимэй не отъ однихъ только древнихъ требовалъ особенныхъ усилій для своего пониманія, вотъ почему толковательныя попытки древнихъ положили собою только начало новымъ толковательнымъ трудамъ.—Въ средніе вѣка не мало было писано комментаріевъ на Тимэя, но, вѣроятно, они не заслуживаютъ того, чтобъ быть обнародованными, если пергаментные единичные списки ихъ, покоящіеся въ разныхъ древнихъ библіотекахъ западной Европы, и доселѣ не нашли себѣ издателей. Такъ можемъ думать, основываясь на отзывѣ извѣстнаго ученѣйшаго французскаго переводчика и комментатора Тимэя—Мартэна, который возъимѣлъ было желаніе пересмотрѣть покрайней мѣрѣ комментаріи, хранящіеся въ библіотекахъ Парижа, но, послѣ пересмотра одного изъ нихъ (хранящагося въ королевской библіотекѣ), не только лишеннаго всякихъ научныхъ достоинствъ, но и показывающаго въ авторѣ слишкомъ слабое знаніе греческаго языка, совсѣмъ потерялъ охоту искать мудрости въ средневѣковомъ хламѣ.—Въ новое время интересъ къ изученію Платона не только не ослабѣвалъ, но по-

---

[1]) Это, по нашему мнѣнію, только болѣе важныя изъ тѣхъ многихъ трудностей, которыя поставилъ на видъ Шталлбаумъ въ своемъ аргументѣ къ Тимэю.

видимому непрерывно и прогрессивно возрасталъ и въ своей интенсивности и въ своей экспансивности, и въ частности на уясненіе его Тимэя тратилось весьма много труда и философами и всякаго рода учеными, изъ которыхъ одни изучали, разбирали, и разъясняли только тѣ или другія части его, тѣ или другія частныя теоріи, воззрѣнія, въ немъ содержащіяся, а другіе брались за все его содержаніе, одни дѣлали переводы на тотъ или иной языкъ, другіе составляли комментаріи, третьи занимались выправкою текста, четвертые же дѣлали все это вмѣстѣ,—при чемъ появленіе каждаго новаго толковательнаго труда, какъ бы капиталенъ онъ ни былъ, повидимому не уменьшало, а даже увеличивало количество всякаго рода недоумѣній, вопросовъ, требовавшихъ еще и еще новаго пересмотра интереснаго памятника классической древности. Словомъ, въ новое время такъ много было писано для уясненія содержанія Тимэя, что представить въ послѣдовательномъ ходѣ всю библіографію Тимэя значило бы выйти далеко за предѣлы краткаго введенія. Довольно знать, что кромѣ цѣлыхъ десятковъ критическихъ изданій, кромѣ нѣсколькихъ латинскихъ общихъ переводовъ всѣхъ сочиненій Платона [1]), въ которыхъ однако всегда Тимэю или предшествуетъ болѣе обширное введеніе, или сопутствуетъ болѣе подробный подстрочный комментарій, кромѣ нѣсколькихъ латинскихъ спеціальныхъ комментаріевъ на Тимэя[2]), кромѣ этихъ изданій, переводовъ, комментаріевъ,

[1]) Въ первомъ по времени латинскомъ переводѣ Платоновыхъ сочиненій *Марсилія Фицина* (Florentiae 1483—4) Тимэю предшествуетъ очень обстоятельный такъ называемый Argumentum, состоящій изъ цѣлаго ряда разсужденій. Кромѣ того Фицинъ написалъ и особый комментарій на Тимэя, но онъ почему-то такъ и остался не изданнымъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ латинскомъ переводѣ *Корнарія* (Bâle 1561) Тимэй не имѣетъ такого аргумента, но въ переводѣ *Серрана* (Paris 1578) имѣетъ, а равно въ двухъ болѣе новыхъ латинскихъ переводахъ—*Аста* (1819) и *Линдау* (1820), а также въ двухъ изданіяхъ Платоновыхъ сочиненій (на одномъ греческомъ языкѣ—безъ перевода)—„*des Deux-Ponts* и *Шталлбаума* (1825—1840).

[2]) Въ одномъ 16-мъ вѣкѣ написано было на латинскомъ языкѣ три особыхъ комментарія на Тимэя—одинъ—*Себастіаномъ Морчильо* (Bale 1554), другой—*Матѳеемъ Фрагильяномъ* (Paris 1560), третій *Полемъ Бени* (Romae 1594).

которые могутъ быть принимаемы за общее нейтральное достоянiе всего вообще ученаго мiра,—каждая изъ значительнѣйшихъ нацiй западной Европы имѣетъ еще на своемъ собственномъ языкѣ по нѣскольку общихъ переводовъ всѣхъ сочиненiй Платона и по нѣскольку специальныхъ переводовъ Тимэя, притомъ переводовъ, предваряемыхъ обширными введенiями, сопутствуемыхъ обстоятельными комментарiями. Даже мы русскiе можемъ покрайней мѣрѣ не краснѣть въ этомъ отношенiи предъ Платономъ, потому что изучали мы его съ давнихъ поръ и даже переводить его начали давно— еще съ конца прошлаго столѣтiя, но переводили большею частiю отрывочно, по частичкамъ, безъ системы и послѣдовательности. Выдающееся въ этомъ, да и во всѣхъ другихъ

---

[1]) Переводы Платоновыхъ сочиненiй вообще и Тимэя въ особенности на новые языки начаты были раньше всего, какъ кажется, во Францiи. Именно, первый французскiй переводъ нѣсколькихъ Платоновыхъ дiалоговъ и въ томъ числѣ Тимэя, сдѣланный *Людовикомъ Ле-Роа* (Regius) вышелъ въ 1551. Этимъ переводомъ французы довольствовались почти цѣлыхъ три столѣтiя, пока не появился въ 1839 году новый переводъ Тимэя, сдѣланный извѣстнымъ *Кузеномъ* (занимающiй 12-й томъ въ цѣломъ переводѣ всѣхъ сочиненiй Платона). Однакожъ, не смотря на многiя несомнѣнныя достоинства этого перевода, вышедшаго изъ подъ пера замѣчательнаго французскаго философа и снабженнаго вдобавокъ хотя краткими, но весьма солидными примѣчанiями, весьма скоро—всего спустя два года потребовался новый специальный переводъ Тимэя. Это былъ переводъ профессора *Мартена* (Etudes sur le Timée de Platon. Paris 1841), который, какъ самъ говоритъ, употребилъ на это дѣло болѣе четырехъ лѣтъ терпѣливаго, усидчиваго труда. Мы не знаемъ ни другого болѣе добросовѣстнаго и совершеннаго перевода, ни другаго болѣе научнаго и обстоятельнаго комментарiя, чѣмъ этотъ. Ему и мы многимъ обязаны и при самомъ переводѣ и особенно въ примѣчанiяхъ.—Первый италiанскiй переводъ Тимэя сдѣланъ былъ еще въ 1577 г. *Себастiаномъ Фрицомъ*, а спустя менѣе чѣмъ 50 лѣтъ другой ученый эллинистъ *Дарди Бембо* сдѣлалъ переводъ уже всѣхъ сочиненiй Платона, изъ коихъ Тимэю удѣлилъ цѣлый особый томъ, предпославъ переводу очень обстоятельный аргументъ (Venise 1601—1607).—Первый англiйскiй переводъ Тимэя, сдѣланный *Ѳомою Тэйлоромъ*, относится къ концу прошедшаго столѣтiя. Еще раньше, чѣмъ Тэйлоръ взялся было перевести и издать всѣ сочиненiя Платона, нѣкто *Флоръ Сиденгамъ*, но раззорился и умеръ, не доведши дѣла до конца; въ числѣ

отношеніяхъ исключеніе представляетъ не много только неоконченный переводъ Платоновыхъ сочиненій проф. Карпова. Въ немъ недостаетъ очень немного—всего трехъ четырехъ діалоговъ, но въ томъ числѣ и Тимэя. Объ отсутствіи такого маленькаго и не важнаго діалога, какъ „*Политикъ*", можно еще и не очень жалѣть; отсутствіе болѣе важнаго діалога „*Теэтета*" восполняется отчасти изслѣдованіемъ о Теэтетѣ проф. Скворцова; но ничѣмъ пока не восполненное отсутствіе столь важнаго произведенія, какъ Тимэй, весьма прискорбно, потому что дѣлаетъ нашего русскаго Платона похожимъ на туловище, у котораго есть всѣ члены и органы, но недостаетъ самаго существеннаго—головы—того, какъ выражается Платонъ, шаровиднаго по образцу вселенной созданнаго органа, въ которомъ живетъ и вращается высшее, небесное, вѣчное, божественное начало—разумъ.

Но надлежащее восполненіе этого пробѣла, какъ показано, есть настолько не легкое дѣло, что предлагаемый опытъ перевода и изъясненія Тимэя и не воображаетъ быть такимъ восполненіемъ; довольно съ него, если онъ хоть напомнитъ о такомъ восполненіи другимъ—melira potentibus и послужитъ началомъ для новыхъ болѣе совершенныхъ переводовъ и новыхъ болѣе обстоятельныхъ и основательныхъ комментаріевъ. Кто можетъ заняться этимъ дѣломъ

не переведенныхъ діалоговъ остался и Тимэй. Были-ли въ Англіи еще и другіе переводы Платоновыхъ сочиненій и въ частности Тимэя, не знаемъ.—Больше всего было въ Германіи и общихъ переводовъ всѣхъ сочиненій Платона и спеціальныхъ переводовъ Тимэя. Изъ общихъ переводовъ извѣстны: 1) переводъ *Шлейермахера*, къ сожалѣнію не оконченный и не имѣющій Тимэя, 2) единоличный же переводъ *Г. Мюллера* (Platon's sammtliche Werke mit Einleitungen begleitet. Leipzig 1850—66), и 3) коллективный переводъ—Platon's Werke grichisch und deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen—Leipzig 1853 -60. Изъ спеціальныхъ же переводовъ извѣстны: 1) переводъ *Виндишмана* (Platon's Timaeus. Hadamar 1804), 2) переводъ *Вагнера* (Breslau. 1841), и 3) переводъ *Шнейдера* (Breslau 1847).

не вскользь и урывками, а съ послѣдовательностію и полною сосредоточенностію, кто посвятитъ ему не мѣсяцы, а годы,—какъ наприм. проф. Мартенъ, употребившій на свой переводъ и изслѣдованія о Тимэѣ четыре слишкомъ года непрерывнаго труда,—тотъ конечно сдѣлаетъ его вполнѣ хорошо, но и то подъ условіемъ, если ему будутъ доступны по крайней мѣрѣ наши русскія болѣе богатыя древними книгами библіотеки, потому что если въ настоящее время нѣтъ уже въ продажѣ даже такихъ сравнительно недавнихъ книгъ—какъ переводы Кузена или Мартена, Вагнера или Шнейдера, или, какъ комментированное изданіе Шталлбаума, то что уже сказать о такихъ древнихъ изданіяхъ, какъ комментарій Прокла, или даже Фрагильяна и Бени, которые ученому переводчику и комментатору не мѣшаетъ хоть вскользь пробѣжать, чтобъ и въ себѣ самомъ и въ читателѣ не оставить подозрѣнія, что многое имъ не досмотрѣно, не взято въ разсчетъ, не взвѣшено. Многихъ изъ этихъ книгъ, изданій, полагаемъ, не имѣется даже въ лучшихъ и богатѣйшихъ нашихъ библіотекахъ, и познакомиться съ ними можно развѣ въ Парижѣ, Римѣ, Лондонѣ и другихъ старѣйшихъ университетскихъ городахъ Европы. Конечно, автору настоящаго перевода, заброшенному въ глухой уѣздный городокъ, не только эти древнія изданія и книги не были доступны, но и изъ новыхъ были доступны весьма не многія, такъ что, быть можетъ, лучше было бы ему и вовсе не браться за дѣло съ своими слишкомъ малыми средствами. Но, думалъ онъ, лучше же пусть пока будетъ сдѣлано хоть что-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего; ктому же—trahit sua quemque voluptas.

III.—Время написанія „Тимэя“ съ точностію никто еще не могъ опредѣлить. Но такъ какъ первыя страницы Тимэя предполагаютъ уже существованіе „Республики“, „Республика“ же, по мнѣнію большинства критиковъ, написана Платономъ въ старости (Hermann Geschichte und System der Platonischen Philosophie—1, стр. 536 и дал.) и даже уже

подъ конецъ жизни, то можно думать, что Тимэй былъ послѣднимъ произведеніемъ Платона, тѣмъ болѣе, что непосредственно связаннаго съ Тимэемъ своего „Критія“ Платонъ не успѣлъ довести не только до конца, но даже до средины.

IV.—Что Тимэй есть подлинное произведеніе Платона, —это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, не смотря на то, что уже въ древности высказываемо было сомнѣніе въ этомъ. Въ подлинности Тимэя не сомнѣвались ни Ксенократъ и Аристотель—ученики Платона, изъ коихъ первый въ своей „жизни Платона“ не мало удѣлилъ мѣста изложенію и уясненію разныхъ пунктовъ ученія о природѣ Платона, какъ оно представляется въ Тимэѣ, а послѣдній составлялъ даже особое извлеченіе изъ Тимэя, ни Кранторъ, Клеархъ, Ѳеодоръ (всѣ три изъ Киликійскаго города Солъ) и Евдоръ—ближайшіе преемники Платона по Академіи, которые всѣ тоже не мало занимались разборомъ, уясненіемъ и отчасти критикою доктринъ, содержащихся въ Тимэѣ. Но около половины 3-го вѣка до Р. Х. нѣкто Тимонъ скептическій философъ и сатирическій поэтъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, въ одной изъ сатиръ выразился всего въ двухъ стихахъ, что Платонъ не написалъ, а списалъ своего Тимэя съ чужой маленькой книги, купленной за большія деньги, и выдалъ потомъ чужое произведеніе за свое собственное. Вотъ эти стихи:

Πολλῶν δ᾽ ἀργυρίων ὀλίγην ἠλλάξατο βίβλον,
Ἔνθεν ἀφορμηθεὶς Τιμαογράφειν ἐπεχείρει.

У кого же это, спрашивается, и какую именно „маленькую книгу за большія деньги“ купилъ Платонъ?—Нѣкоторыя указанія на это есть у Діогена Лаэрція—но указанія очень разнорѣчивыя. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ только глухо говоритъ, что Платонъ, по порученію Діона (шурина и потомъ зятя Діонисія сиракузскаго), купилъ у Филолая пиѳагорейскія книги, въ другомъ прибавляетъ, что Филолай первый обнародовалъ три знаменитыя книги пиѳагорейцевъ,

которыя куплены были Платономъ за сто минъ, а въ третьемъ кромѣ того, въ подтвержденіе этого указанія, ссылается на свидѣтельство нѣкоего Сатира-историка, жившаго за 170 л. до Р. Хр., особенно же на Гермиппа перипатетическаго философа и историка, жившаго ок. 210 г. до Р. Х., который опираясь будто бы на свидѣтельство одного древняго писателя, высказался, что (уже не книги пиѳагорейцевъ, ‹) произведеніе самаго Филолая Платонъ купилъ у родственниковъ его за 400 александрійскихъ минъ серебра. Уже это разнорѣчіе свидѣтельствъ дѣлаетъ ихъ сомнительными. Но и сами въ себѣ они не представляютъ ни малѣйшей вѣроятности, даже лишены всякаго смысла. Платону не было никакой надобности покупать за большія деньги ни у Филолая, ни у родственниковъ его, ни одной маленькой, ни трехъ большихъ пиѳагорейскихъ книгъ, чтобъ потомъ содержащуюся въ нихъ мудрость выдать за свою собственную, потому что эта мудрость во времена Платона настолько всѣмъ была доступна и отчасти извѣстна, что никто не могъ ее купить, какъ сокровенный кладъ, и выдать потомъ за плодъ своего ума. Что Платонъ отлично зналъ эту мудрость изъ книгъ ли, или изъ непосредственнаго знакомства съ Пиѳагорейцами, во время своего пребыванія въ Сициліи,—это всѣмъ извѣстно, за исключеніемъ развѣ упомянутыхъ лжесвидѣтелей. Мало того, хорошо извѣстно также и то, что онъ даже заимствованныя отсюда понятія, идеи, воззрѣнія переработалъ на свой ладъ и въ то же время многихъ изъ пиѳагорейскихъ доктринъ совсѣмъ не принялъ въ свою систему, или совсѣмъ игнорируя ихъ, или относясь къ нимъ отрицательно. А это значитъ, что о списываніи или даже только компиляціи съ какихъ бы то ни было пиѳагорейскихъ книгъ, не можетъ быть и рѣчи. Равнымъ образомъ хорошо извѣстно и то, въ какихъ пунктахъ Платонъ сходился и въ какихъ расходился въ частности съ пиѳагорейцемъ Филолаемъ, такъ что и тутъ не можетъ быть рѣчи о рабскомъ заимствованіи. Еще менѣе вѣ-

роятно, чтобъ Тимэй Платона былъ копіею или даже хоть передѣлкою сохраненнаго для насъ Прокломъ извѣстнаго апокрифическаго произведенія съ заглавіемъ „Тимэй локридскій, или о душѣ міра и ѳ природѣ“, потому что, по всѣмъ признакамъ совершенно на оборотъ—„Тимэй локридскій“ есть простая позднѣйшая компиляція Тимэя Платонова,— компиляція притомъ въ иныхъ случаяхъ неудачная, а въ иныхъ даже совсѣмъ расходящаяся съ оригиналомъ, какъ напр. въ своемъ отрицаніи метемпсихозы—доктрины общей у Платона съ пиѳагорейцами, особенно же въ отрицаніи безсмертія души—вѣрованія, доведеннаго Платономъ до степени твердаго убѣжденія (Фэдонъ). Какъ мало вѣры заслуживаютъ всѣ эти сомнѣнія въ подлинности Платонова Тимэя, это лучше всего изъ того видно, что имъ не придавали никакого значенія, даже совсѣмъ не обращали на нихъ никакого вниманія уже такіе древніе комментаторы Тимэя, какъ Плутархъ или Цицеронъ. Къ этому историческому внѣшнему доказательству присоединяется то внутреннее еще болѣе доказательство, что Тимэй Платона, по изложеннымъ въ немъ воззрѣніямъ, идеямъ вовсе не стоитъ въ исключающемъ противорѣчіи съ остальными его произведеніями, напротивъ въ существѣ почти во всѣхъ пунктахъ находится въ полномъ согласіи съ ними и представляетъ собою вообще какъ бы резюмированный выводъ изъ нихъ.—Что же касается упомянутаго „Тимэя локридскаго, то появленіе его объясняется очень просто. Разнаго рода апокрифы съ претензіями на болѣе или менѣе глубокую древность, какъ извѣстно, начали появляться въ очень древнее время греческой литературы, но послѣдніе три вѣка предъ Р. Х. особенно были богаты ими. Къ этому времени, должно полагать, относится и сочиненіе „Тимэя локридскаго“, авторъ котораго, по всей вѣроятности, скептическій философъ имѣлъ сильное желаніе подорвать истину нѣкоторыхъ пиѳагорейскихъ доктринъ, въ особенности же—метемпсихозы и вѣры въ безсмертіе души и вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать

авторитетъ Платона, царившаго въ то время въ александрійскихъ школахъ,—самое же главное—получить за интересный quasi—антикварный манускриптъ хорошія деньги отъ какой нибудь изъ славнѣйшихъ библіотекъ—александрійской, или пергамской.

V.—По содержанію своему „Тимэй" Платона распадается на двѣ главныя части—историческую и научно-философскую. Историческая часть въ свою очередь разбита самимъ авторомъ на двѣ половины, изъ коихъ одна поставлена впереди философіи Тимэя, въ качествѣ пролога къ великой исторической эпопеѣ, а другая съ другимъ заглавіемъ „Критій" представляетъ саму эту эпопею, къ сожалѣнію, только начатую, но не оконченную.

Въ историческомъ предисловіи (занимающемъ всего четыре первыя главы—отъ p. 17 до p. 27 C) Сократъ напоминаетъ Тимэю, Критію и Гермократу [1]), которыхъ онъ

---

[1]) Все это суть личности не вымышленныя, а историческія.—*Тимэй* именемъ котораго и діалогъ названъ, происходилъ, какъ и самъ Платонъ говоритъ (p. 20 A), изъ епизефирійскихъ Локръ—греческаго города въ нижней Италіи и былъ, по преданію древнихъ, ученикомъ Пиѳагора. Вѣроятно, по этой причинѣ и у Платона представляется онъ какъ извѣстный философъ, астрономъ и естествоиспытатель (p. 27 A). Что Платонъ дѣйствительно, въ бытность свою въ Италіи, знакомъ былъ съ Тимэемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ: „Credo, te audivisse, Platonem, Socrate mortuo, primum in Aegiptum discendi causa, post in Italiam et in Siciliam contendisse, ut Pythagorae inventa perdisceret, eumque et cum Archita Tarentino et cum Timaeo Locro multum fuisse... etct... (de Republica c. X). Отсюда уже весьма понятно, почему Платонъ вложилъ въ уста Тимэя свою доктрину, въ которой такъ много пиѳагорейскихъ элементовъ.—*Критій*, который, кромѣ Тимэя и діалога своего имени, выводится Платономъ еще въ „Хармидѣ", былъ, какъ повѣствуетъ біографъ его Флавій Филостратъ (современникъ Септимія Севера, другъ и собесѣдникъ супруги его Юліи Домны, ученый софистъ), аѳинянинъ, сынъ Каллесхра и правнукъ Дропида, который былъ большимъ другомъ, или какъ утверждаетъ Проклъ, даже близкимъ родственникомъ мудреца Солона. У Каллесхра былъ еще братъ Главконъ, отъ котораго произошла Периктіона—мать Платона. Критій значитъ, приходился дядей Платону. Критій получилъ блестящее образованіе,

наканунѣ угощалъ философскою трактаціей—именно изображеніемъ идеала совершеннѣйшаго государства (какъ онъ начертанъ въ „Республикѣ") о данномъ ими вчера обѣщаніи отплатить ему такимъ же философскимъ угощеніемъ, то есть изложеніемъ своихъ собственныхъ мнѣній, воззрѣній по вопросамъ, болѣе или менѣе близко соприкасающимся съ матеріями, которыя онъ самъ развивалъ наканунѣ. Названные высоко-ученые мужи, конечно, и безъ этого напоминанія хорошо помнили о своемъ обѣщаніи, и еще свечера сговорившись, рѣшили не только то, какое каждый изъ нихъ угощеніе будетъ отъ своего лица предлагать Сократу, но и то, въ какомъ порядкѣ они будутъ подносить его. Однакожъ, по связи перваго завязавшагося разговора съ дорогимъ гостемъ пришлось начать рѣчь повидимому совсѣмъ

долгое время былъ въ числѣ учениковъ Сократа, и получилъ извѣстность съ одной стороны какъ философъ и поэтъ-литераторъ, пробовавшій свои силы почти во всѣхъ родахъ литературы (но сохранились отъ него лишь незначительные отрывки), а съ другой какъ ораторъ и сильный государственный человѣкъ, получившій печальную извѣстность худшаго изъ 30-ти тиранновъ. По свидѣтельству Ксенофонта (Ἑλλην. II. 4, 19) и Діодора сицилійскаго, онъ палъ въ битвѣ съ Тразибуломъ 403 г. до Р. Х. Еще болѣе понятно, почему Платонъ вложилъ въ уста Критія—потомка Солона сказаніе объ Атлантидѣ и древнѣйшихъ временахъ аѳинскаго государства,—сказаніе, задуманное, но не написанное самимъ Солономъ.—Третій собесѣдникъ *Гермократъ*—сиракузянинъ, сынъ Гермона, былъ сиракузскимъ стратегомъ во время пелопонесскихъ войнъ, и въ этомъ отношеніи съ большою похвалою отзываются о немъ Ѳукидидъ (IV. 58; VI. 72) и Ксенофонтъ (Ἑλλ. I. 1, 27). Былъ ли это тотъ самый Гермократъ, о которомъ Ксенофонтъ упоминаетъ какъ объ ученикѣ Сократа (Ὑπομνημ. 1. 2, 48),—нельзя сказать утвердительно. Что касается наконецъ четвертаго, не названнаго и не явившагося на словесный пиръ собесѣдника, то въ немъ обыкновенно предполагаютъ самаго Платона. Но изъ того, что всѣ эти имена суть имена извѣстныхъ историческихъ лицъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что вложенный въ уста ихъ діалогъ, и въ самомъ дѣлѣ происходилъ между ними: когда Платонъ писалъ своего Тимэя, не было уже въ живыхъ ни одного изъ участниковъ представленнаго въ Тимэѣ „словеснаго пира",—ни Критія, ни Гермократа, даже самъ „архитеклинъ пира"—Сократъ давно уже лежалъ въ могилѣ.

не тому, кто, по плану, долженъ былъ начинать. Всѣ находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ разсужденій Сократа о государствѣ, самъ же Сократъ, конечно, болѣе всѣхъ. Завязалась бесѣда на вчерашнія темы. Начертавъ снова вкратцѣ завѣтный идеалъ своего совершеннаго государства, Сократъ, какъ и наканунѣ, со всею силою поставилъ вопросъ: осуществимъ-ли этотъ идеалъ, осуществлялся ли, осуществится ли онъ гдѣ либо и когда либо какимъ нибудь изъ народовъ земнаго шара? И этотъ вопросъ натурально согрѣтъ былъ у Сократа пламеннымъ желаніемъ получить откуда нибудь отвѣтъ, притомъ положительный отвѣтъ. Тутъ Гермократъ съ радостію заявляетъ Сократу, что его недоумѣнный вопросъ можетъ разрѣшить, его пламенное желаніе можетъ исполнить собесѣдникъ Критій, разсказавъ извѣстное ему древнее преданіе о народѣ и государствѣ, очень подходящемъ къ этому идеалу. Обрадованный Сократъ проситъ Критія сей часъ же разсказать это преданіе, и Критій, съ согласія всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ, перенесши мысль ихъ въ даль глубокой древности— на цѣлыя 9.000 лѣтъ назадъ, повѣствуетъ съ одной стороны о колоссальномъ, давно исчезнувшемъ, островѣ Атлантидѣ, объ исполинскихъ государствахъ его, заключившихъ между собою военно-наступательный союзъ съ цѣлію покоренія всѣхъ народовъ, а съ другой объ аѳинскомъ государствѣ того времени, имѣвшемъ учрежденія точь-въ точь такія, о какихъ мечталъ Сократъ, и о гражданахъ этого государства, которые съ ничтожными силами вступивъ въ борьбу съ царями Атлантиды и сокрушивъ ихъ силы, отстояли не только свою собственную свободу, но и многихъ другихъ народовъ, и которые слѣдовательно по своимъ гражданскимъ и воинскимъ доблестямъ были какъ-разъ такими, какихъ желалъ для своего идеальнаго государства Сократъ. Сократъ, разумѣется, пришелъ въ неописанный восторгъ отъ этого повѣствованія. Тутъ только любезные хозяева вспомнили, что не таковъ былъ ихъ планъ угощенія, что Критію лучше отложить на

послѣ подробный разсказъ о судьбахъ древней Атлантиды и о подвигахъ древнихъ аѳинянъ, а вмѣсто его философу Тимэю слѣдуетъ первому держать рѣчь о вещахъ еще болѣе древнихъ, чѣмъ эти,—о началѣ вселенной, о происхожденіи всѣхъ существъ, ею объемлемыхъ, и рода человѣческаго въ особенности, чтобы, такъ сказать, выготовить почву для народовъ и событій, о которыхъ потомъ придется повѣствовать Критію.

Итакъ, Тимэй испросивши у боговъ помощь на слово о столь трудномъ предметѣ, какъ происхожденіе и устройство вселенной, начинаетъ и ведетъ его уже не въ формѣ діалога съ участіемъ другихъ собесѣдниковъ, а самолично въ формѣ послѣдовательнаго, систематическаго разсужденія. Для убѣжденія въ томъ, что вселенная представляетъ собою не вѣчное, самосущее, а происшедшее созданное бытіе, Тимэй находитъ необходимымъ сдѣлать строгое разграниченіе между тѣмъ, что есть вѣчно—сущее, но никогда не происходящее, и тѣмъ, что есть постоянно происходящее, но никогда не сущее. Первое есть всегда тождественное, неизмѣнное, познаваемое разумомъ въ формѣ идей, а послѣднее, есть постоянно измѣняющееся и познаваемое посредствомъ внѣшнихъ чувствъ въ формѣ мнѣній или представленій. Что вселенная представляетъ собою бытіе этого послѣдняго порядка, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; она извѣстна намъ изъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ нея внѣшними чувствами, она—есть тѣлесная, въ ней постоянно имѣетъ мѣсто измѣненіе, происхожденіе. Но все происходящее непремѣнно предполагаетъ причину, его производящую. Значитъ, и вселенная имѣетъ такую причину, имѣетъ своего Творца. Поелику же она вмѣстѣ съ тѣмъ такъ прекрасна, что другой какой либо лучшей, чѣмъ она, мы и вообразить не можемъ, то это значитъ, что при созданіи и устройствѣ ея Творецъ сообразовался съ совершеннѣйшимъ образцемъ бытія вѣчнаго, единаго, тождественнаго, неизмѣннаго. (p. 27—29).

Создалъ же Онъ вселенную единственно по благости своей, въ силу которой восхотѣлъ не только, чтобъ все получило бытіе, но и чтобъ все было насколько возможно подобнымъ Ему всеблагому. Общій порядокъ созданія былъ таковъ: прежде всего Творецъ привелъ въ строго-причинное закономѣрное взаимодѣйствіе вещественные элементы и разсудивъ, что неразумное гораздо несовершеннѣе, чѣмъ разумное, и что разумнымъ ничто не можетъ быть безъ души, вложилъ въ тѣлесные элементы прежде всего душу, а потомъ въ душу—разумъ, такъ что вселенная явилась, какъ существо тѣлесное, но одушевленное и разумное (p. 29—30 B). Что же касается образца, по которому создана была вселенная, то имъ, какъ сказано уже, было бытіе единое, вѣчное, неизмѣнное или то единое вѣчное живое существо, которое объемлетъ въ себѣ (въ идеѣ или въ потенціи) всю безъ остатка совокупность живыхъ существъ и вещей точно также, какъ вселенная содержитъ въ себѣ всѣ и всякія живыя существа и вещи (въ дѣйствительности). Происшедшая вселенная, поэтому, есть единая и единственная также, какъ и ея вѣчный первообразъ (p. 30—31 B).

Частнѣе, вселенная могла произойти не иначе, какъ воплотившись, ставъ тѣлесною и вмѣстѣ съ тѣмъ видимою, вообще ощутимою. Но какъ видимымъ ничто не можетъ быть безъ огня, такъ ощутимымъ ничто не можетъ быть, не будучи твердымъ—тѣлеснымъ, тѣлеснымъ же ничто не можетъ быть безъ земли. Вотъ изъ этихъ-то двухъ тѣлъ—изъ огня и земли главнымъ образомъ и создалъ Богъ тѣло вселенной. Но двѣ вещи могутъ быть надлежаще соединены не иначе, какъ посредствомъ третьей, которая служила бы связію между ними. Самая лучшая связь, конечно, есть та, которая связываетъ двѣ вещи въ одно нераздѣльное цѣлое. А такова есть пропорція, потому что когда изъ трехъ членовъ ея средній точно также относится къ послѣднему, какъ первый къ среднему и наоборотъ, то это значитъ, что всѣ они вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Когда требует-

ся соединить (въ пропорціи) двѣ плоскости, то довольно оказывается и одного средне-пропорціональнаго члена, но для соединенія двухъ массъ мало одного, а нужно два среднихъ члена. Поэтому-то Богъ при образованіи міра помѣстилъ между огнемъ и землею, въ качествѣ среднихъ членовъ, воду и воздухъ, и тогда конечно всѣ эти четыре тѣла составили изъ себя одно нераздѣльное пропорціональное цѣлое, потому что въ немъ какъ огонь относится къ воздуху, такъ воздухъ относится къ водѣ, и вода такъ относится къ землѣ, какъ воздухъ къ водѣ и т. д. Массы всѣхъ этихъ четырехъ тѣлъ употреблены были на тѣло вселенной безъ остатка, и вслѣдствіе этого она есть существо, съ одной стороны все содержащее и значитъ самодовлѣющее, а съ другой самозамкнутое, не доступное никакимъ приraженіямъ и воздѣйствіямъ отвнѣ и, значитъ, неразрушимое. Кромѣ того, всеобъемлющей и самозамкнутой вселенной Творецъ далъ и форму всеобъемлющую, самую совершенную—форму шара, и движеніе самое близкое къ самозамкнутому движенію разума, то есть, круговое движеніе около самой себя, и душу, которая и внутри ее вездѣ проникаетъ и отвнѣ повсюду ее обнимаетъ (р. 31—34 с.). Впрочемъ душу вселенной Богъ создалъ не послѣ тѣла, а прежде слѣдующимъ образомъ: изъ двухъ видовъ бытія—бытія тождественнаго, неизмѣннаго, недѣлимаго и бытія инаго, измѣнчиваго, дѣлимаго образовавши еще третій видъ нѣкоего средняго между ними бытія, Онъ всѣ эти три вида смѣшалъ въ одну общую массу, которую потомъ раздѣлилъ на части и расположилъ эти части, сообразуясь съ законами не только математическими, но и гармоническими. Всю плеяду этихъ частей онъ раздѣлилъ на двѣ половины или схемы, которыя соединилъ накрестъ въ видѣ буквы хи—Х и обѣимъ сообщилъ круговое движеніе, но не одинаковое, именно—одной—движеніе тождественное, неизмѣнное, то есть движеніе только вокругъ себя самой безъ перемѣны мѣста—направо (отъ востока къ западу), другой—движеніе измѣнчивое—съ перемѣною мѣста

въ противоположномъ направленіи, такъ что онѣ стали описывать два встрѣчающіеся другъ съ другомъ круга,—одна кругъ внѣшній (кругъ звѣздъ неподвижныхъ) единый, нераздѣльный, а другая—кругъ внутренній (кругъ эклиптики), раздѣленный на семь неравныхъ частей или круговъ (описываемыхъ движеніемъ семи планетъ). Получивши же созданную такимъ образомъ душу, вселенная стала не только одушевленнымъ живымъ существомъ, но и разумнымъ существомъ, поелику душа міра непрерывно совершая два названныхъ кругообращенія въ каждый данный моментъ, чувствуетъ, мыслитъ и знаетъ все, что есть и что происходитъ въ предѣлахъ того и другаго круга. Но всеблагій Создатель и на этомъ не останавливается, но, чтобы сдѣлать вселенную еще болѣе похожею на свой вѣчный первообразъ, сообщаетъ ей нѣкое, такъ сказать, текучее подобіе вѣчности во времени, для появленія котораго созданнымъ семи планетамъ повелѣваетъ вращаться вокругъ земли съ неодинаковою скоростію и не по одному направленію, и для того, чтобъ разныя скорости ихъ могли служить къ измѣренію времени путемъ наблюденія и вычисленія, возжегъ во второмъ отъ земли небесномъ тѣлѣ—въ солнцѣ свѣтъ, который освѣщаетъ всю поднебесную и даетъ возможность посредствомъ сравненія движенія солнца съ движеніемъ остальныхъ планетъ, а также съ вращеніемъ круга звѣздъ неподвижныхъ исчислять съ точностію время—по днямъ, мѣсяцамъ, годамъ и тѣмъ большимъ періодамъ, которые извѣстны подъ именемъ великаго года (р. 36—39 Е).

Но вселенная все еще не представляла полнаго сходства съ своимъ первообразомъ, поелику въ ней не было еще всѣхъ (4-хъ) порядковъ живыхъ существъ, которыя поэтому вслѣдъ затѣмъ и были созданы Богомъ. Впрочемъ, первый порядокъ существъ божественныхъ въ строгомъ смыслѣ слова созданъ былъ Имъ уже вмѣстѣ съ созданіемъ времени. Тѣла для нихъ Онъ устроилъ почти исключительно изъ огня—сіяющія блескомъ и при томъ круглыя. Помѣщенныя

въ эти тѣла божественныя существа суть звѣзды, изъ которыхъ однимъ (неподвижнымъ) Богъ повелѣлъ вращаться въ кругѣ тождественнаго и служить блестящимъ украшеніемъ неба, другимъ (планетамъ) въ кругѣ иного, измѣнчиваго, между тѣмъ какъ старѣйшее изъ всѣхъ божествъ—землю, кормилицу нашу Онъ утвердилъ неподвижно на ея оси для того, чтобъ она была на вѣки блюстительницею дней и ночей. Всѣ эти видимыя на небосклонѣ божественныя существа суть вѣчныя, не только по душѣ, но и по тѣлу, впрочемъ вѣчныя не столько по своей природѣ, сколько по волѣ своего вѣчнаго Создателя, который настолько благъ, что въ Немъ никогда не можетъ возникнуть не благое хотѣніе снова обратить въ ничто тѣ свои прекрасныя созданія, въ которыя положено Имъ столь много благости и премудрости. Всѣмъ же остальнымъ существамъ надлежало быть вѣчными или безсмертными только по душѣ, но не по тѣлу, а потому вѣчный Творецъ, изъ рукъ котораго можетъ выходить только безсмертное, отклонилъ отъ себя созданіе тѣлъ для нихъ, и создалъ только ихъ безсмертныя души—создалъ изъ тогоже смѣшеннаго состава, что и всеобщую міровую душу, и отдѣльныя души звѣздныхъ вѣчныхъ божествъ, но только изъ состава менѣе совершеннаго. Этимъ душамъ, тотчасъ послѣ созданія, Богъ объявляетъ свой непреложный законъ правды, ставящій всю судьбу каждой изъ нихъ въ полную зависимость отъ ея воли, отъ ея жизнедѣятельности: всѣ онѣ созданы по природѣ одинаковыми, но тѣ изъ нихъ, которыя восхотятъ, могутъ стать еще болѣе совершенными, а которыя не захотятъ, тѣхъ повлечетъ злая воля не вверхъ, а внизъ, и увлечетъ однихъ далеко, другихъ дальше, третьихъ еще дальше, и такъ какъ со степенью паденія ихъ будутъ сообразованы и тѣла, въ которыхъ имъ придется воплощаться и жить, то онѣ eo ipso составятъ изъ себя остальные три нижечеловѣческіе порядка живыхъ существъ. Послѣ этого Творецъ, подобно сѣятелю, разсѣвающему сѣмена по вспаханной нивѣ,

распредѣлилъ равномѣрно весь безчисленный сонмъ созданныхъ душъ между звѣздами и планетами и, возложивъ созданіе для нихъ тѣлъ и всю заботу о дальнѣйшей судьбѣ ихъ на усмотрѣніе низшихъ божествъ, самъ почилъ отъ дѣлъ своихъ. Тогда божественные сыны, подражая творческой дѣятельности своего Отца, создали для нихъ тѣла, но конечно, не такія совершенныя, какими сами надѣлены были, именно тѣла, нуждающіяся въ непрерывномъ обмѣнѣ своихъ внутреннихъ устарѣвающихъ элементовъ на новые, внѣшніе и открытыя для всяческихъ внѣшнихъ вліяній, воздѣйствій, приражекій. Связанная съ такимъ тѣломъ душа натурально не сразу и не скоро научается справляться съ этимъ непрерывнымъ приливомъ и отливомъ впечатлѣній, и въ особенности въ первое время послѣ воплощенія она бываетъ какъ бы ошеломленною и совсѣмъ лишенною яснаго сознанія, разума. Впрочемъ, и въ этомъ тѣлѣ есть часть болѣе совершенная и притомъ круглымъ видомъ своимъ похожая на тѣло вселенной. Это—вершина всего тѣла—голова. Здѣсь-то, въ головѣ боги заключили оба божественныя кругообращенія (тождественнаго или разумнаго и иного или чувственнаго) и подчинили ей всѣ остальныя части тѣла, какъ госпожѣ. На передней сторонѣ головы они помѣстили лице и органы чувствъ, которыми душа пользуется какъ подслужными орудіями въ своемъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ. Изъ этихъ чувствъ важнѣйшее есть зрѣніе, такъ какъ посредствомъ его душа можетъ видѣть и познавать божественныя неизмѣнно-правильныя кругообращенія вселенной и значитъ обладать философіей—даромъ, выше котораго ничто не было и не будетъ дано богами роду смертныхъ. Тойже цѣли служитъ и чувство слуха, воспріятію котораго подлежатъ звуки съ одной стороны какъ элементы слова, языка, съ другой какъ элементы музыкальной гармоніи (р. 40—47 Е).

Причины, которыя доселѣ участвовали въ образованіи вселенной, суть причины, имѣющія свой источникъ въ раз-

умѣ и, какъ разумныя,—суть первыя причины. Но кромѣ этихъ причинъ должны быть приняты во вниманіе при изъясненіи вселенной и причины вторыя, имѣющія свой источникъ въ лишенной разума необходимости, причины слѣпо дѣйствующія, физическія. Нѣкоторые даже однѣми этими причинами ограничиваются при изъясненіи вселенной въ томъ предположеніи, что чувственныя вещи суть единственныя, которыя имѣютъ дѣйствительное существованіе и что вещи мыслимыя, такъ какъ мы ихъ не видимъ глазами ни на небѣ ни на землѣ, суть одни пустыя слова. Конечно, это было бы такъ, если бы разумъ составлялъ одно съ чувственностію и былъ простымъ ея продуктомъ или придаткомъ. Но такъ какъ этого нѣтъ, такъ какъ напротивъ разумъ по отношенію къ чувственности есть нѣчто высшее, первѣйшее, то въ такомъ же отношеніи должны быть и къ вещамъ, постигаемымъ разумомъ, къ его вѣчнымъ, неизмѣннымъ идеямъ, вещи чувственныя, уразумѣваемыя въ формѣ измѣнчивыхъ мнѣній при посредствѣ чувствъ, такъ что эти послѣднія не только не суть единственно существующія, но напротивъ лишь въ той мѣрѣ существуютъ, въ какой онѣ причастны бытію тѣхъ самосущихъ вещей, или въ какой мѣрѣ идеальная причинность разума обосновываетъ ихъ физическую причинность. Итакъ, нужно различать слѣдующія три вещи, какъ начала образованія вселенной, во 1-хъ разумъ съ его идеями, какъ вѣчное, неизмѣнное, сверхчувственное самосредоточенное бытіе, какъ первообразный творческій раждательный принципъ всякаго происхожденія, во 2-хъ движимое и образуемое этимъ принципомъ бытіе чувственное, постоянно бывающее происходящее, но никогда не сущее, безпрестанно измѣняющееся текущее и никогда въ себѣ самомъ не задерживающееся, и въ 3-хъ матерь или матерію—вѣкую совершенно безформенную, неопредѣленную чисто-потенціальную вѣчно движущуюся, вѣчно волнующуюся сущность, въ лонѣ которой творческій принципъ полагаетъ сѣмена чувственнаго бытія,—простран-

ство или мѣсто, въ которомъ видимыя вещи не переставая предъ нашими глазами то появляются, то исчезаютъ, но которое само недоступно нашимъ чувствамъ и постигается только разумомъ, хотя, правда, нѣкіимъ совсѣмъ нелогичнымъ путемъ, которое и само нѣкіимъ непостижимымъ образомъ участвуетъ въ разумѣ, принимая въ себя постоянно отпечатки его. Итакъ, матерія или мѣсто вещей—вотъ то неразложимое уже мыслію послѣднее или первое, которое противостояло творческому принципу разума, какъ источнику разумной причинности, въ качествѣ матери или лона причинности неразумной, физической. Что же касается такъ называемыхъ четырехъ стихій—огня, земли, воздуха и воды, то прежніе философы совершенно неосновательно принимали то ту, то другую изъ нихъ за нѣчто первое само по себѣ достовѣрное и изъ нея изъясняли всю вселенную, потому что каждая изъ нихъ, какъ говоритъ опытъ, ни одной минуты не бываетъ сама собой, но непрерывно переходитъ въ каждую изъ остальныхъ, такъ что строго говоря ни одна изъ нихъ не заслуживаетъ своего особаго наименованія, но каждая изъ нихъ какъ можетъ быть принимаема за каждую изъ остальныхъ, такъ и называема быть можетъ именемъ каждой изъ нихъ. Если же это такъ, то понятно, что послѣднимъ, не подлежащимъ дальнѣйшему изъясненію принципомъ чувственныхъ вещей можетъ быть не какая либо изъ этихъ стихій, а только та сущность, въ которой напротивъ всѣ онѣ сами то появляются, то исчезаютъ,—матерія, которая воспринимая формы каждой изъ нихъ, воспринимая вообще формы всѣхъ и всяческихъ вещей, сама въ себѣ всегда остается чуждою всякой формы, неизмѣнною. Конечно, второе, что слѣдуетъ въ порядкѣ сейчасъ за матеріей, суть именно эти четыре стихіи, но только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который обыкновенно соединяется съ ихъ названіями. Стихіи эти на самомъ дѣлѣ суть вовсе не στοιχεῖα, вовсе не такіе первичные неразложимые элементы, какъ буквы въ словахъ, не содержащія каждая

въ отдѣльности никакого смысла, напротивъ—онѣ уже суть буквы толково соединенныя, суть полныя смысла слова—первыя положенія разума въ лонѣ чувственности или матеріи, первые шаги разумной причинности на почвѣ причинности физической (р. 47—53).

Въ самомъ дѣлѣ, что огонь, земля, воздухъ и вода суть тѣла, этого никто оспаривать не можетъ. Но тѣло, каково бы оно ни было, всегда ограничено бываетъ извѣстнымъ количествомъ плоскостей, а каждая плоскость въ свою очередь слагается изъ болѣе простыхъ геометрическихъ элементовъ, именно изъ треугольниковъ. А это значитъ, что каждое изъ поименованныхъ четырехъ тѣлъ есть вовсе не первоэлементъ, а нѣчто составленное изъ частей, притомъ составленное сообразно съ строгими математическими и геометрическими законами, слѣдовательно нѣчто сколько реальное, физически-необходимое, столько же и даже болѣе идеальное, напередъ обдуманное, разумное. Вопросъ только въ томъ, какую геометрическую форму имѣетъ каждое изъ этихъ тѣлъ и изъ какихъ первоэлементовъ состоитъ. Изъ этихъ тѣлъ самое легкое, тонкое, острое, удобоподвижное, конечно, есть огонь; изъ геометрическихъ фигуръ, значитъ, больше всего подходитъ къ нему пирамида. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ слѣдующее за огнемъ мѣсто принадлежитъ воздуху, третье—водѣ и четвертое землѣ. На этомъ основаніи геометрической формой воздуха можно считать октаэдръ, формой воды—икосаэдръ, а формой земли—кубъ. При соединеніи же всѣхъ этихъ тѣлъ въ одно цѣлостное тѣло вселенной прототипомъ служила пятая геометрическаи фигура додекаэдра. Очертанія всѣхъ трехъ первыхъ поименованныхъ тѣлъ—огня, воздуха и воды произошли изъ одного общаго первоэлемента, именно изъ неравносторонняго прямоугольнаго треугольника, кубическое же тѣло земли составлено изъ плоскостей, первоэлементомъ которыхъ былъ иной, именно равнобедренный треугольникъ. Этою разницею первоэлемента обусловливается какъ взаимное отношеніе

четырехъ тѣлъ, такъ и переходъ каждаго изъ нихъ въ каждое другое. Такъ, тѣло земли, происшедшее изъ особаго первоэлемента, хотя можетъ быть на время разрѣшено какимъ нибудь изъ остальныхъ тѣлъ, но совсѣмъ превратиться въ него никогда не можетъ; частицы ея, послѣ соединенія, всегда снова становятся землею. Напротивъ, огонь, воздухъ и вода, такъ какъ они произошли изъ одного общаго первоэлемента, могутъ переходить и на самомъ дѣлѣ переходятъ другъ въ друга всякій разъ, когда тѣло слабѣйшее изъ нихъ встрѣчается съ сильнѣйшимъ, потому что тогда это послѣднее необходимо всегда осиливаетъ его, разрѣшаетъ и превращаетъ въ свой видъ. Съ переходомъ же или превращеніемъ тѣлъ другъ въ друга необходимо связывается и перемѣщеніе ихъ, которое обусловливается расположеніемъ ихъ главныхъ массъ: къ тѣмъ четыремъ мѣстамъ или сферамъ, гдѣ собраны главныя массы каждаго изъ четырехъ тѣлъ, натурально тяготѣютъ и устремляются вновь тѣ части каждаго изъ тѣлъ, которыя почему либо отъ нихъ отдѣлились и попали въ чуждыя несродныя сферы. Но болѣе общая причина перемѣщенія или передвиженія тѣлесныхъ, равно какъ и противоположнаго этому состоянія, то есть, покоя лежитъ въ разнородности и неравномѣрности ихъ составныхъ элементовъ, которая обусловливаетъ ихъ движеніе, и въ однородности и равномѣрности, которая обусловливаетъ ихъ покой. Причина же непрерывности движенія элементовъ заключается въ круговомъ вращеніи вселенной, которое постоянно заставляетъ ихъ собираться, группироваться около центровъ и не позволяетъ, чтобъ мѣста, оставленныя одними изъ нихъ были хоть на мгновеніе не заняты другими. Въ силу этой причины массы четырехъ тѣлъ постоянно встрѣчаются другъ съ другомъ, сталкиваются, разрѣшаютъ другъ друга; въ особенности же всюду проникаетъ и все разрѣшаетъ рѣжущею остротою своихъ угловъ огонь, послѣ огня воздухъ и т. д.; но послѣ разрѣшенія разрѣшенные элементы вступаютъ въ новыя соеди-

ненія, которыя опять движутся, сталкиваются, разрѣшаются и такимъ образомъ поддерживается непрерывное движеніе всѣхъ элементовъ, болѣе усиленное въ однихъ пунктахъ вселенной, менѣе усиленное въ другихъ, но движеніе всеобщее, повсемѣстное. Смотря по тому, въ какой степени интенсивно бываетъ движеніе массы того или другаго тѣла, зависящее отъ большей или меньшей разрѣженности или плотности его составныхъ элементовъ, и сами тѣла принимаютъ тотъ или иной видъ. Такъ, огонь является въ одно время какъ пламя и жаръ, въ другое какъ легкая теплота и мягкій свѣтъ; воздухъ въ одномъ мѣстѣ разрѣжается въ эѳиръ, въ другомъ сгущается въ туманъ и въ облака. Вода бываетъ или сама по себѣ текучая, льющаяся, какъ напр. обыкновенная вода рѣкъ, соки разныхъ растеній—вино, елей и др., или способная течь только послѣ расплавленія,—плавкая, какую мы видимъ въ разныхъ расплавленныхъ металлахъ; но и перваго рода вода, смотря по степени плотности, принимаетъ различные виды и бываетъ или инеемъ и снѣгомъ, или градомъ и льдомъ. Точно также и земля хотя сама не превращается ни въ какой изъ остальныхъ элементовъ, но подвергаясь въ различной степени дѣйствію того или другаго изъ нихъ, принимаетъ различныя степени плотности и вмѣстѣ съ тѣмъ различные виды,—какъ то горшечной глины, разныхъ камней, солей, горючихъ веществъ и др. (р. 53—61 С).

Но кромѣ наружнаго вида, постоянно измѣняющагося, кромѣ механическаго движенія, никогда не останавливающагося, тѣла имѣютъ еще и нѣкоторыя болѣе внутреннія свойства—тѣ свойства, съ которыми они являются въ ощущеніяхъ нашей души, но которыя послѣдній источникъ свой имѣютъ опять-таки въ вышепоказанныхъ особенностяхъ геометрическаго состава ихъ. Такъ, что касается прежде всего свойствъ, извѣстныхъ намъ изъ ощущеній, общихъ всему нашему тѣлу, то *жаръ* напримѣръ, очевидно, имѣетъ свой источникъ въ острой, рѣжущей, все разрѣшающей

формѣ огня, а *холодъ* напротивъ—въ водѣ, имѣющей способность не только поглощать въ себя, побѣждать и тушить огонь, но и изгонять изъ себя теплыя части воздуха посредствомъ сгущенія и сплоченія. *Мягкое* есть то, что имѣя основаніями малыя плоскости, легко уступаетъ нашему тѣлу, какъ напр. воздухъ, вода, а *твердое* есть то, что имѣя болѣе устойчивыя четырехстороннія основанія, не уступаетъ давленію нашего тѣла, а напротивъ заставляетъ его уступать себѣ, каковы напр. разные виды земли. *Шероховатое* или жесткое обусловливается твердостію элементовъ тѣла въ связи съ ихъ неравномѣрностію, а *гладкое*—плотностію ихъ въ связи съ равномѣрностію. *Легкое* и *тяжелое* имѣетъ свою причину въ томъ положеніи, которое въ данный моментъ каждое изъ четырехъ тѣлъ занимаетъ въ отношеніи къ мѣсту главной своей массы и находится вверху, или внизу ея: каждое тѣло въ сферѣ своей массы бываетъ легкимъ, а увлекаемое въ сферу чуждой массы, становится тяжелымъ. *Непріятное* ощущеніе боли вызываетъ все то, что слишкомъ быстро и насильственно выводитъ наше тѣло изъ обычнаго состоянія, а *пріятное* все то, что снова приводитъ его въ нормальное состояніе; впечатлѣнія же, которыя вторгаются съ постепенностію и легкостію, хотя вызываютъ въ насъ соотвѣтственныя ощущенія и даже сознательныя, но не сопровождаются ни удовольствіемъ, ни страданіемъ. Что же касается впечатлѣній, сопровождающихся соотвѣтственными ощущеніями только въ извѣстныхъ органахъ нашего тѣла, то различные виды *вкуса*—остраго, терпкаго, кислаго, горькаго, сладкаго и др. имѣютъ свою причину въ различномъ составѣ веществъ, поступающихъ въ полость рта и растворяемыхъ его влагами. Такъ, одни вещества, (какъ напр. щелочи) попавъ въ ротъ, вызываютъ въ немъ слишкомъ обильное истеченіе слюны и даютъ ощущеніе горечи, другія напротивъ (какъ напр. спиртныя вещества) и сами воспламеняются и полость рта воспламеняютъ и сопровождаются острымъ, жгучимъ ощущеніемъ, третьи лишь

умѣренно сжимаютъ сосудцы вкуса и даютъ ощущеніе кислаго, терпкаго и т. под. Ощущенія *запаха* доставляетъ каждое изъ четырехъ тѣлъ не само по себѣ—по своей природѣ—но напротивъ только тогда, когда находится въ состояніи противномъ его природѣ,—именно въ то время, когда оно, бывъ разрѣшено на мелкія частицы, находится на пути превращенія въ другое какое либо тѣло (когда напр. землянистое вещество находится въ процессѣ горѣнія, или когда какая нибудь жидкость испаряясь превращается въ воздухъ, или воздухъ сгущаясь переходитъ въ жидкость); эти частицы, носящіяся въ воздухѣ и вмѣстѣ съ нимъ попадающія въ ноздри, и суть собственно то, что даетъ ощущенія запаха, которыя бываютъ или непріятны, когда быстро и насильственно выводятъ органъ обонянія изъ его нормальнаго состоянія, или, пріятны, когда снова возвращаютъ его въ прежнее состояніе.—Точно также и *звукъ* не есть специфическая особенность какого либо одного изъ четырехъ тѣлъ, а есть движеніе, которое можетъ получить начало въ каждомъ изъ нихъ безразлично, но которое, смотря по силѣ перваго толчка, съ большею или меньшею интенсивностію и быстротою распространяется въ воздухѣ, пока не дойдетъ до ушей, а отсюда чрезъ мозгъ и кровь—до самой души, гдѣ оно становится уже движеніемъ внутреннимъ, психическимъ—ощущеніемъ звука. Само собою понятно, что различіе этихъ внутреннихъ-психическихъ движеній зависитъ отъ силы и характера тѣхъ внѣшнихъ физическихъ движеній.—Напротивъ *цвѣтъ* вещей имѣетъ своимъ источникомъ исключительно огонь—съ одной стороны внутренній огонь, истекающій изъ нашего тѣла сквозь глаза, а съ другой внѣшній, истекающій отъ внѣшнихъ предметовъ. Тотъ и другой свѣтъ, встрѣчаясь и по причинѣ своего тождества сливаясь, образуетъ изъ себя впереди глаза нѣкое особое свѣтящееся тѣло, въ которомъ мы видимъ не только очертанія, форму того предмета, лучи котораго поступили сюда, но и тотъ или иной цвѣтъ его.

Различіе же цвѣтовъ зависитъ отъ степени плотности или тонкости элементовъ внѣшняго огня въ сравненіи съ нашимъ внутреннимъ: внѣшній огонь гораздо большей плотности всегда сжимаетъ или сокращаетъ нашъ внутренній—зрительный огонь и потому даетъ ощущеніе чернаго цвѣта, а огонь внѣшній меньшей плотности, бо̀льшей тонкости раздѣляетъ и расширяетъ нашъ внутренній огонь и даетъ ощущеніе бѣлаго цвѣта; всѣ же остальные цвѣта представляютъ собою только разныя комбинаціи этихъ двухъ основныхъ цвѣтовъ съ преобладаніемъ въ извѣстной степени или того или другаго изъ нихъ,—комбинаціи, которыя перевести на точныя математическія пропорціи никому еще не удалось, да, вѣроятно, и никогда никому не удастся (p. 61—68 D).

Вотъ тѣ необходимыя или физическія причины, которыя тоже должны непремѣнно быть приняты въ разсчетъ при изъясненіи міра. Но эти причины, какъ сказано, суть не только не единственныя, какъ нѣкоторые полагаютъ, но даже не первыя и не главныя, а вторыя и подчиненныя. Такъ какъ онѣ сами по себѣ совершенно равнодушны, безразличны къ своимъ дѣйствіямъ и слѣдствіямъ, то наблюдаемый въ мірѣ порядокъ, очевидно, не есть слѣдствіе ихъ случайнаго слѣпаго сплетенія, а напротивъ предполагаетъ предъ ними и надъ ними еще другую, высшую причинность, руководящуюся въ дѣйствованіи напередъ положенными цѣлями, идеями—причинность, источникъ которой лежитъ не въ слѣпой необходимости, а въ премудромъ божественномъ разумѣ Создателя міра. И если эта высшая, разумная, творческая причинность была, какъ показано, первенствующею, всеобусловливающею въ образованіи души міра, въ созданіи небесныхъ божествъ съ ихъ свѣтоносными тѣлами, а равно и всѣхъ остальныхъ безсмертныхъ душъ, то почти такая же роль принадлежала ей и въ образованіи всего остальнаго, что оказалось нужнымъ для этихъ душъ. Именно, получивъ отъ Творца божественное, безсмертное разумное

начало души, и помѣстивъ его въ головѣ, какъ бы акрополѣ, боги затѣмъ озаботились созданіемъ смертной (то есть, волящей и чувствующей) души и всѣхъ тѣхъ частей и органовъ, которые оказались нужными для ея различныхъ функцій. Такъ, шею они устроили въ качествѣ перешейка между безсмертною душою и смертною съ тѣмъ, чтобы послѣдняя какъ можно меньше причиняла безпокойствъ первой, и саму смертную душу раздѣливъ на двѣ части, лучшую изъ нихъ—(волящую) помѣстили поближе къ головѣ въ промежуткѣ между шеей и діафрагмой, а худшую (чувственную)—привязали, какъ дикаго, жаднаго звѣря, къ яслямъ, расположеннымъ въ низшей части грудной полости—отъ діафрагмы до пупа. *Сердце* они устроили въ качествѣ гауптвахты, откуда бы распоряженія разумной души, идущія изъ акрополя, разносились по всему тѣлу; *печень*—съ одной стороный въ качествѣ органа мантики, съ другой въ качествѣ зеркала, которое отражало бы въ себѣ какъ грозныя такъ и кроткія велѣнія разума, а *селезенку* въ качествѣ полотенца, которымъ бы вытиралось это зеркало всякій разъ, какъ загрязнится. Что касается далѣе другихъ частей тѣла, рукъ и ногъ, мозга, мяса и костей, мышцъ и связокъ, зубовъ, языка и губъ, разныхъ покрововъ тѣла—волосъ и ногтей и т. д., то всѣ онѣ представляютъ извѣстныя комбинаціи четырехъ вышепоказанныхъ физическихъ тѣлъ, которыя хотя сложены при участіи вышепоименованныхъ необходимыхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напередъ строго обдуманы разумомъ и премудро принаровлены къ пользамъ тѣла и цѣлямъ души. Самая низшая въ организмѣ система, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая необходимая для его жизни система пищеваренія представляетъ не менѣе премудрое устройство. Такъ, боги предвидя нашу неумѣренность въ пищѣ и питьѣ и желая предотвратить гибельныя послѣдствія ея, устроили, кромѣ пищепріемника и желудка, еще брюшную полость, въ которой положены кишки многими изгибами для того, чтобъ пища не уходила изъ нихъ

слишкомъ быстро и чтобъ это было помѣхою нашей ненасытности. Для того же, чтобъ питательныя вещества могли равномѣрно распредѣляться по всему тѣлу, они провели по всѣмъ частямъ и направленіямъ тѣла, наподобіе водопроводовъ въ саду, каналы—большія и малыя жилы, которыя разносятъ пищевыя вещества, по разрѣшеніи ихъ огнемъ, (въ новомъ видѣ крови и другихъ соковъ) изъ брюшной полости по всѣмъ угламъ и закоулкамъ тѣла. Такъ совершается питаніе тѣла путемъ непрестаннаго обмѣна веществъ земляныхъ и водяныхъ. А чтобъ сдѣлать возможнымъ такой же постоянный обмѣнъ и элементовъ воздуха и огня, боги устроили, наподобіе верши, дыхательную систему—глотку съ ея вѣтвями, дыхательное горло, легкія и все прочее, къ этой системѣ относящееся. Словомъ все наше тѣло, не смотря на свое относительное несовершенство, создано съ величайшею премудростію, и всѣми своими главными процессами, особенно же нѣкоторыми изъ нихъ, представляетъ даже близкую аналогію съ совершеннѣйшими круговращеніями вселенной. Таковы въ особенности процессы питанія, кровообращенія, дыханія (p. 68—81 C).

Но съ другой стороны тѣло наше, не смотря на премудрое устройство свое, не разсчитано на вѣчную и даже на очень долгую жизнь, а разсчитано лишь на такой довольно краткій періодъ, который боги нашли достаточнымъ для насъ. Но и этотъ короткій періодъ сокращается еще часто болѣзнями, проистекающими изъ разныхъ источниковъ. Всѣ болѣзни тѣла могутъ быть раздѣлены на три главные класса. Первый классъ болѣзней имѣетъ свое начало въ ненадлежащей соразмѣрности основныхъ, первичныхъ комбинацій четырехъ стихій, изъ которыхъ состоитъ наше тѣло, другими словами, въ разныхъ недостаткахъ темпераментовъ. Такъ напр. лихорадки происходятъ отъ излишка въ тѣлѣ огня. Второй классъ болѣзней имѣетъ свой источникъ или въ первоначальной или въ позднѣе вызванной чѣмъ нибудь неправильности такихъ вторичныхъ смѣшенныхъ комбина-

цій, какъ кровь, мозгъ, нервы, мясо, кости, и составляется изъ разныхъ видовъ чахлости, простирающейся на все тѣло, и изъ разныхъ болѣзней мѣстныхъ, поражающихъ ту или другую изъ этихъ комбинацій. Третій классъ болѣзней проистекаетъ вслѣдствіе порчи тѣхъ же второстепенныхъ комбинацій—крови и мяса и составляется изъ разныхъ пороковъ дыханія (колика, судороги), лимфы (золотуха, лишаи, катарры) и желчи (желтуха, опухоли, поносы). Вообще же здоровье или болѣзненность тѣла зависитъ отъ двухъ главныхъ условій. Пока тѣло воспринимаетъ въ себя и усвояетъ себѣ питательныхъ элементовъ больше, чѣмъ сколько ихъ теряетъ, дотолѣ оно здоровѣетъ и добрѣетъ, а какъ только начнетъ терять больше, нежели сколько получаетъ, чахнетъ и хилѣетъ. Пока треугольники элементовъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло, настолько прочны, что легко одолѣваютъ треугольники веществъ, поступающихъ внутрь его, до тѣхъ поръ оно обладаетъ крѣпостію, здоровьемъ, когда же треугольники его настолько ослабѣваютъ, что напротивъ сами разрѣшаются силою отвнѣ привходящихъ треугольниковъ, тогда оно становится немощнымъ, дряхлымъ. Наконецъ, когда теряютъ способность всякаго сопротивленія внѣшнимъ треугольникамъ даже связи, соединяющія воедино треугольники мозга, тогда отъ нихъ отрываются также и узы души,—и душа, освобожденная отъ тѣла столь естественнымъ постепеннымъ образомъ, улетаетъ, конечно, съ радостію, потому что сколько тяжела смерть неестественная, столь же легка, безболѣзненна и даже пріятна та смерть, которая приходитъ, какъ естественный конецъ немощной и болѣзненной старости. Чтоже касается болѣзней душевныхъ, то онѣ имѣютъ свой корень частію въ разныхъ болѣзняхъ тѣлесныхъ, а частію въ дурномъ воспитаніи. Въ первомъ случаѣ онѣ, конечно, не зависятъ отъ нашей воли, и первой заботой тутъ должно быть устраненіе тѣхъ пороковъ тѣла, отъ которыхъ онѣ происходятъ, въ послѣднемъ же случаѣ онѣ много зависятъ и отъ насъ самихъ, и въ нашей волѣ

лежить или дать имъ развиться до неизлечимости, или сдѣлать все возможное для ихъ уврачеванія. Какъ тѣло наше для своего здоровья требуетъ соотвѣтственнаго каждому органу питанія и упражненія, такъ и душа. Душа же наша состоитъ изъ трехъ различнаго качества и достоинства потенцій, и каждая изъ нихъ должна быть наполняема и питаема, осуществляема и развиваема лишь въ той мѣрѣ, въ какой она того заслуживаетъ. Самая низшая между ними есть потенція чувствующая и желающая, которая помѣщается въ низшей части грудной полости—около пупа. Она тоже требуетъ удовлетворенія и совсѣмъ забывать о ней значило бы подвергать опасности и ея здоровье и здоровье обѣихъ остальныхъ. Но съ другой стороны она необузданна и ненасытна какъ звѣрь, а потому чѣмъ меньше кто упитываетъ ее, чѣмъ больше обуздываетъ и смиряетъ, тѣмъ больше можетъ разсчитывать на душевное здоровье. Выше ея стоитъ потенція волящая, живущая въ верхней части груди. Но и она склонна къ чрезмѣрнымъ порывамъ, а потому и она должна быть сдерживаема въ должныхъ границахъ силою характера. Выше всѣхъ ихъ, конечно, стоитъ помѣщающаяся въ головѣ сила божественная, безсмертная, разумная, мыслящая, и кто питаетъ ее соотвѣтственною пищею, кто развиваетъ ее упражненіемъ болѣе чѣмъ обѣ остальныя и держитъ всегда эти послѣднія въ полномъ, безусловномъ подчиненіи ей, тотъ дѣлаетъ себя недоступнымъ ни для какихъ душевныхъ болѣзней, тотъ знаетъ только истинныя духовныя радости въ сей жизни и предуготовляетъ себѣ неизреченное блаженство въ жизни будущей.—Но кто напротивъ, оставляя въ пренебреженіи эту высшую сторону своего существа, удовлетворяетъ съ ущербомъ для нея и слишкомъ развиваетъ низшія, чувственныя стороны, тотъ и живя въ тѣлѣ не бываетъ блаженъ и по разлученіи съ тѣломъ не будетъ. Мало того, такъ какъ извѣстная мѣра совершенства есть задача, подлежащая выполненію всѣхъ безъ исключенія разумныхъ существъ, то

онъ долженъ будетъ снова принять для этой цѣли тѣло, притомъ тѣло, соотвѣтствующее тѣмъ особеннымъ свойствамъ и качествамъ, которыя онъ пріобрѣлъ во время прежней жизни. Такимъ-то путемъ и произошли всѣ тѣ земныя существа, которыя по своему совершенству въ той или иной степени стоятъ ниже человѣка—мущины. Именно прежде всего произошли женщины изъ тѣхъ мущинъ, которые въ прежней жизни, вмѣсто мужества, энергичности, твердости, отличались слабостію, мягкостію, неустойчивостію мысли и воли. Когда же онѣ появились, тотчасъ женская и мужеская половины рода человѣческаго были принаровлены природою другъ къ другу для любви, супружества и дѣторожденія. Родъ пернатыхъ произошелъ изъ тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые не хотѣли и не умѣли знать ничего кромѣ того, что можно видѣть тѣлесными очами. Животныя, обитающія на сушѣ, произошли изъ людей, которые въ предыдущей жизни ничего не имѣли кромѣ грубыхъ животенныхъ инстинктовъ и ничего не искали кромѣ чувственно—животенныхъ удовольствій; изъ людей же, которые пали еще глубже и дошли до крайней степени безразсудства и испорченности, произошли рыбы, которыя лишены даже чистаго воздуха для дыханія, не говоря уже обо всемъ остальномъ.

Такъ произошелъ этотъ міръ, содержащій въ себѣ всю полноту безсмертныхъ и смертныхъ живыхъ существъ—этотъ чувствамъ подпадающій образъ божества невидимаго, умопостигаемаго (р. 81—92 С.)!

Когда Тимэй окончилъ свою философскую поэму, Критій сталъ продолжать свою историческую эпопею, но успѣлъ только одну завязку ея воспроизвесть—только нарисовать яркими красками блестящую картину географическихъ, климатическихъ, экономическихъ условій политическаго устройства, всей вообще цивилизаціи и культуры съ одной сто-

роны аѳинскаго государства, какъ оно было 9.000 лѣтъ назадъ, а съ другой современнаго ему колоссальнаго государства—Атлантиды. Это послѣднее, состоявшее изъ союза десяти великихъ царствъ и имѣвшее кромѣ того подъ своею властію многіе народы Европы и Африки, особенно процвѣтало во всѣхъ отрасляхъ культуры, сіяло блескомъ богатства, величія, могущества. Но вмѣстѣ съ накопленіемъ богатствъ, въ немъ стали яснѣе и яснѣе проявляться симптомы внутренней гнилости и порчи: роскошь, корыстолюбіе, развратъ, обманъ, насиліе, всякаго рода неправды, пренебреженіе законовъ божескихъ и человѣческихъ. Долго верховный Зевсъ терпѣлъ неправды и беззаконія этого славнаго, но развращеннаго царства и наконецъ, когда мѣра терпѣнія истощилась, сталъ помышлять о праведномъ судѣ и возмездіи. Тогда собравши весь сонмъ боговъ, онъ обратился къ нимъ и сказалъ...

ТИМЭЙ

или

О ПРИРОДѢ.

Лица діалога: Сократъ, Тимэй, Гермократъ и Критій [1]).

I. *Сократъ.*—Одинъ, два, три... Любезный Тимэй,—гдѣ —17
же четвертый изъ тѣхъ, которые вчера были (моими) гостьми, а нынѣ имѣютъ меня угощать?

Тимэй.—Какая нибудь помѣха ему встрѣтилась, Сократъ, потому что добровольно онъ не отсталъ бы отъ этого сообщества.

Сократъ.—Такъ не твое ли теперь дѣло, да и вотъ этихъ (господъ) восполнить и за отсутствующаго выпадающую на него долю?

Тимэй.—Конечно да,—и насколько можемъ, мы ничего B.
не упустимъ для этого, потому что было бы даже не справедливо, если бы мы всѣ, угощенные вчера тобою, какими подобаетъ, дарами, не отплатили тебѣ столь же радушнымъ угощеніемъ.

---

[1]) Цифры и латинскія буквы на поляхъ представляютъ нумерацію страницъ и меньшихъ дѣленій по изданію Генриха Стефана и Жана Серреса—Paris 1578. Ее удерживаютъ и донынѣ всѣ лучшія изданія сочиненій Платона. Мы ее помѣщаемъ, имѣя въ виду удобство тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы читать русскій переводъ Тимэя, держа въ рукахъ греческій текстъ его, или вообще имѣли бы надобность въ справкахъ.

Сократъ.—Значитъ, вы помните и то, что̀ и о чемъ именно я предложилъ вамъ потолковать?

Тимэй.—Кое-что помнимъ, а чего—нѣтъ, то напомнишь ты, находясь здѣсь на-лице. Впрочемъ,—если только тебѣ это не трудно,—лучше сначала вкратцѣ повтори все, чтобъ еще больше утвердилось въ нашей памяти.

C.— *Сократъ.*—Такъ и быть. Кажется, главнымъ (предметомъ) высказанныхъ мною вчера сужденій о государствѣ было то,—какимъ именно на мой взглядъ должно быть и изъ какихъ мужей должно состоять государство, чтобъ быть самымъ совершеннымъ? [1]).

Тимэй.—Да, Сократъ; и представленное тобою государство всѣмъ намъ—очень по сердцу.

Сократъ.—Въ этомъ государствѣ не отдѣлили мы прежде всего отъ класса гражданъ, предназначаемыхъ преимущественно къ воинской повинности, занятіе земледѣльцевъ, да и другія всѣ, какія ни есть ремесла?

Тимэй.—Ну,—да!

Сократъ.—И между тѣмъ какъ мы каждому (классу) отдѣльно, сообразуясь съ тѣмъ, что свойственно его природѣ, опредѣлили особое одно единственное занятіе, каждому одно
D.— особое ремесло,—относительно тѣхъ, которымъ должно за всѣхъ сражаться, сказали, что они должны быть исключительно только стражами государства, на случай, если кто нибудь (изъ сосѣдей) отвнѣ, или кто либо (изъ его же членовъ) внутри выступитъ съ намѣреніемъ нанести вредъ ему, являясь кроткими въ судѣ надъ своими подчиненными, которые естественно суть въ отношеніи къ нимъ друзья,
18— но становясь безпощадными въ битвахъ съ тѣми, которые выступаютъ противъ нихъ какъ враги.

Тимэй.—Всеконечно,—такъ.

Сократъ.—Ибо, помнится, мы сказали, что природа души этихъ стражей должна быть вмѣстѣ сколько пылкою,

---

[1]) См. Πολιτεῖα βιβλ. II. III. IV, особенно же β. II. p. 369—374.

столько же и даже болѣе разсудительною для того, чтобъ они могли быть для однихъ кроткими, для другихъ суровыми, согласно съ справедливостію [1]).

Тимэй.—Ну, да!

Сократъ.—А что о воспитаніи (ихъ было сказано)? Не то ли, что они должны быть обучены гимнастикѣ, музыкѣ да и всѣмъ наукамъ, которыя имъ слѣдуетъ (знать)? [2]).

Тимэй.—Конечно.

Сократъ.—Кажется, сказано было также, что бывъ воспитаны такимъ образомъ, они ни золота, ни серебра да и никакого иного имущества не должны считать своею собственностію, но, какъ защитники, получая отъ оберегаемыхъ ими жалованье за охрану такое, какое достаточно для людей скромныхъ, должны съобща издерживать оное и жить всѣ вмѣстѣ на общемъ столѣ, всячески имѣя попеченіе о доблести, будучи свободны отъ всякихъ иныхъ занятій [3]). —B.

Тимэй.—И это было сказано, и (именно) такъ.

Сократъ.—И о женщинахъ также мы вспоминали,— (именно) что слѣдуетъ давать мужьямъ въ жены такихъ изъ нихъ, которыя наиболѣе подходятъ къ нимъ своими природными свойствами и что всѣмъ женщинамъ слѣдуетъ давать занятія обще (съ мущинами), относящіяся и къ войнѣ и ко всякому другому образу жизни [4]). —C.

Тимэй.—И это было говорено, и какъ разъ такъ.

Сократъ.—А что говорилось о дѣторожденіи? Или это уже по самой новизнѣ своей хорошо помнится? Ибо, вѣдь, мы постановили, что все, относящееся къ супружеству и дѣторожденію, должно составлять предметъ общаго пользованія для всѣхъ (гражданъ безраздѣльно), задумывая (такой порядокъ вещей), чтобы никто никогда рожденное отъ него

---

[1]) Ibidem βιβλ. II. p. 374 и дал.

[2]) Ibid. p. 375 до III β. p. 412.

[3]) См. Πολιτεία β. III. p. 475 Д. p. 417 В.

[4]) Ibid. β. V. p. 451—457.

не могъ считать своимъ именно (ребенкомъ), но всѣ счи-
D.— тали бы себѣ родными—братьями и сестрами всѣхъ тѣхъ,
которые родились въ предѣлахъ подходящаго (къ ихъ лѣ-
тамъ) возраста,—родителями и праотцами тѣхъ, которые
(родились) раньше (чѣмъ они) и въ восходящей линіи, (ро-
дившихся же позднѣе)—въ нисходящей линіи—дѣтьми и вну-
ками [1]).

Тимэй.—Какъ же! И это живо припоминается какъ разъ такъ, какъ ты говоришь.

Сократъ.—А чтобы (дѣти) были сразу (отъ-роду) воз-
можно лучшими въ отношеніи дарованій, развѣ не помнимъ,
какъ говорили, что (для этой цѣли) особыя начальствующія
лица мужескаго и женскаго пола, при заключеніи браковъ,
E.— должны тайно—посредствомъ нѣкіихъ жребіевъ устроять
такъ, чтобъ особо худородные и особо дородные—тѣ и дру-
гіе съ такими же, какъ и сами они, женщинами соединялись,
и за это не могли бы питать къ нимъ (распорядителямъ сое-
диненій) ни малѣйшей вражды, считая саму судьбу винов-
ницею своего сочетанія [2]).

Тимэй.—Помнимъ.

19— *Сократъ.*—Безъ сомнѣнія, говорили мы также и о томъ,
что дѣтей отъ хорошихъ (родителей) слѣдуетъ воспитывать,
а дѣтей отъ нехорошихъ секретно удалять въ другую часть
государства, когда же они станутъ подростать, пересматри-
вать ихъ опять и достойныхъ изъ нихъ возвращать на преж-
нее мѣсто, оказывающихся же недостойными у себя удалять
на мѣсто возвращенныхъ назадъ [3]).

Тимэй.—Такъ-съ!

Сократъ.—Итакъ, любезный Тимэй, все ли уже мы пересказали, что (говорено было) вчера, на сколько возможно повторить все въ существенныхъ чертахъ, или же у насъ

---

[1]) Ibid. β. V. p. 457—466.

[2]) Ibid. β. V. p. 460 A.

[3]) Πολιτεία β. III. p. 415 c. d; β. IV p. 323 d.; β. V. p. 460 d.

не оказывается еще чего нибудь изъ сказаннаго, чтó мы пропустили?

Тимэй.—Вовсе нѣтъ, Сократъ; напротивъ, это и есть —B. все тоже самое, что составляло предметъ бесѣды.

II. *Сократъ.*—Однако, не угодно ли вамъ выслушать и нѣчто дальнѣйшее относительно государства, которое мы изобразили, (именно) тѣ мысли, которыя оно во мнѣ вызываетъ. Душевное состояніе (мое) въ этомъ случаѣ кажется мнѣ похожимъ на то, какъ если бы кто, увидѣвъ гдѣ либо прекрасныхъ животныхъ, на картинѣ ли изображенныхъ или же настоящихъ—живыхъ, но находящихся въ покойномъ состояніи, пришелъ къ желанію посмотрѣть, какъ эти животныя движутся и въ борьбѣ (между собою) обнаруживаютъ хоть нѣкоторыя изъ свойствъ, которыя по всѣмъ соображеніямъ присущи ихъ тѣламъ. Это самое желаніе и —C. я испытываю въ отношеніи къ тому государству, которое мы изобразили, и потому съ удовольствіемъ сталъ бы слушать, если бы кто либо повелъ разсказъ о томъ, что государство это на самомъ дѣлѣ являетъ всѣ тѣ подвиги, которые приличны ему, въ борьбѣ съ другими государствами, что оно и въ войну вступаетъ съ полнымъ достоинствомъ и во время самой войны выказываетъ свое высокое воспитаніе и развитіе какъ дѣломъ (въ военной тактикѣ), такъ и словомъ—въ веденіи переговоровъ съ каждымъ изъ государствъ. Но этимъ самимъ, Критій и Гермократъ, я высказалъ о себѣ сужденіе, какъ о такомъ человѣкѣ, которому —D. не по силамъ достойно воспѣть такое государство и такихъ гражданъ. Впрочемъ, что касается меня лично, то это и не удивительно; но такое же мнѣніе составилъ я себѣ и о поэтахъ какъ древле бывшихъ, такъ и нынѣ существующихъ, и это вовсе не изъ неуваженія къ роду поэтовъ, а по той причинѣ, что, какъ всякому извѣстно, родъ людей, призваніе которыхъ хоть—подражаніе [1]), легче и искуснѣе всего

---

[1]) По воззрѣнію Платона, которое подробнѣе развито имъ въ Республикѣ (β. III. p. 392. C. p. 392 A.), сущность и задача поэзіи есть подражаніе. Поэтому,

способенъ воспроизводить тѣ вещи, которыя привиты ему E.— воспитаніемъ, между тѣмъ какъ то, что у каждаго изъ этого рода людей лежитъ внѣ привычекъ воспитанія, трудно для нихъ хорошо изобразить дѣйствіями и еще труднѣе—рѣчами. Что же касается класса софистовъ [1]), то я конечно считаю его весьма искуснымъ на длинныя рѣчи и на многія иныя хорошія вещи, но такъ какъ этотъ народъ постоянно странствуетъ изъ государства въ государство, нигдѣ не утверждаясь на собственной осѣдлости, то боюсь, что имъ не доступно ни то, что могутъ совершить мужи государства, являя подвиги во время войны въ битвахъ, ни то, что могутъ высказать мужи-философы въ собесѣдованіяхъ между собою. Такимъ образомъ, о стается еще только родъ людей вашего пошиба, которому присущи оба эти качества и по природнымъ способностямъ и по воспитанію. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ этотъ напримѣръ Тимэй, происходя изъ Локриды—государства съ самыми лучшими учрежденіями въ Италіи, благородствомъ происхожденія и состояніемъ никому здѣсь не уступая, достигъ уже самыхъ

совершенно послѣдовательно здѣсь онъ утверждаетъ, что поэтамъ очень трудно было бы представить своихъ героевъ сообразно съ идеаломъ его государства и еще труднѣе было бы вложить въ уста этихъ героевъ рѣчи, исполненныя силы и государственной мудрости, потому что для первой цѣли у нихъ не имѣется живыхъ образцовъ, которые они могли бы копировать, а для послѣдней нѣтъ того всеувлекающаго краснорѣчія, которымъ, по воззрѣнію Платона, могутъ обладать только мужи государственные, состязающіеся въ рѣчахъ на публичной аренѣ по животрепещущимъ государственнымъ вопросамъ.

[1]) Слово *софистъ* не имѣетъ еще здѣсь того значенія, которое начали соединять съ нимъ со времени Аристофана и которое мы привыкли съ нимъ соединять. Платонъ отзывается здѣсь о софистахъ съ большимъ уваженіемъ и подлѣ многаго хорошаго находитъ въ нихъ лишь тотъ недостатокъ, что они, не принадлежа всецѣло—душею и тѣломъ ни одному государству, не способны по тому самому выработать высокихъ идеаловъ государственной доблести. Слово софистъ имѣетъ у него болѣе древнее и болѣе благородное значеніе, именно обозначаетъ того, котораго профессія есть—мудрость (σοφία) и который, конечно, за деньги преподаетъ и другимъ науку мыслить и говорить—философію и краснорѣчіе.

высшихъ должностей и почестей въ государствѣ, и вдобавокъ къ этому взошелъ на вершину всякой философіи. О Критіѣ же, полагаю, всѣ мы здѣсь знаемъ, что онъ не простакъ ни въ какомъ изъ предметовъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Наконецъ, что Гермократъ на всѣ эти вещи гораздъ и по природнымъ дарованіямъ и по образованію, объ этомъ многіе свидѣтельствуютъ,—какъ же намъ не вѣ- —B.
рить? Вотъ почему, когда вы вчера попросили меня изложить свои мнѣнія относительно государственнаго устройства, я подумавъ, съ удовольствіемъ сообщилъ вамъ ихъ, зная, что далѣе рѣчь (объ этомъ) никто лучше васъ повести не можетъ, если только у васъ станетъ на это охоты, потому что вы одни изъ нынѣшнихъ людей способны и въ войну славную ввести государство и снабдить его всѣмъ нужнымъ для этого. Потому-то я, высказавши то, что отъ меня требовалось, въ свою очередь назначилъ вамъ (предметомъ бесѣды) то, что сейчасъ пересказалъ, а вы, разсудивши между собою, согласились въ томъ, что нынѣ общими силами въ отплату мнѣ предложите словесное угощеніе.—Ну,—вотъ я —C.
на лицѣ съ полною предрасположенностію къ вашему угощенію, болѣе всѣхъ готовый принять его.

Гермократъ.—О конечно, Сократъ,—у насъ, какъ замѣтилъ сейчасъ Тимэй, и охоты не недостаетъ на это и предлога никакого нѣтъ не сдѣлать этого, такъ что вчера сейчасъ послѣ того, какъ мы вошли къ Критію въ гостинную, въ которой проводимъ время, да даже еще прежде—дорогой именно объ этомъ самомъ разсуждали. Онъ же (по этому —D.
поводу) разсказалъ намъ одну исторію изъ древняго преданія, которую,—Критій, разскажи пожалуй теперь ему (Сократу), чтобъ онъ разсудилъ, идетъ ли она къ данной намъ задачѣ, или нѣтъ.

Критій.—Это можно сдѣлать, если такъ угодно и третьему собесѣднику—Тимэю.

Тимэй.—Конечно, угодно.

Критій.—Такъ выслушай же, Сократъ, исторію пожа-

луй довольно странную, но во всякомъ случаѣ всецѣло справедливую, какъ ее нѣкогда разсказывалъ мудрѣйшій изъ се
E.— ми—Солонъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ приходился родственникомъ и былъ большимъ другомъ прадѣду нашему Дропиду [1]), какъ и самъ не разъ упоминаетъ объ этомъ въ своей поэмѣ [2]). Но (собственно) уже дѣду нашему Критію онъ разсказывалъ,—какъ потомъ въ свою очередь намъ пересказывалъ сей старецъ,—что и у этого самаго (нашего) государства были древле великія и удивленія достойныя дѣянія, изглаженныя (изъ исторіи) частію временемъ—а частію
21— по причинѣ случившейся гибели людей, и между ними одно всѣхъ важнѣйшее, которое припомнить нынѣ будетъ весьма кстати съ тѣмъ, чтобъ и тебѣ отблагодарить и вмѣстѣ богиню въ ея праздникъ достойно и праведно какъ бы нѣкіимъ гимномъ прославить [3]).

Сократъ.—Хорошо сказано. О какомъ же это такомъ дѣяніи по слуху отъ Солона разсказывалъ Критій—дѣяніи, о которомъ (нынѣ нигдѣ) не упоминается, но которое въ

---

[1]) По свидѣтельству Діогена Лаэрція и Прокла, этотъ Критій имѣлъ прадѣдомъ Дропида—брата Солона и вмѣстѣ съ тѣмъ приходился двоюроднымъ братомъ Периктіонѣ—матери Платона. Если это вѣрно, то легко понять, почему Платонъ упомянулъ объ этой родословной: она дѣлаетъ преданіе объ Атлантидѣ достояніемъ сколько фамиліи Критія, столько же и фамиліи Платона.

[2]) Проклъ и Схоліастъ въ подтвержденіе этого мѣста приводятъ слѣдующее двустишіе Солона, заимствованное вѣроятно изъ упоминаемыхъ Аристотелемъ его элегій (Ρητορικῇ 1, 15):

Εἰπεμέναι Κριτίῃ ξανθότριχι Πατρός ἀκούειν,
Οὐ γάρ ἁμαρτινόῳ πείσεται ἡγεμόνι.

„Нужно сказать бѣлокудрому Критію, чтобъ слушался отца, ибо въ немъ онъ будетъ имѣть не неопытнаго руководителя“.

[3]) Нужно думать, что этотъ діалогъ происходилъ въ праздникъ малыхъ панатеней, одною изъ существеннѣйшихъ принадлежностей котораго было чтеніе гимновъ въ честь Аѳины,—только чтеніе, которое могло совершаться и частнымъ образомъ—дома, между тѣмъ въ праздникъ великихъ панатеней гимны пѣлись съ аккомпаниментомъ кифары публично на паперти храма богини, въ заключеніе многихъ другихъ публичныхъ церемоній.

древности дѣйствительно совершено было нашимъ государствомъ?

III. —*Критій.* А вотъ я изложу древнее сказаніе, которое самъ слышалъ изъ устъ не молодаго мужа, потому что Критію въ то время было уже, какъ самъ онъ говорилъ, —в около девяноста лѣтъ, я же былъ тогда самое большее,— десятилѣткомъ. Случись тутъ еще какъ разъ *Куреотисъ* (дѣтскій день) праздника *апатурій* [1]. Что всегда обыкновенно бываетъ для мальчиковъ въ этотъ праздникъ, то случилось и въ этотъ разъ: отцы предложили намъ награды за чтеніе рапсодій. Итакъ, послѣ того, какъ прочитаны были многія стихотворенія различныхъ поэтовъ, нѣкоторые изъ насъ ста-

---

[1]) Въ этотъ праздникъ всѣ 12 фратрій, на которыя раздѣлены были Аѳины, по уложенію Солона, собирались для обсужденія и веденія своихъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ заключалось его великое не столько религіозное, сколько общественное значеніе. Поелику же каждый гражданинъ долженъ былъ непремѣнно принадлежать къ той или другой фратріи, то праздникъ сначала чисто-аѳинскій мало помалу сталъ праздникомъ общенароднымъ, который чтили и другіе греки іонійскаго происхожденія (Геродотъ 1, 56). Праздновался онъ въ мѣсяцѣ Піанепсіонѣ—Октябрѣ сначала три, а потомъ, четыре дня. Въ первый день, который назывался Δορπία или Δόρπεια, обыкновенно фраторы—члены фратріи, свидѣвшись послѣ разлуки на радостяхъ угощали другъ друга. Второй день отъ общей жертвы, которую все гражданство приносило (ἀναῤῥύειν) Διὶ φρατρίῳ καὶ τῇ Ἀθηνᾷ, получилъ названіе Ἀνάῤῥυσις. Третій день, о которомъ здѣсь главнымъ образомъ идетъ рѣчь, былъ собственно праздникомъ дѣтей Κουρεῶτις (ἀπὸ τοῦ τοὺς κόρους καὶ τὰς κόρας ἐγγράφειν εἰς τὰς φρατρίας), потому что въ этотъ день дѣти, родившіяся у гражданъ въ продолженіе года, были представляемы своими отцами (или ихъ представителями) всему собранію фратріи и, по удостовѣреніи клятвою послѣднихъ законности рожденія, вносились въ списки своей фратріи, послѣ чего становились гражданами. Также поступали и съ дѣтьми незаконными, если хотѣли надѣлить ихъ правами гражданства. Что этотъ день былъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ состязанія въ чтеніи рапсодій для дѣтей старшаго возраста,—это мы узнаемъ отъ самаго Платона. Наконецъ четвертый день назывался Ἐπίβδα—именемъ, которое само по себѣ не даетъ никакого указанія на то, что совершалось въ этотъ день. Что касается общаго названія праздника, то самое употребительное производство его—отъ ὅμος и πατήρ - ὁμοπατόυρια—праздникъ однофамильцевъ.

C.— ли декламировать стихотворенія Солона, которыя въ то время были еще новинкой. Тогда одинъ изъ членовъ нашей фратріи, было ли въ самомъ дѣлѣ таково его убѣжденіе, или же изъ желанія угодить Критію,—выразился, что на его взглядъ Солонъ, будучи мудрѣйшимъ во многихъ иныхъ отношеніяхъ, и въ самой поэзіи возвышеннѣе всѣхъ поэтовъ Нашъ старикъ,—отлично это помню, весьма обрадовался и съ улыбкой сказалъ на это: ну-да, ну-да Аминандръ! и если бы онъ занимался поэзіею не мимоходомъ только, а съ постоянствомъ, какъ другіе, да закончилъ сказаніе, которое онъ принесъ сюда изъ Египта и которое оставить въ пренебреженіи принужденъ былъ по причинѣ политическихъ смутъ и другихъ золъ, которыя засталъ здѣсь по возвраще-
D.— ніи (изъ Египта), тогда,—на мой по крайней мѣрѣ взглядъ,— ни Гезіодъ, ни Гомеръ да и никакой другой поэтъ не могъ бы быть славнѣе его.—Что же это за сказаніе такое, Критій?— спросилъ тотъ.—Сказаніе,—отвѣчалъ онъ (Критій), о величайшемъ и поистинѣ всѣхъ славнѣйшемъ дѣяніи, которое совершено было вотъ этимъ самымъ (нашимъ) государствомъ, но о которомъ до нашего времени не дошли извѣстія по причинѣ гибели совершившихъ его людей, да и по отдаленности времени.—Разскажи пожалуйста по порядку,—сталъ упрашивать тотъ,—какъ отъ кого и что именно слышалъ,
E.— какъ истину, и потомъ разсказывалъ тебѣ Солонъ?—Есть въ Египтѣ,—такъ началъ онъ разсказъ свой,—въ предѣлахъ дельты, въ вершинѣ которой раздѣляется омывающій ее потокъ Нила,—есть тамъ область, называемая Саисскою, а въ этой области—самый большой городъ Саисъ, изъ котораго между прочимъ происходилъ царь Амазисъ. Основательницею этого города они (туземцы) считаютъ богиню, имя которой поегипетски—Нэйтъ, а погречески Аѳина [1]),

---

[1]) Это отождествленіе Платономъ египетской богини Нэйтъ съ греческою Аѳиной не лишено основанія. Въ Саисѣ, гдѣ Нэйтъ имѣла великолѣпнѣйшее святилище, найдена прекрасная статуя богини съ надписью, смыслъ которой

по крайней мѣрѣ такъ сами они говорятъ, и къ этому присовокупляютъ, что питаютъ большое расположеніе къ аѳинянамъ, считая ихъ нѣкоторымъ образомъ своими соплеменниками. Сюда-то прибывши Солонъ,—какъ самъ онъ мнѣ
разсказывалъ,—былъ принятъ здѣсь съ большимъ почетомъ, —22
но, распрашивая о древнѣйшихъ временахъ у наиболѣе свѣдущихъ въ этомъ отношеніи жрецовъ, пришелъ къ сознанію, что ни онъ самъ да и никто вообще изъ Грековъ, строго говоря, ровно ничего не знаетъ (о глубокой древности). Именно, однажды желая ввести ихъ въ разговоръ о древности, онъ повелъ рѣчь о древнѣйшихъ событіяхъ нашей страны—„какъ то—о Форонеѣ [2]), извѣстномъ подъ именемъ перваго (человѣка), и о Ніобѣ, а послѣ

Шампольонъ передаетъ такъ: „я—все: прошедшее, настоящее и будущее; покрывала моего не приподнималъ никто изъ смертныхъ, но солнце есть мое рожденіе". Рэтъ справедливо замѣчаетъ, что приподыманіе „пеплоса" указываетъ здѣсь не на непостижимость существа, какъ обыкновенно полагаютъ, но на супружеское ложе, и что надпись указываетъ только, что Нэйтъ не раздѣляла супружесскаго ложа ни съ кѣмъ изъ смертныхъ боговъ. Съ другой стороны дается знать, что и сама она не произошла отъ какого-либо супружескаго союза божествъ, но есть божество вѣчное, изначальное, хотя и натуральное, такъ какъ изъ ея лона раждается свѣтъ солнца. Такими же чертами рисуется въ греческой миѳологіи Аѳина. Она тоже и не родилась отъ супружескаго союза, а мгновенно, какъ молнія, появилась изъ головы Зевса (неба), и сама ни съ кѣмъ не вступала въ супружество, но навсегда осталась чистой—строгой дѣвственницей; наконецъ она тоже первоначально есть натуральное божество неба бурнаго, облекаемаго тучами и разсѣкаемаго молніею, изъ котораго, по миновавіи грозы, снова и снова раждается свѣтъ солнца. Но если первоначально натуральный образъ Нэйтъ былъ позднѣе гуманизированъ и наполненъ этическими чертами, то тѣмъ болѣе случилось это съ Аѳиной. Но и тутъ между двумя богинями продолжается большое сходство: обѣ онѣ почитались какъ раздаятельницы людямъ всякихъ дарованій и какъ покровительницы всякихъ искусствъ отъ земледѣлія до войны включительно. Даже изображенія ихъ имѣютъ много между собою общаго, а также символы ихъ и посвященныя имъ животныя. Это сходство двухъ образовъ божествъ у различныхъ народовъ,—одинъ изъ тысячи примѣровъ подобнаго рода, теперь уже не представляетъ никакой тайны для ученыхъ миѳологовъ, ибо у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени развитія при одинаковыхъ историческихъ условіяхъ, они встрѣчаютъ и божества одинаковыя.

[2]) По увѣренію Климента Александрійскаго (Strom. p. 321), Платонъ

В.— потопа о Девкаліонѣ и Пиррѣ, какъ они уцѣлѣли, и о потомствѣ, которое отъ нихъ произошло [1]); но, когда онъ сталъ припоминать годы, обнимающіе событія, о которыхъ упоминалъ въ своемъ разсказѣ, пытаясь исчислить время, то одинъ изъ жрецовъ—мужъ глубокой старости-

---

въ этомъ упоминаніи слѣдовалъ древнему греческому историку Акусилаю, у котораго названъ Фороней—„первымъ изъ людей". Но кромѣ того и Павзаній, ссылаясь на древнія преданія, представляетъ Форонея какъ перваго человѣка, который родился въ Аргосѣ отъ Инаха—бога рѣки этого имени, высохшей потомъ вслѣдствіе гнѣва Поссейдона, и къ этому присовокупляетъ, что Фороней первый собралъ людей въ общество. Ніоба же, по свидѣтельству Прокла и Аполлодора, была дочь Форонея, имѣвшая отъ Зевса сына Аргоса. Матерью ея и супругою Форонея одни называютъ Нимфу-Лаодику, другіе Кинну. Этой Ніобы не должно смѣшивать съ извѣстной Ніобой—дочерью Тантала и супругой Амфіона.

[1]) Греческое преданіе сохранило воспоминаніе о трехъ потопахъ, изъ коихъ первый произошелъ въ царствованіе Огигеса надъ Аттикой, второй—въ царствованіе Девкаліона надъ Өессаліею, и третій во времена Дардана—сына Зевса и Електры—дочери Атласа. Платонъ упоминаетъ только объ одномъ—Девкаліоновомъ потопѣ, какъ о такомъ событіи, которое раздѣляетъ исторію Греціи на два періода. И это вотъ почему: до Девкаліона владычество надъ Элладой принадлежало Пеласгамъ, а послѣ его стало переходить къ Геллинамъ; по смыслу самаго распространеннаго преданія, Девкаліонъ былъ отцомъ Геллена и Амфиктіона, Гелленъ же былъ отцомъ Дора, Эола и Ксуөа, а отъ Ксуөа произошли Іонъ и Ахэй; Девкаліонъ такимъ образомъ оказывается праотцемъ родоначальниковъ всѣхъ Гелленскихъ племенъ. Девкаліоновъ потопъ, значитъ, дѣйствительно былъ великою эпохою для Греціи не столько конечно въ геологическомъ, сколько въ историческомъ отношеніи,—какъ событіе, уничтожившее старый порядокъ вещей и положившее начало новому. Самую исторію потопа миөъ представляетъ слѣдующимъ образомъ. Когда Зевсъ опредѣлилъ истребить водою грѣшный родъ людей мѣднаго вѣка, Девкаліонъ, по совѣту отца своего Прометея, построилъ ковчегъ и взявши достаточный запасъ продовольствія, вошелъ въ него вмѣстѣ съ женою своею Пиррою—дочерью Епиметея и Пандоры. Вслѣдъ затѣмъ разверзлись небеса, и впродолженіе девяти дней и девяти ночей лилъ такой дождь, что земля высоко покрылась водою и всѣ люди погибли, за исключеніемъ немногихъ, взобравшихся на вершины самыхъ высокихъ горъ. Спустя нѣкоторое время, когда вода стала изсякать, Девкаліонъ причалилъ своимъ кораблемъ къ горѣ Парнасу, и здѣсь принесъ благодарственную жертву Зевсу

сказалъ [1]): „о Солонъ, Солонъ! вы, геллены, все еще остаетесь дѣтьми, да и не быть геллену старцемъ". Услышавъ это, Солонъ возразилъ: „да на какомъ основаніи ты это говоришь?"—А потому, отвѣчалъ тотъ, что вы всѣ юны еще умами, ибо не имѣете въ нихъ никакого ученія, идущаго отъ начала путемъ преданія,—не имѣете никакихъ свѣденій, посѣдѣвшихъ отъ времени. Причиною же этому вотъ —C.
что: много уже было, да и будетъ еще не мало разныхъ видовъ гибели людей—самой большей отъ огня и воды, меньшей отъ безчисленныхъ другихъ причинъ. Да, вотъ—у васъ даже существуетъ разсказъ, будто Фаэтонъ сынъ Геліоса, запрягши отцовскую колесницу, вслѣдствіе того что не смогъ направить ее на тотъ путь, по которому несется на ней отецъ, сжегъ все, что было на землѣ, и самъ погибъ, пораженный молніей. Положимъ, что это разсказывается въ видѣ миѳа, но и тутъ есть нѣчто истинное,—именно—уклоненіе (отъ своихъ путей), движущихся около —D.
земли и по небу тѣлъ и бывающее чрезъ извѣстные долгіе промежутки времени истребленіе великимъ огнемъ всего находящагося на землѣ. Въ подобныхъ случаяхъ конечно

Фиксію (Διὶ Φυξίῳ— Прибѣжищу спасающихся отъ погибели). Умилостивленный этою жертвою Зевсъ, чрезъ Гермеса, позволилъ Девкаліону просить у себя, чего пожелаетъ. Девкаліонъ чрезъ Гермеса же передалъ мольбу о томъ, чтобы снова на землѣ появились люди. Тогда Зевсъ приказалъ Девкаліону и Пиррѣ, чтобы они брали камни и бросали ихъ назадъ себя черезъ голову, что они и стали дѣлать со всѣмъ усердіемъ. Такимъ-то образомъ изъ тѣхъ камней, которые бросалъ Девкаліонъ, произошли мужчины, а изъ тѣхъ, что бросала Пирра,—женщины.

[1]) Плутархъ говоритъ, что имя жреца было Сонхисъ. Этимъ самымъ именемъ Климентъ александрійскій называетъ того жреца, у котораго учился мудрости египетской Пиѳагоръ. Но, какъ извѣстно, Платонъ и самъ предпринималъ путешествіе въ Египетъ и, конечно, бесѣдовалъ съ жрецами. Проклъ утверждаетъ, что учителемъ его въ Саисѣ былъ жрецъ Патенэйтъ, въ Геліополисѣ—Охлапи, въ Севеннитѣ—Еѳимонъ... Но ни у Плутарха ни у Прокла нѣтъ никакихъ доказательствъ исторической подлинности всѣхъ этихъ именъ.

пагуба простирается болѣе на обитателей горъ и возвышен-
ныхъ сухихъ мѣстностей, чѣмъ на тѣхъ, которые живутъ
вблизи рѣкъ и моря [1]). И вотъ тутъ-то нашъ Нилъ, будучи
благодѣтелемъ нашимъ въ разныхъ другихъ отношеніяхъ,
спасаетъ насъ и отъ этого бѣдствія, разливаясь повсюду.
Съ другой стороны, когда боги, желая очистить землю во-
дою, посылаютъ наводненіе, то живущіе на горахъ пастухи
воловъ и овецъ могутъ еще спастись, но живущіе въ горо-
E.— дахъ вашей страны уносятся рѣками въ море, между тѣмъ
какъ въ этой странѣ ни въ этомъ, да и ни въ какомъ дру-
гомъ случаѣ вода не изливается на поля сверху (съ горъ),
напротивъ сама природа устроила такъ, что она подни-
мается здѣсь снизу вверхъ [2]). Вотъ почему и по какимъ
причинамъ сохраняющіяся въ нашей странѣ преданія дол-
жны считаться самыми древними,—именно потому, что здѣсь
во всѣхъ мѣстностяхъ,—гдѣ только ни слишкомъ холодный
ни слишкомъ жаркій климатъ тому не препятствовалъ,—
родъ человѣческій, иногда умножаясь иногда уменьшаясь
23— въ числѣ, никогда не переставалъ существовать. Вслѣдствіе
этого,—что̀ было прекраснаго и великаго или въ другихъ
отношеніяхъ замѣчательнаго у васъ ли, здѣсь-ли, или въ
другой какой либо изъ странъ, о которыхъ мы знаемъ по
слуху,—все это съ древнихъ временъ записываемое здѣсь
въ храмахъ сохраняется; между тѣмъ какъ у васъ, да и у
прочихъ (народовъ), лишь только успѣетъ что либо выра-
ботаться по части наукъ и всѣхъ другихъ предметовъ, со-
ставляющихъ насущную потребность государствъ,—и вотъ
B — опять, спустя извѣстное число лѣтъ, словно какая нибудь
повальная болѣзнь, наступаетъ изливающійся съ небесъ
потопъ и оставляетъ между вами лишь невѣждъ и необра-
зованныхъ, такъ что вы какъ бы опять сначала становитесь
юными, ничего не знающими ни о томъ, что было

1) Платонъ неоднократно говоритъ о подобныхъ катастрофахъ. Сравн. Νόμοι III. 676; VI. 782

2) То есть выступая изъ береговъ.

здѣсь—у насъ, ни о томъ, что совершалось у васъ въ древнѣйшія времена. По крайней мѣрѣ, Солонъ, сохранившіяся у васъ родословныя, какъ ты ихъ мнѣ сейчасъ изложилъ, мало-чѣмъ лучше дѣтскихъ сказокъ, потому что вы, оказывается, имѣете воспоминаніе только объ одномъ потопѣ на землѣ, между тѣмъ какъ прежде (этого потопа) было много ихъ, а потомъ вы даже не подозрѣваете, что у васъ—въ вашей собственной странѣ существовалъ нѣкогда прекраснѣйшій и доблестнѣйшій изъ народовъ, отъ котораго —C.
произошелъ ты самъ да и все ваше государство—благодаря тому обстоятельству, что отъ него уцѣлѣло нѣкое малое сѣмя. Неизвѣстнымъ же вамъ все это остается потому, что уцѣлѣвшіе (предки ваши) впродолженіе многихъ поколѣній сходили съ лица земли, не оставляя по себѣ никакой памяти въ письменахъ. Знай же теперь, Солонъ, что до великаго истребленія людей потопомъ [1]), нынѣшнее аѳинское государство было государствомъ превосходнѣйшимъ въ военномъ отношеніи, что оно имѣло по всѣмъ статьямъ отличныя узаконенія, что у него были учрежденія, что имъ были совершены, какъ гласитъ преданіе, дѣянія славнѣйшія изъ —D.
всѣхъ дѣяній въ поднебесной, о какихъ только дошли до насъ извѣстія. Выслушавъ эту рѣчь и приведенный ею въ изумленіе, Солонъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, сталъ просить жрецовъ взять на себя трудъ—расказать съ точностію и въ порядкѣ все о гражданахъ (аѳинскихъ) того незапамятнаго времени. На это жрецъ отвѣчалъ: безъ всякой зависти повѣдаю это и изъ расположенія къ тебѣ, и изъ уваженія къ вашему государству, паче же всего изъ почтенія къ богинѣ, которая получивъ въ удѣлъ и ваше и наше государство, взростила и воспитала то и другое,—сперва ваше на цѣлую тысячу лѣтъ прежде, воспринявши первое сѣмя, изъ котораго вы произошли, отъ Гэи и Гефеста [2]), а потомъ —E.

---

[1]) Вѣрнѣе всего здѣсь разумѣется тотъ самый потопъ, о которомъ Солонъ разсказывалъ жрецу, т. е. Девкаліоновъ.

[2]) Платонъ и еще разъ (Κριτίας p. 109) аѳинское государство называетъ

наше. Но здѣшнему—нашему государственному устройству въ священныхъ книгахъ насчитывается 8.000 лѣтъ. Значитъ, мнѣ предстоитъ, дать тебѣ понятіе объ учрежденіяхъ гражданъ, жившихъ ровно за 9.000 лѣтъ до нашего времени;

общимъ удѣломъ Аѳины и Гефеста. Кромѣ Платона, такое мнѣніе встрѣчается еще только у Эсхила (Εὐμενίδες ст. 13). Напротивъ, по смыслу общераспространеннаго въ Греціи миѳа, только Поссейдонъ вздумалъ было у Аѳины оспаривать право владѣнія Аттикою, который явившись сюда и ударивъ трезубцемъ по скалѣ Акрополя, произвелъ у подножія его море. Но послѣ того, какъ Аѳина, свидѣтельствуясь показаніемъ Кекропса, доказала, что она гораздо ранѣе Поссейдона владѣла Аттикой, гдѣ даже маслину насадила,—Аттика поступила окончательно въ полное и безраздѣльное владѣніе Аѳины. Впрочемъ, Гефестъ дѣйствительно былъ почитаемъ въ Аѳинахъ наряду съ Аѳиной: въ честь ихъ совершались общія празднества съ факельными процессіями; ихъ изображенія въ храмахъ стояли рядомъ. Это обстоятельство въ связи съ позднѣйшимъ—Гомерическимъ и Гезіодовскимъ представленіемъ о Гефестѣ, какъ божественномъ художникѣ всякихъ вообще выковываемыхъ при посредствѣ огня металлическихъ издѣлій, и военнаго оружія въ особенности (первоначально же это былъ чисто-натуральный богъ огня и въ особенности—огня, какъ онъ проявляется въ вулканическихъ силахъ природы), и послужило, кажется, основаніемъ для Есхила и Платона считать Гефеста богомъ-покровителемъ аѳинскаго государства наряду съ Аѳиной. Что же касается мнѣнія Платона о первыхъ прародителяхъ аттическихъ гражданъ, происшедшихъ будто бы отъ союза Геи съ Гефестомъ, то для этого мнѣнія никакихъ поводовъ не даетъ миѳологія. Въ теогоніи Гезіода, Гэя—земля, сама происшедшая изъ хаоса, была въ супружеской связи со многими существами, но о Гефестѣ между ними нѣтъ и помину: движимая Эросомъ, она родила прежде всего Ураноса (небо) и Понтоса (море), потомъ отъ связи съ Ураносомъ родила титановъ, циклоповъ, гекатонхировъ, гигантовъ и эринній, а отъ связи съ Понтомъ—Нерея, Тавмаса, Форкиса и другихъ морскихъ чудовищъ. Гефестъ, какъ вулканическій огонь, скорѣе уже есть одинъ изъ титановъ—сыновей Гэи, чѣмъ супругъ ея. Съ другой стороны и Гефесту миѳологія даетъ нѣсколько супругъ,—въ Иліадѣ—Хариту, въ теогоніи—Аглайю, въ Одиссеѣ—Афродиту, но нигдѣ—Гэю. Впрочемъ, такъ какъ въ Иліадѣ, кромѣ поименованнаго потомства, дѣтьми Гэи называются,—и совершенно вѣрно,—всѣ такъ называемые автохтоны, какъ напр. Ерехтей и др., то Платонъ имѣлъ полное право сдѣлать Гэю прародительницею аѳинскаго народа. Но, на этомъ основаніи, она есть прародительница и всѣхъ другихъ народовъ, а не одного аѳинскаго. Кромѣ того, Гефестъ тутъ все таки остается ни при чемъ.

изъ дѣяній же, совершенныхъ ими, разскажу только объ одномъ самомъ славнѣйшемъ и—то пока только вкратцѣ, съ —24
большею же обстоятельностію обо всемъ по порядку побесѣдуемъ когда нибудь послѣ надосугѣ, взявши въ руки письменные памятники. Итакъ, что касается учрежденій (того времени), то объ нихъ ты можешь составить себѣ представленіе по учрежденіямъ, которыя здѣсь существуютъ, потому что у насъ ты найдешь многіе случаи примѣненія порядка, нѣкогда существовавшаго у васъ, и прежде всего наприм. родъ жрецовъ, отъ всѣхъ прочихъ родовъ обособленный, потомъ родъ ремесленниковъ, родъ пастуховъ, родъ охотниковъ, родъ земледѣльцевъ, изъ коихъ каждый самъ по себѣ отдѣльно занимается своимъ ремесломъ, не смѣшиваясь съ другимъ. Относительно же рода воиновъ, —B.
полагаю, ты и самъ замѣчаешь, что онъ здѣсь отъ всѣхъ остальныхъ классовъ настолько обособленъ, что членамъ его закономъ предписано ни о какомъ иномъ предметѣ не заботиться, кромѣ одного военнаго дѣла. Да и взять хотябъ манеру вооруженія ихъ щитами и копьями: вѣдь это оружіе мы первые въ Азіи стали употреблять, послѣ того, какъ богиня ввела его у насъ, подобно тому, какъ прежде у васъ первыхъ въ тѣхъ мѣстахъ она это сдѣлала. Что же касается просвѣщенія, то, думаю, и самъ ты видишь, сколь великое попеченіе о немъ съ самаго начала имѣлъ здѣсь законъ, —C.
отъ изслѣдованія вещей божественныхъ приведши къ изученію вещей человѣческихъ, отъ наукъ о мірозданіи доведши до мантики и лечебнаго искусства, имѣющаго цѣлію здоровье (людей), да и всѣ другія науки утвердивши, стоящія въ связи съ этими. Итакъ, весь этотъ порядокъ и строй давнѣе богиня дала вамъ, устраивая ваше государство, для котораго избрала ту самую мѣстность, въ которой вы теперь обитаете, ибо предвидѣла, что счастливое сочетаніе въ ней климатическихъ условій будетъ производить способнѣйшихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, поелику богиня сама съ —D
одной стороны войно-любива, съ другой—любомудра, то и

мѣстность выбравъ такую, которая обѣщала произращать людей возможно болѣе похожихъ на нее, на немъ первомъ насадила государство. Такимъ-то образомъ вы стали жить тамъ, обладая вышепоказанными законами, имѣя прекраснѣйшее государственное устройство и превосходя все остальное (тогдашнее) человѣчество доблестію, какъ и подобало потомкамъ и питомцамъ боговъ. Многія дѣянія вашего государства, записанныя здѣсь, (и доселѣ) служатъ предме-
E.— томъ удивленія; но между ними одно всѣ прочія превосходитъ величіемъ и доблестію. Именно, въ лѣтописяхъ (нашихъ) разсказывается о томъ, какую громадную силу сокрушило нѣкогда ваше государство,—силу, кичливо нахлынувшую разомъ на всю Европу и Азію и вторгшуюся сюда отвнѣ—изъ атлантическаго моря, изъ котораго тогда въ этомъ мѣстѣ и легко было переправляться (на материкъ), такъ какъ впереди того устья, которое, какъ вы говорите, носитъ имя столбовъ Геркулесовыхъ, въ этомъ морѣ былъ островъ. Этотъ островъ былъ больше, чѣмъ Ливія и Азія вмѣстѣ взятыя, и изъ него въ то время мореплавателямъ удобно было переправляться на другія острова, а изъ острововъ на противулежащій материкъ, окружающій это море, которое тогда вполнѣ заслуживало это названіе, ибо, что
25— касается того моря, которое лежитъ по сю сторону устья (столбовъ Геркулесовыхъ), о которомъ мы говоримъ, то на видъ оно кажется не болѣе какъ гаванью съ нѣсколько узкимъ проходомъ, между тѣмъ какъ по ту сторону лежащее море тогда имѣло право называться моремъ въ полномъ смыслѣ этого слова, равно какъ окружавшая его со всѣхъ сторонъ твердая земля по всей справедливости достойна была называться материкомъ. На этомъ островѣ Атлантидѣ существовалъ нѣкогда великій и грозный союзъ царей, которымъ принадлежала власть надъ цѣлымъ островомъ, а также надъ многими другими островами и странами материка,—именно
B.— они господствовали надъ всею Ливіею вплоть до Египта и надъ Европою до Тирреніи. И эта громада, собравъ всѣ

свои силы, предприняла походъ съ цѣлію завоевать и нашу и вашу страну и всю вообще мѣстность по сю сторону устья. Вотъ тогда-то, Солонъ, ваше государство предъ цѣлымъ человѣчествомъ показало величіе своей доблести и мощи, потому что, превосходя всѣхъ мужествомъ и военною опытностію, сначала стоя во главѣ всѣхъ Гелленовъ, а по- —C.
томъ, когда всѣ прочіе отпали, по необходимости предоставленное одному себѣ, подвергши себя крайнимъ опасностямъ, оно съ одной стороны одержало побѣду надъ нахлынувшими варварами, и поставило трофеи, а съ другой не допустило до порабощенія имъ тѣхъ, которые еще не были покорены, тѣхъ же, которые подобно намъ обитали по сю сторону столбовъ Геркулесовыхъ, всѣхъ великодушно сдѣлало свободными. Но потомъ, когда произошли страшныя землетрясенія и наводненія, въ одинъ злосчастный день и —D.
въ одну роковую ночь весь вашъ многочисленный воинственный народъ исчезъ съ лица земли точно также какъ исчезъ и Атлантическій островъ, канувъ въ море. По этой то причинѣ и доселѣ въ томъ мѣстѣ море остается непроходимымъ и неизслѣдимымъ, такъ какъ препятствіемъ къ этому служитъ глубокій илъ, который образовался отъ потонувшаго острова [1]),

---

[1]) Едвали можно найти и указать другой вопросъ древности, который бы вызвалъ столько нескончаемыхъ споровъ, столько разныхъ гипотезъ, столько кропотливыхъ изслѣдованій, начавшихся чуть не со смертію Платона и продолжавшихся чуть не до нашихъ дней, какъ вопросъ объ этой Атлантидѣ, которая тѣмъ болѣе привлекала къ себѣ вниманіе и заставляла относиться къ себѣ съ полною серіозностію, что немного ниже (р. 26) Платонъ рѣшительно настаиваетъ на исторической достовѣрности всего этого разсказа, а въ особомъ діалогѣ Критіѣ (р. 114—119) описываетъ мѣстность Атлантицы, есобенно ея побережье, ея столичный городъ съ такою скрупулезною точностію и живописною наглядностію, которая повидимому способна отстранить всякую мысль о вымыслѣ. Кромѣ того, геологическія и другія соображенія наводили многихъ ученыхъ на мысль, что Европа и Африка нѣкогда соединены были тамъ, гдѣ теперь онѣ раздѣлены — у столбовъ Геркулесовыхъ (Гибралтарскаго пролива) и что земля дѣйствительно

IV. Такимъ образомъ, Сократъ, вотъ ты и выслушалъ разсказанную нѣкогда старцемъ Критіемъ по слуху отъ
E.— Солона исторію, насколько возможно было мнѣ повторить

не разъ уже подвергалась великимъ катастрофамъ и измѣненіямъ своего вида, о которыхъ упоминаетъ не разъ и Платонъ (Критій p. 109). Так. образомъ, казалось, и наука была на сторонѣ Платона, и вотъ люди всякихъ профессій и направленій стали искать его Атлантиды. Одни изъ нихъ отъ буквы до буквы вѣрили разсказу его и искали лишь слѣдовъ исчезнувшаго острова—въ атлантическомъ океанѣ, другіе считая разсказъ не вполнѣ точнымъ, искали Атлантиды въ той или другой части, странѣ нынѣшняго земнаго материка. Очень многіе съ полною серьезностію доказывали тождество Атлантиды съ Америкой. Но мы освобождаемъ себя не только отъ критики, а даже и отъ перечисленія всевозможныхъ гипотезъ и мнѣній относительно Атлантиды, тѣмъ болѣе, что разсказъ объ ней не имѣетъ никакого внутренняго отношенія къ собственному содержанію Тимэя. Кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, тому рекомендуемъ обратиться къ упомянутому уже нами капитальному изслѣдованію о Тимэѣ Мартена, гдѣ не только разобранъ и рѣшенъ весь вопросъ, но довольно обстоятельно указана и охарактеризована вся литература его; мы же позволимъ себѣ представить здѣсь лишь тѣ заключенія, которыя получились въ итогѣ этого изслѣдованія. Вотъ они:

α) Сказаніе объ Атлантидѣ, по крайней мѣрѣ въ устахъ Платона, не есть чистый вымыселъ, потому что оно въ самомъ дѣлѣ могло дойти до Платона путемъ преданія отъ Солона, слышавшаго его отъ жрецовъ египетскихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Солонъ самъ задумывалъ изъ элементовъ этого сказанія составить великую эпопею, но обстоятельства помѣшали ему. Къ сожалѣнію и самъ Платонъ взялся за эту эпопею слишкомъ поздно, потому что не успѣлъ окончить ее. Она обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ—вслѣдъ за географическимъ и политическимъ очеркомъ Атлантиды. Слѣдовало самое важное: отчаянная борьба Гелленовъ съ несмѣтными полчищами необъятной Атлантиды, побѣда надъ варварами, трофеи, великодушное освобожденіе подвластныхъ народовъ и т. д.

β) Это сказаніе сплетается съ разными невѣрными этнографическими, космографическими и другими представленіями, распространенными между греками древняго времени, но взятое само по себѣ оно не имѣетъ себѣ корня ни въ какомъ чисто греческомъ преданіи болѣе глубокой древности; да и самъ Платонъ послѣднимъ источникомъ его считаетъ разсказъ саисскихъ жрецовъ

γ) Жрецы египетскіе сами могли вполнѣ искренно вѣрить въ существованіе Атлантиды по той простой причинѣ, что для нихъ, какъ и для всѣхъ вообще древнихъ, атлантическій океанъ,—какъ безпредѣльный, непроходимый, ни

ее вкратцѣ. Но еще вчера, когда ты толковалъ о государствѣ и о гражданахъ, какъ ты ихъ себѣ представляешь, я припоминая то, что сейчасъ разсказалъ, удивлялся, что ты

съ какою землею не соединенный, представлялъ нѣчто странное по своему несходству со всѣми остальными извѣстными имъ морями, которыя всѣ несравненно меньше и соединяютъ между собою тѣ или другія земли, страны. Предположеніе свое они могли высказать, развить и украсить какъ историческій фактъ предъ Солономъ, потому что вообще любили импонировать иностранцевъ громадностію и древностію своихъ познаній. Разсказъ же о достославныхъ подвигахъ, совершенныхъ праотцами аѳинянъ, они приплели или просто изъ лести, или даже съ какими нибудь серьезными политическими цѣлями.

δ) Какъ бы-то ни было впрочемъ, только Атлантида, по ихъ разсказу, занимала огромное пространство въ Океанѣ и лежала на западъ отъ Гибралтарскаго пролива—не вдали отъ Испаніи, и если къ этому столь точному обозначенію ея мѣстоположенія прибавляется, что она совсѣмъ исчезла, канувъ въ море, то уже нѣтъ никакого основанія и смысла искать и находить ее то въ Африкѣ, то въ моряхъ сѣвера и юга, то въ Америкѣ или Палестинѣ, какъ это дѣлали многіе, иногда очень ученые люди.

ε) Сказаніе предполагаетъ, что только одна Атлантида подверглась страшной катастрофѣ, которая стерла ее съ лица земли и безслѣдно погрузила въ бездну океана, между тѣмъ какъ Европа, Азія и Африка остались въ томъ же видѣ, какой имѣли до исчезновенія Антлантиды и какой сохраняютъ донынѣ. Ужасное землетрясеніе, значитъ, которое ниспровергло на дно океана островъ, превосходившій величиною Азію и Африку вмѣстѣ взятыя и такимъ образомъ уменьшило на цѣлую половину объемъ материка, въ то же время ничѣмъ не отразилось на уцѣлѣвшихъ странахъ, нисколько не увеличило даже ни числа, ни объема ихъ морей и другихъ водъ. Возможно ли это? И все это случилось не въ эпоху великихъ геологическихъ переворотовъ, а въ то время, когда Египетъ былъ уже цвѣтущимъ государствомъ и когда Западъ Европы былъ уже густо заселенъ. Сказаніе это, слѣдовательно, не только лишено всякихъ доказательствъ, но и всякой вѣроятности.

ζ) Въ сказаніи есть всего двѣ вещи, подлежащія провѣркѣ, и обѣ онѣ оказываются ложными, потому что какъ не оказывается вокругъ атлантическаго Океана нигдѣ никакого материка, который бы окружалъ его со всѣхъ сторонъ, и на которомъ бы жители Атлантиды могли дѣлать завоеванія и распространять свои владѣнія, такъ съ другой стороны не оказывается нигдѣ въ атлантическомъ океанѣ на мѣстѣ потонувшаго острова тѣхъ мелей, которыя затрудняли бы мореплаваніе.

η) По всѣмъ этимъ соображеніямъ, давно уже пора перестать искать цѣлой ли Атлантиды или только остатковъ ея въ Средиземномъ морѣ или по все-

безъ всякаго намѣренія, по какой-то случайности такъ изумительно согласуешься во многомъ съ тѣмъ, что Солонъ
26.— разсказывалъ, не рѣшился же я сейчасъ-же этого разсказать потому что отъ времени самъ уже не вполнѣ отчетливо помнилъ. Поэтому, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ прежде самому для себя все хорошенько воспроизвести и продумать. Вотъ почему вчера я такъ скоро далъ согласіе на твое предложеніе, полагая, что если въ подобномъ случаѣ—самое важное—доставить соотвѣтствующую желанію матерію (для бесѣды), то у насъ будетъ ея вдоволь. Такимъ-то образомъ, какъ и вотъ—онъ (Гермократъ) замѣтилъ, я вчера сейчасъ же еще (дорогой) идя отсюда припоминалъ это и вотъ—имъ говорилъ, а послѣ того какъ ушелъ
B.— отъ нихъ (домой), отдался размышленію во время ночи и почти все возобновилъ (въ памяти). Ужъ и подлинно говорятъ правду, что затверженное въ дѣтствѣ удивительно какъ держится въ памяти, ибо то напр., что вчера я слышалъ (отъ тебя), не знаю могъ ли бы все найти въ своей памяти, между тѣмъ какъ что касается этого, столь давно мною слышаннаго, то тутъ совсѣмъ наоборотъ,—я скорѣе очень удивился бы, еслибъ хоть что нибудь изъ него улетучилось, тѣмъ болѣе, что съ такимъ истинно дѣтскимъ на

му протяженію Атлантическаго Океана даже до моря Юга, гдѣ Лордъ Бэконъ думалъ найти свободное мѣсто для своей *новой Атлантиды* Теперь даже это море уже слишкомъ хорошо извѣстно, чтобъ въ немъ можно было предполагать какую бы то ни было Атлантиду. Нѣтъ, если ужъ существуетъ гдѣ либо Платонова Атлантида, то за нее нельзя принять даже Гаррингтоновой Океаны, ибо этотъ островъ болѣе всего похожъ на Великобританію, а скорѣе всего ужъ можно отождествить ее съ островомъ *Утопіей* Томаса Мора. Это греческое имя, данное Моромъ своему похожему на рай острову, лучше всего показываетъ, подъ какимъ градусомъ широты слѣдуетъ полагать Платонову Атлантиду. Нѣкоторые думали находить ее въ такъ называемомъ Новомъ-Свѣтѣ. Нѣтъ; она относится къ тому другому міру, который лежитъ не въ границахъ географическаго пространства, а въ области фантазіи, которая своею творческою силою свободно создаетъ, какъ пространственныя, такъ и всякія другія отношенія и комбинаціи.

слажденіемъ выслушивалъ я это всякій разъ, какъ старикъ, уступая моимъ разспросамъ, не безъ удовольствія принимался опять и опять разсказывать, такъ что всѣ подробности закрѣпли во мнѣ наподобіе выжженныхъ контуръ неизгладимой картины. И вотъ этимъ господамъ я еще утромъ (сегодня) разсказывалъ это, чтобъ и они, какъ я, не имѣли недостатка въ матеріи разговора. Такимъ образомъ, Сократъ, теперь, чтобъ возвратиться къ главному предмету нашей бесѣды, я готовъ все сіе разсказать уже не въ главныхъ только чертахъ, но и съ подробностію, какъ самъ слышалъ. Но при этомъ государство, которое ты вчера представилъ, какъ (существующее лишь) въ сказкѣ, мы должны будемъ перенести на дѣйствительную почву и трактовать его, какъ дѣйствительно существовавшее вотъ здѣсь—у насъ, а что касается гражданъ, какъ ты ихъ изобразилъ, то нужно будетъ признать, что это суть какъ разъ тѣ истинные предки наши, о которыхъ повѣствовалъ жрецъ. Соотвѣтствіе окажется полнѣйшее, и мы не погрѣшимъ утверждая, что граждане (тобою изображенные) суть именно тѣ самые, которые жили въ то древнее время. Итакъ, раздѣляя (между собою дѣло), мы съобща попытаемся, насколько можемъ, выполнить то, что ты намъ предложилъ (обсудить). А теперь, Сократъ, слѣдуетъ рѣшить, по сердцу ли намъ этотъ предметъ, или вмѣсто его нужно пріискать какой либо другой.

—C. —D. —E.

Сократъ.—Да какому же другому (предмету), Критій, мы дали бы предпочтеніе предъ этимъ, который съ одной стороны болѣе всего приличествуетъ настоящей жертвѣ въ честь богини по причинѣ своего сродства (съ значеніемъ ея)[1]),

[1]) Греки въ своихъ гимнахъ, которыми сопровождали и заключали жертвоприношенія въ честь боговъ и богинь, сколько прославляли то и другое божество за спеціальное покровительство той или иной отрасли человѣческихъ потребностей, занятій, столько же воспѣвали и самихъ себя за свои успѣхи въ этой отрасли. Поэтому, на взглядъ Грека, Аѳину - покровительницу и божественный первообразъ государственной мудрости, гражданской и военной доблести, ничѣмъ лучше нельзя было прославить, какъ эпическимъ гимномъ о славныхъ геройскихъ подвигахъ гражданъ ея собственнаго, то есть, аѳинскаго государства.

а съ другой,—что самое важное, представляетъ изъ себя не вымышленный миѳъ, а истинную исторію? Ибо пренебрегши этимъ, гдѣ и какъ найдемъ что либо другое? Нѣтъ уже: благодаря судьбѣ, вы теперь должны держать рѣчь, я
27.— же, въ награду за вчерашнее разглагольствіе, могу теперь отлично отдыхать и только слушать.

Критій.—Такъ наблюдай же по крайней мѣрѣ, Сократъ, за порядкомъ угощенія, въ которомъ мы тебѣ (предложить) его предположили. Именно, между нами рѣшено, что Тимэй,—такъ какъ онъ лучшій чѣмъ всѣ мы знатокъ міровой системы и такъ какъ ему наиболѣе знакомо дѣло изслѣдованія о природѣ всѣхъ вещей, будетъ держать рѣчь первый, начавъ съ происхожденія міра и окончивъ природою человѣческою. Я же буду говорить послѣ него, именно, получивъ отъ него людей, какъ они произошли въ его разсказѣ, а
B.— отъ тебя принявъ съ тѣмъ отличнымъ воспитаніемъ, которое нѣкоторые изъ нихъ получили, потомъ, согласно наставленію и закону Солона, введу ихъ сюда предъ насъ, какъ предъ лице судей, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали ихъ гражданами нашего государства, потому что они на самомъ дѣлѣ суть не иной кто, какъ тѣ древніе аѳиняне, которыхъ послѣ долгой безвѣстности выявило сказаніе священныхъ книгъ, а затѣмъ уже буду весть рѣчь объ нихъ, какъ о нашихъ согражданахъ-настоящихъ аѳинянахъ.

Сократъ.—Оказывается, что взамѣнъ моего я получу
C.— отъ васъ щедрое и блестящее словесное угощеніе. Итакъ, Тимэй, чуть ли не твоя очередь сейчасъ начать рѣчь, предварительно, какъ это подобаетъ, призвавши боговъ.

V. —*Тимэй.*—О, конечно Сократъ! Да и всѣ вѣдь, у кого есть хоть малая доля смысла, предъ началомъ всякаго дѣла—малаго ли великаго ли, всегда призываютъ боговъ. Тѣмъ болѣе намъ, которые собираемся вести рѣчь о вселенной и томъ, произошла ли она и какимъ именно образомъ, или же представляетъ бытіе не происшедшее,—если только мы не потеряли еще совсѣмъ смысла, необходимо призвать и

боговъ и богинь и помолиться, чтобъ наша рѣчь вышла прежде всего благоугодною имъ, а потомъ—удовлетворительною и для насъ самыхъ. Итакъ, что касается боговъ, то вотъ чего слѣдуетъ желать отъ нихъ. Что же касается —D. насъ—съ вами, то тутъ вся забота должна состоять въ томъ, чтобы я какъ можно яснѣе высказалъ свои мысли относительно предлежащихъ вопросовъ, а вы какъ можно легче уразумѣли ихъ.

Прежде всего, по моему мнѣнію, слѣдуетъ рѣшить вотъ что: что такое есть вѣчно сущее, но не происходящее (во времени), и чтó есть постоянно происходящее, но никогда не бывающее сущимъ [1])?—Первое конечно есть то, что по- —28. стигается умомъ путемъ мышленія, и что существуетъ всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, а послѣднее есть то, чтó сознается въ формѣ мнѣнія при посредствѣ неразумнаго чувства [2]) и чтó—то происходитъ, то погибаетъ, но на самомъ дѣлѣ никогда не существуетъ. Но все, что происходитъ, необходимо отъ какой нибудь причины должно происходить, ибо невозможно, чтобы безъ причины что бы то ни было могло получить происхожденіе. Итакъ, если создатель какого либо произведенія постоянно имѣетъ предъ глазами то, что пребываетъ неизмѣннымъ, и пользуясь имъ какъ образцомъ, отображаетъ и его видъ и его сущность (въ своемъ произведеніи), то всякое исполняемое такимъ образомъ про-

---

[1]) По счастливой случайности сохранившійся отрывокъ перевода Цицеронова какъ разъ начинается съ этого—самаго важнаго мѣста въ Тимэѣ и затѣмъ, лишь съ незначительными пропусками, продолжается до главы объ устройствѣ человѣческаго тѣла.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого неразумнаго чувства, которое, какъ увидимъ ниже, принадлежитъ по Платону къ смертной сторонѣ души, лишенной и разума и разсудка и даже мнѣнія,—съ мнѣніемъ, δόξα, въ формѣ котораго безсмертная душа при посредствѣ ощущеній смертной души постигаетъ законы видимыхъ вещей, между тѣмъ какъ разумомъ созерцаетъ сами вѣчныя идеи, а разсудокъ постигаетъ истины математическія.

изведеніе необходимо должно выходить прекраснымъ, и на-
B — оборотъ никакъ не можетъ быть прекраснымъ (то его про-
изведеніе), выполняя которое онъ смотритъ на то, что само
произошло и значитъ пользуется образцомъ, который самъ
произошелъ. Слѣдовательно, и относительно всеобъемлюща-
го неба или космоса, или пусть ему будетъ у насъ еще
иное имя, которое наиболѣе ему приличествовало бы,—намъ
прежде всего нужно рѣшить вопросъ, которымъ должно на-
чинать изслѣдованіе и всякаго вообще предмета,—именно,—
существовалъ ли этотъ міръ отъ вѣчности, не имѣя начала
бытія, или же онъ произошелъ, начавши (существовать) съ
извѣстнаго пункта (времени)? Конечно, произошелъ, потому
что онъ есть и видимый и осязаемый и тѣлесный, всѣ же та-
кого рода предметы суть чувственно-ощущаемые, а все чув-
ственно-ощущаемое, то есть, воспринимаемое въ формѣ мнѣнія
при посредствѣ чувствъ, какъ намъ извѣстно, есть происходя-
C.— щее и производимое, происшедшее же въ свою очередь, по на-
шему мнѣнію, непремѣнно отъ какого-нибудь виновника долж-
но было произойти. Однакожъ, такъ какъ Творца и Отца все-
ленной и найти-то трудно, нашедши же показать его всѣмъ
еще менѣе возможно, то намъ лишь относительно этого міра
слѣдуетъ рѣшить, по какому изъ образцевъ устроилъ его
29.— Создатель,—по образцу ли всегда тождественному и неизмѣн-
ному, или по образцу, который самъ произошелъ. Если
міръ вотъ этотъ прекрасенъ, а Создатель его благъ, то не-
сомнѣнно, что Онъ (при созданіи его) взиралъ на образецъ
вѣчный, еслиже..., что даже выговорить страшно...,—то,—
на (образецъ) происшедшій... Но, конечно, для всякаго оче-
видно, что—на вѣчный, потому что какъ міръ есть самый
прекраснѣйшій изъ всего происшедшаго, такъ Создатель
его есть самый преблагій изъ виновниковъ. Такъ вотъ какъ
произошелъ міръ: онъ устроенъ сообразно съ тѣмъ, что
познается разумомъ и мышленіемъ и что не подлежитъ из-
мѣненію. Коль скоро же это такъ, то этотъ міръ по всей
B.— необходимости долженъ представлять собою снимокъ съ

чего-то другаго [1]). А теперь,—такъ какъ во всякомъ дѣлѣ самое важное составляетъ положить натуросообразное начало,—намъ относительно этого снимка и того образца слѣдуетъ сдѣлать такую оговорку, что разсужденія, смотря по тому, истолкованію какихъ предметовъ служатъ, съ тѣми и сродство должны имѣть, и что поэтому только разсужденія о бытіи незыблемомъ, неизмѣнномъ и умопостигаемомъ должны имѣть характеръ твердости, непреткновенности и, насколько возможно имъ быть неопровержимыми и нерушимыми, все безъ исключенія сдѣлать съ своей стороны для этой цѣли, между тѣмъ какъ для разсужденій о томъ, что отпечатлѣно только по образцу этого (неизмѣннаго бытія) и есть не болѣе какъ снимокъ съ него, довольно быть только вѣроятными и представлять собою лишь сходство съ тѣми C
(непогрѣшимыми) разсужденіями, ибо что въ сравненіи съ происшедшею вещію есть субстанція, то въ сравненіи съ вѣрою есть истина [2]). Итакъ, Сократъ, не взыщи, если

---

[1]) Цицеронъ перевелъ: „Simulacrum aeternum esse alicujus aeterni“... Нѣкоторые издатели, преклоняясь предъ столь великимъ авторитетомъ, готовы были внести и въ греческій текстъ эти два прибавленныя слова. Одно изъ нихъ „вѣчный“, какъ эпитетъ образца, по которому созданъ міръ, дѣйствительно какъ будто не достаетъ въ текстѣ, но за то такое же самое другое уже никоимъ образомъ не можетъ и не могло принадлежать Платону, потому что высказавши самымъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ образомъ свое мнѣніе о мірѣ, какъ о бытіи производномъ, тварномъ, происшедшемъ во времени, не могъ же вслѣдъ за тѣмъ назвать его „вѣчнымъ“.

[2]) Другими словами: какъ субстанція т. е. бытіе истинно-сущее, вѣчное, неизмѣнное относится къ вещи происшедшей, временной, измѣнчивой, имѣющей лишь заимствованное несобственное существованіе, такъ истина т. е. твердая увѣренность относится къ мнѣнію, или вѣроятному знанію, потому что гдѣ можно имѣть первую, тамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ послѣднему и наоборотъ. Тимэй хочетъ этимъ выразить, что отъ него можно ожидать не истиннаго, не допускающаго никакихъ сомнѣній представленія дѣла, а только вѣроятнаго, такъ какъ и предметомъ его служитъ міръ, не вѣчное и неизмѣнное, а происшедшее измѣнчивое бытіе.

послѣ всего, что другіе уже сказали о богахъ и о происхо-
жденіи всѣхъ вещей, мы не въ состояніи будемъ предста-
вить объ этомъ разсужденій ни съ безусловною строгостію
обоснованныхъ, ни съ полною точностью обработанныхъ,
D.— а будь доволенъ и тѣмъ, если мы предложимъ тебѣ разсуж
деніе лишь не менѣе вѣроятное, чѣмъ всякое иное подоб
ное, помня, что и я говорящій и вы—мои судьи всѣ мы
имѣемъ человѣчески-ограниченную природу и что поэтому
намъ неизбѣжно довольствоваться лишь вѣроятнымъ пред-
ставленіемъ нашего предмета, а чего либо болѣе совершен-
наго и искать не слѣдуетъ.

Сократъ.—Отлично,—Тимэй! Какъ ты говоришь, такъ мы и примемъ (твою рѣчь). Прелюдію твою мы выслушали съ восторгомъ, а теперь выполни-ка намъ и саму пьесу по порядку.

VI. *Тимэй.*—Такъ разсудимъ же теперь, по какому по-
бужденію Создатель далъ бытіе (вещамъ) и устроилъ вотъ
E.— эту вселенную. Онъ—благъ, у благого же никогда не бы-
ваетъ зависти (ни къ кому) ни въ чемъ. Будучи же чуждъ
ея, Онъ восхотѣлъ, чтобъ все было какъ можно болѣе по-
добнымъ ему. И кто эту причину происхожденія (вещей) и
міра принимаетъ, по наученію отъ мудрыхъ мужей, за са-
мую главную, тотъ принимаетъ самую неоспоримую истину.
30.— Потому что такъ какъ Богъ восхотѣлъ, чтобъ по возмож-
ности все было добрымъ, дурнаго же ничего не было, то
взялъ все видимое, которое не въ покойномъ состояніи на-
ходилось, а въ движеніи—притомъ въ движеніи нестройномъ,
безпорядочномъ, и привелъ все въ порядокъ изъ безпорядка,
находя, что первый во всѣхъ отношеніяхъ лучше послѣд-
няго [1]). Поелику же у Совершеннѣйшаго не было и нѣтъ

---

[1]) Не только Отцы Церкви, но многіе и изъ позднѣйшихъ изслѣдователей не хотѣли въ этомъ упоминаніи о хаотическомъ состояніи вещей, упорядоченныхъ Создателемъ, видѣть ученія о предсуществованіи матеріи, какъ особой самостоятельной подлѣ Бога вѣчной потенціи. Мы и сами склонны видѣть какъ

обычая творить что либо иное кромѣ прекраснѣйшаго, то разсудивши Онъ нашелъ, что между твореніями видимыми —B. по своей природѣ никакое лишенное разума твореніе не можетъ быть прекраснѣе, чѣмъ твореніе имѣющее разумъ—цѣлое въ цѣломъ, но что съ другой стороны и самъ разумъ никому не можетъ принадлежать самъ по себѣ, безъ души. Вслѣдствіе этого соображенія, Онъ разумъ вложилъ въ душу, а душу вселилъ въ тѣло,—и вотъ какимъ образомъ устроилъ вселенную съ тѣмъ, чтобы это твореніе, которое Онъ создалъ, было прекраснѣйшимъ и въ самомъ существѣ своемъ совершеннѣйшимъ. Такимъ образомъ, согласно закону вѣроятности, слѣдуетъ думать, что этотъ міръ есть живое существо, имѣющее разумъ и душу, и это—поистинѣ благодаря божественному провидѣнію.

Если же это такъ, то намъ сейчасъ нужно сказать о —C. томъ, что непосредственно за симъ слѣдуетъ, именно, по подобію какого изъ живыхъ существъ Создатель устроилъ міръ?—Конечно, мы не унизимъ его (міра) настолько, чтобъ считать его подобіемъ какого нибудь изъ существъ, принадлежащихъ по природѣ къ разряду частей, потому что (произведеніе) уподобленное несовершенному само никогда не можетъ быть прекраснымъ [1]). Напротивъ, мы должны до-

---

въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ выраженіяхъ Тимэя скорѣе логическое предпоставленіе, чѣмъ реальное предсуществованіе матеріи, какъ потенціи противоположной порядку.

[1]) Переводъ Цицерона въ этомъ мѣстѣ представляетъ довольно значительную разницу: „cujusnam animantium deus in fingendo mundo similitudinem secutus sit. Nullius profecto, eorum quidem, quae sunt nobis nota animantia. Sunt enim omnia in quaedam genera partita, aut inchoata, nulla ex parte perfecta. Эта разница однако не даетъ права заключать, что въ этомъ мѣстѣ греческій текстъ послѣ Цицерона испорченъ, потому что все въ немъ находится въ самой прочной взаимной связи. Скорѣе уже можно допустить порчу или интерполяцію въ фрагментахъ, Цицеронова перевода. Но еще вѣрнѣе, что Цицеронъ и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, не держался строго подлинника и выразилъ мысль его по своему—пространнѣе и нѣсколько иначе.

пустить, что онъ изъ всѣхъ живыхъ существъ наиболѣе
подобенъ тому, въ которомъ всѣ прочія живыя существа
по особямъ и по родамъ содержатся какъ его части, поели-
ку такое живое существо обнимая заключаетъ въ себѣ всѣ
живыя существа, какія только можно представить въ умѣ,
D.— подобно тому, какъ этотъ міръ обнимаетъ насъ и всѣ види-
мыя твари, сколько ни есть ихъ. Потому что, такъ какъ
Богъ восхотѣлъ, чтобъ изъ всѣхъ существъ, какія только
можно обнять умомъ, міръ былъ возможно болѣе подобенъ
самому прекраснѣйшему и во всѣхъ отношеніяхъ совершен-
нѣйшему, то и устроилъ его какъ одно единственное живое
существо, которое въ себѣ содержитъ всѣ живыя существа
31.— родственныя съ нимъ по своей природѣ. Но спрашивается,
болѣе ли мы правы, высказываясь за созданіе одного неба[1]),
или правильнѣе допустить созданіе многихъ и даже безчис-
ленныхъ? Конечно (правильнѣе принять только) одно, если
только оно создано по (вышеуказанному) образцу, ибо су-
щество, объемлющее всѣ живыя существа, какія только во-
образить можно, никоимъ образомъ не могло бы быть вто-
рымъ подлѣ другаго (подобнаго), потому что въ такомъ ра-
зѣ оказалась бы надобность еще въ новомъ живомъ суще-
B.— ствѣ, которое обнимало бы ихъ обоихъ, но тогда уже го-
раздо вѣрнѣе было бы считать созданнымъ (по подобію все-
совершеннаго существа) именно это всеобъемлющее суще-
ство, а не тѣ два [2]). А потому, чтобъ вотъ это живое су-

---

[1]) Въ Тимэѣ очень часто слово οὐρανός употребляется вмѣсто κόσμος, точно также какъ и τὸ πᾶν вмѣсто ἡ οἰκουμένη.

[2]) Прекрасный философскій аргументъ въ пользу единства того образца, по которому созданъ міръ! Но мы думаемъ, что этотъ аргументъ разомъ устраняетъ и двойство верховныхъ началъ міра, то есть, исключаетъ хотя бы то даже только доміpное существованіе матеріи подлѣ единаго, всеобъемлющаго божества. Въ этой мысли еще болѣе утверждаетъ слѣдующая глава, трактующая о созданіи міроваго тѣла изъ четырехъ стихій, которыя вовсе не представляются здѣсь, какъ изначальныя, несозданныя. Правда, что Платонъ умалчиваетъ о способѣ самаго созданія этихъ стихій и распространяется лишь о разумосообразномъ упорядоченіи ихъ Создателемъ. Но, вѣдь, и вообще главнымъ

щество (міръ) было по своему единству подобнымъ всесовершенному живому существу,—для этого Творецъ не создалъ ни двухъ ни безчисленныхъ міровъ, но вотъ это единственное и единородное небо какъ одно получило существованіе, такъ одно и существовать будетъ.

VII.—Потомъ,—всему, что имѣло произойти, надлежало конечно, быть тѣлеснымъ, видимымъ и осязаемымъ [1]). Но быть видимымъ ничто не можетъ безъ посредства огня, точно также и осязаемымъ ничто не можетъ быть безъ чего либо твердаго, твердымъ же ничто не можетъ быть безъ земли. Вотъ почему Богъ, приступая къ образованію тѣла вселенной, долженъ былъ устроить его изъ огня и земли. Но двухъ тѣлъ самихъ по себѣ нельзя, какъ слѣдуетъ, связать воедино безъ третьяго, потому что для этого въ срединѣ между ими обоими непремѣнно должна быть какая либо связь, которая бы ихъ соединяла. Изъ связей же самою лучшею конечно могла быть та, которая образовала бы наиболѣе цѣльное единство изъ себя и соединяемыхъ (ею звеньевъ). Но лучше всего способна сдѣлать это пропорція (ἀναλογία) [2]), потому что когда между тремя какими бы то ни —C.

образомъ эта послѣдняя сторона міробытія составляетъ предметъ философіи, т. е. раціональнаго изъясненія, между тѣмъ какъ первая—созданіе изъ ничего самихъ элементовъ міра есть нѣчто, конечно, не ирраціональное и противоестественное, но зато—супранатуральное и супрараціональное, словомъ, непостижимое.

[1]) Ниже Платонъ будетъ говорить о душѣ міра и о душахъ человѣческихъ какъ такихъ субстанціяхъ, которыя созданы не изъ вещества сложнаго, разложимаго и измѣнчиваго, а изъ сущности недѣлимой, вѣчной и неизмѣнной, которыя безтѣлесны и воспріятію внѣшнихъ чувствъ недоступны. Противорѣчіе это проще всего объясняется тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ Платонъ такъ всецѣло сосредоточивается на вопросѣ о тѣлѣ міра и вообще о тѣлахъ, что совсѣмъ забываетъ о душѣ и душахъ и, значитъ, совсѣмъ не подразумѣваетъ сихъ послѣднихъ, когда говоритъ, что „все произшедшее должно быть тѣлеснымъ, видимымъ и осязаемымъ“.

[2]) Цицеронъ первый перевелъ слова ἀναλογία словомъ proportio: id optime, adsequitur, quae Graece ἀναλογία, Latine—audendum est enim, quoniam

было величинами—между числами ли, массами ли, или си
32.— лами (существуетъ такое отношеніе, что) средняя (изъ нихъ) такъ относится къ послѣдней, какъ первая относится къ ней самой и, какъ послѣдняя относится къ средней, такъ точно средняя относится къ первой, тогда выходитъ, что средняя становится и первою и послѣднею, а первая и послѣдняя обѣ становятся средними, словомъ, что всякая изъ нихъ необходимо представляетъ собою тоже самое, что и всякая другая и что онѣ, будучи однимъ и тѣмъ же въ отношеніи другъ къ другу, всѣ вмѣстѣ составляютъ изъ себя единое цѣлое. Итакъ еслибы тѣлу вселенной надлежало быть только плоскимъ, безъ всякой толщины, тогда достаточно было бы и одного средняго члена для того, чтобъ онъ могъ связать и два другіе члена между собою и себя самого съ ни-
B.— ми. Но такъ какъ ему надлежало быть массообразнымъ, массы же никогда не соединяются посредствомъ одного, а всегда посредствомъ двухъ среднихъ членовъ [1]), то Богъ

haee primum a nobis novantur comparatio *proportio* ve dici potest. Халцидій, какъ видно, не былъ знакомъ съ переводомъ Цицерона, потому что перевелъ: hoc porro modus et congrua mensura partium efficit...

[1]) Въ этомъ мѣстѣ въ особенности расходятся комментаторы Платона. Правдоподобнѣйшимъ изъ объясненій этого мѣста намъ представляется объясненіе Мартэна. Платонъ, говоритъ онъ,—разсматриваетъ здѣсь, каковы въ отношеніи къ геометрической пропорціональности свойства чиселъ, выражающихъ поверхность фигуръ и объемъ тѣлъ, то есть, чиселъ *плоскостныхъ* и *твердыхъ*, какъ ихъ называли древніе математики. Именно, по возраженію древнихъ, *линейныя* числа въ строгомъ смыслѣ слова суть числа цѣлыя измѣряемыя единицей, которыя если и могутъ образоваться отъ умноженія двухъ или многихъ факторовъ, то все таки подъ условіемъ, если это суть единицы; эти числа назывались также первыми. Точно также древніе называли плоскостными числа, происшедшія отъ помноженія двухъ линейныхъ или первыхъ чиселъ, разсматриваемыхъ какъ стороны плоскости. Число называлось *равностороннимъ* или квадратомъ, если эти два фактора были равны, *неравностороннимъ*, если были—не равны, и *продолговатымъ*, если одинъ факторъ былъ много больше другого. Наконецъ числами *твердыми* они называли цѣлыя числа, образовавшіяся отъ умноженія трехъ первыхъ чиселъ; эти числа назывались еще кубами, если всѣ три фактора представляющіе три измѣненія, равны между собою. Платонъ

въ срединѣ между огнемъ и землею помѣстивши воду и воздухъ и приведши (всѣ эти стихіи) насколько возможно въ такое пропорціональное другъ къ другу отношеніе, въ которомъ какъ огонь относится къ воздуху, такъ воздухъ къ водѣ, и какъ воздухъ относится къ водѣ, такъ вода къ землѣ,—тѣмъ самымъ связалъ ихъ воедино и

имплицитэ предполагаетъ, что три измѣренія элементарныхъ тѣлъ, о которыхъ говорятъ, должны быть выражаемы числами *линейными въ строгомъ смыслѣ слова*, то есть, числами *первыми*, недробными, исходящими отъ одной и той же единицы мѣры, но что объемы этихъ самыхъ тѣлъ должны быть выражаемы *числами твердыми*. При этомъ предположеніи, какъ нельзя лучше оправдывается утвержденіе Платона, о которомъ идетъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, во 1-хъ между двумя *плоскостными* числами, лишь бы только они были квадратами, среднепропорціональнымъ необходимо будетъ одно *плоскостное же* число; именно, если этими числами будутъ квадраты a^2 и b^2, то среднепропорціональнымъ будетъ ab, потому что $ab \times ab = a^2 \times b^2$. И наоборотъ, между двумя плоскостными числами никакъ нельзя вставить вмѣсто одного двухъ другихъ чиселъ, такъ чтобъ образовалась геометрическая пропорція, состоящая изъ четырехъ различныхъ членовъ, которые въ тоже время всѣ были бы плоскостными числами. Во 2-хъ между двумя *твердыми* числами можно всегда вставить два среднихъ члена такъ, чтобъ образовалась геометрическая пропорція въ твердыхъ же числахъ. Напр. $a^3 : a^2b = b^2a : b^3$. Тоже самое выходитъ, если каждое изъ этихъ чиселъ состоитъ изъ трехъ неравныхъ факторовъ: $abc : abd = cef : def$. Напротивъ между *твердыми* числами, какъ напр. abc, def, или $a^2 b$ и $c^2 d$, или a^3 и b^3 никогда нельзя найти твердаго да и вообще какого-бы то ни было цѣлаго числа, которое было бы средне-пропорціональнымъ. Итакъ въ предположеніи, что измѣренія элементарныхъ тѣлъ должны быть выражаемы *первыми* числами, Платонъ былъ правъ говоря, что должно быть не три, а четыре вида этихъ тѣлъ, для того, чтобъ могла составиться геометрическая пропорція. Полагая, что формы этихъ четырехъ видовъ тѣлъ представляютъ собою формы четырехъ правильныхъ многогранниковъ, онъ естественно затѣмъ долженъ былъ предположить, что объемы этихъ твердыхъ тѣлъ κατ' ἐξοχήν должны быть выражаемы и числами *твердыми* κατ' ἐξοχήν, то есть что ихъ три линейныя измѣренія должны быть выражаемы и числами *линейными* въ строгомъ смыслѣ слова. Платонъ вообще полагалъ, что каждое тѣло земли, воды, воздуха и огня представляетъ собою правильный многогранникъ, котораго объемъ выражается произведеніемъ трехъ измѣреній прямоугольнаго среднепропорціональнаго параллелепипеда, что эти три измѣренія, исходя отъ одной и тойже единицы мѣры, выражаются

такимъ образомъ устроилъ видимое и осязаемое небо.
C.— Вотъ почему именно изъ этихъ и именно четырехъ по числу
стихій образовано было тѣло міра, которое бывъ объединено
пропорціональностію, получило такое взаимотяготѣніе ча-
стей, что сплотило ихъ въ себѣ воедино и стало недоступ-
нымъ разрѣшенію ни отъ кого, за исключеніемъ развѣ Того,
Который самъ его совокупилъ.

При этомъ каждая изъ этихъ четырехъ стихій вошла
въ составъ міра вся цѣликомъ безъ остатка, потому что
Создатель міра устроилъ его изъ всего огня и воды, изъ
всего воздуха и земли, не покинувъ гдѣ либо внѣ его ни
единой ни частицы, ни потенціи ни отъ одной изъ этихъ
D.-- стихій, имѣя въ виду, чтобъ во 1-хъ это живое существо
было всецѣлостнымъ и возможно-совершеннѣйшимъ, со-
33.— держа въ себѣ свои части во всей полнотѣ ихъ, потомъ,
чтобъ въ добавокъ къ этому оно было однимъ единствен-
нымъ, такъ какъ и элементовъ не осталось, изъ которыхъ
могло бы произойти другое подобное, и наконецъ чтобъ оно
не было подвержено ни старости, ни болѣзни, ибо Онъ преду-
смотрѣлъ, что еслибы теплыя, холодныя и всякія вещества,
способныя оказывать сильное отвнѣ воздѣйствіе, окружали
совнѣ составленное (изъ разныхъ элементовъ) тѣло [1]) и не

числами *первыми*, между тѣмъ какъ объемы этихъ четырехъ видовъ тѣлъ выражаются числами *твердыми* въ строгомъ смыслѣ слова, что эти объемы представляютъ собою четыре члена геометрической пропорціи и что слѣдовательно пропорціональность господствуетъ во вселенной, такъ какъ тѣло ея составлено изъ этихъ четырехъ видовъ тѣлъ.—На сторону этого объясненія приходится склониться тѣмъ болѣе, что оно было уже намѣчено и многими древними комментаторами.

[1]) Мы слѣдуемъ здѣсь чтенію Вагнера „ὡς ξυστατῷ σώματι вмѣсто ὡς ἃ ξυνιστᾷ τὰ σώματα, которое почему-то принято почти всѣми новѣйшими изданіями, не смотря на то, что оно встрѣчается только въ трехъ древнихъ кодексахъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ и лучшихъ кодексахъ стоитъ ὡς ξυνιστὰν τῷ σώματι“. Но это послѣднее чтеніе есть грамматически невозможное, хотя сама мысль въ немъ не извращается. Между многими поправками этого мѣста, сдѣланными рукою разныхъ критиковъ, самою близкою къ истинѣ намъ кажется поправка Вагнера тѣмъ болѣе, что она очень близка къ смыслу перевода Цицеронова.

во время приражались къ нему, то неминуемо способствовали бы его разрѣшенію и, причиняя ему болѣзни и обветшаніе, довели бы его до гибели. По этой-то причинѣ и вслѣдствіе такого соображенія образовавши изъ всѣхъ этихъ (элементовъ), безъ всякаго остатка, одно—единственное всецѣлостное живое существо, Онъ сдѣлалъ его совершеннѣйшимъ и чуждымъ старости и болѣзней. Видъ же ему Онъ далъ наиболѣе свойственный его природѣ. Именно, для живаго существа, которое должно было обнимать въ себѣ всѣ живыя твари, и фигурою самою подходящею могла быть именно только такая, которая обнимала бы въ себѣ всѣ фигуры, сколько ни есть ихъ. Поэтому, Онъ сообщилъ ему сферическую округленность такъ, чтобъ у него было повсюду одинаковое разстояніе отъ срединъ (центра) къ конечностямъ (къ периферію), и далъ ему форму круга, которая изъ всѣхъ формъ есть самая совершенная и наиболѣе самой себѣ равная,—въ той мысли, что равное самому себѣ тысячу-кратъ прекраснѣе того, что не есть самому себѣ равное. Совнѣ-же по всей окружности Онъ сдѣлалъ его со- C.
всѣмъ гладкимъ по многимъ основаніямъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, оно не нуждалось ни въ глазахъ, такъ какъ внѣ его ничего болѣе не оставалось, что могло бы подлежать созерцанію, ни въ слухѣ, такъ какъ внѣ его не было ничего, что можно было бы слышать, а равно и воздуха не было, который бы, окружая его, заставлялъ вдыхать себя. Не было ему нужды обладать и такимъ какимъ либо органомъ, которымъ бы, могло принимать внутрь себя пищу, а прежде (принятую и) переварившуюся устранять изъ себя, потому что какъ ничто изъ него не выходило, такъ ничто въ него

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Цицеронъ свободно уясняетъ и развиваетъ мысль, а не передаетъ съ точностію букву греческаго текста: idque ita tornavit, ut nihil effici posset rotundius, nihil ut asperitatis haberet, nihil offensionis, nihil incisum angulis, nihil amfractibus, nihil eminens, nihil lacunosum, omnesque partes simillimas omnium....,

и не входило, да и не было ничего (внѣ его). Напротивъ,
оно создано съ такою премудростію, что изъ своего соб-
D.— ственнаго истощенія имѣетъ себѣ пищу, все въ себѣ са-
момъ переживая, во всемъ само отъ себя дѣйствуя, ибо Со-
здатель былъ того мнѣнія, что оно гораздо болѣе будетъ
совершеннымъ, будучи самодовлѣющимъ, чѣмъ нуждаясь въ
чемъ либо постороннемъ. Точно также Онъ считалъ не
нужнымъ прикрѣплять ему понапрасну и руки, которыя не
были ему нужны ни для того, чтобъ брать, ни для того, чтобъ
отражать отъ себя что-нибудь,—и ноги, да и вообще какія
34.— бы то ни было орудія для хожденія, потому что сообщилъ
ему движеніе такое, которое съ одной стороны наиболѣе
свойственно его тѣлу, а съ другой имѣетъ, изъ всѣхъ семи
движеній [1]), наиболѣе близкое отношеніе къ разуму и мышле-
нію. Именно, сообщивши ему вращательное движеніе во-
кругъ самого себя—въ одномъ и томъ же (направленіи) и
на одномъ и томъ же (мѣстѣ) [2]), Онъ указалъ и всегда со-
вершать движеніе, вращаясь такимъ образомъ, всѣ же шесть
остальныхъ движеній отнялъ отъ него и сдѣлалъ его сво-
боднымъ отъ ихъ сбивчивости. Поелику же для этого кру-
говращенія оно вовсе въ ногахъ не нуждалось, то создалъ
его безъ бедръ и ногъ.

VIII.—Послѣ того, какъ вѣчно-сущій Богъ предначер-
талъ весь этотъ планъ (устройства) божества, которому

---

[1]) Движеніе это, конечно, есть круговое, какъ наиболѣе свойственное шарообразному тѣлу. Почему Платонъ считаетъ это движеніе наиболѣе близкимъ къ разуму и мышленію, это объясняется ниже (p. 37), въ трактаціи о міровой душѣ. Что касается того, какія именно 7 движеній разумѣетъ здѣсь Платонъ, то ниже (p. 43) онъ самъ называетъ ихъ. Онѣ суть: вверхъ, внизъ, направо, налѣво, впередъ, назадъ и вокругъ.

[2]) Такъ для точности мы переводимъ выраженія: „ἐν ἑαυτῷ, κατὰ ταὐτά, ἐν τῷ αὐτῷ. Переводъ Цицерона въ этомъ мѣстѣ не вполнѣ точенъ: „una conversione atque eadem circum se torquetur et vertitur etc. Еще менѣе точенъ переводъ Халцидія: „neque ullum locum ex loco mutans ideoque in orbem fertur et velut fixo circumvolat cardine...

предстояло получить существованіе, Онъ создалъ для него —B.
тѣло гладкое, ровное, во всѣ стороны отъ средины равномѣрно распростертое, всецѣлостное и совершенное, изъ совершенныхъ частей состоящее, душу же помѣстивши въ рединѣ (тѣла), распростеръ ее отсюда по всему протяженію, да и снаружи облекъ ею тѣло, и такимъ образомъ утвердилъ вотъ это небо—круглое и вращающееся въ кругѣ, одно—единственное, не имѣющее подлѣ себя никакого сосѣдства, но, благодаря своему совершенству, ни въ комъ другомъ не нуждающееся, могущее обходиться общеніемъ лишъ съ самимъ собою и довольствоваться близостію и дружбою лишъ къ себѣ самому. Вслѣдствіе всего этого оно, конечно, вышло изъ рукъ Его божествомъ вседовольнымъ.

Однакожъ, что касается души (его), то Богъ, конечно,
создалъ ее не позднѣе (тѣла), какъ вотъ мы теперь начи- —C.
наемъ говорить объ ней послѣ, ибо соединяя ее (съ тѣломъ), Онъ не могъ же допустить, чтобъ первенство досталось сущности младшей надъ старшею. Мы-то, конечно, много завися отъ повода и случая, и говоримъ въ такомъ порядкѣ (какъ придется по требованію случая), но Онъ создалъ душу не только по совершенству, но и по началу бытія первѣйшею и старѣйшею, чѣмъ тѣло, какъ будущую госпожу и повелительницу надъ нимъ, какъ надъ подначальнымъ, создалъ изъ слѣдующихъ (элементовъ) и слѣдующимъ образомъ. Изъ недѣлимой и всегда тождественной сущности и
той сущности, которая является дѣлимою въ тѣлахъ [1]), изъ —35

---

[1]) Чтобъ примирить это выраженіе (καὶ τῆς αὖ περὶ τὰ σώματα γιγνομένης μεριστῆς οὐσίας), указывающее повидимому ясно на вещественную сложность и дѣлимость мiровой души, съ общимъ и постояннымъ ученіемъ Платона о душѣ, какъ существѣ невещественномъ, простомъ и недѣлимомъ, нѣкоторые комментаторы поставляютъ на видъ, что здѣсь рѣчь идетъ о мiровой душѣ по аналогіи съ душею человѣческою и разумѣется не дѣленіе ея на части, а только распредѣленіе ея по тѣламъ (небеснымъ) точно такое же, какое представляетъ и душа человѣческая, которая остается единою, недѣлимою, не смотря на то, что ея

этихъ двухъ видовъ сущности Онъ составилъ, путемъ смѣшенія, третій видъ сущности, представляющій нѣчто среднее между природою сущности тождественной и природою сущности иной (измѣнчивой), и помѣстилъ его въ срединѣ между недѣлимымъ видомъ сущности и видомъ ея дѣлимымъ въ тѣлахъ, а потомъ, взявъ всѣ эти числомъ три вида, смѣшалъ ихъ въ одинъ родъ сущности, насильно приведши въ
B.— связь съ природою тождественнаго неудобосоединимую природу иного. Смѣшавши же кромѣ того все это съ бытіемъ и составивши изъ трехъ (видовъ сущности) одинъ, Онъ затѣмъ все это цѣлое раздѣлилъ на столько частей, насколько нужно было—такимъ образомъ, что каждая часть представляла въ себѣ смѣсь сущности тождественной, сущности иной и бытія [1]). Началъ же Онъ дѣлить такъ: прежде всего отнялъ

силы, способности, функціи распредѣляются между разными органами тѣла. Положимъ, это и въ самомъ дѣлѣ такъ. Но дѣло въ томъ, что Платонъ въ міровой душѣ, точно такъ же какъ и въ человѣческой, кромѣ сущности тождественной, различаетъ еще и другую какую-то сущность, и эта послѣдняя, пусть она будетъ такая же простая и недѣлимая, какъ и первая, очевидно, все таки должна же отличаться отъ нея тѣми или иными своими специфическими свойствами, чтобъ быть иною, а не тою же самою, что и она. Каковы ея отличительныя свойства, каково ея существо—вотъ что все таки слѣдуетъ опредѣлить. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже. См. слѣдующее примѣчаніе.

1) Для пониманія этого—одного изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ Тимэѣ требуется рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

α) Что такое „сущность тождественная“, „сущность иная“ (выше названная „дѣлимою въ тѣлахъ“) и бытіе?—Отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ ученіи Платона объ идеяхъ. Всѣ идеи—родовыя, видовыя и единичныя проистекаютъ по Платону изъ идеи бытія или сущаго τὸ ὄν, надъ которою стоятъ еще только двѣ идеи—идея высочайшаго единства τὸ ἕν и идея блага τὸ ἀγαθόν, такъ что она объемлется и содержится тою и другою вмѣстѣ. Эта идея въ свою очередь содержитъ подъ собою всѣ низшія идеи, или что тоже, онѣ содержатъ ее въ себѣ, насколько и имъ принадлежитъ бытіе, существованіе. Къ разряду всеобщихъ идей относятся также идея *тождественнаго* и идея *иного*, потому что всякая идея, будучи тождественна съ самой собою, есть въ тоже время не та, иная чѣмъ другая.

β) Но значитъ ли это, что смѣсь для міровой души составлена именно изъ

отъ всей массы одну часть, а за нею другую вдвое противъ нея большую, потомъ третью—въ полтара раза большую противъ второй и втрое большую противъ первой, четвер- —С.

этихъ трехъ идей? Никоимъ образомъ, говорятъ, ибо всѣ вообще идеи у Платона такъ всецѣло замкнуты въ сферѣ своей собственной сущности, что не могутъ входить ни въ одну изъ тварныхъ вещей, такъ что въ составъ міровой души могли войти развѣ только образы этихъ идей, но не сами идеи. Таково преобладающее мнѣніе объ отношеніи у Платона идей къ міру вещей, Что касается всѣхъ вещей, то не будемъ пока спорить противъ этого мнѣнія, но что касается міровой души, то тутъ же замѣтимъ по крайней мѣрѣ, что текстъ Тимэя, переданный нами съ совершенною буквальностію, едва ли сколько-нибудь благопріятствуетъ этому мнѣнію. Притомъ же,

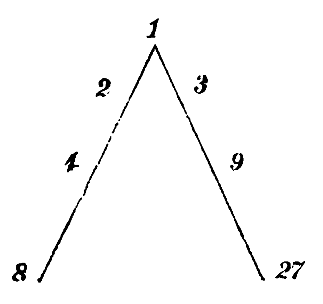
γ) спрашивается, что такое суть эти три идеи? Въ логическомъ отношеніи, т. е. для нашего ума, отвлекающаго ихъ отъ вещей, онѣ, конечно, суть не болѣе, какъ тѣ всеобщія понятія, безъ которыхъ немыслима для насъ ни одна вещь: всякая вещь есть тождественная съ самой собою и иная по отношенію ко всякой другой; точно также въ понятіе о всякой вещи входитъ и предикатъ или идея ея бытія. Но понятно, что совсѣмъ инымъ чѣмъ-то должны были быть эти идеи въ творческомъ разумѣ Божества, особенно въ тотъ моментъ, когда онѣ переходили изъ области чистой мысли въ области конкретной жизни. Да даже и для нашего разума онѣ перестаютъ быть простыми идеями, когда мы нѣсколько иначе прилагаемъ ихъ къ вещамъ, именно когда различаемъ въ нихъ нѣчто всегда одинаковое, тождественное и нѣчто непонятное, измѣнчивое, ибо въ такомъ разѣ первое есть уже для насъ не идея, а реальная потенція тождества, точно также какъ и послѣднее есть реальная потенція измѣнчивости. Итакъ, три поименованныя идеи должны быть принимаемы не столько за абстрактныя идеи, сколько за реальныя потенціи.

δ) Что же это за потенціи?—Относительно „бытія" не можетъ быть мѣста никакимъ сомнѣніямъ: это не есть какая либо особая потенція, а есть присущая обѣимъ названнымъ потенціямъ способность быть, существовать. Что же касается потенціи тождественнаго и потенціи иного, то объ нихъ, насколько онѣ входятъ въ составъ міровой души, Платонъ ничего не говоритъ, и намъ ничего не остается, какъ опредѣлить ихъ по аналогіи съ потенціями или сторонами человѣческой души на томъ основаніи, что она, по Платону, создана изъ того же матеріала, что и міровая душа, только немного худшаго по достоинству. Итакъ, если первой изъ этихъ потенцій соотвѣтствуетъ въ душѣ нашей та божественная часть ея, которая живетъ въ головѣ, то она есть не что иное, какъ разумъ—принципъ самососредо-

тую—вдвое большую противъ второй, пятую—втрое большую противъ третьей, шестую—въ восемь разъ большую противъ первой и седьмую—въ двадцать семь разъ большую противъ первой [1]). Послѣ этого Онъ сталъ наполнять промежутки (интервалы) между двойными и тройными членами [2]),

точивающагося единства въ раздробленной множественности, тождества въ текущей измѣнчивости явленій, и если послѣдней изъ нихъ въ нашемъ существѣ соотвѣтствуетъ смертная волящая и чувствующая душа, обитающая въ груди и животѣ, то она есть не что иное, какъ низшая чувственная сторона міровой души—принципъ разнообразія и измѣнчивости ея проявленій въ разныхъ тѣлесныхъ вещахъ, или точнѣе, есть сама жизненная сила, постоянно раждающаяся и никогда не сущая, безпрестанно измѣняющаяся, темная, безотчетная въ своихъ влеченіяхъ, и однакожъ производящая всегда гармоническій порядокъ, благодаря тому обстоятельству, что Богъ противъ ея воли насильно связалъ ее съ разумомъ, который ее освѣщаетъ и ею управляетъ. Но что такое еще третья средняя между этими двумя потенція?—Если она произошла изъ смѣси только этихъ двухъ потенцій и представляетъ изъ себя только составленную изъ нихъ смѣсь, то понятно, что она не есть какая либо особая подлѣ нихъ сущность, и Платонъ ввелъ ее сюда, кажется, просто только ради тройственности, проходящей почти чрезъ всѣ его теоріи. Что самъ Платонъ не считалъ ея за такую сущность, это видно изъ того, что она, послѣ смѣшенія всѣхъ трехъ видовъ сущности въ одинъ, совсѣмъ уже у него скрывается, такъ что подлѣ сущности тождественной и иной какъ въ самой міровой душѣ, такъ и въ каждой вещи третьимъ объединяющимъ ихъ членомъ является уже не третья, срединная смѣшенная изъ нихъ сущность, а бытіе, о которомъ мы уже говорили, что оно не представляетъ собою никакой особой сущности.

[1]) Если допустить, что первая часть=1, то вторая будетъ=2, третья=3, четвертая=4, пятая=9, шестая=8 и седьмая=27, и если вдобавокъ, слѣдуя примѣру Макробія (Comment. in Somn. Scip.), разставить эти части по сторонамъ греческой ламвды, то окажется два ряда чиселъ, изъ коихъ одинъ имѣетъ основаніемъ 2, а другой—3 и между которыми образуются тѣ двойные и тройные промежутки, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

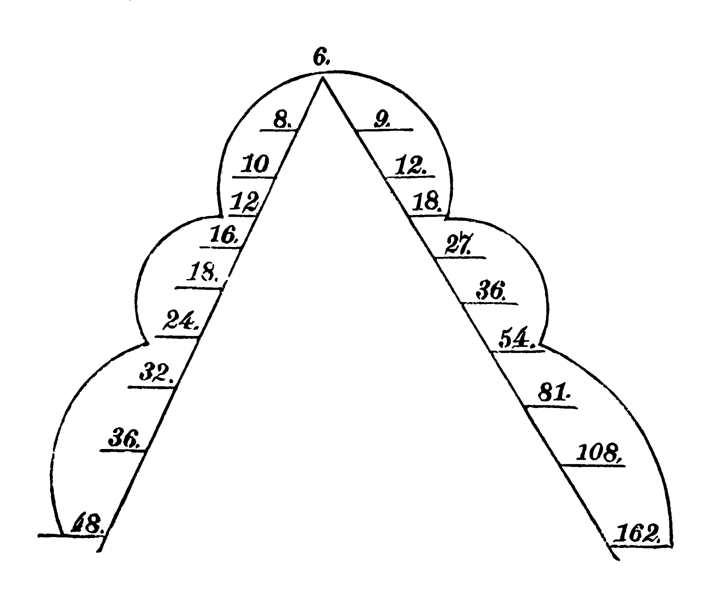


[2]) Точнѣе сказать,—между членами, основаніе которыхъ есть 2 и членами съ основаніемъ 3.

отдѣляя части оттуда же (т. е. изъ цѣлой массы) и полагая ихъ между этими (уже отнятыми) частями такимъ образомъ, —36
что въ каждомъ промежуткѣ оказалось по два среднихъ члена, изъ которыхъ одинъ на столько же долей превышалъ первый изъ крайнихъ членовъ, на сколько его самого превышалъ второй (изъ этихъ членовъ), а другой на такое же число превышалъ одинъ (изъ тѣхъ же крайнихъ членовъ), какимъ его самого превышалъ другой (изъ нихъ) [1]). Поелику

---

[1]) Способъ этого наполненія легче всего понять изъ слѣдующаго примѣра, употребленнаго Плутархомъ, и изъ фигуры Халцидія. Положимъ, требуется найти средніе члены въ промежуткѣ между 6 и 12. Однимъ членомъ будетъ несомнѣнно 8, потому что 8 на $1^{1}/_{3}$ больше чѣмъ 6 и на такую же долю 12 меньше этого числа, слѣдовательно, на такую же долю превышаетъ одинъ крайній членъ, на какую его самаго превышаетъ другой членъ. Другимъ членомъ конечно будетъ 9, потому что 9 такимъ же числомъ, —именно 3-мя больше чѣмъ 6, какимъ 12 больше, чѣмъ само оно. Такимъ образомъ, получится слѣдующая пропорція: 6: 8=9: 12. Для промежутка же между числами съ основаніемъ 3, напр. между 3 и 9 средними членами будутъ $^{9}/_{2}$ и 6, и значитъ выйдетъ пропорція: 3: $^{9}/_{2}$=6: 9. Очевидно, что при восполненіи промежутковъ между 1 и 2, 1 и 3, 2 и 3 и т. д. будутъ постоянно оказываться средними членами дроби, и пропорціи окажутся слѣдующія: 1: $^{4}/_{3}$=$^{3}/_{2}$: 2; 1: $^{3}/_{2}$=2: 3; 2: $^{8}/_{3}$=3: 4; 4: $^{16}/_{3}$=6: 8; 9: $^{27}/_{2}$=18: 27 и т. д. Нѣкоторые, поэтому, во избѣжаніе дробей начинали рядъ членовъ не съ 1, а съ 6, какъ это видимъ и въ фигурѣ Халцидія.



же отъ этихъ соединительныхъ членовъ образовались въ
прежнихъ разстояніяхъ промежутки, равнявшіяся $1\frac{1}{2}$ (или
$\frac{3}{2}$ долямъ предъидущаго члена), $1\frac{1}{3}$ (или $\frac{4}{3}$ долямъ) и $1\frac{1}{8}$
(или $\frac{9}{8}$ долямъ), то Онъ наполнилъ всѣ промежутки полу-
В.— торные посредствомъ промежутка въ $1\frac{1}{8}$, оставивъ отъ каж-

---

Впрочемъ, уже древніе комментаторы Платона—какъ-то Плутархъ, Никомахъ, Θеонъ смирнскій, Ямблихъ, Халцидій, Проклъ- всѣ находили въ этомъ мѣстѣ трактацію не объ однихъ только математическихъ, но вмѣстѣ и о гармоническихъ отношеніяхъ, и потому при объясненіи его болѣе или менѣе принимали въ разсчетъ греческую теорію музыки. Что касается въ особенности среднихъ членовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то уже Плутархъ замѣтилъ, что первый изъ требуемыхъ среднепропорціональныхъ членовъ, который бы такимъ же числомъ превышалъ одинъ изъ крайнихъ членовъ, какимъ другой крайній членъ превышалъ бы его самаго, есть ариθметическій (μεσότης ἀριθμητική), а что второй требуемый членъ, который бы на такую же долю превышалъ одинъ изъ крайнихъ членовъ, на какую его самаго превышалъ бы другой крайній, есть среднепропорціональный гармоническій (μεσότης ὑπεναντία ἡ ἁρμονική). Слѣдовательно, въ вышеприведенномъ примѣрѣ $6:8=9:12$—среднепропорціональный ариθметическій членъ есть 9, а 8 есть среднепропорціональный гармоническій. Итакъ, знаніе гармонической пропорціи, умѣнье найти среднепропорціональные гармоническіе члены есть необходимое условіе даже для одного буквальнаго пониманія этого мѣста. Опираясь на изслѣдованія древнѣйшихъ комментаторовъ, Бэккъ (Über die Bildung der Weltseele...) даетъ въ качествѣ ключа для открытія этого замысловатаго ларчика слѣдующія положенія. Именно, если обозначить меньшій изъ крайнихъ членовъ буквою m, большій буквою M, среднепропорціональный буквою H, разность между меньшимъ крайнимъ и среднимъ буквою d, а разность между среднимъ и большимъ крайнимъ буквою D, слѣдовательно разность обоихъ крайнихъ буквами d+D, то выйдетъ:

1) $m:d=M:D$.
2) $mD=Md$.
3) $m+M=d+D=m:d=M:D$
4) $(m+M)\,d=(d+D)\,m$, или $(m+M)\,D=(d+D)\,M$.
5) $(m+M)\,H=2\,m\,M$.
6) $d=\frac{(d+D)\,m}{m+M}$, $D=\frac{(d+D)\,M}{m+M}$
7) $H=\frac{2\,m\,M}{m+M}$
8) $H=m+\frac{(d+D)\,m}{m+M}$
$H=M-\frac{(d+D)\,M}{m+M}$.

даго изъ нихъ маленькую долю, такъ что этотъ оставленный промежутокъ доли представлялъ между двумя послѣдовательными числами отношеніе, членами котораго были 256 и 243 [1]). Такимъ образомъ Онъ употребилъ въ дѣло всю смѣсь, изъ которой выдѣлялъ эти части. Затѣмъ весь этотъ составъ раздѣливъ въ длину на двѣ части, соединилъ эти части, другъ съ другомъ, срединою къ срединѣ на подобіе буквы хи (X), потомъ согнулъ ихъ въ кругъ, соединивши —C.
между собою концы каждой изъ нихъ и приладивши къ концамъ другой въ точкѣ противоположной точкѣ соединенія и наконецъ сообщилъ имъ вращательное движеніе, однообразное, то есть, безъ перемѣны мѣста и направленія, при чемъ одному изъ круговъ назначилъ быть внутреннимъ, а другому внѣшнимъ [2]). Внѣшнему вращенію Онъ предназначилъ быть вращеніемъ природы тождественнаго, а внутреннему—вращеніемъ природы иного, при чемъ кругу природы тождественнаго указалъ вращаться по направленію стороны (параллелограмма—слѣва) направо, а кругу природы иного вращаться по направленію діаметра (вѣрнѣе,—діагонали справа) налѣво, но перевѣсъ все таки далъ вращенію тож- —D.
дественнаго и неизмѣннаго, такъ какъ оставилъ его единич-

---

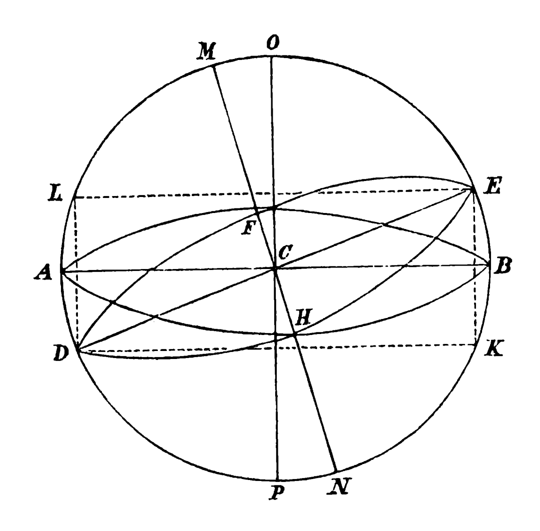
[1]) Можно было бы отыскать посредствомъ пропорцій средніе члены для восполненія и этихъ новыхъ промежутковъ, но отъ этого будетъ нисколько не легче: новый рядъ чиселъ, пропорцій самъ по себѣ ничего не скажетъ, если эти числа и пропорціи не будутъ связаны съ лежащею въ основаніи ихъ теоріею музыки. Желающіе ближе познакомиться съ этою теоріею могутъ обратиться къ такимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, какъ изслѣдованіе Бюретта (Memoires de l'Academie des inscriptions et belles lettres vol. 4. 5. 8. 10. 13. 15. 16) или Форкеля (Geschichte der Musik, Bd. 1), или Бэкка (Pindari opera vol. 2) или Мартэна; но по крайней мѣрѣ самый кратенькій очеркъ ея необходимъ и для всякаго, кто желалъ бы имѣть ясное понятіе объ изложенной здѣсь астрономической теоріи Платона, и такъ какъ здѣсь для него не оказывается мѣста, то см. въ концѣ „Приложеніе къ Тимэю.

[2]) Всю составленную по вышеуказаннымъ пропорціямъ массу (конечно, не вещественную) Творецъ сперва раздѣляетъ на двѣ половины, которыя соединяетъ посрединѣ въ видѣ буквы хи, потомъ сгибаетъ обѣ въ кругъ и снова соединяетъ въ точкѣ противоположной точкѣ перваго соединенія, а потомъ обѣ

нымъ, не раздѣленнымъ, между тѣмъ какъ внутреннее шесть разъ разрѣзавъ, раздѣлилъ на 7 неравныхъ круговъ, сооб-

---

опоясываетъ другимъ кругомъ, котораго движеніе есть всегда себѣ равное, неизмѣнное. Съ помощію слѣдующей фигуры



лучше всего можно показать, въ чемъ тутъ суть дѣла. Двѣ линіи AFBHA и DFEHD (которыя до сведенія въ кругъ должно представлять себѣ прямыми) соединяются въ точкѣ F, такъ что образуютъ изъ себя подобіе буквы X, какъ это показываютъ еще и діаметры AB и DE (происшедшихъ отъ согнутія ихъ круговъ), затѣмъ онѣ сводятся въ два круга AFBHA и DFEHD, которые соединяются въ точкѣ H, какъ противоположной точкѣ F и потомъ обводятся другимъ кругомъ AOBPA, который ихъ обоихъ вмѣщаетъ въ себѣ и въ своемъ неизмѣнномъ вращеніи представляетъ природу тождественнаго. Одинъ изъ заключенныхъ въ немъ круговъ Богъ дѣлаетъ внѣшнимъ—AFBHA и сообщаетъ ему природу тождественнаго, а другой DFEHD дѣлаетъ внутреннимъ и сообщаетъ ему природу иного (измѣнчиваго, дѣлимаго, чувственнаго).—Что же это за круги? Круги эти, какъ это еще древніе комментаторы (Аристотель, Плутархъ, Проклъ, Халцидій) съ увѣренностію полагали, да и самъ Платонъ ниже (p. 38 c.) даетъ понять, суть не что иное, какъ пересѣкающіеся въ равноденственныхъ точкахъ подъ наклоннымъ угломъ (образуемымъ осями экватора OP и эклиптики MN, при чемъ MCO=ACD, нынѣ=23° 27′ 42″) пути эклиптики DFEHD или зодіака и экватора или неба неподвижныхъ звѣздъ AFBHA. Что же касается обнимающаго ихъ круга AOBPA, то это, очевидно, есть не что иное, какъ такъ назывемый сводъ небесный. Экваторъ, который дѣйствительно представляетъ въ себѣ природу тождественнаго, такъ какъ движется всегда въ одномъ и томъ же направленіи около міровой оси, обнимаетъ пути эклиптики и управляетъ ими, между тѣмъ какъ эклиптика сама кружится около него. Онъ идетъ направо, то

разно съ разстояніями двойнаго и тройнаго (промежутковъ), которыхъ было по три того и другого рода [1]), и устроилъ

есть отъ востока чрезъ западъ къ востоку, потому что еще у Пиѳагорейцевъ правою стороною считался востокъ или утро и ему только усвоялась природа тождественнаго—разумъ. Да и вообще Греки съ древнѣйшихъ временъ птицегаданія оріентировались, обращаясь къ сѣверу, при чемъ конечно востокъ оказывался съ правой стороны и натурально представлялъ собою на ихъ взлядъ нѣчто съ одной стороны благопріятное, счастливое, а съ другой нѣчто справедливое, истинное; предзнаменовавшій счастіе полетъ птицы направо ἐπὶ δεξιά,—это полетъ въ направленіи къ востоку, а предзнаменовавшій несчастіе полетъ налѣво—ἐπὶ ἀριστερά былъ полетъ въ направленіи къ западу. Это обстоятельство тѣмъ больше говорило въ пользу тождественной, истинной природы вращенія экватора. Движеніе же эклиптики идетъ налѣво, то есть отъ запада, чрезъ востокъ къ западу; ей, поэтому принадлежитъ природа иного, измѣнчиваго, неразумнаго τοῦ θατέρου καὶ ἀλόγου. Если затѣмъ Платонъ говоритъ, что Богъ повелъ движеніе экватора по направленію стороны κατὰ πλευράν, а движеніе эклиптики по діаметру—κατὰ διάμετρον, то подъ стороною нужно разумѣть сторону вписаннаго въ кругѣ параллелограмма, и тогда конечно выйдетъ движеніе по прямому направленію и значитъ разумосообразное, подъ діаметромъ же нужно разумѣть не діаметръ вращающагося около его круга, но діагональ вписаннаго въ кругѣ четвероугольника, и тогда движеніе выйдетъ не прямое и значитъ ирраціональное. Если въ этой же самой фигурѣ чрезъ точки D и E, въ которыхъ эклиптика касается поворотныхъ круговъ, проведемъ линіи DK и EL параллельныя поперечнику экватора AB и соединимъ точку L съ точкою D, а точку E съ точкою K, то выйдетъ параллелограммъ DLEK, котораго верхняя сторона LE и нижняя DK, опредѣляемыя точками D и E, будутъ поперечниками поворотныхъ круговъ. Одинъ изъ этихъ круговъ, именно кругъ тождественнаго, какъ сказано, движется по сторонѣ, то есть по направленію линій LE и DK, или, что тоже, по экватору, поперечникъ котораго параллеленъ съ ними,—вокругъ міровой оси. Если затѣмъ мы проведемъ діагональ DE, то получимъ поперечникъ эклиптики, по которому движется кругъ иного, измѣнчиваго,—кругъ эклиптики или зодіака Этотъ кругъ древніе, довѣряя простому свидѣтельству глазъ, считали путемъ солнца, которое дѣйствительно повидимому, возвращаясь съ запада на востокъ, описываетъ кругъ, пересѣкающійся съ экваторомъ подъ наклоннымъ угломъ, и, назвавъ его эклиптикой, раздѣлили на 12 равныхъ частей, которымъ дали особыя названія, извѣстныя у насъ подъ именемъ знаковъ зодіака, не подозрѣвая, что этотъ кругъ есть не путь солнца, вращающагося около неподвижной земли, а путь земли, вращающейся около неподвижнаго солнца.

[1]) Внѣшній кругъ природы тождественнаго, то есть, экватора, Творецъ, по словамъ Платона, оставилъ единичнымъ, нераздѣленнымъ, внутренній же кругъ природы иного, измѣнчиваго, то есть эклиптики, раздѣлилъ на 7 неравныхъ круговъ. Круги эти, какъ самъ Платонъ ниже поясняетъ (p. 38), суть круги, описываемые планетами. Онѣ расположены сообразно съ разстояніями двойнаго и тройнаго промежутковъ, т. е. въ двухъ прогрессіяхъ двойныхъ и

такъ, чтобъ круги шли по противоположнымъ другъ другу направленiямъ, но, что касается скорости, то три изъ нихъ вращались бы съ одинаковою скоростiю, остальные же четыре не согласовались бы (по скорости) ни другъ съ другомъ, ни съ тѣми тремя (кругами), хотя тѣмъ не менѣе вращались бы съ извѣстною пропорцiональною скоростiю [1]).

IX.—Когда же, такимъ образомъ, согласно предначертанiю Создателя, образовался весь составъ души, Онъ вслѣдъ затѣмъ создалъ внутри ея весь мiръ тѣлъ и соединилъ ихъ съ нею гармонически, приведши въ соотвѣтствiе центръ каждаго изъ нихъ съ ея центромъ. Такимъ-то образомъ она
E.— распростершись повсюду отъ средины до самыхъ послѣднихъ предѣловъ неба, обнявъ его собою совнѣ кругомъ и сама въ себѣ вращаясь [2]), положила начало неизсякаемой

тройныхъ членовъ. Число промежутковъ между членами прогрессiи, очевидно, должно быть равно числу членовъ, безъ одного. Итакъ, каждая изъ двухъ прогрессiй должна заключать, при трехъ промежуткахъ, четыре члена. Но такъ какъ всѣхъ круговъ только 7, то первый членъ долженъ быть общимъ для обѣихъ прогрессiй. Значитъ, если принять первый кругъ за единицу, то двѣ эти прогрессiи вмѣстѣ образуютъ какъ разъ тотъ самый рядъ чиселъ, который мы уже встрѣчали въ образованiи мiровой души: 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27. Какая именно изъ планетъ соотвѣтствуетъ каждому изъ этихъ членовъ, объ этомъ еще будетъ рѣчь у Платона.

[1]) Это мѣсто въ связи съ другимъ подобнымъ (р. 38) много затрудняло комментаторовъ. Что касается прежде всего различной скорости планетныхъ движенiй, то мѣрою ея, по всѣмъ соображенiямъ, Платонъ считалъ только продолжительность, съ которою та или иная планета совершала свой кругооборотъ, независимо отъ ея величины и отъ пространства, которое она пробѣгаетъ. На этомъ основанiи у Платона хотя Сатурнъ въ одно и тоже время пробѣгаетъ гораздо больше пути чѣмъ солнце, но кругооборотъ солнца быстрѣе, чѣмъ Сатурна. Ниже Платонъ говоритъ (р. 39), что вообще круги меньшiе имѣютъ большую скорость, чѣмъ большiе; но какъ здѣсь, такъ и ниже дѣлаетъ въ этомъ отношенiи исключенiе для трехъ круговъ, именно для Солнца, Венеры и Меркурiя. Какъ увидимъ, эти же самые круги разумѣетъ Платонъ и говоря о противоположномъ направленiи планетныхъ путей.

[2]) По воззрѣнiю Платона, значитъ, Творецъ заключилъ не душу внутри мiра, но скорѣе мiръ заключилъ въ душѣ, которая изъ центра по всѣмъ направленiямъ равномѣрно его проникаетъ и отъ всѣхъ точекъ окружности равномѣрно обнимаетъ, какъ разумъ, какъ жизнь, гармонiя. Но это вовсе не значитъ, что Платонъ, какъ нѣкоторые полагали, въ этомъ мѣстѣ говоритъ о двухъ душахъ—внутренней и внѣшней. Напротивъ, она есть одна

и разумосообразной жизни на всѣ времена. Тѣло неба, ко-
нечно, послѣ этого стало видимымъ, она же, какъ душа,
остается невидимой и такъ какъ она надѣлена разумомъ и —37
гармоніей [1]) и произошла отъ совершеннѣйшаго изъ всѣхъ
умопостигаемыхъ и вѣчно сущихъ (существъ), то и сама
есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ происшедшихъ (существъ).
Именно, поелику она составлена изъ природы тождествен-
наго, изъ природы иного и изъ бытія—изъ этихъ трехъ
частей и разумосообразно раздѣленная и соединенная воз-
вращается всегда въ своемъ круговращеніи сама къ себѣ то
она, при всякомъ соприкосновеніи съ предметомъ, обладаю-
щимъ дѣлимою-ли то сущностію или недѣлимою, сказываетъ
на всемъ своемъ протяженіи о томъ, съ чѣмъ именно та или
иная вещь тождественна и отъ чего она отлична, и даже о
томъ, по какому именно поводу, въ какомъ мѣстѣ, какимъ —B.
образомъ и въ какое время случается сотвореннымъ вещамъ
являться такими (а не иными) и испытывать такія (а не
иныя) состоянія какъ во взаимномъ отношеніи каждой изъ
нихъ другъ къ другу, такъ и въ отношеніи ихъ (всѣхъ
вмѣстѣ) къ тому, что всегда остается неизмѣннымъ. По-
елику же это слово, разносящееся безъ звука и голоса въ
самодвижущемся существѣ, бываетъ одинаково истиннымъ
какъ относительно (вещей имѣющихъ природу) *иного*, такъ
и относительно (вещей имѣющихъ природу) *тождественнаго:*
то, когда оно касается бытія, подпадающаго чувствамъ, и
кругъ *иного* правильно совершая свое вращеніе, разноситъ
это слово по всей душѣ, которой оно принадлежитъ,—про-
исходятъ достовѣрныя и истинныя мнѣнія и представленія,
когда же оно касается бытія умопостигаемаго, и кругъ тож- —C.
дественнаго хорошо совершая бѣгъ свой, передаетъ (душѣ

и единственная, какъ это видно изъ выраженія, что она „въ себѣ самой вращается", то есть, имѣетъ жизнь независимую ни отъ чего посторонняго, самозамкнутую, самодовлѣющую, и кромѣ того разумную и вѣчную, благодаря своему участію въ природѣ тождественнаго, разумнаго.

[1]) Тутъ и далѣе Платонъ уже и самъ просказывается, что его міровая душа есть не просто только премудрый, съ математическою точностію устроенный механизмъ дѣйствующихъ силъ, но и механизмъ гармоническій. Цицеронъ въ переводѣ этого мѣста особенно не точенъ: et corpus quidem coeli adspectabile effectum est, animus autem oculorum effugit obtutum. Est autem unus ex omnibus rationis concentionisque (ἁρμονία Graece) sempiternarum rerum et sub intelligentiam cadentium compos et particeps; quo nihil ab optimo et praestantissimo Genitore melius procreatum etc.

же) содержаніе его, необходимо возникаютъ мышленіе и совершенное знаніе [1]). Что же касается того, въ какомъ изъ существъ онѣ (эти формы познанія) могутъ имѣть мѣсто, то, кто принялъ бы это существо за что либо иное, а не за душу, тотъ сказалъ бы скорѣе все иное, но не истину.

---

[1]) Весьма трудно передать на нашемъ языкѣ съ точностію слова λέγειν и λόγος, изъ коихъ первое у насъ значитъ только „говорить“, между тѣмъ какъ у грековъ вмѣстѣ съ тѣмъ означало и „мыслить“, а послѣднее мы переводимъ обыкновенно выраженіемъ „слово“ или „рѣчь“, между тѣмъ какъ у грековъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ и даже прежде всего означало „разумъ“, „разумѣніе“, „мышленіе“, безъ котораго слово и не мыслимо. Что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ словѣ, которое выговаривается устами,—это съ перваго взгляда очевидно, и комментаторы основываясь какъ на внутреннемъ смыслѣ и контекстѣ этого собственно мѣста, такъ и на многихъ подобныхъ выраженіяхъ въ другихъ сочиненіяхъ Платона (Софистъ p. 263 E.; Филебъ p. 38. D. E. и p. 39 A), не сомнѣвались, что здѣсь подъ „словомъ“, которое безъ звука и голоса раждается въ самодвижущемся существѣ (λόγος ἐν τῷ κινουμένῳ ὑφ αὐτοῦ φερόμενος ἄνευ φθόγγου καὶ ἠχῆς) есть не что иное, какъ то внутреннее самодѣятельное оперированіе души, которое извѣстно подъ именемъ мышленія и которое тоже есть слово, собесѣдованіе, но только чисто внутреннее. Мысль здѣсь очевидно та, что такъ какъ душа имѣетъ и природу единаго, недѣлимаго, тождественнаго, неизмѣннаго, то есть интеллектуальнаго, идеальнаго, и природу многаго, дѣлимаго, иного, измѣнчиваго, то есть, чувственнаго, то она можетъ подвергать обсужденію и тотъ, и другой порядокъ бытія, какъ каждый отдѣльно въ его собственномъ существѣ, такъ и въ отношеніи ихъ другъ къ другу. Занимается это обсужденіе—это внутреннее собесѣдованіе порядкомъ чувственныхъ, видимыхъ вещей,—тогда образуются истинныя, достовѣрныя мнѣнія и представленія, но конечно, подъ тѣмъ условіемъ, если круговращеніе иного правильно совершаетъ бѣгъ свой (ὁ τοῦ θατέρου κύκλος ὀρθὸς ἰών), то есть, когда способность познанія чувственныхъ вещей оперируетъ съ полною свободой и неуклонною правильностію и передаетъ съ точностію душѣ замѣченное и познанное. Отрывается оно отъ чувственной области и устремляется къ области бытія сверхчувственнаго, идеальнаго, тогда происходятъ съ одной стороны чистое мышленіе - познаніе идей, а съ другой точная на математическихъ законахъ основанная наука, но опять подъ условіемъ, если круговращеніе тождественнаго совершается съ неуклонною правильностію, то есть, когда свободно и правильно оперируетъ мыслящій и исчисляющій разумъ. А что бываетъ тогда, когда это круговращеніе находится въ безпорядкѣ,—это показываетъ Платонъ ниже (p. 43 E, p. 44, A) на примѣрѣ души человѣческой въ первое время послѣ заключенія ея въ тѣло. То и другое круговращеніе есть, конечно, прежде всего внутреннее дѣло міровой души—ея субъективные процессы. Но такъ какъ она имѣетъ тѣло или много тѣлъ (небесныхъ), которыя ея внутреннее, психическое движеніе выполняютъ своимъ внѣшнимъ физическимъ движеніемъ, то ея разумъ субъективный становится въ этомъ послѣднемъ движеніи разумомъ объективнымъ, то есть, подлежащимъ наблюденію и воспріятію для всякой иной, значитъ, и для нашей человѣческой души, и эта послѣдняя обязана даже возможно чаще повѣрять свои собственныя сбивчивыя, неправильныя круговращенія (психическія) неизмѣнно правильными вращеніями души міра. Такимъ образомъ, ясно, что подъ „словомъ“ и круговращеніемъ, которое разносить это „слово“ по всему протяженію души міра, разумѣется здѣсь внутренняя мыслительная дѣятельность души, которая разсматривается съ двухъ сторонъ, сообразно съ двойственною природой самой души. Кстати замѣтимъ, что эта мыслящая сила оперируетъ тутъ почти по всѣмъ тѣмъ категоріямъ, которыя позднѣе Аристотель только обстоятельнѣе выяснилъ и тверже обосновалъ.

X.—Когда же Отецъ, произведшій (это существо), увидѣлъ, что оно обладаетъ движеніемъ и жизнію и представляетъ въ себѣ образъ вѣчныхъ божествъ [1]), то пришемъ въ

[1]) Не споримъ, что тутъ рѣчь идетъ объ идеяхъ, однакожъ вовсе не думаемъ, чтобъ на основаніи этого мѣста можно было принять идеи Платона за настоящія живыя существа, или даже за какія нибудь самобытныя реальныя сущности. Дѣло въ томъ, что спустя всего нѣсколько строкъ ниже Платонъ говоритъ и потомъ не разъ еще настойчиво повторяетъ (p. 39 E), что міръ созданъ по образу единаго, вѣчнаго, живаго, самосущаго существа, обнимающаго собою всю совокупность живыхъ существъ. Спрашивается теперь, что такое есть это единое всеобъемлющее существо по отношенію къ объемлемымъ имъ существамъ? Ему ли принадлежитъ настоящая реальность, а имъ только идеальная, или наоборотъ, имъ принадлежитъ настоящая, а ему идеальная, или даже чисто фиктивная?—Нѣкоторые (напр. Риттеръ) въ самомъ дѣлѣ думали, что всеобъемлющее Божество Платона вовсе не есть настоящее живое существо, а чистая абстракція—„мысленная сфера идей, пустое мѣсто, которое наполняется міромъ идей“. Но Платонъ съ ясностію и прямотою, не допускающею никакихъ сомнѣній, и съ рѣшительностію, не допускающею никакихъ противорѣчій, возставалъ противъ предположенія (Елейцевъ), которое отказывало единому, необходимому, вѣчному бытію въ разумѣ, движеніи и жизни, словомъ, въ аттрибутахъ реальнаго существованія (Софистъ p. 248. 249). Мало того, всеобъемлющее вѣчное существо у Платона есть одно и единственное живое существо, исключающее даже всякую возможность существованія подлѣ него, другаго подобнаго (Тимэй p. 31. A)—до тѣхъ поръ, пока по его же волѣ не появились настоящія живыя существа въ созданномъ имъ мірѣ. А это значитъ, что божества, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, какъ о предсуществовавшихъ міру, суть не настоящія живыя, а только идеальныя существа—идеи. Если же Платонъ называетъ ихъ божествами, то это потому, что и онъ не могъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ олицетворяющаго способа выраженія, который у болѣе древнихъ писателей былъ даже преобладающимъ. Если у Гезіода олицетворены и поименованы въ числѣ божествъ такія вещи, какъ справедливость Δίκη, гражданское благоустройство Εὐνομία, неустройство Δυσνομία, любовь Ἔρως, дружба Φιλότης, ссора Ἔρις, трудъ Πόνος, печаль Ἄλγος, клятва Ὅρκος, обманъ Ἀπάτη, памятливость Μνημοσύνη, забывчивость Λήθη, согласіе Ἁρμονία и проч. и проч., то и Платонъ могъ свои идеи назвать божествами, притомъ уже съ полнымъ сознаніемъ иносказательности этого названія. Но мы думаемъ, что идеи Платона не суть даже и самобытныя, независимыя и отдѣльныя отъ Бога сущности. Что онѣ существуютъ не отдѣльно отъ Бога, и внѣ Его, а именно въ Богѣ, это само собою слѣдуетъ изъ того, часто въ Тимэѣ повторяемаго понятія о Божествѣ, по которому Оно есть существо единое, все-

восхищеніе, и въ этой радости рѣшился сдѣлать его еще болѣе похожимъ на свой первообразъ. Именно, поелику первообразомъ служило существо живое—вѣчное, то онъ D.— рѣшилъ сдѣлать по возможности такою же и вотъ эту все-

---

объемлющее и какъ такое, есть первообразъ вселенной, содержащей въ себѣ всю полноту живыхъ существъ, ибо развѣ было бы Божество такимъ, если бы подлѣ него совершенно отдѣльно и независимо существовалъ цѣлый міръ хотя бы только идеальныхъ сущностей? Напротивъ, потому-то Божество и есть всеобъемлющее, что обнимаетъ собою всѣ эти сущности, потому-то съ своей стороны и эти сущности суть хоть въ нѣкоторомъ несобственномъ смыслѣ живыя, а не чисто абстрактныя пустыя, что мѣсто и почва ихъ есть живое Божество. Вопросъ только въ томъ, какъ онѣ относятся къ этой почвѣ,—изъ нея же ли онѣ и выростаютъ, или онѣ суть здѣсь нѣчто самобытное, не имѣющее съ нею никакой органической связи? Къ сожалѣнію Платонъ даже въ Тимэѣ, по чувству благочестиваго смиренія, не входилъ въ ближайшее изслѣдованіе таинъ существа и жизни вѣчнаго единаго Божества. Но объединяя общею мыслію всѣ отдѣльныя, разбросанныя положенія Платоновой теологіи, естественнѣе всего, кажется, придти къ такому выводу. Самыя высшія идеи, обнимающія собою даже тѣ три всеобщія идеи или потенціи, которыя вошли въ составъ міровой души, именно идея единства τὸ ἓν и идея блага τὸ ἀγαθόν, представляющія обѣ вмѣстѣ завершеніе всѣхъ идей или идею идей εἶδος εἰδῶν, суть не что иное, какъ конституитивныя идеи или внутреннія, природныя потенціи самаго Божества, ибо если Платонъ съ одной стороны объ идеѣ блага говоритъ, что она есть причина αἰτία всего добраго въ мірѣ, именно въ мірѣ физическомъ есть причина производящая свѣтъ τεκοῦσα τὸ φῶς, а въ мірѣ идеальномъ источающая—παρεχομένη истину и разумъ (Республика р.р. 505. 508. 509. 517), а съ другой утверждаетъ, что міръ созданъ и благоустроенъ Богомъ единственно потому, что Богъ безконечно благъ (Тимэй р. 29 и др.), другими словами, потому что Ему идея блага, благость присуща во всей полнотѣ своей: то на какомъ основаніи идею блага или благую волю и идею единства, источающую всякую истину, или разумъ можно считать за какія-то отдѣльныя, самобытныя, гдѣ-то внѣ Бога существующія реальности? Очевидно, что онѣ существуютъ не внѣ Бога, а въ немъ самомъ, но съ другой стороны существуютъ не какъ нѣчто случайное, зависящее отъ Его произвола и могущее въ Немъ быть или не быть, но какъ нѣчто составляющее саму природу Его, и потому отъ вѣчности необходимое въ ней, нераздѣльное съ нею, и вотъ только почему онѣ для Него суть такія-же вѣчныя, самосущія реальности, какъ и Онъ самъ. Вдобавокъ къ этому скажемъ, что кромѣ этихъ двухъ всеобъемлющихъ идей или потенцій точно такимъ же необходимымъ образомъ въ составъ самой природы Божества входитъ и идея иного,

ленную. Итакъ, природа того (то есть Первообразнаго) живаго существа была вѣчная. Но этого (свойства) не возможно было во всей полнотѣ усвоить (существу) произве-

многаго, такъ какъ она имплицитэ содержится въ идеѣ божественной благости настолько полной, что она всякую минуту готова излиться черезъ край и представляетъ въ себѣ потенцію перехода отъ вѣчной неизмѣнной жизни Божества въ самомъ себѣ къ созданію міра многихъ, измѣнчивыхъ вещей. Всѣ эти три идеи или потенціи, какъ мы видѣли, вѣчное неизмѣнное Божество положило и въ свой происшедшій во времени измѣнчивый снимокъ—въ душу міра, да даже, какъ увидимъ, и въ души всѣхъ безсмертныхъ разумныхъ существъ. Что же касается идей не столь всеобщихъ, какъ эти, то есть идей родовыхъ, видовыхъ и отдѣльныхъ, то онѣ, конечно, не въ такой степени необходимы въ природѣ Божества и нераздѣльны съ нею, но все же, кажется, необходимы и нераздѣльны. Самозамкнутое, неизмѣнное, единое, то есть, сосредоточивающійся въ самосозерцаніи разумъ составляетъ такую же существенную и необходимую въ природѣ Божества потенцію, какъ и благость. Но, какъ не мыслимы идеи внѣ разума, носящіяся гдѣ-то въ чистой пустотѣ, такъ не мыслимъ и разумъ совершенно пустой, безъ всякихъ мыслей, идей; разумъ вообще, и въ особенности совершеннѣйшій вѣчный разумъ божественный потолику и есть разумъ, поколику онъ всегда полонъ идей. Но потому-же самому даже для разума божественнаго и въ особенности для него всѣ его идеи не суть нѣчто случайное и субъективно-произвольное, но вмѣстѣ нѣчто необходимое и объективно-истинное, сущее. Идеи божественнаго разума суть, конечно, его собственныя, субъективныя идеи, но такъ какъ онѣ отъ вѣчности въ немъ происходятъ и не могутъ не происходить и кромѣ того съ самаго начала и всегда имѣютъ въ немъ одинъ и тотъ же, сливающійся всецѣло съ необходимостію, съ истинною природою вещей видъ, другаго же никакого никогда не имѣли и не могутъ имѣть, то онѣ для самаго Божества суть нѣчто необходимо-сущее—τὰ ἐν φύσει ὄντα, безусловно-истинное—τὰ ἀληθῶς ὄντα καὶ ἀκίνητα πειθοῖ, вѣчное—τὰ ἀεὶ ὄντα ἀγέννητα καὶ ἀνώλεθρα, и въ нѣкоторомъ смыслѣ суть какъ бы нѣкія вѣчныя божества—ἀΐδιοι θεοί, хотя эти ἀΐδιοι θεοί суть его собственныя произведенія, по прямому выраженію Платона (Респуб. р. 596—598).—Но даже къ міру реальныхъ вещей міръ идей стоитъ у Платона далеко не въ такой исключающей противоположности и трансцендентности, какъ многимъ кажется. Правда, когда Платонъ говоритъ о вещахъ, управляемыхъ необходимостію—безумныхъ, то со всею рѣшительностію удаляетъ отсюда идеи и утверждаетъ непроходимую бездну между идеями и вещами (Тимэй р. 51. 52 и др.). Это—и понятно и потому что вещи, необходимыя, бездушныя, у Платона суть вмѣстѣ съ тѣмъ и лишенныя разума. Значитъ, разумное лежитъ внѣ этихъ вещей, и если можетъ входить въ нихъ или приражаться къ нимъ,

денному. Потому-то Онъ рѣшилъ создать по крайней мѣрѣ нѣкій движущійся образъ вѣчности. Именно, устроивъ поднебесную, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ по подобію вѣчно-

---

то неиначе, какъ отвнѣ и то только отчасти, а не всею цѣлостію своей идеальной сущности. Но вселенная содержитъ въ себѣ, кромѣ міра чувственныхъ, мимолетныхъ вещей, и міръ душъ—существъ сверхчувственныхъ, безсмертныхъ и разумныхъ и, само собою понятно, что для этихъ душъ, по крайней мѣрѣ съ того момента, какъ онѣ существуютъ, ихъ идеи или ихъ сверхчувственныя сущности представляютъ для нихъ не нѣчто внѣшнее, трансцендентное, а нѣчто внутреннее—ихъ полную природную собственность, которою, правда, каждая изъ нихъ различно пользуется, но которой ни одна изъ нихъ ни совсѣмъ потерять, ни перемѣнить на какую либо совсѣмъ иную, хотя бы и хотѣла, не можетъ. Въ составъ міровой души, какъ мы видѣли (см. примѣч. къ р. 35 B) вошли не образы только идей, составляющихъ ея существо, но и сами идеи, какъ реальныя потенціи ея природы, и вотъ почему одушевленная ею вселенная представляетъ собою существо настолько совершенное и самодовлѣющее, что оно можетъ обходиться безъ общенія съ кѣмъ бы то ни было, безъ общенія даже съ своимъ Первообразомъ и Создателемъ (Тим. р. 34. В.). Изъ того-же состава образованы и божественныя души всѣхъ звѣздъ и планетъ и даже низшія души—человѣческія, такъ что даже всякій изъ людей не внѣ себя имѣетъ, но въ себѣ же—въ головѣ своей носитъ божественное начало „духа вѣщателя", который постоянно напоминаетъ ему о небесномъ, идеальномъ мірѣ и о его собственной, лежащей въ немъ божественной идеѣ (Тим. р. 90). Но съ другой стороны даже совершеннѣйшая и богоподобнѣйшая изъ душъ—міровая душа проявляетъ и раскрываетъ полноту своей идеи не иначе, какъ во времени, т. е. постепенно, послѣдовательно, по частямъ и, значитъ, ни въ одинъ изъ данныхъ моментовъ не представляетъ полнаго равенства съ своей вѣчной всецѣлостной идеей, какъ она сразу была и всегда пребываетъ во всеобъемлющемъ разумѣ Творца ея, такъ что, очевидно, и для нея самой ея вѣчная всесодержащая идея всегда есть нѣчто трансцендентное, стоящее надъ или предъ нею въ безконечной дали,—есть исходный пунктъ и конечная цѣль ея бытія и жизни, но не владѣемое достояніе. А послѣ нея что уже и говорить о тѣхъ низшихъ безсмертныхъ душахъ, которыя настолько несовершенны, что не изъяты даже отъ возможности болѣе или менѣе далекаго отпаденія отъ своей идеи?! Даже душа, всецѣло отдающаяся мудрости—уразумѣнію разумнаго идеальнаго порядка вещей, лишь отчасти осуществляетъ свою вѣчную неисчерпаемую идею, даже отъ нея она безконечно далека и высока; еще дальше отстоитъ отъ своей идеи душа не мудрая, легкомысленная, знающая хорошо лишь то, о чемъ говорятъ внѣшнія чувства и лишь очень смутно—тотъ невидимый идеальный міръ, въ сферѣ котораго, вмѣстѣ со

сти, пребывающей въ единствѣ, образъ вѣчности, движущійся отъ числа къ числу, который мы называемъ временемъ, потому что ни дней, ни ночей, ни мѣсяцевъ, ни го- —E.
довъ не было прежде появленія неба, но лишь тогда, какъ устроено было небо, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ къ бытію вызвалъ. Но все это конечно суть только части времени, и (опредѣленія) „было" „будетъ" суть виды времени (не вѣчнаго, а того), которое получило начало,—виды, которые мы незамѣтно для самихъ себя переносимъ и на вѣчную сущность, но—безъ всякаго основанія. Мы вѣдь (и объ ней) выражаемся, что она „была", „есть" и „будетъ", между тѣмъ какъ къ ней, строго говоря, приложимо только выраженіе „есть", выражаться же „было", „будетъ" можно напротивъ только о явленіи, развивающемся во времени, по- —38.
тому что то и другое (что было и что будетъ) суть движенія, тогда какъ бытію вѣчно себѣ равному и недвижимому не свойственно ни стать старѣе, ни стать новѣе отъ времени, ни произойти когда либо прежде, ни оказаться нынѣ, ни появиться въ будущемъ, ни вообще все то, что происхожденіе соединило съ (вещами) вращающимися въ области чувствъ, поелику все это суть виды времени, круговращеніе котораго подлежитъ исчисленію и которое представляетъ собою лишь подражаніе вѣчности. Кромѣ того, мы употребляемъ еще и вотъ какія выраженія: что произошло, то есть происшедшее, чтó происходитъ, то есть про- —B.
исходящее, чтó имѣетъ произойти, то есть готовящееся быть,

всѣми другими идеями, лежитъ и ея собственная идея, и еще больше удаляется отъ нея душа совсѣмъ безразсудная, безумная, которая всецѣло погрязши въ грязь чисто вещественныхъ, чувственныхъ интересовъ, въ болѣе или менѣе долгій періодъ времени даже не догадывается о существованіи чего нибудь болѣе высокаго и цѣннаго, чѣмъ чувственность (Тим. р. 91. 92).—Въ такомъ видѣ представляется намъ отношеніе Платоновыхъ идей къ Божеству и къ созданному имъ міру. Но, конечно, подстрочное примѣчаніе не можетъ имѣть претензіи представлять изъ себя рѣшеніе столь запутаннаго, столь сложнаго и труднаго вопроса, какъ вопросъ объ идеяхъ Платона.

а чего совсѣмъ нѣтъ, то есть не существующее; но и всѣ эти выраженія не представляютъ въ себѣ ни малѣйшей точности [1]). Однакоже, настоящій моментъ, кажется, не представляетъ удобнаго случая входить въ обстоятельное разсужденіе объ этомъ.

XI.—Итакъ, время появилось вмѣстѣ съ небомъ, чтобы какъ произошли они вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ и разрушенію подверглись въ случаѣ, еслибы когда либо постигла ихъ какая либо катастрофа,—появилось (созданное) по образцу вѣчной природы съ предназначеніемъ быть подобнымъ ему (этому образцу), на сколько это возможно. Потому что какъ первообразу принадлежитъ существованіе, простирающееся
C.— чрезъ всю вѣчность, такъ и оно (время) чрезъ все времяпротяженіе есть прошедшее, продолжающееся и имѣющее наступить. Вслѣдствіе такого размышленія и рѣшенія Божія относительно происхожденія времени,—для того, чтобъ оно могло появиться (и на самомъ дѣлѣ), получили существованіе солнце, луна и остальныя пять звѣздъ, извѣстныя подъ именемъ—планетъ [2]) для опредѣленія и соблюденія счета времени. Послѣ же того, какъ Богъ создалъ тѣла для каждой изъ нихъ, Онъ всѣхъ ихъ числомъ 7 помѣстилъ въ семь круговъ, описываемыхъ круговращеніемъ иного (эклип-
D.— тики): Луну—въ кругъ, который первымъ обходитъ землю,

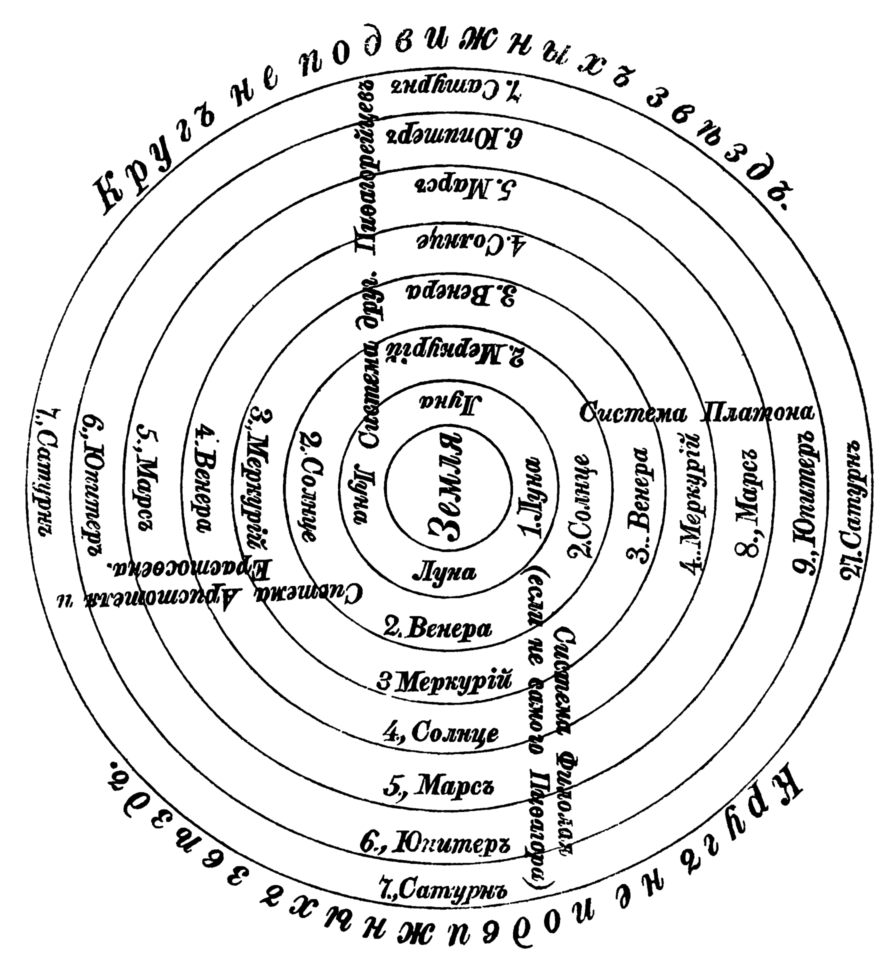
---

[1]) Какъ первая категорія выраженій страдаетъ неточностію въ отношеніи къ бытію вѣчному—не происшедшему, потому что оно не есть ни большее, ни продолжающееся, ни имѣющее быть, но только вѣчносущее, такъ вторая категорія выраженій представляетъ неточность въ приложеніи къ бытію происшедшему, которое всегда только бываетъ, но никогда не есть. Неточность тутъ заключается въ безразличномъ употребленіи одного и того же слова εἶναι, τό ὄν, ἦν, ἐςί, ἔσται для обозначенія совершенно различныхъ порядковъ бытія.

[2]) Еще задолго до Платона пять звѣздъ—Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ получили названіе πλανῆται—т. е. блуждающихъ звѣздъ. Цицеронъ, не смотря на особенное уваженіе свое къ Платону, сильно возставалъ противъ этого названія. Maxime vero, говоритъ онъ, sunt admirabiles motus earum quinque stellarum, quae falso vocantur errantes: nihil enim errat, quod in omni aeternitate conservat progressus et regressus reliquosque motus constantes et ratos. (De natura deorum lib. II. cap. XX).

солнце—во второй надъ землею, звѣзду же утра (зарница—Венера) и звѣзду извѣстную подъ именемъ священной звѣзды Гермеса (Меркурій)—въ круги (слѣдующіе) [1], которые,

[1]) Остальныя три звѣзды, не досчитанныя здѣсь Платономъ, суть Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Разстоянія между этими семью кругами, какъ само собою понятно, суть тѣ самыя, которыя отмѣрены были Творцомъ при первомъ раздѣленіи міровой души на 7 неравныхъ частей; значитъ разстояніе луны отъ земли, служащей центромъ для всѣхъ круговъ=1, разстояніе солнца=2,—Венеры=3, —Меркурія=4, —Марса=8,—Юпитера=9 и разстояніе Сатурна=27. Причемъ очевидно, что круги солнца, луны, Меркурія и Марса слѣдуютъ прогрессіи, которой основаніе 2, а круги луны, Венеры, Юпитера и Сатурна слѣдуютъ прогрессіи, которой основаніе 3. Система Платона, такимъ образомъ, представляетъ слѣдующую разницу въ сравненіи съ другими извѣстными астрономическими системами древности:



что касается скорости, то движутся одинаково съ круговращеніемъ солнца, но имѣютъ противоположное ему направленіе. Вслѣдствіе этого, солнце, звѣзда Гермеса и Зарница— всѣ одинаково то другъ друга догоняютъ, то одна другою

Указаніе основаній для астрономической системы Платона, а также объясненіе того, что говорится ниже о нѣкоторыхъ изъ планетъ, представляетъ отчасти продолженіе вышеприведеннаго мѣста изъ Цицерона. Указавши на то, что и планеты, вопреки своему названію, совершаютъ свои движенія съ неизмѣнною закономѣрною правильностію, онъ затѣмъ продолжаетъ: „и это тѣмъ болѣе удивительно, что онѣ то скрываются, то снова появляются, то приближаются, то удаляются, то идутъ впереди другихъ, то слѣдуютъ позади, то движутся скорѣе, то пріостанавливаются совсѣмъ на нѣкоторое время. Кругооборотъ ихъ неравныхъ движеній математики называютъ великимъ годомъ, который наступаетъ тогда, когда солнце, луна и 5 планетъ, окончивъ свои пути, становятся другъ къ другу въ то самое положеніе, въ какомъ находились въ началѣ. Какъ долго длится это круговращеніе, это вопросъ нерѣшенный, но что оно совершается въ строго-опредѣленные промежутки времени,—это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, звѣзда извѣстная подъ именемъ Сатурна, у грековъ же носящая имя Φαίνων, самая отдаленная отъ земли, совершаетъ свой кругооборотъ почти въ 30 лѣтъ (по нашему счисленію въ 29 лѣтъ 166,9 дня) и представляетъ для наблюденія много страннаго въ своемъ вращеніи, такъ какъ она то ускоряетъ, то замедляетъ свой бѣгъ, по вечерамъ совсѣмъ скрывается, а утромъ опять бываетъ видима, и однако въ теченіи столѣтій нисколько не измѣняетъ порядка своего круговращенія, но всегда въ одни и тѣже промежутки времени совершаетъ одинаковыя движенія. Слѣдующая за нею ближе къ землѣ—звѣзда Юпитера, извѣстная у грековъ подъ именемъ Φαέθων тотъ же самый путь чрезъ 12 знаковъ совершаетъ въ 12 лѣтъ (по нашему счисленію въ 11 лѣтъ 314,5 дня) съ такими же уклоненіями въ движеніи, какъ и звѣзда Сатурна. Слѣдующій за нею кругъ держитъ такъ называемая звѣзда Марса, у грековъ Πυρόεις, которая ту же самую орбиту совершаетъ, если не ошибаюсь, въ 24 мѣсяца безъ 6 дней (по нашему счету въ 1 годъ 322,2 дня). Подъ нею далѣе слѣдуетъ звѣзда Меркурія,— у грековъ Στίλβων, которая отстоя отъ солнца не далѣе какъ на одинъ знакъ (зодіака) и частію предшествуя ему, а частію слѣдуя за нимъ, проходитъ чрезъ зодіакъ почти впродолженіе одного года (по нашему счету—въ 88 дней). Самая низшая изъ планетъ и самая ближайшая къ землѣ есть звѣзда Венеры, полатыни называемая Lucifer, а погречески Φωσφόρος, когда она предшествуетъ появленію солнца, и Ἕσπερος, когда появляется послѣ захожденія его. Она совершаетъ свой путь проходя чрезъ зодіакъ въ долготу и широту впродолженіе года,—что впрочемъ дѣлаютъ и остальныя звѣзды,—и при этомъ никогда не отдаляется отъ солнца дальше, чѣмъ на два знака“ (de natura deorum lib. II. c. XX). Причина, по которой Платонъ, вмѣстѣ съ другими астрономами древности, представлялъ себѣ положеніе Венеры и Меркурія несогласно съ нынѣ принятымъ

настигаются [1]). Что же касается прочихъ звѣздъ и того, гдѣ именно и почему (Создатель) утвердилъ ихъ, то входить въ разсужденіе объ этомъ значило бы отдать гораздо больше вниманія этому второстепенному предмету, чѣмъ тому (существенному), ради котораго оно велось бы. Впрочемъ, —E. быть можетъ, послѣ когда нибудь, при досугѣ, и это мы

порядкомъ планетъ (Солнце, Меркурій, Венера, Земля), безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ томъ, что онъ и солнце включалъ въ число планетъ, вращающихся около земли

[1]) Выше мы встрѣчали уже подобное мѣсто (р. 36). Тамъ Платонъ говорилъ, что круги всѣ вообще идутъ въ различныхъ направленіяхъ, но что касается скорости движенія, то только три изъ нихъ идутъ съ одинаковою скоростію, остальные же четыре различаются по скорости и другъ съ другомъ и съ этими тремя. Итакъ, теперь мы знаемъ, что круги одинаковой скорости—это Солнце, Венера и Меркурій, и что круги идущіе въ направленіи противоположномъ солнцу суть—Венера и Меркурій. Что такова въ самомъ дѣлѣ мысль Платона объ этихъ планетахъ, это доказываетъ кажущееся страннымъ на первый взглядъ выраженіе, что эти три планеты какъ догоняютъ одна другую, такъ и настигаются одна другою. Въ самомъ дѣлѣ, когда два тѣла стремятся на встрѣчу другъ къ другу, то они какъ будто и догоняютъ другъ друга взаимно и настигаются одно другимъ. Такъ бываетъ, по выраженію Платона, только между солнцемъ съ одной стороны, Меркуріемъ и Венерой съ другой, но не съ остальными, которыя идутъ по одному направленію, и между которыми болѣе быстрыя конечно настигаютъ болѣе медленныя, но никогда сами послѣдними не настигаются. Платонъ, очевидно, обратилъ вниманіе на два особыя обстоятельства въ движеніи Венеры и Меркурія, и во 1-хъ на то, что къ концу годоваго кругооборота солнца онѣ оказываются лишь на самомъ незначительномъ разстояніи отъ солнца и отсюда заключилъ, что вращенія ихъ, какъ бы ни были въ частностяхъ своихъ неправильны, совершаются однакожъ всегда равномѣрно—почти въ продолженіе года. Еслибы онъ на этомъ остановился, то имѣлъ бы на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ данныя непосредственнаго опыта. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ совершенно ложной гипотезѣ, что пути Венеры и Марса противоположны движенію солнца, пришелъ къ этой гипотезѣ въ виду тѣхъ самыхъ, замѣчаемыхъ въ движеніи этихъ двухъ планетъ, частныхъ неправильностей, указаніе на которыя мы встрѣчали уже у Цицерона, и которыя нынѣ объясняются совсѣмъ иначе,—именно тѣмъ, что это суть планеты низшаго порядка т. е. такія, которыхъ орбиты входятъ въ орбиту, описываемую землею въ ея годовомъ обращеніи вокругъ солнца. Такъ какъ ихъ вращеніе вокругъ солнца быстрѣе, чѣмъ вращеніе земли, то этотъ излишекъ скорости, смотря по положенію ихъ въ отношеніи къ землѣ, то ускоряетъ, то замедляетъ ежедневное появленіе ихъ на нашемъ горизонтѣ.

поставимъ для себя предметомъ должнаго изслѣдованія.— Итакъ, послѣ того, какъ каждая изъ звѣздъ, которымъ предназначено было соустроять время, вступала въ соотвѣтственную ей орбиту, послѣ того какъ эти тѣла, бывъ связаны одушевленными связями, стали живыми существами и предначертанное имъ (движеніе) изучили,—они стали дви-
39.— гаться по орбитѣ иного (то есть, эклиптики), которая есть косая и которая проходитъ чрезъ орбиту тождественнаго, подчиняясь сей послѣдней,—стали двигаться, вращаясь одно въ большемъ, другое въ меньшемъ кругѣ,—скорѣе конечно то, которое дѣлаетъ меньшій кругъ, и медленнѣе то, которое совершаетъ кругъ большій. Такимъ образомъ, благодаря вращенію тождественнаго, звѣзды, имѣющія самое скорое вращеніе, кажутся преслѣдуемыми отъ звѣздъ съ болѣе медленнымъ движеніемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ сами суть преслѣдующія,—и это потому что оно (движеніе тождественнаго), увлекая собою всѣ ихъ круги и за-
B.— ставляя ихъ двигаться по спирали [1]), вслѣдствіе того что

---

[1]) По смыслу астрономической системы Платона, все небо т. е. всѣ небесныя тѣла,—не исключая и планетъ вовлечены въ неизмѣнное (т. е. вокругъ своей оси) движеніе тождественнаго,—въ суточное движеніе неподвижныхъ звѣздъ. Но каждая изъ семи планетъ имѣетъ кромѣ того и свое особое движеніе въ небѣ—движеніе природы иного, движеніе вокругъ земли, и отъ соединеннаго дѣйствія этихъ двухъ движеній онѣ идутъ на самомъ дѣлѣ не по наклонному пути въ строгомъ смыслѣ слова, а по спирали. Поэтому, общая мысль этого мѣста та, что Луна, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, имѣя свое собственное движеніе, подъ наклоннымъ угломъ пересѣкающееся съ движеніемъ суточнымъ, въ которое они тоже вовлечены, выполняютъ свое суточное движеніе, какъ представляется на взглядъ, въ большій промежутокъ времени, чѣмъ звѣзды неподвижныя, не имѣющія никакого своего движенія противоположнаго общему движенію всего неба отъ востока къ западу, и что между этими пятью планетами тѣ, которыхъ движеніе по эклиптикѣ есть самое быстрое, кажутся въ своемъ движеніи суточномъ, въ сравненіи съ остальными, опаздывающими. Древнихъ астрономовъ, принимавшихъ луну за такую же планету какъ и всѣ остальныя, заставляло напр. призадумываться то обстоятельство, что она ежедневно около $^3/_4$ часа опаздываетъ, въ сравненіи съ солнцемъ, какъ всходомъ такъ и заходомъ, и они говорили, что луна кажется выполняющею суточное движеніе медленнѣе,

онѣ встрѣчаются съ нимъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, этимъ самымъ дѣлаетъ то, что звѣзда, которая медленнѣе всѣхъ удаляется отъ него, какъ обладающаго самою большею скоростію, является въ отношеніи къ нему самою ближайшею. Для того же, чтобъ была какая нибудь точная мѣра, регулирующая какъ пропорціональность ихъ скорости и медленности, такъ и эти восемь вращеній [1]), Богъ во второмъ отъ земли кругѣ возжегъ свѣтъ, который мы нынѣ называемъ солнцемъ, чтобъ онъ освѣщалъ какъ можно яснѣе всю поднебесную и чтобы тѣ изъ живыхъ существъ, которымъ это подобаетъ, могли участвовать въ познаніи числа, изучая его на вращеніи тождественнаго и себѣ равнаго. Вотъ какимъ образомъ и изъ какихъ условій происхо- —С.
дятъ день и ночь (представляющіе собою)—кругооборотъ единаго и разумнѣйшаго кругообращенія, мѣсяцъ же (свершается) тогда, когда луна, обошедши свой собственный кругъ, настигаетъ солнце, а годъ— тогда, когда солнце оканчиваетъ свое обращеніе. Что же касается вращенія прочихъ (звѣздъ), то люди, за исключеніемъ немногихъ изъ большин-

---

чѣмъ солнце, или что она меньше, чѣмъ солнце, приближается по скорости къ движенію суточному неподвижныхъ звѣздъ. Какая же этому причина? Это однообразное движеніе всего неба, вѣдь равномѣрно же, думали они, увлекаетъ въ свое вращеніе всѣ тѣла небесныя; причина, значитъ, въ томъ, что движеніе луны по эклиптикѣ противоположное движенію осьмаго круга есть болѣе скорое, чѣмъ эклиптическое движеніе солнца. Вотъ почему кажется, что она болѣе чѣмъ солнце остается позади тѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыя находятся на одной съ нею широтѣ, и что солнце упреждаетъ ее въ суточномъ обращеніи, между тѣмъ какъ въ противоположномъ этому эклиптическомъ движеніи она на столько быстрѣе солнца, что совершаетъ это движеніе въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени 12 слишкомъ разъ, а солнце—всего одинъ разъ. Самый большій кругъ описываетъ Сатурнъ, самый меньшій—луна; значитъ, эклиптическій кругооборотъ Сатурна—самый медленный, а кругооборотъ луны—самый скорый,—скорѣе чѣмъ кругооборотъ солнца и даже Венеры съ Меркуріемъ; кругооборотъ Марса медленнѣе, чѣмъ кругооборотъ солнца и т. д. Но, что касается суточнаго движенія этихъ планетъ, то тутъ скорости ихъ оказываются повидимому въ обратномъ отношеніи.

[1]) Если здѣсь вмѣсто 7 насчитано 8 вращеній, то это потому, что сюда присчитано вращеніе круга тождественнаго, которое есть самое разумосообразное и которое даетъ намъ счетъ дней и ночей.

ства, не обращая на нихъ вниманія, ни по именамъ ихъ не называютъ, ни измѣряютъ ихъ взаимныхъ отношеній числами путемъ наблюденій, такъ что, можно сказать, и не вѣдаютъ, что сбивчивыя теченія (этихъ звѣздъ) неисчислимыхъ по множеству и удивительныхъ по разнообразію тоже
D.— обозначаютъ время. Тѣмъ не менѣе однакожъ не трудно понять, что совершенное число времени исполняется, что полный (великій) годъ свершается [1]), когда всѣ восемь вращеній—различныхъ по скорости, дойдя до своего конца, вмѣстѣ съ тѣмъ снова приходятъ къ своему исходному пункту, послѣ періода времени, измѣряемаго круговращеніемъ того (бытія), которое всегда есть тоже самое и имѣетъ равномѣрное движеніе [2]). Вотъ какимъ образомъ и по какимъ основаніямъ созданы всѣ звѣзды, которыя проходя по небосклону, опять и опять возвращаются на свои пути (послѣ из-
E.— вѣстныхъ періодовъ) [3]), именно съ тѣмъ, чтобъ эта вселенная была какъ можно болѣе подобна совершенному умомъ постигаемому живому Существу, отображая въ себѣ Его вѣчную природу.

XII.—Да и во всемъ остальномъ уже до появленія времени она имѣла сходство съ тѣмъ образцомъ, по подобію

---

[1]) Понятіе о великомъ годѣ мы уже встрѣчали въ приведенномъ мѣстѣ Цицерона, гдѣ онъ прибавляетъ, что математики опредѣляютъ кругъ этого года различно, но не говоритъ, какъ именно. Въ трактатѣ „de causis corruptae eloquentiae“, приписываемомъ Тациту, этотъ кругъ опредѣляется въ 12.954 солнечныхъ года. Макробій въ своемъ комментаріѣ „in somnium Scipionis“, гдѣ Цицеронъ еще разъ упоминаетъ о великомъ годѣ Платона (cap. XXII), опредѣляетъ этотъ великій міровой годъ въ 15,000 солнечныхъ лѣтъ.

[2]) Періоды планетнаго движенія измѣряются кругообращеніемъ тождественнаго, т. е. всегда одинаковымъ, неизмѣннымъ суточнымъ вращеніемъ неподвижныхъ звѣздъ, или что тоже самое, количествомъ дней и ночей.

[3]) Звѣзды, о которыхъ здѣсь говоритъ Платонъ, несомнѣнно суть планеты, которыя въ самомъ дѣлѣ опять и опять возвращаются на свои мѣста, ибо онѣ какъ на одной половинѣ круга поднимаются отъ козерога къ знаку рака, такъ на другой половинѣ круга нисходятъ отъ знака рака къ знаку козерога.

котораго была устроена, и лишь въ томъ отношенiи не
представляла еще (полнаго) сходства съ нимъ, что не со-
держала еще всѣхъ живыхъ существъ, которымъ надлежало
произойти внутри ея. Но и это недостававшее Онъ устроилъ
сообразно съ природою образца. Именно, сколько и какихъ
видовъ усматриваетъ разумъ въ понятiи живаго существа,
столькими и такими видами Создатель счелъ нужнымъ надѣ-
лить вселенную. Всѣхъ же видовъ четыре: первый—это не- —40.
бесный родъ божествъ, второй—родъ пернатый, летающiй
въ воздухѣ, третiй—видъ, живущiй въ водѣ, четвертый—
видъ, обладающiй ногами и живущiй на сушѣ. Итакъ, что
касается прежде всего рода божественныхъ существъ, то
его Онъ составилъ главнымъ образомъ изъ огня, чтобъ онъ
былъ какъ можно болѣе прекраснымъ и блестящимъ на
видъ, для того же, чтобъ онъ согласовался (во всемъ) со
вселенною, далъ ему прекрасно-округленныя формы и сооб-
щилъ ему разумѣнiе высочайшаго (т. е. единаго, тождест-
веннаго, разумнаго начала), которое заставляетъ его сооб-
разоваться съ цѣлой вселенной, а затѣмъ распредѣлилъ его
кругомъ по всему небу, такъ что у неба на всемъ протя-
женiи явилось въ полномъ смыслѣ слова чудное украшенiе.
Каждому изъ этихъ божествъ Онъ сообщилъ по два движе-
нiя, съ одной стороны однообразное движенiе вращенiя въ
однихъ и тѣхъ же границахъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ,
какъ движенiе, въ которомъ осуществляется ихъ постоянное
внутреннее (субъективное) мышленiе тождественнаго, а съ —B.
другой—движенiе—впередъ—поступательное, вызываемое въ
каждомъ изъ нихъ всеувлекающимъ вращенiемъ этого са-
мого тождественнаго [1]), отъ всѣхъ же пяти (прочихъ) дви-

[1]) Здѣсь же рѣчь идетъ уже не о планетахъ, а о неподвижныхъ звѣздахъ. Эти звѣзды, по мысли Платона, будучи безусловно изъяты отъ 5 неправильныхъ движенiй (направо, налѣво, вверхъ, внизъ и назадъ), имѣютъ однакоже цѣлыхъ два движенiя, изъ коихъ одно есть субъективное, личное, собственное каждой изъ нихъ, и именно есть движенiе безъ перемѣны мѣста вокругъ самой себя или на своей оси, а второе движенiе съ перемѣной мѣста—впередъ и конечно,—по кругу, движенiе такъ сказать объективное, вызываемое внѣшнимъ двигате-

женій освободилъ ихъ, чтобы каждое изъ нихъ было какъ можно совершеннѣйшимъ. Вотъ какимъ образомъ произошли всѣ тѣ звѣзды, которыя не подвержены блужданію (по небу), но будучи божественными вѣчными живыми существами, всегда остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ они вращаются всегда по одному и тому же направленію, въ предѣлахъ одного и того же пространства. Тѣже изъ нихъ, которыя уклоняются (отъ этого неизмѣннаго пути) и подвергаются блужданію, о которыхъ мы уже говорили, произошли такимъ образомъ, какъ сказано было выше. Наконецъ землю, которая будучи кормилицей нашей, есть въ тоже время первѣйшее и старѣйшее изъ божествъ, происшедшихъ въ предѣлахъ неба, Онъ, утвердивши вокругъ
С.— оси, проходящей сквозь вселенную, поставилъ блюстительницею и устроительницею дня и ночи [1]). Что же касается

лемъ—круговращеніемъ тождественнаго, неизмѣннаго принципа, которое, какъ мы видѣли, представляетъ собою внѣшній кругъ міровой души, соотвѣтствующій небесному экватору. Это ученіе, конечно, представляетъ противорѣчіе съ общимъ понятіемъ Платона о звѣздахъ неподвижныхъ, какъ такихъ, которыя всегда занимаютъ одно и тоже мѣсто и никогда его не перемѣняютъ,—но противорѣчіе только кажущееся. Даже неподвижныя звѣды, по Платону, имѣютъ поступательное круговое движеніе, но оно не есть движеніе съ одного мѣста на другое, ибо есть не относительное, частное, мѣстное, а всеобщее, безусловное, повсемѣстное. Все небо ежедневно обращается вокругъ самого себя, вмѣстѣ съ нимъ вращаются и всѣ звѣзды, не исключая и неподвижныхъ, но такъ какъ эти послѣднія не переходятъ съ однихъ точекъ неба на другія подобно планетамъ, то онѣ всегда сохраняютъ одинаковое положеніе и въ отношеніи къ небу и въ отношеніи другъ къ другу. Значитъ, планеты, кромѣ этихъ двухъ движеній, надѣлены еще третьимъ, въ силу котораго онѣ постоянно перемѣняютъ свое мѣсто на небосклонѣ. Движеніе тѣла каждой звѣзды, по ученію Платона, вызывается и совершается прежде всего ея собственною душею, и это есть ея собственное, личное, неизмѣнное, суточное движеніе; движеніе же поступательное—единичное для звѣздъ неподвижныхъ и двойное для планетъ вызывается и постоянно поддерживается всеобщимъ движеніемъ круговъ міровой души.

[1]) Этого мѣста или въ самомъ дѣлѣ не понялъ, или, что гораздо вѣроятнѣе, намѣренно не хотѣлъ понять даже Аристотель (въ трактатѣ о небѣ), приписавъ своему учителю чуждую и даже немыслимую въ его астрономической системѣ теорію вращенія земли около своей оси, между тѣмъ какъ самъ опро-

хоровыхъ движеній этихъ самыхъ божественныхъ существъ и ихъ встрѣчъ другъ съ другомъ, а равно вращенія круговъ около самихъ себя и ихъ поступательныхъ движеній, что касается далѣе того, какія изъ этихъ божественныхъ су-

---

вергая эту теорію рѣшительно стоялъ за безусловную неподвижность земли. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе не одного изъ комментаторовъ Платона, хотя большинство все тами осталось на сторонѣ очевидной истины. Въ самомъ дѣлѣ, для вращенія земли нѣтъ никакого мѣста у Платона ни въ буквѣ этой небольшой фразы, ни тѣмъ болѣе въ цѣлой астрономической его системѣ. Хотя во всѣхъ почти нѣмецкихъ и французскихъ лексиконахъ, между различными значеніями глагола εἴλω, εἱλέω или ἴλλω встрѣчается и значеніе „вращаться" и даже дѣлается ссылка именно на это мѣсто Платона, но это не болѣе какъ очень странная и очень грубая ошибка, потому что не только Платонъ, но и Аристотель, первый усмотрѣвшій въ этомъ глаголѣ такое значеніе, никогда не употреблялъ этого глагола. когда нужно было выразить понятіе о вращательномъ движеніи, но всегда какой нибудь иной. Но Платонъ уже никоимъ образомъ не могъ употребить этого глагола въ значеніи, котораго и вообще онъ не имѣетъ, потому что мысль, даваемая этимъ значеніемъ, сдѣлала бы невозможною, безсмысленною всю его космическую систему. Въ этомъ же мѣстѣ Платонъ, какъ на особенность земли въ сравненіи съ другими тѣлами, указываетъ на то, что она, обогнутая вокругъ міровой оси, служитъ блюстительницею и устроительницею дня и ночи. Почему же это такъ? Потому, отвѣчаетъ система Платона, что день и ночь происходятъ отъ круговращенія природы тождественнаго, т. е. отъ суточнаго обращенія цѣлой вселенной вокругъ міровой оси,—оси, обвитой землею, или, что тоже самое, вокругъ земли, которая, значитъ, неподвижна. Но она и необходимо должна быть неподвижна, ибо еслибы и она участвовала въ этомъ всеобщемъ движеніи, которое, по причинѣ ея положенія въ центрѣ вселенной, конечно разрѣшилось бы для нея въ движеніе вокругъ себя самой, тогда она имѣла бы такое же неизмѣнное положеніе относительно неподвижныхъ звѣздъ, какое въ силу этого всеобщаго движенія, и эти послѣднія имѣютъ другъ къ другу, то есть, все было бы такъ, какъ будто всеобщаго движенія неподвижныхъ звѣздъ совсѣмъ не существовало. А это значитъ, что смѣна дней и ночей на землѣ не имѣла бы мѣста. Въ системѣ Платона напротивъ для того, чтобъ земля была устроительницею дней и ночей, необходимо, чтобъ она противостояла суточному обращенію вселенной, чтобъ она была *незыблемо утверждена* на міровой оси, чтобъ она имѣла силу не поддаваться этому всеувлекающему движенію и оставалась неподвижною, точно также какъ въ новѣйшей системѣ для этой цѣли должно оставаться неподвижнымъ солнце въ отношеніи къ землѣ, лунѣ и другимъ планетамъ, вокругъ него вращающимся.—Обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу см. у Мартона vol. II. p. 80—137.

ществъ въ составѣ хороводовъ занимаютъ мѣсто рядомъ
другъ съ другомъ, и какія—напротивъ другъ друга, а также
того, какія изъ нихъ и за какими (слѣдуютъ шествуя) другъ
передъ другомъ и въ какіе періоды времени тѣ или другія
изъ нихъ отъ насъ скрываются, а потомъ снова появляясь,
D.— наводятъ страхъ и служатъ знаменіемъ будущихъ событій
для тѣхъ (изъ людей), которые не въ состояніи вычислить
этого,—то говорить обо всемъ этомъ, не имѣя предъ глаза-
ми изображенія этихъ вещей было бы напраснымъ трудомъ.
А потому, довольно пусть будетъ съ насъ и того, что и
какъ сказано нами, и рѣчь о природѣ видимыхъ и проис-
шедшихъ божествъ можетъ считаться конченною.—Предста-
вить же исторію прочихъ божествъ и показать ихъ проис-
хожденіе—не по нашимъ силамъ, и намъ остается (въ этомъ
разѣ) только довѣриться тѣмъ, которые прежде (насъ объ
этомъ) говорили (какъ такимъ лицамъ), которые, по ихъ
собственнымъ словамъ, будучи потомками боговъ, пожалуй
и въ самомъ дѣлѣ отлично знали своихъ предковъ.

XIII.—Итакъ, не возможно не вѣрить потомкамъ бо-
говъ, хотя бы они говорили и безъ довлѣющихъ, вѣроятія
E.— заслуживающихъ, доказательствъ, потому что такъ какъ
они утверждаютъ, что разсказываютъ въ этомъ разѣ фамиль-
ныя вещи, то намъ слѣдуетъ вѣрить имъ, чтобъ не выйти
изъ повиновенія закону. Согласно же разсказу ихъ, вотъ
какова была генеалогія этихъ божествъ, которую и мы мо-
жемъ повторить: отъ Гэи и Ураноса родились Океаносъ и
Теѳида, а отъ сихъ послѣднихъ—Форкисъ, Кроносъ и Рея
и другіе (отъ тѣхъ же родителей) происшедшіе, отъ Кроно-
—41. са же и Реи (родились) Зевсъ и Гера и всѣ извѣстные намъ
подъ именемъ ихъ братьевъ, а отъ сихъ послѣднихъ—опять
иные потомки.

Послѣ же того, какъ получили существованіе всѣ бо-
жества—и тѣ которыя всегда предъ глазами нашими совер-
шаютъ свое круговращеніе, и тѣ, которыя появляются лишь

тогда, когда сами пожелаютъ [1]). Тотъ, который произвелъ вселенную, рекъ такое слово: боги—созданія мои, которыхъ Азъ есмь Творецъ и Отецъ! Бывъ созданы мною, вы пре-

[1]) Здѣсь мѣсто—составить себѣ представленіе о теологической системѣ Платона. Что она совпадаетъ у него съ системой астрономической, это очевидно и здѣсь—въ Тимэѣ; не видно только, какимъ именно образомъ. Подробнѣе и точнѣе говоритъ объ этомъ Платонъ въ Фэдрѣ. Въ Тимэѣ говорится только, что Богъ—высочайшій - Творецъ далъ звѣздамъ души, какъ части единой міровой души, послѣ чего какъ вся вселенная стала единымъ всеобъемлющимъ тварнымъ божествомъ—совершеннѣйшимъ отпечаткомъ своего Первообраза—Творца, такъ частныя звѣзды стали особыми индивидуальными божествами. Въ Фэдрѣ же (р. 246. 247) между прочимъ говорится, что души (человѣческія) по разлученіи съ тѣломъ возносятся на звѣзды, гдѣ пытаются слѣдовать за движеніемъ небесныхъ круговъ и даже вознестись къ идеальному міру отъ этого реальнаго, который раздѣленъ на 12 сферъ. Между этими-то 12 сферами раздѣлено все воинство божествъ и демоновъ. Движеніемъ всѣхъ круговъ управляетъ Зевсъ (или Юпитеръ), самъ предшествуя ему въ крылатой колесницѣ. Но этотъ Зевсъ, по смыслу астрономіи Платона, есть не что иное какъ кругъ неподвижныхъ звѣздъ, или еще вѣрнѣе,—душа міра, которая движетъ этимъ кругомъ. По смыслу же теологіи Платона, это есть самое первое, высочайшее изъ созданныхъ божествъ, какъ и Цицеронъ его называетъ (Summus ipse deus arcens et continens ceteros...). Платонъ прибавляетъ далѣе, что за этимъ вождемъ своимъ слѣдуетъ непрестанно все воинство божествъ, раздѣленное на 11 частей, за исключеніемъ одной единственной Гестіи, которая безвыходно сидитъ въ дворцѣ божествъ, т. е. земли, которая одна вовсе не участвуетъ въ общемъ движеніи неба, какъ и Цицеронъ утверждаетъ (ea, quae est media, Tellus neque movetur et infima est et in eam feruntur omnia nutu suo pondera). Теперь, что касается девяти отрядовъ Зевсова воинства, то они намъ извѣстны уже изъ Тимэя; это суть: 1, сфера неподвижныхъ звѣздъ, 2, семь планетъ и 3, земля. Это очевидно и есть у Платона такъ называемые небесные или астрономическіе циклы божествъ. Но тутъ ихъ всего 9. Цицеронъ такъ и остановился на этихъ девяти, нисколько не заботясь о недостающихъ еще трехъ циклахъ, о которыхъ упоминаетъ Платонъ въ Фэдрѣ и между которыми вѣроятно раздѣлены его низшія, ниже-небесныя божества или демоны. Обращаясь къ Епиномису—сочиненію, которое пожалуй и не есть произведеніе самого Платона, но которое все таки представляетъ очень цѣнный комментарій на нѣкоторыя изъ его доктринъ, находимъ слѣдующее. Какъ и въ „Законахъ“ (р. 898), здѣсь доказывается существованіе разумныхъ божествъ тѣмъ, что эти божества совершаютъ неизмѣнно правильныя вращенія по небу; здѣсь, какъ и въ Тимэѣ, утверждается, что только одинъ высочайшій Богъ могъ быть создателемъ этихъ разумныхъ и безсмертныхъ божествъ. Тутъ же мы находимъ классификацію этихъ божественныхъ душъ, соединенныхъ съ огненными тѣлами. Замѣчательно, что въ этой классификаціи міровая душа или

будете неразрушимы, понеже такова есть моя воля. Конечно, все, что составлено (изъ частей), то можетъ и разрушено быть, однакожъ желать разрушить то, что разъ гармонически соединено и что уже наслаждается прекрасною

совсѣмъ забывается или смѣшивается съ самимъ высочайшимъ Божествомъ. Благодаря этой ошибкѣ, которую повторилъ и Цицеронъ, эта классификація какъ вообще согласуется съ цѣлою доктриною Платона, такъ и въ особенности отлично объясняетъ и дополняетъ приведенное мѣсто изъ Фэдра. Именно тутъ говорится, что между областью огня, т. е. областію небесныхъ, огненныхъ свѣтящихъ тѣлъ и нашимъ земнымъ шаромъ есть еще три промежуточныя сферы—область эѳира, область воздуха и область воды, и къ этому присовокупляется, что каждая изъ этихъ сферъ имѣетъ своихъ боговъ или вѣрнѣе духовъ, геніевъ, демоновъ. Таково же было несомнѣнно мнѣніе и самого Платона, какъ это утверждаютъ лучшіе изъ его комментаторовъ—Ксенократъ, Плутархъ, Проклъ, Халцидій. Вопросъ только въ томъ, гдѣ и въ какомъ именно порядкѣ полагалъ Платонъ эти три промежуточныя сферы? Въ Республикѣ (р. 616) Платонъ между прочимъ говоритъ, что въ самой высшей точкѣ сферы неподвижныхъ звѣздъ находится млечный путь—тотъ огненный кругъ, который заставляетъ вращаться все небо, и въ Тимэѣ (р. 40) говоритъ, что тѣла всѣхъ звѣздъ составлены главнымъ образомъ изъ огня. Въ Тимэѣ же онъ говоритъ, что эѳиръ, т. е. самая тонкая часть воздуха простирается до самой сферы огня, что воздухъ тоньше воды и занимаетъ всегда высшее надъ нею мѣсто и что земля, будучи плотнѣе воды, занимаетъ низшее въ сравненіи съ нею и вообще самое низшее мѣсто. А теперь не трудно понять космографическій миѳъ, начертанный въ Фэдрѣ. Если къ осьми астрономическимъ цикламъ божествъ, тѣла которыхъ главнымъ образомъ состоятъ изъ огня, прибавимъ области эѳира, воздуха и воды и предположимъ, что эти три области населены низшими божествами или демонами, которые тоже стараются кое-какъ слѣдовать за правильнымъ теченіемъ звѣздъ, то и будемъ имѣть на 11 частей раздѣленное воинство Зевса—στρατιὰν θεῶν τε καὶ δαιμόνων κατὰ ἕνδεκα μέρη κεκοσμημένην, а 12-ю будетъ земля,—одна не участвующая вовсе въ торжественномъ шествіи этого воинства боговъ и демоновъ: μένει γὰρ Ἑστία ἐν θεῶν οἴκῳ μόνη.—Такимъ образомъ по ученію Платона, вся вселенная, звѣзды неподвижныя, планеты, земля все это суть постоянно зримыя небесныя божества,—божества безсмертныя, хотя не самобытныя, а созданныя. Выше ихъ есть еще Творецъ и Отецъ ихъ—Богъ предвѣчный, самосущій, единый, неизмѣняемый. Ниже ихъ,—какъ говорится въ Епиномисѣ (р. 984, 985),—стоятъ демоны или геніи, тѣла которыхъ состоятъ изъ эѳира, а еще ниже полубоги, тѣла которыхъ состоятъ у однихъ изъ воздуха, а у другихъ изъ воды или изъ влажнаго пара. Всѣ эти демоны—тоже безсмертные вообще не видимы, но могутъ иногда и являться людямъ, какъ говорится въ Тимэѣ. Они принимаютъ большое участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и служатъ посредниками между міромъ людей и міромъ высшихъ небесныхъ божествъ. Они могутъ иногда и оставлять свою постоянную область и или нисхо-

жизнію, можетъ быть дѣломъ развѣ одного злого. Поэтому-то и вы по той лишь причинѣ, что получили бытіе, и не безсмертны и не разрушимы безусловно; однакоже вы ни разрушенію подвержены не будете, ни смерти въ удѣлъ не получите, потому что вамъ досталась въ удѣлъ еще и моя добрая воля (чтобъ вы имѣли нескончаемую жизнь),—связь гораздо болѣе крѣпкая, чѣмъ тѣ связи, которыми вы были соединены въ моментъ своего происхожденія. Итакъ, запомните себѣ теперь, что я вамъ скажу и укажу. Еще три рода смертныхъ [1]) (тварей) остаются не вызванные къ бытію, —B.

дить на землю къ людямъ для разныхъ услугъ и благодѣяній имъ, или возлетать въ сферу огня и принимать участіе въ славномъ шествіи по небу высшихъ—видимыхъ божествъ. Къ разряду этихъ низшихъ, подлунныхъ демоновъ Платонъ причисляетъ боговъ такъ называемыхъ миѳологическихъ. Въ существованіе этихъ божествъ онъ, быть можетъ, еще и вѣрилъ не много, ибо изъ приведеннаго мѣста Фэдра видно, что онъ допускалъ не только существованіе души земнаго шара, но и существованіе нѣкоторыхъ разумныхъ духовъ, распространенныхъ въ подлунномъ пространствѣ, но что онъ мало или даже совсѣмъ не вѣрилъ миѳологической исторіи этихъ божествъ, то этого онъ и не скрываетъ говоря, что „сказанія эти не представляютъ въ себѣ заслуживающихъ вѣроятія доказательствъ и что вѣрить имъ нужно лишь для того, чтобъ не выйти изъ повиновенія закону“. Но, если Платонъ и допускалъ существованіе низшихъ подлунныхъ божествъ, то спрашивается, когда и какъ они у него произошли? Отвѣтъ на это, какъ намъ кажется, имплицитэ содержится въ слѣдующей за симъ трактаціи объ образованіи тѣлъ для остальныхъ порядковъ живыхъ существъ высшими—небесными существами.

[1]) Какіе это три рода смертныхъ тварей? Выше, какъ мы видѣли, Платонъ объединяетъ всю совокупность живыхъ существъ въ 4-хъ порядкахъ: 1—небесный родъ божествъ, 2—родъ птицъ, 3—родъ рыбъ и 4 родъ животныхъ, живущихъ на сушѣ. Родъ небесныхъ божествъ созданъ уже самимъ Творцемъ. Значитъ теперь Творецъ поручаетъ этимъ божествамъ созданіе трехъ послѣднихъ порядковъ живыхъ существъ,—впрочемъ, строго говоря, не созданіе,—такъ какъ души ихъ Онъ самъ создалъ, а только образованіе для нихъ тѣлъ. Но ниже мы увидимъ, что всѣ эти существа представляютъ не три различные порядка, а только три вида одного и того же порядка существъ низшихъ, конечно, чѣмъ небесныя божества, но все же божественныхъ, и что исходнымъ пунктомъ въ образованіи трехъ видовъ изъ этого одного порядка служитъ разумное существо въ образѣ или въ тѣлѣ человѣка, и именно мущины. Существа, имѣющія этотъ образъ, если они дурно провели жизнь, могутъ въ слѣдующемъ рожденіи составить изъ себя разомъ три поименованные порядка существъ, ибо смотря по степени ихъ

а между тѣмъ если они не произойдутъ, то міръ не будетъ совершеннымъ, потому что не будетъ содержать въ себѣ всѣхъ родовъ живыхъ существъ, которые однако долженъ непремѣнно содержать для того, чтобъ быть совершеннымъ
С.— вполнѣ. Теперь же,—еслибы они получили существованіе и жизнь отъ меня непосредственно, то равны были бы съ богами. А потому, чтобъ они были смертными и эта вселенная была на самомъ дѣлѣ всеобъемлющею, для этого натурально (не мнѣ, а) вамъ уже слѣдуетъ приняться за созданіе живыхъ существъ, подражая при этомъ образу дѣйствій, которымъ моя творческая сила вамъ дала существованіе. И насколько имъ (этимъ существамъ) слѣдуетъ имѣть въ себѣ нѣчто одноименное съ безсмертными (существами)—нѣчто такъ называемое божественное, которое бы служило правящимъ (началомъ) въ тѣхъ изъ нихъ, которые готовы бу-

---

паденія и огрубѣнія, они получатъ сообразныя съ этимъ тѣла—одни—тѣла женщинъ, другіе—тѣла птицъ, третьи—рыбъ, четвертые — звѣрей. Тутъ же, какъ намъ кажется, находитъ себѣ самое простое рѣшеніе и вопросъ о томъ, каково было истинное представленіе Платона о божествахъ низшаго порядка—демонахъ, обитающихъ подъ луною. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь, у Платона Творецъ самъ даетъ бытіе по душѣ и тѣлу только божествамъ небеснымъ—звѣзднымъ, что же касается низшихъ божествъ—демоновъ, то Платонъ, очевидно, стѣсняясь высказать настоящую свою мысль, съ возможною деликатностію отклоняетъ отъ себя показаніе образа происхожденія ихъ. Между тѣмъ ясно, что если демоны не относятся къ числу существъ, которые созданы самимъ Творцемъ, то, значитъ, относятся къ числу существъ, о судьбѣ которыхъ поручено было Творцемъ позаботиться небеснымъ божествомъ, точнѣе—къ числу тѣхъ существъ, разселенныхъ по разнымъ звѣздамъ—отъ солнца до земли включительно, исходнымъ пунктомъ которыхъ было существованіе во образѣ человѣка. И если рыбы, птицы, звѣри представляютъ собою не что иное, какъ низшія точки паденія съ этого исходнаго пункта,—низшія формы жизни тѣхъ же самыхъ душъ, то и демоны, очевидно, суть не что иное, какъ тѣ точки—тѣ формы жизни, которыхъ достигаютъ тѣ же души, идя, благодаря своему совершенствованію, не внизъ, а вверхъ отъ этого исходнаго пункта. Намъ кажется, что именно таково было мнѣніе Платона о демонахъ или такъ называемыхъ миѳологическихъ божествахъ тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ Платона многіе стали толковать миѳологію съ помощію теоріи апотеозы.

дутъ всегда слѣдовать указаніямъ правды и вамъ [1]),—то образователемъ и сѣятелемъ (этой сущности) я буду самъ, и вручу вамъ (сѣмена ея готовыми). Что же касается всего остальнаго, то тутъ вы сами уже доканчивайте образованіе живыхъ существъ, присоединяя къ безсмертному (началу въ —D. нихъ) смертное, и производите ихъ, и взращайте, подавая пищу, а умирающихъ опять принимайте (въ свое распоряженіе).

XIV.—Такъ сказалъ..... и опять въ тотъ самый кратеръ, въ которомъ прежде составлялъ посредствомъ смѣшенія душу вселенной, вливаетъ остатки отъ прежняго (смѣшенія) и смѣшиваетъ ихъ приблизительно такимъ же образомъ (какъ прежде), но это были уже остатки (не столько) чистой безпримѣсной сущности тождественной и себѣ равной, (сколько сущности втораго и третьяго порядка [2]). Смѣшавши же все, Онъ потомъ раздѣлилъ и образовалъ число

---

[1]) Цицеронъ совсѣмъ не такъ понялъ и перевелъ это мѣсто: in quibus qui tales creabantur, ut deorum quasi gentiles esse debeant, divini generis appellentur teneantque omnium animantium principatum vobisque jure et lege volentes pareant etc... Тутъ рѣчь совсѣмъ не о порядкѣ подчиненія однихъ живыхъ существъ—низшихъ другимъ—высшимъ божествамъ, а о божественномъ правящемъ началѣ души въ каждомъ изъ этихъ существъ. Ниже (р. 69) Платонъ еще разъ повторяетъ, что божества приняли готовымъ это высшее начало души и съ своей стороны присовокупили смертный родъ души и тѣло, и снова опредѣляетъ это начало какъ божественное, какъ такое, которому принадлежитъ управленіе надъ всѣми остальными сторонами душами (р. 44).

[2]) Переводя такъ это мѣсто, мы сознаемъ, что допускаемъ маленькую вольность, но этимъ, какъ намъ кажется, сразу устраняемъ тѣ затрудненія, которыя находили въ этомъ мѣстѣ почти всѣ комментаторы. Мы знаемъ уже, изъ какихъ элементовъ образована была міровая душа—изъ трехъ сущностей: тождественной, иной и средней между тою и другою. Изъ тѣхъ же элементовъ составилъ Творецъ и души низшихъ живыхъ существъ, съ тѣмъ только различіемъ, что сюда вошло сущности тождественной, т. е. разума, гораздо меньше, чѣмъ въ душу міра, но зато больше вошло сущности 2-го и 3-го разряда—иной и средней, т. е. начала измѣнчивости, множественности, разнообразія, вслѣдствіе чего этимъ душамъ открыта возможность какъ движенія вверхъ—къ тождественному, разумному существованію, такъ и движенія внизъ къ иному—измѣнчивому, чувственному, животенному образу бытія.

душъ соразмѣрное съ числомъ звѣздъ, назначилъ въ удѣлъ
E.— каждой изъ нихъ особую звѣзду и помѣстивши (въ нее) какъ въ колесницу, показалъ имъ природу вселенной и объявилъ имъ предуставленные судьбою законы,—именно,—что всѣмъ имъ опредѣлено быть равными по первоначальному образу существованія, чтобъ ни одна изъ нихъ не была отъ Него Самого умалена (предъ другими) и что имъ, послѣ разселенія на соотвѣтственные каждой изъ нихъ органы времени, предлежитъ составить изъ себя родъ живыхъ существъ наиболѣе обязанный быть богопочтительнымъ. Пое-
42.— лику-же человѣческая природа двойственна, то долженъ явиться къ существованію (пока, только) лучшій родъ ея— тотъ родъ, который впослѣдствіи будетъ называться мущиной. Когда же онѣ (души человѣческія), въ силу неизбѣжной судьбы, будутъ внѣдрены въ тѣла, и (вслѣдъ затѣмъ) одни элементы станутъ входить въ ихъ тѣла, другіе выходить вонъ, тогда необходимо станутъ возникать въ нихъ прежде всего—одинаково всѣмъ свойственное ощущеніе отъ сильныхъ впечатлѣній, потомъ—любовь, смѣшанная съ удовольствіемъ и огорченіемъ и вдобавокъ къ этому—страхъ и гнѣвъ, да и другія ощущенія, которыя или согласуются и соединяются съ этими, или бываютъ противоположны имъ и не соедини-
B.— мы съ ними. Тогда, если съумѣютъ онѣ держать власть надъ всѣми этими (состояніями), то будутъ вести жизнь праведную, а если сами очутятся во власти ихъ, то—неправедную. И кто назначенное ему время проживетъ праведно, тотъ возвратится въ обитель предназначенной ему звѣзды и здѣсь будетъ вести блаженную жизнь, сообразную съ своимъ нравомъ; а кому это не удается, тотъ въ слѣдующемъ рожденіи перемѣнитъ (прежнюю природу) на природу
C.— женщины. Если же и тутъ онъ не отстанетъ отъ своей порочности, то, смотря по тому, какому роду порока предается, онъ всякій разъ будетъ перерождаться въ животное—по своей природѣ аналогичное съ тѣми нравами, которые онъ себѣ нажилъ, и перестанетъ перерождаться и терпѣть муки не прежде, чѣмъ когда, рѣшившись слѣдовать водительству

присущаго ему тождественнаго и себѣ равнаго (начала) и посредствомъ разума одержавъ побѣду надъ тяжелою, не- —D.
обузданною и лишенною разума массою,—которая, состоя изъ огня и воды, воздуха и земли, позднѣе присоединенъ къ его природѣ,—приметъ снова образъ прежняго лучшаго состоянія.

Объявивши же имъ всѣ эти уставы для того, чтобъ не оказаться самому виновникомъ ничьей порочности, могущей появиться впослѣдствіи, Онъ затѣмъ разсѣялъ ихъ, какъ сѣмена, однихъ на землю, другихъ на луну, третьихъ на иные органы времени, сколько таковыхъ ни есть. А что должно было слѣдовать за этимъ распредѣленіемъ, то Онъ поручилъ юнымъ (звѣзднымъ) божествамъ, какъ то: образовать смертныя тѣла, а также довершить то остальное, что окажется нужнымъ для души человѣческой, да и все сюда относящееся, а затѣмъ начальствовать надъ этимъ —E.
живымъ существомъ и управлять имъ какъ можно лучше и искуснѣе, чтобъ оно не учинилось само для себя виновникомъ золъ.

XV.—Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Онъ пребывалъ затѣмъ въ состояніи, свойственномъ своему существу [1]). Когда же Онъ перешелъ (въ это состояніе), то сыновья обсудивъ распоряженіе Отца, стали выполнять его, именно: взяли безсмертное начало смертнаго живаго существа и, по примѣру своего Создателя, занявши у міра элементовъ огня и земли, воды и воздуха, съ условіемъ, что они потомъ воз-

---

[1]) Эта фраза имѣетъ обоюдный смыслъ, такъ что трудно угадать истинную мысль Платона. Хотѣлъ ли онъ сказать, что Богъ пребывалъ въ одномъ и томъ же состояніи свойственномъ Его природѣ даже во все время творческой дѣятельности, какъ и прежде и послѣ этого, или что Богъ во время творчества вышелъ изъ этого состоянія, а по окончаніи его снова въ него пришелъ,—трудно рѣшить: На послѣднее повидимому указываетъ начало слѣдующей фразы „μένοντος δὲ... смыслъ которой, кажется, такой: когда божества примѣтили, что Творецъ и Отецъ ихъ пришелъ въ обычное состояніе, т. е. пересталъ творить, то рѣшили, что теперь настала пора имъ продолжать дѣло творенія.

вращены ему будутъ,—стали соединять ихъ, но не тѣми
43.— неразрушимыми связями, которыми связаны были сами, а
просто—частыми, по малости своей, непримѣтными гвоздочками; образовавши же такимъ путемъ изъ совокупности
всѣхъ (элементовъ) отдѣльныя тѣла, они затѣмъ связали
вращенія безсмертной души съ каждымъ въ отдѣльности
тѣломъ, къ которому стали безпрестанно приливать (новые
элементы) и изъ него уходить (старые). Бывъ же вовлечены въ этотъ неудержимый потокъ, они (эти вращенія) и
не могли совсѣмъ подчинить его себѣ, и сами не отдавались
въ его полную власть, но насильно несомыя имъ въ свою
B.— очередь и сами уносили его за собою, такъ что живое существо цѣликомъ двигалось, но безъ порядка и разума, а такъ
и туда, куда и какъ направляться указывалъ случай, обладая всѣми шестью движеніями, ибо то впередъ и назадъ, то
потомъ направо и налѣво, то наконецъ внизъ и вверхъ и
вообще по всѣмъ шести направленіямъ оно двигалось,
блуждая. И это потому, что если съ одной стороны очень
стремителенъ былъ потокъ, который вливался въ тѣло и изливался изъ него, служа ему питаніемъ, то съ другой стороны еще большее смятеніе причиняли ему впечатлѣнія отъ
C.— внѣшнихъ воздѣйствій въ разныхъ случаяхъ, когда (напримѣръ) оно наталкивалось или на чуждый внѣ его находящійся огонь, или на твердый предметъ земли, или на теченія влагъ и водъ, или когда его охватывала буря возбужденныхъ воздухомъ вѣтровъ, и когда отъ всѣхъ этихъ причинъ
возникавшія движенія чрезъ тѣло доносясь до души, попадали
въ нее. Эти движенія, вслѣдствіе этого, названы были потомъ, да и нынѣ еще всѣ вмѣстѣ называются *ощущеніями* [1]).

---

[1]) Наше слово „ощущеніе“ совсѣмъ не выражаетъ того, что хотѣлъ Платонъ выразить словомъ αἴσθησις, которое по производству отъ ἀΐσσω содержитъ въ себѣ понятіе стремительнаго, бурнаго движенія. Таковъ именно, на взглядъ Платона, характеръ того психическаго процесса, который у насъ извѣстенъ подъ именемъ ощущеній, и вотъ почему онъ вноситъ смятеніе въ область душевной жизни.

Итакъ, эти ощущенія, вмѣстѣ съ этимъ водоворотомъ (входящихъ и исходящихъ элементовъ), который безпрестанно клокочетъ и возбуждаетъ слишкомъ обильное и сильное движеніе,—тутъ же вдругъ стали сотрясать и шатать круговыя теченія души, именно съ одной стороны они тормозили кру- —D.
говращеніе тождественнаго, мѣшая ему продолжать свой путь и управлять (подчиненными движеніями), такъ какъ сами имѣли противоположное ему теченіе, а съ другой и кругообращеніе иного такъ расшатывали, что три промежутка прогрессіи двойныхъ и три промежутка прогрессіи тройныхъ членовъ, а также промежутки въ $1^1/_2$, въ $1^1/_3$ и въ $1^1/_8$, служащіе въ качествѣ среднихъ членовъ и связующихъ звеньевъ, хотя совсѣмъ разрушены не могли быть никѣмъ, кромѣ самаго связавшаго —E.
ихъ, однакожъ то дѣлали всевозможные зигзаги, то всячески, какъ ни попало, нарушали круговое движеніе, и хотя двигались держась кое-какъ въ связи другъ съ другомъ, но двигались безъ разума то въ противоположныя стороны, то вкось и вкривь, то навзничь. И подобно тому, какъ еслибы кто нибудь головою навзничь упершись въ землю, а ноги вытянувъ вверхъ, держался въ такомъ положеніи посредствомъ чего нибудь, то въ этомъ состояніи члены и части какъ самого того, который находится въ этомъ состояніи, такъ и тѣхъ, которые смотрятъ на него, представлялись бы взаимно ему и имъ правые лѣвыми, а лѣвые правыми;—тоже самое и иное подобное этому претерпѣвали и круговыя движенія души.
Именно, всякій разъ когда они встрѣчались съ какимъ либо —44.
изъ внѣшнихъ предметовъ, принадлежащихъ къ роду ли тождественнаго или къ роду иного, то давая показанія противныя истинѣ какъ относительно предмета тождественнаго съ чѣмъ нибудь, такъ и относительно предмета иного въ сравненіи съ чѣмъ нибудь, они и сами такимъ образомъ становились ложными и неразумными, и тогда уже между ними никакое вращеніе не могло быть правящимъ и упорядочивающимъ [1]). Равнымъ образомъ когда какія нибудь ощущенія

[1]) Душа человѣческая, по Платону, образована изъ такого же числа и порядка пропорціональныхъ частей, какъ и душа міра. Составъ ея, какъ и со-

отвнѣ устремляясь привходятъ въ душу и привлекаютъ къ себѣ все существо ея, тогда они (два вращенія души) кажутся по крайней мѣрѣ властвующими, хотя (на самомъ дѣлѣ) находятся во власти (этихъ ощущеній) [1]. Вслѣдствіе

ставъ міровой души, раздѣленъ на двѣ половины, которыя обѣ, бывъ соединены, образовали двѣ соприкасающіяся и пересѣкающіяся сферы, наподобіе экватора и эклиптики. Но въ душѣ человѣческой эти круги не могутъ вращаться правильно вслѣдствіе слишкомъ сильнаго прилива и отлива вещественныхъ элементовъ въ тѣлѣ, съ которымъ она связана. Пути каждаго изъ этихъ круговъ, представляя въ нѣкоторыхъ пунктахъ уклоненія, зигзаги, то идутъ въ противоположныя стороны, то вкось и вкривь, то навзничь въ отношеніи другъ къ другу и такъ перепутываются другъ съ другомъ, что представляютъ какъ будто одно и тоже неправильное движеніе, потому что если сравнить извѣстныя части кривой линіи, образуемой неправильнымъ вращеніемъ круга природы тождественнаго съ тѣми или другими частями столь же неправильной кривой линіи, описываемой кругомъ природы иного, то тѣ и другія покажутся идущими въ одномъ и томъ же направленіи. Слѣдовательно, когда кругъ ли природы тождественнаго, или кругъ природы иного, будучи даже правильнымъ въ своемъ движеніи, проходитъ подлѣ этихъ кривыхъ неправильныхъ линій, тогда онъ можетъ казаться одинаковой съ ними природы, хотя бы былъ природы противоположной имъ и наоборотъ. Вотъ гдѣ, по Платону, лежитъ причина заблужденій человѣческаго ума, происходящихъ отъ измѣнчивыхъ состояній тѣла, ощущеній и страстей. Душа человѣческая тоже образована Творцемъ по строгимъ и точнымъ законамъ гармоніи и предназначена къ гармонической игрѣ заложенныхъ въ ея существѣ началъ, но божества, соединивши ее съ несовершеннымъ тѣломъ, поставили ее въ необходимость достигать гармоніи путемъ диссонансовъ. Двѣ стороны ея природы—разумная и чувственная должны бы каждая идти своимъ путемъ съ неуклонною правильностію, и во всегдашнемъ согласіи другъ съ другомъ, а между тѣмъ онѣ то враждуютъ другъ противъ друга и идутъ врозь, то перепутываютъ свои пути и перемѣняютъ свои роли, а при такомъ положеніи дѣла и показанія ихъ относительно внѣшнихъ вещей не могутъ быть правильными: предметы порядка тождественнаго и значитъ предметы самаго высокаго значенія не кажутся тогда душѣ такими, и наоборотъ предметы порядка низшаго — иного, измѣнчиваго, случайнаго кажутся предметами первостепеннаго, абсолютнаго значенія.

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ сильныхъ впечатлѣніяхъ, идущихъ отвнѣ, которыя затрогиваютъ не только низшую чувственную сторону души, но и высшую, разумную. Эта послѣдняя, бывъ всецѣло охвачена ими, возбуждается къ усиленной—порывистой дѣятельности, среди которой она чувствуетъ себя полновластной правительницей и распорядительницей, между тѣмъ какъ на самомъ

всѣхъ этихъ состояній душа и нынѣ, какъ въ началѣ—тогда, бываетъ безъ разума въ первое время послѣ того, какъ вселяется въ смертное. Когда же притокъ возрастанія и питанія —B. становится слабѣе, и круговыя движенія (души) достигнувъ затишья, начинаютъ идти своимъ путемъ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утверждаются на немъ, тогда круги начинаютъ двигаться каждый сообразно съ своею природою, тогда вращенія ихъ становятся правильными и безошибочно показывая такъ то, что есть иное, такъ и то, что есть тождественное, въ концѣ концовъ дѣлаютъ разумнымъ того, кто носитъ ихъ въ себѣ. А если вдобавокъ къ этому присоединяется еще правильная пища —C. воспитанія, то таковой человѣкъ можетъ избѣжать большей части болѣзней и остаться неповрежденнымъ и совершенно здоровымъ. Но если кто пренебрегая этимъ, проходитъ жизненный путь постоянно уродуя себя, тотъ неусовершеннымъ и неразумнымъ опять нисходитъ въ Аидъ. Впрочемъ, это—уже дальнѣйшее; теперь же мы обратимся къ ближайшему предмету, который требуетъ самаго точнаго изслѣдованія, именно,—разсудимъ, придерживаясь наиболѣе вѣроятнаго, о происхожденіи тѣла во всѣхъ его частяхъ и о происхожденіи души, а также о томъ, по какимъ причинамъ и предначертаніямъ боговъ она произошла, потому что именно такому порядку и методу мы должны слѣдовать.

XVI.—Итакъ боги, подражая формѣ вселенной, которая —D. кругла, заключили два божественныя кругообращенія (души) въ шарообразное тѣло—въ то самое, которое мы теперь называемъ головою и которое представляя въ насъ божественнѣйшую часть, господствуетъ надъ всѣми остальными частями. Ему-то боги устроили и подчинили все остальное тѣло, какъ подслужное оружіе, принявъ во вниманіе, что ему придется участвовать во всѣхъ возможныхъ движеніяхъ. Именно, опасаясь, чтобъ оно катаясь по землѣ, имѣющей

дѣлѣ она и тутъ рабствуетъ, такъ какъ всѣ ея силы работаютъ въ силу увлеченія, въ угоду страсти, чувственности.

E.— всевозможныя возвышенія и углубленія, не очутилось въ
затрудненіи, какъ тутъ перескочить, а тамъ выбраться, они
дали ему эту колесницу и удобное движеніе. Итакъ, тѣло
получило продолговатый видъ и выростило изъ себя четыре
удобorастяжимыхъ и удобосгибаемыхъ члена—четыре Бо-
гомъ устроенныхъ органа движенія, посредствомъ которыхъ
оно съ одной стороны можетъ схватывать и отталкивать
45— (предметы), а съ другой—ходить по всѣмъ мѣстамъ, нося
вмѣстилище божественнаго и святѣйшаго въ насъ на самой
вершинѣ. Вотъ какимъ образомъ и по какимъ причинамъ
ноги и руки даны всѣмъ людямъ. Поелику же боги знали,
что передняя сторона тѣла болѣе благородна и болѣе спо
собна къ управленію, чѣмъ задняя, то и устроили такъ,
чтобы мы двигались главнымъ образомъ этою стороною,
то есть впередъ. Само собою разумѣется, что при этомъ
передняя часть тѣла у человѣка должна была получить осо-
бенное отличающее ее устройство. Поэтому, боги прежде все-
го съ этой именно стороны головнаго шара помѣстили лице
вмѣстѣ съ органами, служащими всѣмъ умственнымъ дѣятель-
B.— ностямъ души, и этой части, которая натурально есть пред-
шествующая, поручили взять на себя предводительство
(всѣми движеніями тѣла). Изъ органовъ же они прежде все-
го устроили тѣ, которые служатъ проводниками свѣта,—
глаза, и соединили ихъ здѣсь (съ тѣломъ) вотъ какимъ
образомъ. Они умудрились сдѣлать такъ, что изъ эссенціи
огня—но такого огня, который жечь не въ состояніи, а спо-
собенъ только распространять тотъ мягкій свѣтъ, который
есть обыкновенный свѣтъ каждаго дня, образовалось особое
тѣло. Именно, такъ какъ внутри насъ самихъ находится
чистый и родственный съ этимъ огонь, то они сдѣлали такъ,
что этотъ огонь имѣетъ сквозь глаза токъ, весь состоящій
изъ самыхъ тонкихъ и вмѣстѣ самыхъ плотныхъ частицъ и
C.— при этомъ ткань глаза въ срединѣ сдѣлали особенно плот-
ною для того, чтобъ она задерживала всякій болѣе грубый
свѣтъ и пропускала сквозь себя лишь этотъ дистиллирован-

ный, самый чистый свѣтъ. Вслѣдствіе этого, когда дневной свѣтъ встрѣчается съ токомъ зрительнаго свѣта, тогда онъ, соприкасаясь съ этимъ подобнымъ себѣ, такъ тѣсно соединяется съ нимъ, что оба отождествляются и такимъ путемъ образуютъ изъ себя одно единичное тѣло въ прямомъ направленіи глазъ какъ разъ тамъ, гдѣ свѣтъ истекающій извнутри встрѣчается съ свѣтомъ, идущимъ отъ внѣшнихъ предметовъ [1]). Итакъ, когда это свѣтовое тѣло, испытываю-

---

[1]) Легко понять, почему Платонъ на первомъ мѣстѣ ставитъ изъ всѣхъ органовъ глаза, изъ всѣхъ чувствъ —зрѣніе. Глазъ—это органъ, въ которомъ предстоитъ созерцанію души міръ Божій во всей красѣ своего величія, во всей премудрости своего устройства, а зрѣніе—это чувство, которымъ душа можетъ воспринимать эту красоту и эту премудрость,—чувство, болѣе всѣхъ другихъ служащее вращенію тождественнаго—разуму, философіи. Впрочемъ, это есть уже конечная причина глаза, зрѣнія, о которой у Платона рѣчь будетъ ниже; здѣсь же онъ занимается причинами дѣйствующими физическими и даетъ свою физіологическую теорію зрѣнія.—Слово ὄψις въ этой теоріи обозначаетъ не глазъ, и не чувство зрѣнія и не дѣятельность смотрѣнія, а внутренній огонь или свѣтъ, который исходитъ изъ тѣла нашего сквозь глаза. Не глазъ, а этотъ именно свѣтъ здѣсь играетъ роль существеннаго условія зрѣнія. Ниже (р. 64) Платонъ говоритъ, что это ὄψις—это тѣло, внутренно съ нами соединенное, можно рѣзать, жечь, не испытывая ни малѣйшаго чувства боли, чего конечно онъ не могъ бы сказать о глазѣ. Въ другомъ же мѣстѣ (р. 68) говоритъ, что извѣстные цвѣта раздѣляютъ этотъ зрительный огонь—τὴν ὄψιν внѣ глаза, между тѣмъ какъ другіе болѣе блестящіе раздѣляютъ его до самыхъ глазъ μέχρι τῶν ὀμμάτων. Вся услуга глазъ состоитъ въ томъ, что они пропускаютъ сквозь себя наружу этотъ внутренній огонь, и весь секретъ зрѣнія состоитъ, по Платону, въ соединеніи этого внутренняго зрительнаго огня съ огнемъ или свѣтомъ, идущимъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Именно, когда мы смотримъ на предметы безъ всякаго посредства, то видимъ его потому, что внутренній огонь, выходящій чрезъ глаза и огонь идущій отъ этого предмета, встрѣчаются на одной и той же прямой линіи, сталкиваются, соединяются и въ точкѣ соединенія образуютъ родъ нѣкоего тѣла, которое посредствомъ внѣшняго огня стоитъ въ связи съ внѣшнимъ предметомъ, а посредствомъ внутренняго имѣетъ тѣсную связь съ душею. Но образъ соединенія этихъ двухъ огней въ одно тѣло бываетъ различенъ и обусловливается частію цвѣтами предметовъ, а частію способомъ самого созерцанія Такова теорія зрѣнія Платона, извѣстная подъ именемъ πλατωνικὴ συναύγεια. Нынѣ, конечно, совсѣмъ иначе уже объясняютъ процессъ зрѣнія, но не всѣ одинаково.

щее одни и тѣже состоянія во всѣхъ частяхъ своихъ благодаря сродству ихъ между собою, само ли съ чѣмъ нибудь внѣшнимъ соприкасается, или какой либо внѣшній предметъ
D.- съ нимъ соприкасается, то распространяетъ движенія отъ этихъ (соприкосновеній) по всему тѣлу до самой души и доставляетъ намъ то чувство, о которомъ мы говоримъ, что посредствомъ его видимъ. Когда же сродный (внѣшній) свѣтъ удаляется въ область ночи, тогда это тѣло какъ будто отрѣзывается, потому что внутренній свѣтъ, исходя (наружу) и встрѣчая только неподобное себѣ (вещество), самъ теряетъ свое (свѣтящее) свойство и угасаетъ, не будучи въ состояніи слиться съ окружающимъ воздухомъ. такъ какъ сей послѣдній огня уже не содержитъ въ себѣ. Тогда-то глазъ перестаетъ быть органомъ, посредствомъ котораго мы видимъ, и вдобавокъ къ тому становится даже причиною,
E.— обусловливающею наступленіе сна. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, что касается той защиты, которую боги устроили для зрѣнія въ существѣ рѣсницъ, то закрывая ихъ, мы вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ запираемъ вовнутрь силу (зрительнаго) огня, которая тогда разсѣеваетъ и успокоиваетъ внутреннія движенія, когда же эти послѣднія улегаются, тогда само собою наступаетъ покой. Когда этотъ покой глубокъ, тогда охватываетъ такой сонъ, въ которомъ если и бываютъ сновидѣнія, то самыя
46.— незначительныя; но если остались (внутри) какія либо сильныя возбужденія, то смотря по тому, какого они свойства и въ какихъ мѣстахъ остались, они производятъ внутри такого же свойства и въ такомъ же количествѣ отпечатлѣнные образы какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ предметовъ,—образы, которые и по пробужденіи живо припоминаются. Потомъ, что касается происхожденія образовъ въ зеркалахъ и во всемъ, что даетъ отраженія, будучи полированнымъ, то и тутъ не трудно усмотрѣть, (въ чемъ суть дѣла), потому что когда огонь внутренній и огонь внѣшній входятъ въ общеніе другъ съ другомъ и встрѣчаясь на полированной поверхности, всякій разъ переливаются другъ въ друга и образуютъ изъ себя одинъ огонь, тогда необхо-

димо возникаютъ подобныя отраженія, какъ это бываетъ и въ томъ случаѣ, когда огонь, идущій отъ лица, сливается на гладкой зеркальной поверхности съ огнемъ, истекающимъ изъ —B.
глазъ [1]). Но при этомъ лѣвое представляется правымъ (и наоборотъ), потому что тутъ части огня,—идущія отъ предмета и соприкасающіяся съ соотвѣтственными частями огня зрительнаго, уже не тѣ, что въ обыкновенномъ способѣ взаимной встрѣчи, а противоположныя имъ. Однакожъ и тутъ правая сторона(предмета) является правою и лѣвая лѣвою, когда свѣтъ (внутренній) при сліяніи съ свѣтомъ (отъ внѣшняго предмета) поворачивается въ противоположную въ отношеніи къ —C.
послѣднему сторону. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда полированное зеркало, имѣя съ той и другой стороны выпуклость (во внутрь. т. е. вогнутое) отсылаетъ свѣтъ правой стороны (предмета) въ лѣвую сторону зрительнаго огня, а свѣтъ лѣвой стороны—въ правую. Но это же самое зеркало, получивъ поперечное положеніе въ отношеніи къ лицу, дѣлаетъ то, что все отражается навзничь, поелику оно тогда свѣтъ отъ нижней стороны (предмета) посылаетъ на верхнюю часть зрительнаго свѣта, а свѣтъ отъ верхней части—въ нижнюю часть.

Все это, конечно, принадлежитъ къ числу вспомогательныхъ причинъ, услугою которыхъ пользуется Богъ, чтобъ

---

[1]) Когда мы видимъ предметъ въ зеркалѣ, тогда, по смыслу теоріи Платона, внутренній и внѣшній огонь встрѣчаются совсѣмъ не такъ, какъ въ прямомъ непосредственномъ зрѣніи, именно не съ противоположныхъ сторонъ на одной и той же прямой линіи, а въ одной и той же точкѣ зеркальной поверхности, которая останавливая ихъ заставляетъ соединиться такъ, чтобъ образовалось тѣло, служащее посредствомъ между предметомъ и душею. Въ началѣ этой фразы Платонъ говоритъ вообще объ образованіи такого тѣла, а въ концѣ разумѣетъ тотъ частный случай, когда мы смотримъ и видимъ лице свое въ зеркалѣ. Въ этомъ случаѣ, по Платону, свѣтъ идущій отъ нашего лица останавливается на поверхности зеркала и здѣсь соединяется съ огнемъ, идущимъ отъ глазъ; соединеніе же того и другаго огня даетъ то посредствующее тѣло, благодаря которому мы видимъ свое лице.

осуществить насколько возможно идею совершеннѣйшаго, а
D.— между тѣмъ большинство держится того мнѣнія, что это—
не вспомогательныя только, а настоящія причины всѣхъ
вещей на томъ основаніи, что онѣ производятъ холодъ и
теплоту, сгущеніе и разжиженіе и всѣ подобнаго рода явле-
нія (упуская изъ виду), что онѣ не способны имѣть ни ра-
зума ни разсужденія ни о чемъ. Потому что изъ всего су-
ществующаго лишь о душѣ можно утверждать, что она
способна обладать разумомъ. Но то (что мы называемъ ду-
шею) невидимо, между тѣмъ какъ огонь и вода, воздухъ и
земля—все это суть видимыя тѣла. Но ревнитель разума и
науки обязанъ въ изслѣдованіи ставить на первомъ планѣ
причины разумнаго свойства, тѣже причины которыя сами
приводятся въ движеніе другими причинами, хотя и съ своей
E.— стороны движутъ сими послѣдними въ силу необходимости,—
на второмъ [1]). Такъ, значитъ, слѣдуетъ поступать и намъ,—
слѣдуетъ строго различать два рода причинъ—особо тѣ изъ
нихъ, которыя при участіи разума суть дѣятели прекраснa-
го и добраго, и особо тѣ, которыя будучи чужды всякой
разсудительности, дѣйствуютъ какъ случится, безъ всякаго

---

[1]) И во времена Платона, значитъ, преобладающимъ направленіемъ въ философіи было матеріалистическое. Кого бы Платонъ ни разумѣлъ подъ „*большинствомъ*", державшимся этого направленія,—іонійскихъ ли натуръ-философовъ, выводившихъ всѣ вещи то изъ воды, или огня, или воздуха, то вообще изъ неопредѣленной матеріи, атомистовъ, ли объяснявшихъ весь порядокъ вещей движеніями атомовъ, Анаксагора ли, котораго прямо упрекалъ за то, что его Νοῦς не входитъ внутренно въ образованіе вещей,—это не важно; важно то, что Платонъ противъ этого большинства прямо и смѣло возвышаетъ свой голосъ за разумную цѣлесообразность міра и за конечныя причины - какъ за такія, безъ которыхъ немыслима никакая не только цѣлесообразность, но и упорядоченность и которыя потому суть высшія—первыя въ сравненіи съ причинами физическими, неразумными, слѣпыми. И нынѣ большинство не на сторонѣ телеологическаго, а на сторонѣ матеріалистическаго или механическаго міросозерцанія; но истина не всегда бываетъ на сторонѣ большинства. Нужны только новые Платоны, новые Аристотели, которые съумѣли бы доказать и отстоять истину.

плана. Итакъ, что касается вспомогательныхъ причинъ,
благодаря которымъ глаза получили ту способность, какою
они теперь обладаютъ, то довольно объ нихъ; но послѣ
этого намъ слѣдуетъ сказать еще о той важнѣйшей услугѣ
ихъ на пользу нашу, ради которой Богъ даровалъ намъ
ихъ. Именно, зрѣніе на мой взглядъ служитъ источникомъ —47
величайшей пользы для насъ, потому что напримѣръ если
бы люди не могли видѣть ни звѣздъ, ни солнца, ни неба, то
никакое разсужденіе подобное тѣмъ, которыя мы нынѣ ведемъ, о природѣ вселенной, не было бы возможно. Но послѣ
того какъ день и ночь, мѣсячныя и годовыя обращенія подпали созерцанію,—они произвели число, дали идею времени
и возбудили потребность изслѣдованія природы вселенной.
Благодаря же всему этому мы обладаемъ нѣкоей философіей
—такимъ благомъ, лучше котораго ничто еще не было да
и никогда не будетъ ниспослано въ даръ роду смертныхъ
отъ боговъ [1]). Вотъ въ чемъ я полагаю величайшее благо —B.
глазъ, а о менѣе важныхъ благахъ стоитъ ли говорить?
ихъ можетъ тщетными воплями оплакивать и не философъ
въ случаѣ потери зрѣнія. Мы же съ своей стороны должны
еще и вотъ что сказать: надъ всѣми этими (низшими благами, или конечными причинами) есть одна главная причина, по которой Богъ изобрѣлъ зрѣніе и надѣлилъ имъ
насъ,—это именно та, чтобы мы созерцая въ небѣ кругообращенія разума, пользовались ими для круговращеній мыш-

---

[1]) Этою фразою оканчивается, къ сожалѣнію, переводъ Цицерона. Цицеронъ самъ имѣлъ и неоднократно повторялъ такое же мнѣніе о философіи. Philosophia, omnium artium mater, quid est aliud nisi, ut Plato, donum, ut ego, inventum deorum? Haec nos primum ad illorum cultum, deinde ad jus hominum, quod situm est in generis humani societate, tum ad modestiam magnitudinemque animi erudivit, eademque ab animo tamquam ab oculis caliginem dispulit, ut omnia supera infera, prima ultima media videremus etc. (Tusculanarum disput. lib. I. c. 26).

C.— ленія въ насъ самихъ, которыя сродны съ тѣми кругообращеніями, но только подвержены безпорядку, между тѣмъ какъ тѣ не подвержены, и чтобы мы изучивъ ихъ и ставъ причастными законосообразной правильности разума, подражали безусловно-неуклонным стезямъ божества—и направляли на путь истинный свои собственныя—блуждающія. Таково же мнѣніе наше и относительно голоса и слуха,— и они для тѣхъ же цѣлей и по тѣмъ же побужденіямъ даны богами, потому что голосъ, какъ даръ слова, для тѣхъ же цѣлей устроенъ, что и зрѣніе, такъ какъ онъ весьма много служитъ этимъ цѣлямъ, а насколько голосъ пригоденъ для музыкальныхъ звуковъ, онъ данъ на служеніе слуху ради
D.— гармоніи [1]). Что же касается гармоніи, которая представляетъ движенія родственныя съ движеніями нашей души, то кто со смысломъ обращается къ музамъ, тотъ имѣетъ объ ней совсѣмъ иное мнѣніе, чѣмъ какое господствуетъ нынѣ, именно не то, что она служитъ лишь для неразумнаго удовольствія, а то, что она дана намъ музами какъ помощница, которая должна упорядочивать и приводить въ согласіе съ собою вращеніе нашей души, когда оно бываетъ полно диссонансовъ. Для той же цѣли ими данъ намъ и ритмъ, именно, какъ средство упорядоченія тѣхъ лишенныхъ
E.— мѣры и граціи манеръ, которыя бываютъ у большинства людей.

---

[1]) Голосъ, какъ даръ слова, по Платону, есть такой же органъ познанія, философіи, какъ и зрѣніе. Это потому что зрѣніе почти отождествляли языкъ, слово съ мышленіемъ и послѣднее считали немыслимымъ безъ перваго. Голосъ, какъ органъ музыки, тоже отчасти можетъ служить органомъ философіи, потому что кто развилъ слухъ свой для гармоніи музыкальныхъ вибрацій, тотъ лучше можетъ понять и гармонію движеній вселенной, но главная задача его практическая—содѣйствіе гармоніи душевныхъ движеній. Вибраціи музыкальныхъ звуковъ, производящія гармоническое созвучіе, имѣютъ ближайшее сродство съ внутренними движеніями нашей души, и отсюда объясняется вліяніе музыки на душу. Цѣль же музыки—не удовольствіе,—а приведеніе въ гармонію душевныхъ движеній всякій разъ, какъ въ нихъ оказывается дисгармонія. Ту же цѣль имѣетъ и ῥυθμός—наблюденіе мѣры, такта—въ чтеніи, въ музыкѣ, и во всѣхъ движеніяхъ тѣла.

XVII.—Все, доселѣ сказанное нами, за исключеніемъ
немногаго, имѣло въ виду изъясненіе того, что создано по-
средствомъ разума. Теперь, стало быть, намъ слѣдуетъ войти —48
въ разсужденіе о томъ, что произошло въ силу необходи-
мости, потому что смѣшанный составъ сего міра несомнѣн-
но произошелъ изъ взаимодѣйствія необходимости и разума.
Но разумъ держитъ перевѣсъ надъ необходимостію—тѣмъ,
что заставляетъ ее приводить бо́льшую часть вещей ко
благу, и вотъ какимъ собственно образомъ устроена вна-
чалѣ эта вселенная силою необходимости, побѣжденной си-
лою разумнаго убѣжденія. Поэтому, кто сообразуясь съ
этимъ пожелалъ-бы показать, какимъ на самомъ дѣлѣ обра-
зомъ произошла вселенная, тотъ долженъ непремѣнно при-
мѣшать (къ своему изъясненію изъ разума) еще видъ при-
чины безпорядочной и тотъ способъ дѣйствія, который при-
надлежитъ ей по природѣ. Такимъ образомъ, намъ опять
нужно возвратиться назадъ и, такъ какъ мы приняли те- —B.
перь для тѣхъ же самыхъ вещей другой соотвѣтственный
принципъ,—опять, какъ прежде, повести рѣчь объ нихъ съ
самаго начала. Итакъ, намъ нужно уяснить себѣ природу
огня и воды, воздуха и земли—саму по себѣ (какъ она была)
прежде происхожденія неба, а равно и тѣ состоянія, кото-
рыя прежде этого имѣли въ нихъ мѣсто, потому что донынѣ
никто еще не выяснилъ образованія ихъ, мы же какъ будто
отлично зная, что́ такое огонь и каждый изъ остальныхъ
(элементовъ этихъ), называемъ ихъ началами и считаемъ
первичными элементами вселенной—*στοιχεῖα τοῦ παντός*, между
тѣмъ какъ даже для мало-мальски смыслящаго ясно, что
нѣтъ никакого вѣроятнаго основанія приравнивать ихъ даже —C.
къ разряду слоговъ [1]). Впрочемъ, мое мнѣніе въ настоящемъ

---

[1]) Это сравненіе стихій со слогами можетъ показаться страннымъ, если не принять въ соображеніе, что слово *τὸ στοιχεῖον* представляетъ собою прежде всего конкретное понятіе буквы алфавита и потомъ уже абстрактное понятіе всякаго вообще перво-элемента. Это послѣднее значеніе тѣмъ скорѣе могло

случаѣ вотъ какое: что касается одного ли начала всѣхъ вещей или многихъ началъ и какого нибудь изъясненія вещей (изъ этихъ началъ, то это не войдетъ въ составъ нынѣшней нашей бесѣды, не почему либо иному, а по той только причинѣ, что весьма трудно мнѣ, не отступая отъ метода настоящаго изслѣдованія, изложить свои мнѣнія (по этому предмету). Въ виду этого обстоятельства, конечно, и вы не думаете, что я долженъ вести объ этомъ рѣчь, и я не могу убѣдить себя въ томъ, что былъ бы правъ, рѣшив-
D.- шись взяться за столь трудное дѣло. Напротивъ, и здѣсь я буду строго держаться того, о чемъ упомянулъ вначалѣ,— границъ вѣроятности въ моихъ разсужденіяхъ, и постараюсь, вернувшись къ началу, изложить о каждой вещи и обо всѣхъ вмѣстѣ мнѣнія по крайней мѣрѣ не менѣе, если не болѣе вѣроятныя, чѣмъ мнѣнія кого бы то ни было другаго [1]). Итакъ, теперь снова—въ самомъ началѣ разсужденія

быть выведено изъ перваго, что и буква есть первѣйшій, простѣйшій, неразложимый элементъ слова написаннаго ли то или выговариваемаго (στοιχεῖον ἐςὶ φωνὴ ἀδιαίρετος). Поэтому, кто объ огнѣ, водѣ, воздухѣ, землѣ говоритъ, что это суть στοιχεῖα, тотъ eo ipso приравниваетъ ихъ къ буквамъ. Но Платонъ видитъ въ этомъ грубую неточность и прибавляетъ, что четыре такъ называемыя стихіи суть не только не τὰ στοιχεῖα, но даже не αἱ συλλαβαὶ не слоги, т. е. даже не второ-элементы, по сравненію съ слогами, которые въ словѣ представляютъ второй послѣ буквъ элементъ. Стихія, значитъ, по мнѣнію Платона, могутъ быть приравниваемы уже только къ цѣлымъ словамъ, которыя содержатъ въ себѣ уже цѣлыя опредѣленныя понятія. Ниже мы увидимъ, что именно самъ Платонъ принимаетъ за тѣ первоэлементы, изъ которыхъ состоятъ эти слова— эти четыре вида тѣлъ.

1) Платонъ хочетъ этимъ сказать, что онъ не беретъ на себя труда показать самый образъ перваго начала или происхожденія вещей изъ дѣйствія и взаимодѣйствія физическихъ причинъ и законовъ, а ограничится только показаніемъ присутствія и дѣйствія этихъ причинъ и законовъ въ готовомъ уже космосѣ, Богомъ созданномъ и Богомъ устроенномъ. Еслибы комментаторы и критики Платона лучше помнили эту оговорку, то они не были бы столь рѣшительны, утверждая, что Платонъ подлѣ Творца поставлялъ совѣчную Ему матерію, и первоначальное состояніе вещей представлялъ въ видѣ хаоса и т. под. Имѣя въ виду, что Платоново міроизъясненіе представляетъ собою не

призовемъ Бога, чтобъ Онъ, явившись намъ на помощь въ столь трудномъ и необычномъ изслѣдованіи, привелъ насъ къ вѣроятному рѣшенію,—и поведемъ дальше нашу бесѣду. —E.

XVIII. Но, начиная это новое изслѣдованіе о вселенной, мы должны тутъ допустить уже больше частей (во вселенной—для ея изъясненія), чѣмъ прежде. Именно, тогда мы приняли въ разсчетъ только два рода, теперь же намъ необходимо поставить на видъ еще и новый—третій видъ (сущности). Это потому, что для того, о чемъ шла рѣчь выше, оказалось достаточно и двухъ только родовъ, изъ коихъ одинъ положенъ былъ въ основаніе, какъ родъ первообразнаго, постигаемый умомъ и всегда тождественный, а другой, какъ подражаніе этому первообразу, имѣющій происхожде- —49
ніе и видимый. Третьяго же (рода) тогда мы не выдѣляли, полагая, что можно обойтись и двумя; но теперь изслѣдованіе наше, кажется, требуетъ, чтобъ мы попытались дать ясное представленіе еще о нѣкоемъ родѣ, который очень теменъ и труденъ для пониманія. Итакъ, какое же мы припишемъ ему свойство, которымъ онъ обладаетъ по природѣ? А вотъ больше всего какое,—то, что онъ служитъ мѣстилищемъ для всякаго рожденія и какъ бы кормилицею. Какъ ни вѣрно это опредѣленіе, но необходимо еще яснѣе выска- —B.
заться по этому предмету, а между тѣмъ это такъ трудно между прочимъ и по той причинѣ, что ради этого приходится напередъ разрѣшить сомнѣніе относительно огня, а вмѣстѣ съ огнемъ и относительно другихъ (элементовъ), потому что относительно каждаго изъ этихъ (элементовъ) рѣшить, какому (изъ нихъ) слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ усвоять названіе напр. воды скорѣе, чѣмъ названіе огня, и почему непремѣнно только какой нибудь одинъ изъ нихъ долженъ имѣть одно изъ этихъ названій, а не всѣ вмѣстѣ и каждый порознь,—весьма трудно, особенно же рѣшить, на

столько космогонію, сколько космографію, мы еще разъ повторяемъ, что склонны видѣть у Платона скорѣе логическое только представленіе, чѣмъ реальное предсуществованіе матеріи и хаоса.

какомъ нибудь твердомъ неопровержимомъ основаніи. На какомъ же основаніи и въ какомъ отношеніи возбуждаютъ въ насъ сомнѣніе эти вещи, и какъ (иначе) мы могли бы называть ихъ? Прежде всего, что касается того (вещества), которое мы называемъ водою, то вѣдь мы видимъ (съ одной
C.— стороны), какъ оно (это—нѣчто) сгустившись обращается въ камни и въ землю, и какъ опять это же самое (нѣчто), бывъ разрѣжено и раздѣлено, становится вѣтромъ и воздухомъ, и какъ (въ свою очередь) воздухъ, бывъ накаленъ, становится огнемъ (а съ другой наоборотъ видимъ), что огонь сгустившись и потухши, опять принимаетъ видъ воздуха, что воздухъ, собираясь въ одно мѣсто и сгущаясь, переходитъ въ облако и тучу, что изъ этихъ облаковъ и тучъ, когда онѣ еще болѣе становятся плотными, образуется льющаяся вода, и что изъ воды опять образуются земля и камни, и что такимъ образомъ все, какъ кажется,
D.— передаетъ взаимно другъ другу рожденіе будто въ круговоротѣ. Если же такъ, если ни одинъ изъ этихъ (элементовъ) не сохраняетъ въ себѣ всегда одного и того же образа, то кто не посрамилъ бы себя, еслибы все таки усиливался во что-бы ни стало доказывать, что одинъ какой-либо изъ нихъ, за исключеніемъ всѣхъ остальныхъ, на самомъ дѣлѣ есть именно то самое (чѣмъ онъ называется)? Нѣтъ,—ужъ,—этого у насъ не будетъ. Напротивъ, гораздо вѣрнѣе будетъ, если мы будемъ держаться относительно этого вотъ какого правила: когда мы видимъ, что какой либо предметъ, положимъ огонь, принимаетъ въ одно время одинъ видъ, въ другое—другой, то мы уже не вправѣ говорить „огонь есть вотъ этотъ предметъ", а долженъ подъ огнемъ разумѣть „таковое въ каждомъ случаѣ" (то есть то, что въ каждомъ случаѣ является такъ, какъ огонь, или то, что составляетъ сущность огня), и о водѣ не вправѣ говорить „вотъ это—вода" а должны именемъ воды обозначать „таковое всегда" (то есть, всегда одинаковую сущность воды); да и никакой другой изъ тѣхъ вещей, о которыхъ мы мнимъ давать ясное

представленіе, когда указывая на нихъ выражаемся „вотъ—
эта“ „а вотъ та“, не слѣдуетъ принимать за нѣчто недви- — E.
жимое, потому что онѣ не пребываютъ неподвижно въ
тотъ моментъ, когда мы обозначаемъ ихъ словами „эта“,
„та“, а (текутъ, измѣняются и) ускользаютъ отъ всѣхъ
подобныхъ выраженій, указывающихъ на устойчивость ихъ
существованія. Ни одной изъ этихъ вещей, поэтому, не
слѣдуетъ называть какъ „этотъ“ особый предметъ, но говоря о каждой изъ нихъ и обо всѣхъ вмѣстѣ, должно обозначать то нѣчто „таковое“, которое всегда одно и тоже и въ своемъ вращеніи обнимаетъ всѣ (частныя—конкретныя) вещи. Значитъ, и огонь и всякая другая вещь, подверженная процессу происхожденія, есть собственно „таковое во всѣхъ вещахъ“ (этого имени, то есть, ихъ сущности) [1]. Но,

---

[1]) Ради большей ясности мы допустили маленькую свободу въ переводѣ этого мѣста, которое темновато главнымъ образомъ по причинѣ неточности, невыработанности у Платона философской терминологіи. Платонъ очевидно различаетъ въ вещахъ двѣ стороны, конкретную субстанцію ихъ въ предѣлахъ пространства, и идеальную эссенцію ихъ въ самихъ себѣ, то есть совокупность аттрибутовъ вещиили признаковъ, входящихъ въ составъ ея понятія. Сущность вещи—совокупность ея признаковъ, аттрибутовъ переходитъ отъ одного конкретнаго предмета къ другому, такъ что напр. предметъ, бывшій въ одно время водою, въ другое становится воздухомъ, огнемъ и наоборотъ. Поэтому имя вещи, которое конечно должно содержать въ себѣ понятіе о ней, должно быть усвояемо собственно самой сущности вещи, которая всегда одна и таже, но не „вотъ—этому“ или „тому“ конкретному предмету, который лишь въ этотъ моментъ ее выражаетъ. Но слова „τοῦτο“ „τόδε“ „это“ „то“, „сіе“ „оное“ именно указываютъ на конкретные предметы, то есть на тѣ точки пространства или мѣста вещей, въ которыхъ появляются сущности вещей. Значитъ, они совсѣмъ не приложимы къ вещамъ въ себѣ, а приложимы только къ самому этому мѣсту ихъ, къ нимъ же приложимы только выраженія, указывающія на ихъ всегда и во всемъ одинаковую сущность „τὸ τοιοῦτον ἑκάστοτε“, „τὸ τοιοῦτον ἀεί“, „τὸ διὰ παντός τοιοῦτον“. Но легко понять, что рѣчь тутъ идетъ не о словахъ, о самихъ вещахъ. Въ этомъ именно пунктѣ Платонъ устраняетъ изъясненіе вещей, данное іонійскою натуръ-философіею, и на мѣсто его ставитъ свое собственное. Съ двухъ сторонъ онъ опровергаетъ это изъясненіе— и съ матеріальной и съ идеальной. Что касается матеріи или субстрата вещей то іонійская философія считала таковымъ ту или другую изъ такъ называемыхъ

50— что касается той сущности, въ которой каждая изъ этихъ вещей происходя получаетъ особый видъ и потомъ въ ней же опять исчезаетъ, то ее конечно и только ее одну можно

стихій,—воду, или воздухъ, или огонь. Но, если мы видимъ, возражаетъ Платонъ, что природа каждую изъ этихъ стихій постоянно превращаетъ въ каждую другую наподобіе того, какъ мастеръ каждую изъ золотыхъ фигуръ передѣлываетъ въ каждую другую, то мы не можемъ ни одной изъ нихъ принять за общую матерію всѣхъ вещей. Этою матеріею можетъ быть только такая сущность, которая была бы субстратомъ даже этихъ самыхъ стихій, и этотъ субстратъ есть нѣчто совершенно-общее или совсѣмъ неопредѣленное—пространство или мѣсто вещей въ самомъ общемъ неопредѣленномъ смыслѣ слова. Съ другой стороны іонійская философія, считая всѣ вещи лишь за мимолетныя явленія той или другой стихіи, на этомъ и останавливалась. Платонъ вполнѣ соглашается, что конкретныя видимыя вещи непрерывно текутъ и измѣняются, такъ что „*вотъ эта*“ вдругъ превращается въ „*ту*“, а „*та*“ въ „*эту*“. Однако же онѣ опять и опять появляются и всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Это значитъ, что и текучимъ вещамъ присуще нѣчто всегда одинаковое, что всегда одинаково въ нихъ проявляется и, не смотря на постоянную измѣнчивость ихъ, само остается однимъ и тѣмъ же. Вещи конкретныя, слѣдовательно, суть текучія явленія не той или другой стихіи, даже не общаго субстрата всѣхъ стихій, а именно этого чего-то всегда одинаковаго. Это нѣчто есть сущность вещи, совокупность ея аттрибутовъ или существенныхъ признаковъ понятія, словомъ, идея вещи,—идея, которая поэтому должна быть подразумѣваема при наименованіи каждой вещи. Огонь въ сущности есть вовсе не „*вотъ этотъ*“ огонь, который сейчасъ станетъ эѳиромъ, потомъ превратится въ воздухъ и воду, а есть нѣчто неизмѣнное, во всѣхъ случаяхъ одинаковое,—именно (какъ ниже увидимъ) математико-геометрическая пропорція, которая осуществляется во всѣхъ явленіяхъ конкретнаго чувственнаго огня, но сама есть нѣчто сверхчувственное умопостигаемое,—идея. Тоже самое—и вода, воздухъ, земля. Все это суть даже въ идеальномъ смыслѣ не простыя стихіи—не буквы, даже не слоги, а цѣлыя слова—понятія, идеи. А тѣмъ болѣе уже—вещи сложныя, состоящія изъ этихъ стихій. Имя каждой изъ такихъ вещей уже тѣмъ менѣе означаетъ вотъ эту, конкретную вещь, которая сейчасъ произошла и сейчасъ же исчезаетъ, но напротивъ тѣмъ болѣе указываетъ на вещь въ себѣ, на сущность сверхчувственную всегда одинаковую—на понятіе, идею. Истинный философъ, поэтому, можетъ и долженъ познавать вещи не въ ихъ чувственной текучести, но въ ихъ сверхчувственной неподвижности, въ ихъ идеальныхъ всегда одинаковыхъ прототипахъ—въ идеяхъ. Въ какомъ отношеніи стоятъ эти идеальные прототипы вещей къ конкретнымъ вещамъ, это увидимъ ниже.

обозначать, указывая „вотъ—это“ „вотъ—то“, равно какъ
и наоборотъ нельзя обозначать ея именемъ ни одной изъ
тѣхъ вещей, которыя имѣютъ то или иное (особое) свой-
ство, какъ напримѣръ, теплое, бѣлое, или противоположныя
этимъ свойства или вытекающія изъ нихъ. Но постараемся
и еще яснѣе объ этомъ высказаться. Еслибы напримѣръ
кто либо, надѣлавъ всевозможныхъ фигуръ изъ золота,
послѣ этого не переставая продолжалъ бы переливать каж-
дую изъ нихъ во всякую изъ остальныхъ, а кто нибудь
другой, указавши на одну изъ нихъ, спросилъ „что это
такое“: то (первому) гораздо ближе къ истинѣ было бы
отвѣчать: „это золото“, треугольника же и всѣхъ другихъ —B.
выдѣлываемыхъ фигуръ не называть поименно; такъ какъ,
вмѣсто того чтобъ имѣть устойчивое существованіе, онѣ
напротивъ измѣняются въ тотъ самый моментъ, какъ имъ
усвоено было бы какое-либо изъ этихъ названій, но доволь-
ствоваться и тѣмъ, если къ нимъ (этимъ мимолетнымъ ве-
щамъ) можетъ быть съ нѣкоторою вѣроятностію приложено
названіе „*таковаго*“ (то есть, сущности, въ данный моментъ
такъ явившейся). Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніи
къ той сущности, которая принимаетъ всѣ виды тѣлъ: и
ее всегда должно называть, какъ (нѣчто) „*тоже самое*“, (не
смотря на различіе входящихъ въ нее тѣлъ), потому что и
она никогда не выступаетъ изъ границъ своего существа,
и хотя постоянно принимаетъ въ себя всѣ вещи, но сама —C.
никогда не принимаетъ ни одной формы, которая была бы
похожа на что либо изъ того, что входитъ въ нее, ибо при-
рода ея такова, что служитъ для всѣхъ предметовъ массою,
на которой они отпечатлѣваются, вслѣдствіе чего она и
приходитъ въ движеніе и принимаетъ различныя формы по
мѣрѣ того, какъ они входятъ въ нее; по этой же причинѣ она
въ одно время имѣетъ такой, въ другое—другой видъ. Что
касается входящихъ въ нее и исходящихъ изъ нея вещей,
то онѣ представляютъ подражаніе вѣчно-сущимъ вещамъ—
отпечатки ихъ въ ней, совершающіеся нѣкіимъ неизъясни-

мымъ дивнымъ способомъ, которымъ мы займемся послѣ.
Въ настоящій же моментъ необходимо разграничить слѣ-
дующіе три рода: во 1-хъ то, *что* получаетъ происхожденіе,
во 2-хъ то, *въ чемъ* оно происходитъ и въ 3-хъ то, *по образу
чего* все происходящее образуется. Затѣмъ весьма естественно
D.— то, что воспринимаетъ въ себя, уподобить матери, то, что
даетъ отъ себя модель,—отцу, а сущность, которая пред-
ставляетъ общій продуктъ того и другаго,—потомку,—и при
этомъ принять въ соображеніе, что для образа, который
долженъ представлять въ себѣ всевозможные—самые разно-
образнѣйшіе оттѣнки, не можетъ быть лучше приготовлено
самое то (вещество), на которомъ ему предстоитъ отпечат-
лѣться, чѣмъ если оно будетъ совсѣмъ безформеннымъ,
E.— совсѣмъ лишеннымъ всѣхъ тѣхъ формъ, которыя ему пред-
стоитъ принять, потому что еслибы напротивъ это вещество
имѣло сходство съ какимъ либо изъ входящихъ въ него
предметовъ, то въ томъ случаѣ, когда входили бы въ него
предметы противоположной или совсѣмъ иной природы, оно
воспринимая отображало-бы въ себѣ таковые дурно, такъ
какъ присоединяло бы къ нимъ и свой собственный обликъ.
По этой причинѣ та сущность, которой предназначено вос-
принимать въ себя всѣ роды (вещей), сама должна быть
лишенною всѣхъ формъ, подобно тому, какъ въ приготов-
леніи всѣхъ тѣхъ мазей, которыя посредствомъ искусства
дѣлаются благовонными, самое первое и главное, что дѣ-
лаютъ, такъ это то, чтобъ жидкости, которымъ предназна-
чено воспринять (извѣстные) запахи, сами по возможности
лишены были всякаго запаху, или подобно тому, какъ и
всѣ тѣ, которые собираются на какомъ либо изъ мягкихъ ве-
ществъ отпечатлѣвать какія нибудь изображенія, не допу-
скаютъ, чтобъ оно имѣло какія-бы то ни было опредѣленныя
очертанія, но предварительно выравниваютъ его и дѣлаютъ
51— какъ можно болѣе гладкимъ. Точно также и та сущность, ко-
торой назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ постоянно во вся-
комъ пунктѣ своего существа хорошо воспринимать отпе-

чатки всѣхъ вѣчно сущихъ (вещей, то есть, идей), сама по природѣ должна быть чужда всякихъ формъ. А потому, матерь и мѣстилище всего происшедшаго—видимаго-ли, или вообще всего ощущаемаго (внѣшними чувствами) мы не станемъ принимать ни за огонь, ни за воду, ни за тѣ (тѣла), которыя изъ этихъ происходятъ, ни за тѣ, изъ которыхъ сами эти происходятъ, но не погрѣшимъ, если скажемъ, что это есть видъ сущности безформенной, невидимой, всевоспріемлющей, самой неудобомыслимой—такой однакожъ, которая какимъ-то непостижимѣйшимъ образомъ участвуетъ въ умопостигаемомъ (бытіи, то есть, въ разумѣ, въ мірѣ идей)[1]. И если, на основаніи вышесказаннаго, можно сколько —B.

[1]) Что здѣсь Платонъ называетъ и выше не разъ уже называлъ (p. 48—50) матеріей, то самое вслѣдъ за симъ (p. 52 B) назоветъ мѣстомъ, или пространствомъ. Это обстоятельство еще болѣе затемняетъ смыслъ Платонова ученія о матеріи,—ученія, которое и безъ того не имѣетъ повидимому надлежащей ясности, точности, опредѣленности. Неудивительно, поэтому, что изслѣдователи и толкователи Платона и древніе и новые принуждены были побольше всматриваться и вдумываться въ этотъ темный пунктъ Платоновой философіи —Аристотель, не смотря на стремленіе къ полной независимости отъ воззрѣній своего учителя, почти цѣликомъ удержалъ его теорію матеріи и отъ себя положилъ въ нее лишь нѣсколько смѣлыхъ штриховъ, отъ которыхъ она стала какъ будто нѣсколько яснѣе. „Всѣ простыя тѣла, говоритъ онъ, получаютъ свои опредѣленныя формы не иначе, какъ въ пространствѣ, которое содержитъ ихъ въ себѣ, ибо если субстрактъ (τό ὑποκείμενον) всѣхъ вещей самъ долженъ быть безвиднымъ и безформеннымъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ всевоспріемлющая сущность его можетъ, по ученію Тимэя, лучше всего формироваться (принимая образы различныхъ вещей), то должно думать, что и простыя тѣла въ свою очередь служатъ какъ бы матеріею для тѣлъ сложныхъ, которая дѣлаетъ возможнымъ для нихъ переходъ другъ въ друга" (περὶ οὐρανοῦ β. III. к. 8). И въ другомъ мѣстѣ: „нѣкоторые изъ философовъ (елейцы) полагаютъ, что происходящее можетъ происходить только или изъ сущаго, или изъ не-сущаго; поелику же сущее не происходитъ, ибо уже есть, а изъ несущаго ничто не можетъ произойти, такъ какъ для происхожденія нуженъ хоть какой нибудь субстратъ, то отсюда дѣлаютъ выводъ, что на самомъ дѣлѣ есть только одно сущее. Но мы думаемъ, что матерія и отсутствіе (бытія) суть двѣ различныя вещи, именно, что матерія есть не-сущее только случайно и условно, между тѣмъ какъ отсутствіе бытія есть

нибудь приблизить природу ея къ (нашему) пониманію, то вѣрнѣе всего (кажется) вотъ какъ думать объ ней: огнемъ

не-сущее само въ себѣ, и что матерія есть хоть нѣкоторымъ образомъ сущность, небытіе же—никоимъ образомъ. Матерія совмѣстно съ формою служитъ причиною происходящихъ вещей и есть какъ бы мать ихъ, ибо если несомнѣнно существуетъ нѣчто божественное, доброе, вожделѣнное, то непремѣнно должно быть и нѣчто такое соотвѣтственное ему противоположное, которое по самой природѣ своей желаетъ его, стремится имѣть его въ себѣ. Но ни формѣ (идеѣ) не свойственно желать себя самой, ибо она не нуждается (въ формѣ, имѣя ее), ни тому, что прямо противоположно ей (т. е что по самому понятію есть не-сущее—ничто), ибо двѣ противоположности исключаютъ и уничтожаютъ другъ друга, а только матеріи свойственно желать себѣ формы точно также, какъ женщинѣ—мущины, безобразію—красоты. Что же касается происхожденія и уничтоженія, то матерія тому и другому какъ будто подвержена, какъ будто и нѣтъ. Она какъ будто даже уничтоженію подвержена, но въ томъ смыслѣ, что уничтожается (не она сама, а) только отсутствіе (въ ней бытія, формы—всякій разъ, какъ она получаетъ форму), и наоборотъ она есть нѣчто не только не уничтожающееся, но и не происходящее, ибо если и происходитъ она, то не иначе, какъ имѣя подъ собою субстратъ своей собственной природы, и значитъ представляетъ собою нѣчто бывшее прежде своего происхожденія" (Φυσικῆς ἀκροάσεως β 1. к. 9).—Ко времени Халцидія уже много было различныхъ толкованій Платоновой теоріи матеріи. Указавши на эти толкованія, послѣ изложенія почти всѣхъ другихъ извѣстныхъ философскихъ теорій матеріи, Халцидій самъ въ такомъ видѣ представляетъ теорію Платона: „матерія есть нѣчто лишенное всякой формы, всякаго свойства и вида не въ томъ смыслѣ, что она когда либо безъ нихъ бываетъ, но въ томъ, что не изъ собственной природы ихъ имѣетъ, а отъинуду получаетъ, такъ, что разумъ нашъ можетъ усвоить ей только *возможность* обладанія ими, а не дѣйствительное обладаніе. Матерія есть нѣкій изначальный субстратъ (Subjectio), на которомъ появляются образы вещей, какъ на воскѣ дѣлаются изображенія, есть древнѣйшее всѣхъ вещей мѣстилище (receptaculum), въ которомъ онѣ происходятъ, измѣняются, ибо въ то самое время, какъ Богъ выступилъ въ качествѣ творческаго, дѣятельнаго начала міра, должно было быть въ наличности и начало страдательное-воспріемлющее, т. е. матерія. Матерія не подлежитъ ощущенію посредствомъ чувствъ, какъ тѣла; слѣдовательно, она не есть тѣло; она есть нѣчто несложное, простое, и значитъ не есть тѣло ни сложное, ни даже простое. Но если нельзя считать ее тѣлесною, то нельзя и—безтѣлесною, потому что безтѣлесное, какъ такое, не можетъ ни стать тѣломъ, ни подпадать условіямъ тѣлеснаго, между тѣмъ какъ матерія, бывъ надѣлена отъ Творца свойствами и формами, стала тѣломъ міра; притомъ же, безтѣлесное есть вмѣстѣ съ тѣмъ умопостигаемое, но матерія не есть умопостигаемое (идея, форма), значитъ не есть и безтѣлесная. По природѣ своей она не есть ни тѣлесная, ни безтѣлесная, но *въ потенціи* она есть частію тѣло, а частію не-тѣло (=форма)" (cap. XIII, §§ 279—322).—Также въ сущности представляетъ Платонову матерію и Апулей (de doctr. Plat. p. 3 и дал.).—Изъ новѣйшихъ изслѣдователей

является та часть ея, которая воспламеняется, водою—та, которая становится жидкою; точно также землею и возду-

---

Платоновой философіи Астъ (Platon's Leben und Schriften стр. 363 примѣч.) между прочимъ говоритъ: „если дѣйствительное, видимое бытіе есть всегда опредѣленное и обособленное, то тому всеобщему, которое служитъ основою для отдѣльныхъ вещей, можетъ принадлежать только общая *возможность* бытія, или объективности, но не само бытіе дѣйствительное, объективное. Платонъ не представлялъ, да и не могъ представлять матерію какъ нѣчто субстанціальное и реальное; матерія для него напротивъ есть нѣчто такое, что мы мнимъ только видѣть и осязать, но чего на самомъ дѣлѣ не видимъ и не осязаемъ и что мы постулируемъ путемъ нѣкоего ложнаго умозаключенія, въ которомъ наше субъективное превращается въ объективное. Именно, поелику мы не можемъ мыслить никакой изъ отдѣльныхъ вещей безъ идеи бытія вообще, то мы обыкновенно подкладываемъ подъ отдѣльныя измѣненныя явленія нѣкій неизмѣнный субстратъ и прилагая въ своей мысли къ отдѣльнымъ формамъ и моментамъ бытія всеобщее какъ субстанцію, мы такимъ образомъ эту, нашею же мыслію полагаемую сущность принимаемъ за реальную, внѣ насъ находящуюся матерію. Точно также и пространство или мѣсто, въ которомъ все находится и происходитъ, есть не что иное, какъ нашимъ же мышленіемъ полагаемая форма внѣшняго, пространственнаго бытія или чистой объективности, а вовсе не нѣчто реальное, внѣ насъ находящееся. Матерія и пространство вмѣстѣ суть то всеобщее, неопредѣленное или чисто потенціальное (τὸ ἀσώματον, ἄπειρον, ἄποιον, μὴ ὄν), которое лежитъ (идеально) въ основѣ всѣхъ отдѣльныхъ вещей, обнимаетъ ихъ и содержитъ въ себѣ (τὸ πανδεχές)". Подобное этому представленіе Платоновой матеріи можно встрѣтить и у многихъ нѣмецкихъ толкователей Платона (у Риттера, Теннемана, Шталлбаума и др.). Все это мы сочли нужнымъ поставить на видъ для того, чтобъ показать, какъ поспѣшно и поверхностно то представленіе, которое въ Платоновой матеріи видитъ какой-то реальный вещественный объектъ, притомъ предвѣчный и самосущій, который въ рукахъ Бога-Димiурга служилъ готовымъ матеріаломъ мірообразованія. Такъ представлять дѣло—значитъ ставить геніальнѣйшаго древняго идеалиста чуть не на одну доску съ новыми матеріалистами, для которыхъ матерія есть нѣчто самое реальное, самое достовѣрное и на столько полное-всесодержащее, что все остальное само собою изъ него слѣдуетъ, между тѣмъ какъ для Платона матерія была тѣмъ, чѣмъ и есть она по своему понятію—нѣчто совершенно темное, лишенное всякаго свойства, всякой опредѣленности, нѣчто поэтому скорѣе не-сущее, чѣмъ сущее, нѣчто чисто-потенціальное, могущее получать опредѣленность, а вмѣстѣ съ нею и реальность не иначе, какъ отъинуду, именно отъ высшаго самосущаго разумнаго начала—Бога. И этимъ своимъ воззрѣніемъ Платонъ возвышается не только надъ чистыми матеріалистами, но и надъ тѣми изъ идеалистовъ, которые хотя и признаютъ разумъ принципомъ мірообразованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ подставляютъ подъ этотъ разумъ, какъ его основу, нѣчто совсѣмъ неразумное (напр. Шел-

хомъ бываетъ она лишь потолику, поколику принимаетъ видъ ихъ. Однако, для болѣе точнаго уясненія этого пункта, намъ нужно рѣшить еще слѣдующій вопросъ: есть ли огонь
C.— нѣчто (существующее) само въ себѣ, а равно и всѣ тѣ вещи суть ли дѣйствительно—существующія каждая сама въ себѣ, о которыхъ мы всегда выражаемся въ такомъ смыслѣ (то есть, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ независимо отъ вещей идеи ихъ), или же напротивъ дѣйствительность принадлежитъ только тѣмъ вещамъ, которыя мы видимъ, которыя вообще ощущаемъ посредствомъ своего тѣла, другаго же ничего кромѣ ихъ нигдѣ не существуетъ, и мы, значитъ, безъ всякаго смысла говоримъ, что для каждой изъ нихъ есть еще нѣкій умопостигаемый видъ (идея вещи), такъ какъ этотъ видъ есть не болѣе, какъ одно пустое слово?—Не приходится намъ ни оставить этотъ пунктъ безъ всякаго обсужденія и изслѣдованія и лишь (категорически) утверждать, что дѣло обстоитъ „такъ-то", ни къ бесѣдѣ и
D.— безъ того длинной прибавлять еще излишнее удлиненіе; поэтому, наиболѣе кстати было бы въ настоящемъ разѣ такое рѣшеніе, каторое при краткости (выраженія) оказалось бы довлѣющимъ (по своей внутренней силѣ). Итакъ, что ка-

---

лингъ—„натуру" или „первооснову", Гартманъ—„темную волю"), забывая, что неразумное, слѣпое, каково бы оно ни было, точно также не способно само собою превратиться въ разумъ, какъ и матерія—чистая потенція—въ дѣйствительность. Безспорно, что у Платона есть много мѣстъ (даже въ Тимэѣ напр. р. 30 А.), которыя могутъ давать поводъ къ такому ложному представленію. Это тѣ мѣста, гдѣ онъ даетъ не свое собственное философское понятіе о матеріи, а повторяетъ то готовое представленіе о ней, которое всѣмъ было извѣстно изъ древней священной миѳологической ѳеогоніи, именно когда говоритъ о матеріи, какъ о хаосѣ. Но дѣло критики въ томъ и состоитъ, чтобъ умѣть отличить, что говорится въ собственномъ, и что въ несобственномъ смыслѣ, что говорится во имя разума и чистой философіи, и что, изъ благоразумной осторожности—во имя вѣры и освященнаго древностію народнаго преданія. Въ сочиненіяхъ своихъ Платонъ не мало удѣляетъ мѣста и для миѳологіи съ ея богами, и однакожъ несомнѣнно, что его философія не имѣетъ ничего общаго съ политеистическими началами миѳологіи, такъ какъ она всѣми своими положеніями приводитъ къ монотеизму.

сается меня лично, то вотъ каково мое мнѣніе: если разумъ
и истинное мнѣніе суть двѣ различныя вещи, то необхо-
димо допустить, что существуютъ сами по себѣ и тѣ виды
(вещей, т. е. идеи), которые не подпадаютъ нашимъ чув-
ствамъ и постигаются только умомъ. Если же, какъ нѣко-
торымъ кажется, истинное мнѣніе ничѣмъ не отличается
отъ разума, тогда конечно неизбѣжно признать за единствен-
но достовѣрныя тѣ вещи, которыя мы ощущаемъ посред-
ствомъ тѣла. Но, само собою разумѣется, слѣдуетъ при- —E.
знать, что это суть два различные рода (знанія), потому
что они и происходятъ (въ насъ) независимо другъ отъ
друга и по свойствамъ своимъ различны. Именно, одинъ
изъ нихъ пріобрѣтается нами путемъ (внутренняго интуитив-
наго) уразумѣнія, а другой—путемъ (внѣшняго) увѣренія,
тотъ сопровождается истиннымъ разумѣніемъ, а этотъ чуждъ
такого разумѣнія, того не можетъ поколебать никакое (по-
стороннее) убѣжденіе, а этотъ легко мѣняется (отъ такого
убѣжденія), и между тѣмъ какъ объ этомъ послѣднемъ
можно сказать, что имъ обладаетъ всякій человѣкъ, разу-
момъ обладаютъ только боги, изъ людей же лишь самая
незначительная часть. Коль скоро-же это—такъ, то необхо-
димо допустить, что есть на самомъ дѣлѣ прежде всего
особый родъ (сущностей, идей) всегда одинаковый и неиз- —52
мѣнный, не происходящій и не гибнущій, ни въ себя ни-
чего отъинуду не воспринимающій, ни самъ во что либо
иное не входящій [1]), не видимый и вообще чувствамъ не
подпадающій—тотъ родъ, вѣдаться съ которымъ назначено
(спекулятивному) мышленію, что есть потомъ одноименный
съ этимъ и ему подобный родъ (конкретныхъ вещей), под-
падающій нашимъ чувствамъ, подверженный происхожденію,
всегда находящійся въ движеніи, появляющійся въ томъ или
другомъ мѣстѣ и опять оттуда исчезающій, уразумѣваемый
мнѣніемъ [2]) при посредствѣ чувствъ, что есть наконецъ

---

[1]) См. выше—примѣч. къ р. 37.

[2]) Въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова, въ точности соотвѣтствующаго грече-

B.— третій всегда существующій родъ пространства, разрушенію не подверженный, доставляющій мѣсто всему, что получаетъ происхожденіе, постигаемый нами безъ посредства чувствъ путемъ нѣкоего нелогическаго умозаключенія, едва заслуживающій вѣроятія [1])—тотъ родъ, который мы видимъ только въ грезахъ и въ этомъ (сонномъ—полусознательномъ) состояніи говоримъ, что всякій существующій предметъ непремѣнно долженъ находиться въ какомъ нибудь мѣстѣ, занимать извѣстное пространство [2]) и что такого чего нибудь, что не находилось бы ни на небѣ, ни на землѣ, нѣтъ ничего. Благодаря этимъ грезамъ, мы всѣхъ этихъ и подобныхъ мыслей не въ состояніи будучи хорошенько разобрать и по пробужденіи, переносимъ ихъ даже на то бытіе, которое не во снѣ намъ грезится, а дѣйствительно существуетъ,

C.— и не способными становимся сказать объ немъ истину,—

скому δόξα, которое, по производству отъ δοκέω кажусь, обозначаетъ здѣсь и гносеологическую форму, именно тотъ родъ познанія, который пріобрѣтается при посредствѣ чувствъ и въ которомъ предметы предстоятъ нашему сознанію не такъ, какъ они есть въ себѣ, а какъ являются, или какъ *кажутся*, и вмѣстѣ—не высокое достоинство этого познанія, какъ непрочнаго, шаткаго, измѣнчиваго *мнѣнія*. Наше „мнѣніе" имѣетъ лишь это послѣднее значеніе, а наше „представленіе"—только первое.

[1]) См. выше примѣч. къ р. 51. A.

[2]) Внѣшнія вещи мы наблюдаемъ, видимъ, познаемъ не каждую отдѣльно саму по себѣ, но въ ихъ внѣшнемъ взаимоотношеніи, подлѣ-положеніи, словомъ въ формѣ пространства, въ полной увѣренности, что пространство не только есть нѣчто реальное, но даже такое реальное, безъ котораго ничто не можетъ существовать. Но эта увѣренность также ложна, какъ ложна вѣра въ реальность вещей, которыя мы видимъ во время сна въ грезахъ, потому что пространство вовсе не есть нѣчто реальное, а есть нѣчто идеальное, нами самими по необходимости подкладываемое подъ видимыя вещи. Но эта увѣренность тѣмъ болѣе еще ложна и безсмысленна въ приложеніи къ тѣмъ вещамъ, которыя мы познаемъ не внѣшними чувствами, а умомъ,—къ вещамъ въ себѣ—идеямъ, такъ какъ ведетъ къ отрицанію ихъ на томъ лишь основаніи, что нельзя ни на небѣ ни на землѣ указать мѣста, гдѣ онѣ находятся, между тѣмъ какъ онѣ существуютъ даже прежде конкретныхъ вещей и независимо отъ нихъ, тогда какъ эти послѣднія если и существуютъ, то только—какъ образы своихъ вѣчныхъ идей и лишь на столько, насколько участвуютъ въ истинномъ бытіи ихъ.

именно, что такъ какъ образъ не въ себѣ самомъ содержитъ основаніе и цѣль своего происхожденія, но всегда представляетъ собою отображеніе чего-то другаго, то ему остается (одно изъ двухъ) или происходить въ чемъ-то другомъ, чтобъ хоть сколько нибудь участвовать въ существованіи, или совсѣмъ не существовать, между тѣмъ какъ на сторону того, что дѣйствительно существуетъ, становится тотъ неопровержимый аргументъ, что доколѣ какая либо вещь есть иная, чѣмъ другая, и другая есть иная, чѣмъ эта, дотолѣ ни одна изъ нихъ не можетъ существовать такимъ образомъ, чтобъ разомъ составлять и двѣ вещи и одну и ту- —D.
же вещь [1]).

XIX.—Итакъ, вотъ въ главныхъ чертахъ мое мнѣніе—общій выводъ моихъ размышленій: есть три совсѣмъ различныя вещи—*сущее*, *пространство* и *происходящее*—вещи, которыя должны быть приняты, какъ предшествующія происхожденію вселенной. Что касается въ частности матери [2]) происхожденія, то она въ одно время становясь влажною, въ другое воспламеняясь, принимая видъ то воздуха, то земли и претерпѣвая всѣ другія соединенныя съ этимъ состоянія, представляла (въ моментъ происхожденія вещей) —E.
видъ безконечнаго многоразличія, и такъ какъ при этомъ ее постоянно наполняли несходныя между собою и не имѣ-

---

[1]) Аргументъ этотъ потому неопровержимъ, по мнѣнію Платона, что утверждать противное значило бы нарушать разомъ всѣ три основные законы мышленія. Двѣ вещи, которыя, при своемъ специфическомъ различіи, никогда не могутъ и не должны быть соединяемы мыслію въ одну и туже вещь,—это съ одной стороны вещи въ себѣ—идеи, а съ другой образы ихъ—конкретныя вещи.

[2]) Еще Аристотель замѣтилъ, что въ Тимэѣ Платона столь различныя наименованія, какъ χῶρα, τόπος (мѣсто, пространство) ὕλη (матерія) ἀόριστο (неопредѣленное) означаютъ одну и туже вещь—то, что мы называемъ матеріей. Тоже самое означаютъ и другія, въ Тимэѣ же встрѣчающіяся названія, какъ то: μητήρ, τιθήνη, ὑποδοχή, τό πανδεχές, τό ἐκμαγεῖον и др. Въ Филебѣ (р 26, 27) Платонъ также различаетъ три вещи: τὸ ἄπειρον, неопредѣленное, т. е. пространство или матерію, τό πέρας—предѣлъ, т. е. форму, которою вещь походитъ на свою идею, и τὸ ἀπογέννημα—продуктъ.

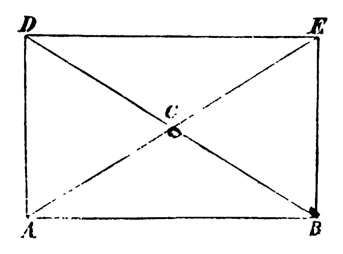
ющія равновѣсія силы, то она ни въ одной своей точкѣ не имѣла равновѣсія, но колебалась неравномѣрно во всѣ стороны, приводимая въ сотрясеніе этими силами, приходя же въ движеніе, съ своей стороны и ихъ приводила въ сотрясеніе. Тогда стихіи, бывъ приведены въ движеніе, стали отдѣляться другъ отъ друга и нестись одна въ одну, другая въ другую сторону, и подобно тому, какъ когда просѣвается и вѣется (хлѣбное зерно) рѣшетомъ и другими орудіями для очистки хлѣба, то зерна полныя и тяжеловѣсныя
53 — падаютъ въ одно мѣсто, а зерна пустыя и легкія уносятся и ложатся въ другомъ мѣстѣ,—точно такимъ же образомъ вышеупомянутые четыре рода (элементовъ), движимые тою, которая воспринимала ихъ въ свое лоно и которая сама была въ движеніи на подобіе дѣйствующей вѣяльной машины, стали—одни,—именно наименѣе подобные другъ другу удаляться наидалѣе другъ отъ друга, а другіе—наиболѣе подобные собираться въ одно мѣсто, такъ что одни изъ нихъ занимали себѣ одно мѣсто, другіе—другое,—прежде, чѣмъ образовалась изъ нихъ благоустроенная вселенная.
B.— До этого времени, значитъ, всѣ эти элементы находились въ состояніи, всецѣло лишенномъ порядка и соразмѣрности. Впрочемъ, даже въ тотъ моментъ, когда Богъ только приступалъ еще къ устройству вселенной, огонь и вода, земля и воздухъ представляли уже въ себѣ нѣкоторые слѣды этихъ тѣлъ, но только находились въ такомъ состояніи, въ какомъ естественно быть и всему тому, отъ чего удалено было-бы присутствіе Бога. Но найдя ихъ въ такомъ состояніи, Богъ,—первымъ дѣломъ,—распредѣлилъ ихъ сообразно съ законами формъ и чиселъ. Итакъ, Богъ всѣ вещи, бывшія прежде совсѣмъ въ иномъ состояніи, устроилъ такъ прекрасно и великолѣпно, какъ только это было для нихъ возможно. Это положеніе пусть считается у насъ такимъ, которое само собою должно подразумѣваться во всѣхъ другихъ разсужденіяхъ. Теперь же мнѣ слѣдуетъ попытаться уяснить вамъ распорядокъ и образованіе каждаго изъ элементовъ путемъ

нѣкоего необычнаго изслѣдованія, и вы конечно послѣдуете —C.
за мною, такъ какъ вамъ не безъизвѣстны тѣ научные пути, какими необходимо (мнѣ) повести разъясненіе того, о чемъ у насъ идетъ рѣчь.

XX.—Итакъ, прежде всего, что огонь и земля, вода и воздухъ суть тѣла,—это, полагаю, всякому извѣстно. Но
все, что имѣетъ видъ тѣла, имѣетъ также и глубину, а все, —D.
имѣющее глубину, необходимо объемлется кругомъ плоскостями. Теперь же,—всякое основаніе, представляющее совершенно—ровную плоскость, состоитъ изъ треугольниковъ, а всѣ треугольники имѣютъ начало въ двухъ видахъ треугольниковъ, изъ коихъ тотъ и другой имѣютъ по одному прямому углу и по два острыхъ, но при этомъ одинъ имѣетъ съ обѣихъ сторонъ равную часть прямого угла, раздѣленнаго равными сторонами, между тѣмъ какъ — другой (имѣетъ часть прямого угла, раздѣленнаго)—не равными сторонами и не на равныя части [1]). Вотъ въ чемъ, слѣдуя указаніямъ вѣроятности и необходимости, мы полагаемъ начало огня и всѣхъ остальныхъ тѣлъ, начала же еще высшія, чѣмъ эти, вѣдаетъ развѣ одинъ Богъ, а изъ
людей развѣ тотъ, кто особенно близокъ къ Нему. Итакъ, —E.

---

[1]) Для болѣе нагляднаго представленія этихъ двухъ основныхъ видовъ треугольника могутъ служить двѣ слѣдующія фигуры.

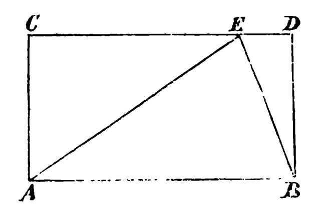


Первый видъ мы имѣемъ въ треугольникѣ ABC, котораго прямой уголъ C, и въ которомъ углы CBA и CAB составляютъ половины прямыхъ угловъ EBA и

намъ нужно показать, каковы свойства тѣхъ четырехъ совершеннѣйшихъ тѣлъ, которыя, не будучи другъ другу подобными, способны однакожъ другъ изъ друга происходить путемъ разрѣшенія то того, то другаго изъ нихъ. И еслибы намъ удалось достигнуть этого, мы имѣли бы истинное изъясненіе образованія земли и огня и тѣхъ среднихъ (между ними тѣлъ), которыя вмѣстѣ съ ними входятъ въ пропорцію, и тогда мы противъ кого угодно постояли бы на томъ, что нѣтъ иныхъ видимыхъ тѣлъ болѣе прекрасныхъ, чѣмъ эти, изъ коихъ каждое представляетъ собою особый родъ. А потому попытаемся привести въ гармоническое единство эти отличенные красотою четыре рода тѣлъ и показать, что мы достаточно понимаемъ ихъ природу. Итакъ, изъ двухъ упо-
54— мянутыхъ треугольниковъ одинъ—именно равнобедренный имѣетъ только одну природу (или форму), другой же—удлиненный (не равно-сторонный) можетъ имѣть безконечное множество формъ, но изъ безконечнаго множества (возможныхъ) треугольниковъ этого послѣдняго рода мы опять должны выбрать самый совершенный, если хотимъ положить надлежащее начало. Кто могъ бы выбрать треуголь-

---

DAB, раздѣленныхъ равными между собою линіями CB и CA. Это же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ остальнымъ тремъ треугольникамъ, заключающимся въ этомъ прямоугольномъ четвероугольникѣ. Второй же видъ мы будемъ имѣть въ треугольникѣ AEB слѣдующей фигуры, потому что въ этомъ треугольникѣ

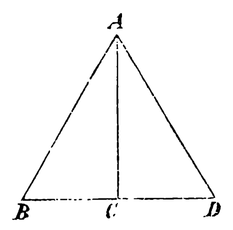


прямой уголъ E составленъ изъ неравныхъ сторонъ и прямые углы (четвероугольника) DBA и CAB дѣлятся неравными сторонами или линіями CB и EA на неравныя части. Ниже Платонъ короче называетъ первый изъ этихъ видовъ именемъ равнобедреннаго, а второй именемъ неравносторонняго треугольника.

никъ болѣе совершенный и болѣе способный къ образованію изъ него этихъ тѣлъ (чѣмъ тотъ, который мы выбрали),— тому мы отдадимъ пальму первенства не какъ врагу, а какъ другу. Мы же полагаемъ, что между множествомъ треугольниковъ этого рода есть одинъ только видъ, который —B.
совершеннѣе всѣхъ прочихъ и для котораго всѣ остальные мы оставимъ въ сторонѣ,—это именно видъ, изъ двухъ треугольниковъ котораго составляется одинъ третій треугольникъ—равносторонный [1]). Почему это такъ, на это требуется болѣе обстоятельное доказательство; но тому, кто опровергъ-бы насъ и доказалъ, что дѣло обстоитъ не такъ, тому наша дружеская признательность будетъ наградой· Итакъ, намъ приходится предпочесть (всѣмъ остальнымъ) два треугольника, изъ которыхъ и тѣло огня и тѣла прочихъ (элементовъ) составлены, именно—одинъ равнобедренный, а другой такой, въ которомъ квадратъ большей изъ двухъ сторонъ его содержитъ въ себѣ три раза квадратъ

---

[1]) Это, очевидно, есть не иной (неравносторонній) прямоугольный треугольникъ, какъ тотъ, котораго гипотенуза вдвое больше меньшаго катета, потому что, дѣйствительно, если соединить два такихъ треугольника большими катетами, то изъ двухъ неравностороннихъ прямоугольныхъ треугольниковъ произойдетъ одинъ равносторонный, какъ третій (сравн. ниже р. 54. E). Наглядно представляетъ это слѣдующая фигура. Именно, если къ прямоугольному треугольнику ABC, въ которомъ $AB=2BC$ присоединимъ



другой такой же треугольникъ, при чемъ будетъ для нихъ общимъ большій катетъ AC, то получится, какъ третій, одинъ треугольникъ равносторонный ABD, потому что $AB=AD$, $BC=CD=\frac{AB}{2}$, или $2BC=2CD=BD=AB=AD$.

меньшей стороны [1]). Однако, что выше было не точно ска-
зано, о томъ теперь намъ нужно точнѣе высказаться.
Именно выше (р. 49), какъ намъ казалось, четыре рода
C.— (тѣлъ) всѣ получаютъ происхожденіе другъ отъ друга, пу-
темъ превращенія одного въ другой. Но это было не точное
представленіе (дѣла), потому что хотя изъ выбранныхъ
нами треугольниковъ дѣйствительно происходятъ всѣ четы-
ре рода (тѣлъ), но такъ, что три происходятъ изъ одного—
того, который имѣетъ не равныя стороны, между тѣмъ
какъ изъ равнобедреннаго треугольника образуется только
одинъ единственный родъ. Это значитъ, что не всѣ роды
(тѣлъ) могутъ разрѣшиться другъ въ друга и происходить
другъ изъ друга путемъ соединенія бо́льшаго количества
малыхъ въ меньшее количество бо́льшихъ и наоборотъ, а
если это возможно, то только для вышеупомянутыхъ трехъ,
потому что такъ какъ всѣ они произошли изъ одного (осно-
ванія), то, по разрѣшеніи болѣе крупныхъ соединеній, изъ
нихъ можетъ образоваться бо́льшее количество меньшихъ
соединеній, состоящихъ изъ тѣхъ же элементовъ и имѣю-
щихъ соотвѣтственныя формы. Точно также и наоборотъ,
D.— если большее количество малыхъ соединеній будетъ распре-
дѣлено по треугольникамъ, то изъ ихъ соединенія можетъ
произойти одно число, и изъ всей массы ихъ образоваться
одно тѣло иного большаго рода. Вотъ что можетъ быть
сказано относительно того, какъ происходятъ четыре рода
тѣлъ другъ изъ друга. А теперь намъ слѣдуетъ вести рѣчь
о томъ, какими обладаетъ свойствами каждый изъ этихъ
родовъ и изъ соединенія какихъ чиселъ каждый происхо-
дитъ?.. Итакъ, начнемъ съ того рода, который по своему

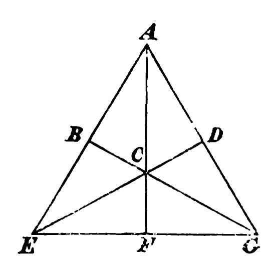
---

[1]) И этому требованію вполнѣ удовлетворяетъ вышеописанный (р. 54 A), треугольникъ ABC, потому что такъ какъ въ немъ $AB=2BC$, то, по пиѳагорической теоремѣ, выйдетъ $AB^2=AC^2+BC^2$, или если считая, что $AB=2BC$, замѣнимъ первое выраженіе послѣднимъ, то выйдетъ $4BC^2=AC^2+BC^2$, слѣдовательно, $AC^2=3BC^2$.

составу есть самый первый и самый меньшій. Основнымъ элементомъ его служитъ треугольникъ, котораго гипотенуза имѣетъ длину двойную противъ длины меньшей его стороны. Когда же два такихъ треугольника будутъ соединены по діагонали [1]) и это повторится три раза, при чемъ гипотенузы и кратчайшія стороны сойдутся въ одной и тойже точкѣ, какъ въ центрѣ, тогда образуется одинъ равносторонный треугольникъ, содержащій въ себѣ числомъ шесть треугольниковъ [2]). А когда четыре равностороннихъ —E.

[1]) То есть діагонали, которую можно провести въ томъ вышеописанномъ (см. примѣчаніе къ р. 54 В) равностороннемъ треугольникѣ, который образовался изъ двухъ неравностороннихъ треугольниковъ, соединенныхъ своими катетами

[2]) Здѣсь Платонъ доказываетъ ту извѣстную математическую истину, что если въ равностороннемъ треугольникѣ соединить посредствомъ прямыхъ линій точки всѣхъ трехъ угловъ съ срединными точками всѣхъ трехъ сторонъ, то образуется шесть прямоугольныхъ треугольниковъ, которыхъ гипотенузы равны меньшимъ катетамъ, взятымъ вдвое, какъ это видно изъ слѣдующей фигуры. Только онъ своеобразно выражаетъ эту истину. Именно, говоритъ онъ,



когда два неравностороннихъ прямоугольника, каковы въ настоящей фигурѣ АСВ и СВЕ будутъ соединены по діагонали (см. примѣч. къ р. 54. В) ВС, то произойдетъ одинъ равносторонній треугольникъ АСЕ. Когда же это три раза повторится, когда, значитъ, произойдутъ три треугольника АСЕ, ACG и CEG (изъ коихъ каждый состоитъ изъ двухъ, а всѣ вмѣстѣ изъ шести треугольниковъ АСВ и ВСЕ, ACD и DCG, CEF и CFG) и когда они такъ между собою соединятся, что гипотенузы и меньшіе катеты всѣхъ шести треугольниковъ совпадутъ въ одной точкѣ С (соединиться же они могутъ не иначе какъ такимъ образомъ: два треугольника АСВ и ACD по гипотенузѣ АС, за тѣмъ два слѣдующихъ ACD и DCG—по меньшему катету CD, потомъ слѣдующіе два DCG и CGF опять по гипотенузѣ CG, а слѣдующіе два CGF и CEF опять по меньшему катету и т. д. все попеременно—то по гипотенузѣ, то по меньшему катету, пока

треугольника будутъ соединены въ трехъ плоскостныхъ
углахъ, то они составятъ изъ себя одинъ твердый (т. е.
тѣлесный или кубическій) уголъ, въ порядкѣ непосредствен-
55— но слѣдующій за самымъ тупымъ изъ плоскостныхъ уг-
ловъ [1]). Когда же таковыхъ угловъ соединяется четыре, тог-
да изъ нихъ составляется твердое тѣло перваго рода, кото-
рое всю окружность (въ которой оно вписано) удобно дѣ-
литъ на равныя и одинаковыя части [2]). Затѣмъ второй родъ
(тѣлъ) происходитъ изъ тѣхъ же треугольниковъ, когда они

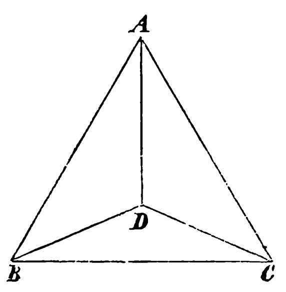
всѣ не соединятся въ точкѣ С), тогда изъ шести треугольниковъ произойдетъ одинъ единственный равносторонній треугольникъ. Совершенно справедливо, потому что такъ какъ $AB = BE = EF = FG = GD = DA$, то точно также и цѣлыя стороны $AB + BE = EF + FG = GD + DA$, или еще короче $AE = EG = GA$.

1) Плоскостной уголъ есть такой уголъ, котораго вершина образуется пересѣкающимися линіями двухъ плоскостей или поверхностей и у котораго бедрами служатъ тѣ же самыя плоскости, тѣлесный же уголъ есть не вполнѣ ограниченное пространство, образуемое изъ трехъ или болѣе пересѣкающихся плоскостей такимъ образомъ, что ихъ линіи пересѣченія, то есть, края соединяются въ одной точкѣ — въ вершинѣ. У Платона для образованія тѣлеснаго угла приняты плоскости четырехъ одинаковыхъ (равносторонnихъ) треугольниковъ, и если онъ объ этомъ углѣ говоритъ, что онъ по величинѣ своей непосредственно слѣдуетъ за самымъ тупымъ плоскостнымъ угломъ, то это не что иное значитъ, какъ то, что три соединенные угла равносторонняго треугольника (каждый въ 60^{0}) составляютъ одинъ тѣлесный уголъ въ 180^{0}, потому что самый тупой плоскостной уголъ можетъ имѣть только 179^{0}, и значитъ уголъ въ 180^{0} есть непосредственно за нимъ слѣдующій по числу или величинѣ.

2) Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ уже не объ элементарныхъ треугольникахъ, а о четырехъ видахъ твердыхъ тѣлъ, объ образованіяхъ и преобразованіяхъ ихъ формъ. Во всей этой теоріи Платонъ, повидимому, выходитъ изъ двухъ предположеній: во 1-хъ что четыре вида тѣлъ составляются изъ простыхъ плоскостей, или поверхностей, и во 2-хъ что они распадаются не иначе какъ на треугольники, которые служатъ элементами этихъ плоскостей. Аристотель возставалъ въ особенности противъ перваго изъ этихъ положеній, поставляя на видъ, что изъ простыхъ плоскостей никогда не можетъ образоваться твердое тѣло извѣстной плоскости и толщины. Эта, столь явная и странная несообразность можетъ быть, по мнѣнію Мартена, объяснена и устранена не иначе, какъ предположеніемъ, что фигуры, которыя здѣсь построиваетъ Платонъ для изображенія состава твердыхъ тѣлъ, суть у него не простыя сочетанія поверхностей, а имѣютъ и нѣкоторую плотность, наподобіе треугольниковъ изъ золота, о которыхъ онъ вскользь упоминалъ выше (р. 50 В) или тонкихъ листовъ изъ ка-

соединяются въ восемь равностороннихъ треугольниковъ, образуя изъ каждыхъ четырехъ плоскостныхъ угловъ по одному тѣлесному углу, такъ что когда таковыхъ (тѣлесныхъ угловъ) образуется шесть, тогда второе тѣло получаетъ полную законченность [1]). Далѣе, третье тѣло образуется изъ дважды —шестидесяти (120-ти) основныхъ элемен- —B.
товъ, соединенныхъ вмѣстѣ такимъ образомъ, что изъ нихъ составляется двадцать тѣлесныхъ угловъ, изъ коихъ каждый обнимается пятью плоскостными равносторонними треу-

кого нибудь металла, которые въ извѣстныхъ сочетаніяхъ представляютъ наружный видъ четырехъ твердыхъ тѣлъ, служа для нихъ какъ бы наружными оболочками. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ предположеніи, легко понять, что эти твердыя оболочки образуются, какъ изъ своего первоэлемента, изъ неравносторонняго треугольника, и состоятъ изъ извѣстнаго количества этого рода треугольниковъ, именно изъ количества шесть разъ большаго въ сравненіи съ количествомъ треугольниковъ равностороннихъ, какъ въ шесть разъ большихъ, чѣмъ они сами. Итакъ, первое твердое тѣло, по представленію Платона, образуется тогда, когда четыре равносторонніе треугольника (изъ коихъ каждый состоитъ изъ 6 неравностороннихъ, а всѣ вмѣстѣ изъ 24 такихъ элементовъ) по соединеніи образуютъ изъ себя три твердыхъ угла. Это есть не что иное, какъ правильный тетраэдръ или на равностороннемъ треугольникѣ стоящая пирамида ABCD, стороны которой вмѣстѣ съ основаніемъ представляютъ четыре равныхъ между собою равностороннихъ треугольника. Платонъ прибавляетъ, что это самое твердое тѣло дѣлитъ на равныя и одинаковыя части всю поверхность сферы, въ которой оно вписано; это свойство есть общее всѣмъ правильнымъ поліэдрамъ.

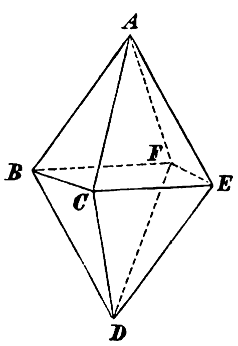


[1]) Второе твердое тѣло, какъ его опредѣляетъ здѣсь Платонъ, очевидно, есть не что иное, какъ правильный октаэдръ, всѣ поверхности котораго представляютъ собою равносторонніе треугольники, и котораго всѣ твердые углы, числомъ шесть, одинаковы и состоятъ каждый изъ четырехъ равныхъ плоскост-

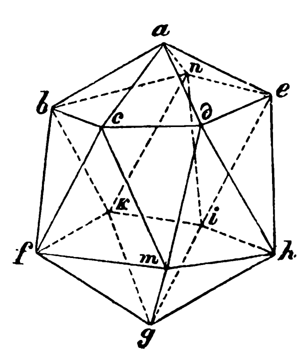
гольниками, причемъ все тѣло въ двадцати равностороннихъ треугольникахъ получаетъ двадцать основаній (основныхъ плоскостей) [1]). Образованіемъ этихъ (трехъ) тѣлъ роль пер-

---

ныхъ угловъ. На этотъ поліэдръ можно смотрѣть, какъ на образовавшійся изъ двухъ пирамидъ, соединенныхъ квадратными основаніями и сторонами равносторонних треугольниковъ, и какъ на составленный изъ сорока осьми неравносторонних элементовъ, не забывая при этомъ конечно, что все таки это у Платона есть не настоящее твердое тѣло, а только твердая обкладка. Слѣдующая фигура ABCDEF наглядно представляетъ этотъ октаэдръ.



[1]) Это третье твердое тѣло есть правильный *икосаэдръ*, наглядно представленный въ слѣдующей фигурѣ. Этотъ поліэдръ представляетъ двадцать треугольныхъ равностороннихъ основаній, которыя образуютъ двѣнадцать твердыхъ угловъ, изъ коихъ каждый состоитъ изъ пяти плоскостныхъ угловъ и образуется, значитъ, изъ соединенія въ одной точкѣ пяти треугольныхъ основаній. Это значитъ, что для двѣнадцати твердыхъ угловъ требуется собственно шестьдесятъ такихъ основаній. Но такъ какъ каждый изъ этихъ треугольниковъ имѣетъ три одинаковыя вершины, одинаково помѣщающіяся въ поліэдрѣ, то оказывается довольно и двадцати равностороннихъ треугольниковъ, или 120 основныхъ элементовъ (т. е. неравностороннихъ треугольниковъ—по 6-ти въ каждомъ равностороннемъ).

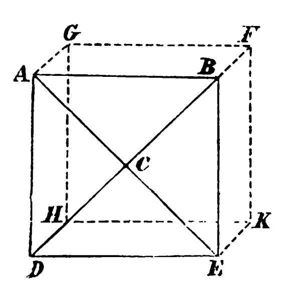


ваго изъ основныхъ элементовъ (вышеописаннаго неравностороннято треугольника) оканчивается [1]), и затѣмъ уже (вышеупомянутый) равнобедренный треугольникъ производитъ природу четвертаго тѣла, когда четыре такихъ треугольника, по соединеніи ихъ прямыхъ угловъ въ одномъ центрѣ, образуютъ изъ себя одинъ равносторонній четвероугольникъ, и когда шесть такихъ четвероугольниковъ бывъ соединены вмѣстѣ образуютъ восемь тѣлесныхъ угловъ, изъ коихъ каждый состоитъ изъ трехъ прямыхъ плоскостныхъ угловъ. Видъ происшедшаго (такимъ образомъ) тѣла есть кубическій,—кубъ, имѣющій основаніями шесть четвероугольныхъ, равностороннихъ плоскостей [2]). Затѣмъ оставался еще только одинъ—пятый способъ комбинаціи (вто- —С.

---

[1]) Для образованія слѣдующихъ тѣлъ первый изъ основныхъ элементовъ, по словамъ Платона, уже не годится. Въ самомъ дѣлѣ, изъ равностороннихъ треугольниковъ, составленныхъ путемъ соединенія шести основныхъ элементовъ (неравностороннихъ треугольниковъ) могутъ образоваться твердые углы только изъ трехъ, или изъ четырехъ, или изъ пяти такихъ треугольниковъ каждый. Но если взять шесть такихъ треугольниковъ, то вмѣсто твердаго угла выйдетъ плоскостной, потому что такъ какъ каждый уголъ равносторонняго треугольника равняется двумъ третямъ прямого угла, то шесть такихъ треугольниковъ равны $^{12}/_{3}$ или четыремъ прямымъ угламъ.

[2]) Если четыре равнобедренныхъ треугольника ABC, ACD, DCE и BCE соединить такимъ образомъ, чтобъ прямые углы всѣхъ ихъ соединились въ точкѣ C, то выйдетъ квадратъ ABED. Если же шесть такихъ квадратовъ будутъ соединены вмѣстѣ такимъ образомъ, что образуется восемь тѣлесныхъ угловъ, состоящихъ каждый изъ трехъ прямыхъ плоскостныхъ угловъ, то выйдетъ четвертое тѣло—кубъ ABEDHGFK.

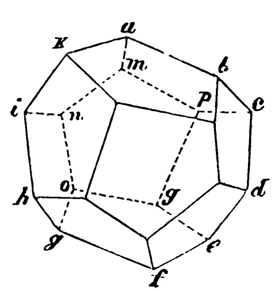


раго изъ основныхъ элементовъ), и имъ-то Богъ воспользовался при начертаніи плана вселенной [1]).

XXI.—Еслибы кто либо тщательно обдумывая все (вышесказанное), пришелъ въ недоумѣніе относительно того, безконечное ли число міровъ слѣдуетъ допустить, или ограниченное, то мнѣніе, допускающее безконечное число ихъ, онъ, конечно, сразу счелъ-бы за мнѣніе человѣка ограни-
D.— ченнаго въ такихъ вещахъ, въ которыхъ слѣдуетъ (всякому) быть свѣдущимъ. Но еслибы кто либо такъ поставилъ себѣ вопросъ: сколько именно должно допускать происшедшихъ на самомъ дѣлѣ міровъ,—одинъ, или пять? то очутился бы въ гораздо еще большемъ затрудненіи. Что касается нашего личнаго мнѣнія, то на нашъ взглядъ, вѣроятнѣе всего, произошелъ только одинъ единственный міръ; но кто либо дру-

---

[1]) Пятое твердое тѣло, о которомъ Платонъ лишь вскользь упоминаетъ, не входя въ опредѣленіе его, есть правильный *додекаэдръ*, котораго поверхность состоитъ изъ 12 правильныхъ пятиугольниковъ. Поліэдръ этотъ считается правильнымъ потому что всѣ его стороны представляютъ собою равные многоугольники, твердые углы которыхъ тоже равны; значитъ, и онъ подобно всѣмъ поліэдрамъ, дѣлитъ на равныя и одинаковыя части поверхность сферы, въ которой вписанъ, какъ это выше замѣчено Платономъ. Отличіе его отъ четырехъ предъидущихъ поліэдровъ лишь въ томъ состоитъ, что его стороны не могутъ быть разложены ни на одинъ изъ принятыхъ Платономъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ прочіе поліэдры. Такъ какъ додекаэдръ наиболѣе приближается къ кругу и имѣетъ 12 равныхъ и подобныхъ другъ другу (совпадающихъ пятисторонннихъ) плоскостей, то Богъ, по словамъ Платона, воспользовался имъ при начертаніи плана вселенной. именно—зодіака, который тоже раздѣленъ на 12 равныхъ частей.



гой, кто какъ нибудь иначе смотритъ на вещи, пожалуй будетъ себѣ другаго (объ этомъ) мнѣнія. Однакожъ, оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а вмѣсто того тѣ роды (тѣлъ), о происхожденіи которыхъ выше была рѣчь, раздѣлимъ теперь на огонь, землю, воду и воздухъ. Землѣ мы дадимъ форму кубическую, потому что изъ четырехъ родовъ земля есть самый устойчивый родъ и изъ тѣлъ она есть самая — E.
пригодная для пластическаго образованія (изъ нея вещей). Да и натурально болѣе всѣхъ должно обладать этимъ свойствомъ (устойчивости) то тѣло, которое имѣетъ болѣе устойчивыя основанія, изъ принятыхъ-же нами въ началѣ треугольниковъ имѣющіе (двѣ) равныя стороны, натурально представляютъ изъ себя основаніе болѣе устойчивое, чѣмъ треугольники съ неравными сторонами; значитъ, и по образованіи изъ нихъ (изъ того и другаго рода треугольниковъ) плоскостныхъ фигуръ, фигура, имѣющая основаніемъ своимъ равносторонній четвероугольникъ, будетъ и въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ устойчивѣе, чѣмъ фигура равносторонняя же, но имѣющая основаніемъ треугольникъ. Такимъ образомъ, когда мы усвояемъ землѣ эту (кубическую) форму, — 56
то дѣлаемъ это не безъ довлѣющихъ основаній, равно какъ и когда водѣ усвояемъ изъ остальныхъ формъ самую неудободвижную, огню—самую удобоподвижную, а воздуху—среднюю (между этими двумя); вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло огню мы даемъ самое меньшее, водѣ—самое большее, а воздуху—среднее, притомъ же огню—самое острое, воздуху—второе (въ этомъ отношеніи) и водѣ—третье. Изъ этихъ тѣлъ конечно наибольшею удобоподвижностію обладаетъ то, которое имѣетъ самое меньшее число основаній, наибольшею способностію всюду проникать то, которое острѣе всѣхъ другихъ, и наконецъ наибольшею быстротою то, которое — B.
состоитъ изъ самаго меньшаго количества однородныхъ элементовъ; тѣло же, которое обладаетъ этими свойствами во второй (низшей) послѣ этого степени, занимаетъ слѣдующее—второе мѣсто, а третьимъ конечно будетъ то, кото-

рое обладаетъ этими свойствами въ третьей (еще меньшей) степени. Итакъ, въ видѣ вѣроятной и строго-правильной теоремы, мы утверждаемъ, что тотъ видъ тѣла, который имѣетъ форму пирамиды, представляетъ собою основный элементъ и сѣмя огня, что второй въ порядкѣ (вышеописанномъ) видъ есть основной элементъ воздуха, а третій—воды [1]). Однакожъ, всѣ эти тѣла должно представлять себѣ
C.— столь малыми, что отдѣльные (основные) элементы въ каждомъ родѣ совсѣмъ ускользаютъ отъ наблюденія, и лишь тогда, когда они соединяются въ большомъ количествѣ, мы можемъ видѣть ихъ (основные элементы) въ составленныхъ изъ нихъ массахъ. Что же касается ихъ отношеній другъ къ другу по количествамъ, по движеніямъ и другимъ свойствамъ, то конечно Богъ, послѣ того какъ закончена была тщательная отдѣлка ихъ, соединилъ ихъ между собою по законамъ гармоніи и пропорціональности—всѣми тѣми средствами, какимъ-только поддавалась добровольно ли, или же уступая понужденію природа необходимости.

ХХII.—На основаніи всего, что мы выше сказали объ
D.— этихъ родахъ, вотъ что представляется намъ самымъ вѣроятнымъ. Земля, встрѣтившись съ огнемъ и разрѣшенная

---

[1]) Въ отношеніи устойчивости Платонъ сравниваетъ другъ съ другомъ всѣ четыре рода тѣлъ и въ этомъ отношеніи первое мѣсто даетъ землѣ, какъ имѣющей видъ кубическій, второе мѣсто отводитъ водѣ, форма которой—икосаэдръ, третье воздуху, форма котораго—октаэдръ, и четвертое огню, форма котораго—пирамида. Въ другихъ же отношеніяхъ онъ сравниваетъ только тѣ три рода тѣлъ, которые образуются изъ одного и того же, именно перваго изъ основныхъ элементовъ: частицы огня наиболѣе малы, тонки, остры и удобоподвижны, частицы же воздуха въ этомъ отношеніи занимаютъ второе мѣсто, а частицы воды—третье. Вмѣстѣ съ тѣмъ огонь есть и самое легчайшее изъ тѣлъ,—потому что тѣло его имѣетъ наименьшее число основаній. Конечно, по этой причинѣ правильный тетраэдръ долженъ быть гораздо легче и октоэдра и икосаэдра, такъ какъ онъ содержитъ въ своемъ составѣ лишь 24 тѣхъ самихъ элементовъ, которыхъ въ октоэдрѣ 48, а въ икосоэдрѣ 120.—Что земля во всѣхъ этихъ отношеніяхъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду четырехъ тѣлъ—то это для Платона столь очевидно, что онъ не считаетъ нужнымъ даже упоминать объ этомъ.

его остротою,—все равно, гдѣ бы ни случилось это разрѣшеніе,—въ самомъ ли огнѣ, въ массѣ ли воздуха или воды,—носится сюда и туда (въ разрѣшенномъ видѣ) до тѣхъ поръ, пока ея частицы гдѣ либо сошедшись и соединившись другъ съ другомъ, опять не образуютъ изъ себя земли же [1]), потому что ни въ какой иной видъ онѣ превратиться не могутъ. Но, когда вода разрѣшается огнемъ или воздухомъ, то допускаетъ частицамъ своимъ, при новомъ соединеніи, составить изъ себя одно тѣло огня и два—воздуха, точно также какъ частицы (образовавшіяся) изъ одной массы разрѣшеннаго воздуха могутъ потомъ составить изъ себя два тѣла огня. Наоборотъ, когда огонь, заключенный въ воздухѣ ли —E. то, или въ водѣ, или въ землѣ,—притомъ въ большихъ массахъ (этихъ тѣлъ), самъ имѣя незначительную, вхватывается движеніемъ этихъ тѣлъ, и, не смотря на сопротивленіе съ своей стороны, побѣждается ими и раздробляется, то каждыя два тѣла огня (при новомъ соединеніи) могутъ образовать изъ себя одно тѣло воздуха; когда же одолѣвается и раздробляется на частицы воздухъ, то изъ (каждыхъ) двухъ цѣлыхъ (частей его) и одной половины можетъ образоваться одна цѣлая сгущенная часть воды [2]). Кромѣ того, еще вотъ что мы можемъ поставить

---

[1]) Здѣсь Платонъ ограничиваетъ сказанное выше (p. 49) о превращеніи каждой изъ четырехъ стихій одной въ другую. Это превращеніе онъ находитъ здѣсь совсѣмъ невозможнымъ для земли по той причинѣ, что тѣло ея—кубъ составлено изъ совсѣмъ иного элемента, чѣмъ тѣла трехъ остальныхъ стихій. Поэтому, ни земля не можетъ превратиться въ какую либо изъ нихъ, ни какая-либо изъ нихъ не можетъ превратиться въ землю.

[2]) Такое разложеніе и новое соединеніе тѣлъ возможно лишь въ томъ высказанномъ предположеніи (примѣч. къ р 55. A), если у Платона четыре рода тѣлъ суть не настоящія твердыя тѣла, а простыя обкладки, сложенныя въ вышеописанныя геометрическія фигуры, и если эти обкладки разбираются на

57— на видъ относительно этихъ (четырехъ родовъ тѣлъ): когда охватывается огнемъ какой либо изъ остальныхъ родовъ, то конечно раздробляется рѣжущею остротою его угловъ и сторонъ, но за то, коль скоро обратится (весь) въ природу его, тотчасъ перестаетъ раздробляться, потому что въ родѣ одинаковомъ и тождественномъ съ собою никакая часть не можетъ ни сама потерпѣть никакой перемѣны отъ другой одинаковой съ нею и тождественной, ии въ ней произвести какое либо измѣненіе; напротивъ, доколѣ одинъ родъ, попавшій въ среду какого нибудь другаго, не смотря на свою слабость, все таки продолжаетъ сопротивляться его превосходнымъ силамъ, дотолѣ съ тѣмъ вмѣстѣ онъ самъ раз-
—B. рѣшается непрерывно. Съ другой стороны, когда меньшія тѣла и въ маломъ количествѣ попавъ въ большія массы больших тѣлъ и будучи послѣдними раздробляемы и разрѣшаемы, окажутъ готовность соединиться въ форму побѣждающаго рода, то сейчасъ же перестаютъ разрѣшаться, и тогда изъ огня, напримѣръ, образуется воздухъ, изъ воздуха—вода. Но если на эти (меньшія тѣла) наталкивается какой либо изъ другихъ родовъ (тѣлъ) и вступаетъ въ борьбу съ ними (при равныхъ почти силахъ), то они не переставая разрѣшаются до тѣхъ поръ, пока, или бывъ совсѣмъ разрѣшены и вытѣснены, не удалятся въ тѣла той-же природы, что и они, или же бывъ побѣждены и

свои составные геометрическіе треугольные элементы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разобщимъ 20 треугольныхъ основаній правильнаго икосаэдра, то поелику $20=8\times2+4$, будемъ имѣть какъ разъ столько основаній—сколько нужно для образованія двухъ правильныхъ октаэдровъ и одной пирамиды. Это у Платона значитъ, что одно тѣло воды можетъ образовать изъ себя два тѣла воздуха и одно огня. Точно также, поелику $8=4\times2$, то октаэдръ даетъ отъ себя по 4

образовавъ изъ многихъ частей своихъ одно тѣло подобное —с. роду, одержавшему надъ ними побѣду, не останутся въ немъ въ качествѣ его новой части [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣдствіе этихъ превращеній всѣ тѣла и мѣста свои перемѣняютъ, потому что массы каждаго отдѣльнаго рода (тѣлъ), благодаря (непрерывному) движенію мѣстилища (то есть матеріи, р. 52 E), распредѣляются по своимъ

основанія для двухъ пирамидъ; значитъ, одно тѣло воздуха даетъ два тѣла воды. Наоборотъ, поелику $4 \times 2 = 8$, то два тѣла огня могутъ соединиться въ одно тѣло воздуха, а такъ какъ $8 \times 2 + 8/2 = 20$, то два съ половиною тѣла воздуха, раздѣленныя по своимъ основаніямъ, могутъ составить одно тѣло воды.

[1]) Превращеніе тѣлъ однихъ въ другія, по мнѣнію Платона, имѣетъ мѣсто только въ случаяхъ встрѣчи и борьбы различныхъ родовъ, и совершается путемъ ассимилированія себѣ тѣлами болѣе сильными тѣлъ слабѣйшихъ. Въ этомъ ассимилированіи Платонъ, какъ кажется, различаетъ три процесса: раздѣленіе цѣлой массы на свои корпускулы, раздѣленіе каждой корпускулы на свои составные элементы, и соединеніе этихъ элементовъ въ корпускулы новаго побѣдившаго рода. Когда какимъ нибудь изъ родовъ побѣждается земля, то она претерпѣваетъ только два первыя измѣненія, но никогда—третьяго. Тѣла меньшія имѣютъ на своей сторонѣ преимущество во второмъ процессѣ, такъ какъ они—самыя острыя и самыя способныя разсѣкать массы большихъ тѣлъ. Когда пирамиды огня или октаэдры воздуха одолѣваются численнымъ превосходствомъ другихъ поліэдровъ, то они постепенно теряютъ свои острыя формы, свою сущность, и обращаются огонь въ воздухъ, а воздухъ—въ воду. Наоборотъ, когда вода подвергается сильному дѣйствію огня, то разрѣшаясь на свои составныя элементы, обращается въ воздухъ, а воздухъ—въ огонь. Но когда два какіе либо рода вступаютъ въ борьбу съ равными почти силами или массами, тогда имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ второй процессъ—раздѣленіе массъ на корпускулы, которыя съ обѣихъ сторонъ выступаютъ на бой, образуя какъ бы два противоположные лагеря. Исходъ этой борьбы для слабѣйшихъ корпускулъ бываетъ двоякій: или онѣ совершенно отражаются и прогоняются сильнѣйшими и затѣмъ возвращаются въ свой лагерь къ сроднымъ массамъ, или попадаютъ въ плѣнъ къ инороднымъ побѣдительницамъ и ассимилируются съ ними.

мѣстамъ, при чемъ массы, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и мѣстѣ оказываются между собою несходными, сходными же съ другими (находящимися въ другомъ мѣстѣ), натурально, вслѣдствіе этого сотрясенія (общаго мѣстилища), несутся къ мѣсту сихъ послѣднихъ, съ которыми потомъ ассимилируются. Такъ вотъ тѣ причины, которыми изъясняется происхожденіе тѣлъ первичныхъ и безпримѣсныхъ (простыхъ). Что же касается тѣхъ различныхъ видовъ, которые произошли изъ этихъ (четырехъ) родовъ, то причину ихъ слѣдуетъ полагать въ составѣ каждаго изъ двухъ
D.— основныхъ элементовъ, потому что тотъ и другой далъ отъ себя въ самомъ началѣ не по одному только и не одной только величины треугольнику, но множество треугольниковъ и меньшихъ и бо́льшихъ,—именно такое количество ихъ, сколько видовъ ихъ могутъ содержать въ себѣ роды ихъ. Эти различные виды, смѣшиваясь и между собою и съ видами другихъ родовъ, даютъ то безконечное разнообразіе, которое непремѣнно долженъ принять въ соображеніе тотъ, кто хочетъ имѣть вѣроятное представленіе о природѣ [1]).

---

[1]) Вся причина разнообразія тѣлъ, по мысли Платона, заключается въ разнообразіи величинъ, принимаемыхъ основными элементами, то есть, двумя вышеописанными треугольниками. Сколько и какихъ различныхъ величинъ могутъ принять эти треугольники, столько же различныхъ размѣровъ могутъ принять—кубъ, икосаэдръ, октаэдръ, пирамида; столько же, значитъ, произойдетъ и различныхъ видовъ земли, воды, воздуха, огня, которые то соединяясь въ однѣ комбинаціи, то разрѣшаясь въ иныя, и постоянно смѣшиваясь другъ съ другомъ—всегда съ извѣстною пропорціональностію, даютъ то разнообразіе вещей, которое мы видимъ въ мірѣ.

XXIII.—Что касается въ особенности движенія и покоя (этихъ тѣлъ),—именно, какимъ образомъ и въ связи съ —Е.
какими условіями оба эти явленія имѣютъ мѣсто, то не рѣши мы этого вопроса (сейчасъ),—дальнѣйшее разсужденіе встрѣтило бы себѣ много затрудненій. Впрочемъ, нѣчто объ этомъ уже и сказано; въ добавокъ же къ этому еще (слѣдуетъ поставить на видъ), что равномѣрному никогда не можетъ быть присуще движеніе, потому что подлежащее движенію безъ того, что должно его двигать, и наоборотъ долженствующее двигать безъ того, что должно воспринимать движеніе, едва ли возможно; но оно безъ всякаго сомнѣнія уже совсѣмъ не возможно, когда нѣтъ на лице обоихъ этихъ факторовъ. Но, чтобъ эти два (фактора) были равномѣрны,—это не мыслимо. Поэтому, разъ на всегда равномѣрность мы будемъ считать условіемъ покоя, неравномѣрность же—условіемъ движенія. Причиною же неравномѣрной природы служитъ, конечно, все тоже неравенство (двухъ основныхъ элементовъ). Происхожденіе этого —58
неравенства мы уже показали (р. 57. Д), но о томъ, какъ это происходитъ, что раздѣленныя по родамъ отдѣльныя (тѣла) не перестаютъ двигаться и вращаться одно—силою другаго,—еще не сказали. Итакъ, вотъ что объ этомъ еще скажемъ: круглый шаръ вселенной, который по самой природѣ всегда стремится концентрироваться въ самомъ себѣ, послѣ того, какъ заключилъ въ себя всѣ эти роды (тѣлъ), сжимаетъ ихъ и не допускаетъ [1]), чтобъ между ними оста-

---

[1]) Выше (р. 57 А) Платонъ замѣтилъ, что тамъ, гдѣ господствуетъ полная равномѣрность и одинаковость частей, эти части не способны вызывать другъ въ другѣ никакого измѣненія; значитъ,—и перемѣны мѣста. Но корпускулы 4-хъ родовъ тѣлъ благодаря происхожденію своему изъ различныхъ элементовъ представляютъ безконечное разнообразіе. Поэтому, при встрѣчѣ между собою они различнымъ образомъ воздѣйствуютъ другъ на друга,—то борются между собою, раздѣляясь на два враждебные лагеря, то примиряются и вступаютъ въ самыя внутреннія комбинаціи. Уже это обстоятельство служитъ постояннымъ условіемъ или причиною движенія однихъ изъ нихъ, покоя другихъ.

валось какое нибудь пустое мѣсто. Вслѣдствіе этого обстоятельства огонь распространенъ повсюду въ самой бóльшей степени, а за нимъ—воздухъ, такъ какъ онъ по тонкости
B.— занимаетъ второе мѣсто, а потомъ такимъ же порядкомъ и прочія (тѣла), потому что тѣла, образовавшіяся изъ частей самого большаго объема, оставляютъ и самую большую пустоту при своемъ соединеніи, наименьшую же напротивъ оставляютъ самыя тончайшія изъ нихъ. Поэтому, процессъ сгущенія натурально вталкиваетъ меньшія изъ нихъ въ пустые промежутки между бóльшими. Когда же такимъ образомъ меньшія начинаютъ размѣщаться подлѣ большихъ, причемъ меньшія стараются разорвать связь между бóльшими, большія же напротивъ пытаются ассимилировать съ собою меньшія, тогда всѣ они необходимо передвигаются
C.— одни—внизъ, другіе—вверхъ на свойственныя имъ мѣста, потому что каждое изъ нихъ измѣняясь въ своей величинѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣняетъ и положеніе мѣста. Такимъ то образомъ, вслѣдствіе этихъ причинъ постоянно продолжающееся явленіе неравенства постоянно поддерживаетъ непре-

---

Вторая причина движенія ихъ,—это—непрерывное трясеніе воспринимающей ихъ въ себя матеріи или матеріи вещей. Третья причина—всесобирающая, такъ сказать, и всеконцентрирующая сила вселенной, не допускающая пустоты въ природѣ. Отъ совокупнаго, дѣйствія всѣхъ этихъ причинъ въ природѣ совершается непрерывное и притомъ круговое движеніе: всякая корпускула двигаясь толкаетъ передъ собою другую, другая приводитъ въ движеніе третью, третья четвертую и такъ далѣе, такъ что въ мірѣ постоянно есть непрерывная круговая цѣпь движенія, первый и послѣдній члены которой постоянно между собою соприкасаются и поочередно переходятъ другъ въ друга. Въ природѣ поэтому нѣтъ и не можетъ быть пустоты, такъ какъ въ тотъ самый моментъ какъ одно тѣло въ ней передвигаясь оставляетъ свое прежнее мѣсто, это мѣсто тутъ же занимается другимъ тѣломъ. Эта теорія круговой передачи движенія—περίωσις играетъ у Платона очень большую роль: ею онъ изъясняетъ весьма многія явленія не только физическія, какъ напр. распредѣленіе по своимъ мѣстамъ четырехъ видовъ тѣлъ, превращеніе ихъ другъ въ друга, электрическое и магнетическое протяженіе, музыкальные аккорды и др., но и физіологическія, какъ напр. дыханіе, движеніе крови, испарину и др.

рывное движеніе этихъ тѣлъ, — движеніе, которое какъ нынѣ есть, такъ и всегда будетъ.

XXIV. — Кромѣ того слѣдуетъ принять въ соображеніе, что произошло много видовъ огня, какъ-то огонь горящій, потомъ тотъ огонь, который исходя отъ пламени, не жжетъ, а доставляетъ свѣтъ глазамъ, наконецъ тотъ огонь, который остается отъ пламени, послѣ того какъ оно потухнетъ, въ раскаленныхъ имъ тѣлахъ. Точно также и различные —D. виды воздуха, какъ то — самый прозрачный, носящій названіе эѳира, потомъ — болѣе мутный, извѣстный подъ именемъ тумана и мрака и другіе виды, не имѣющіе особыхъ названій, произошли вслѣдствіе неравенства треугольниковъ. Что же касается воды, то она имѣетъ два главныхъ вида — видъ текучій и видъ плавкій [1]). Видъ текучій, который содержитъ въ себѣ части воды малыя и неравномѣрныя, способенъ приходить въ движеніе и самъ по себѣ и отъ чего либо посторонняго, благодаря неравномѣрности своего состава и своей особой формѣ, видъ же плавкій, состоя изъ частей бо́льшихъ и равномѣрныхъ, гораздо болѣе устойчивъ, тяжелъ и плотенъ по причинѣ равномѣрности (своего состава). Однакожъ и этотъ послѣдній подъ вліяніемъ вхо- —E. дящаго въ него и разрѣшающаго его огня теряя свою равномѣрность, становится болѣе способнымъ къ движенію, ставъ же удободвижимымъ и уступая давленію окружающаго воздуха, разливается по землѣ. Тогда-то и говорятъ объ этомъ видѣ „онъ расплавленъ", чтобъ показать, что послѣ-

---

[1]) Подъ первымъ видомъ воды Платонъ разумѣетъ тѣ тѣла, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ жидкостей, а подъ вторымъ — тѣла, которыя становятся жидкими только тогда, когда расплавляются дѣйствіемъ огня. Ниже къ этому роду воды онъ относитъ напр. золото и другіе металлы и даже ледъ, а къ первому роду — воду въ собственномъ смыслѣ и тѣже металлы, но въ жидкомъ видѣ. Мы увидимъ также, что нѣкоторыя изъ тѣлъ плавкихъ и неплавкихъ представляютъ у него смѣсь воды съ землею; таковы — камни, сквозь которые просачиваются воды, такова и мѣдь, которую онъ тоже причисляетъ къ видамъ воды, полагая что въ ней содержится воды даже больше, чѣмъ земли.

довало разрѣшеніе его массы, и „онъ течетъ“, давая этимъ
понять, что онъ разливается по землѣ, и этими двумя вы-
59— раженіями обозначаютъ то и другое состояніе (этого вида).
Когда же опять удаляется отсюда огонь, который конечно
не въ пустоту же уходитъ, тогда близлежащій воздухъ,
приведенный имъ въ движеніе, сжимаетъ эту еще удобопо-
движную жидкую массу, заставляетъ ее занять тѣ проме-
жутки, кото ые дотолѣ заняты были огнемъ, и тѣмъ са-
мымъ—сосредоточиться въ самой себѣ. Тогда эта масса,
по удаленіи дѣятеля неравномѣрности—огня, опять полу-
чаетъ равномѣрность и возстановляетъ свое тождество—
сплочивается. Этому удаленію огня мы даемъ названіе
охлажденія, а чтобъ обозначить сплоченіе массы, насту-
пившее послѣ этого удаленія, мы говоримъ, что такого
рода тѣло есть замерзшее, или отвердѣвшее. Между всѣми
B.— тѣлами, которымъ мы дали общее названіе плавкихъ тѣлъ
воды, есть одинъ родъ, не имѣющій никакихъ видовыхъ
разностей, который состоитъ изъ тончайшихъ и однород-
нѣйшихъ частей, обладаетъ наибольшею плотностію и
имѣетъ желтый—блестящій цвѣтъ. Это есть самая цѣнная
изъ цѣнностей—золото, которое получаетъ отвердѣлый
видъ, фильтруясь чрезъ камень. Но самый сукъ (низшій
осадокъ) золота, который еще плотнѣе и тверже (чѣмъ
само золото) и имѣетъ темный цвѣтъ, извѣстенъ подъ
именемъ адаманта[1]). Тотъ же родъ (плавкой воды), кото-
рый по малой величинѣ и тонкости частей близокъ къ зо-

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ „Политикѣ (p. 303 E) подъ словомъ ἀδάμας (непобѣдимый—твердый) разумѣется металлъ, но какой именно, ни тамъ ни здѣсь съ точностію не опредѣляется. Одни полагаютъ, что тутъ разумѣется сталь на томъ основаніи, что гораздо раньше Платона, именно у Гезіода это имя дважды употреблено (Ἀσπὶς Ἡρακλέους 137, Θεογονία—161) въ значеніи стали, другіе считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что ἀδάμας былъ металлъ, представлявшій смѣсь золота и красной мѣди. Но что тутъ рѣчь идетъ о металлѣ, а не о камнѣ—не объ алмазѣ, это очевидно изъ контекста рѣчи. Кромѣ того извѣстно, что до Θеофраста ни у кого изъ писателей не встрѣчается слово ἀδάμας въ значеніи алмаза.

лоту, но имѣетъ много видовыхъ различій, который, что касается плотности, то его даже золото превосходитъ, но при этомъ содержитъ въ себѣ небольшую долю тончайшихъ частей земли, вслѣдствіе чего онъ съ одной стороны тверже золота, а съ другой легче его, такъ какъ содержитъ въ своемъ внутреннемъ (строеніи) большіе промежутки,—есть —C. тожь одинъ изъ родовъ блестящей и способной отвердѣвать жидкости, который носитъ названіе мѣди. Входящая же въ мѣдь примѣсь земли, которая дѣлается замѣтною (обыкновенно) въ то время, когда и мѣдь и она приходятъ въ ветхость и начинаютъ отдѣляться другъ отъ друга,—извѣстна подъ именемъ ржавчины. Что же касается всѣхъ другихъ вещей подобнаго рода, то изъяснить ихъ совсѣмъ не трудно, продолжая слѣдовать тѣмъ же путемъ вѣроятнаго —D. изысканія, и кто ради отдыха отложивъ въ сторону изслѣдованіе о вѣчно-сущемъ и взявшись составить себѣ вѣроятное представленіе о вещахъ происшедшихъ, находитъ въ этомъ занятіи удовольствіе, не омрачаемое никакимъ сожалѣніемъ, тотъ имѣетъ во время жизни развлеченіе сколько приличное, столько-же и разумное. Поелику-же мы предаемся теперь именно этому развлеченію, то, послѣ всего сказаннаго объ этихъ (т. е. происшедшихъ) вещахъ, еще вотъ что заразъ уже скажемъ объ нихъ, держась предѣловъ той же вѣроятности. Вода, пока въ ней есть примѣсь огня, —E. пока она находится въ жидкомъ разрѣшенномъ состояніи, по причинѣ своей подвижности и самаго способа, которымъ она распространяется по землѣ, называется текучею; вмѣстѣ съ тѣмъ она называется также и *мягкою* на томъ основаніи, что она уступаетъ (легко давленію), а это потому, что основныя плоскости ея менѣе устойчивы, чѣмъ плоскости земли. Но когда эта самая вода, освободившись отъ огня, изгоняетъ изъ себя также и воздухъ, тогда она становится болѣе однородною (по составу), крѣпче сплочивается воедино силою удалившихся изъ нея (обоихъ этихъ элементовъ) и такимъ образомъ *замерзаетъ*. Вода, претерпѣвшая

въ сильнѣйшей степени это измѣненіе надъ землею, называется *градомъ*, а (подвергшаяся ему) на землѣ—*льдомъ*; вода же, претерпѣвшая это измѣненіе въ слабѣйшей степени, если это случилось съ нею надъ землею, называется *снѣгомъ*, а если она на землѣ-же сгустилась, образовавшись изъ росы, то называется инеемъ. Потомъ, тѣ весьма многіе виды воды, которыя смѣшиваясь другъ съ другомъ просачиваются сквозь растенія, производимыя землею, носятъ общее родовое названіе соковъ, и такъ какъ каждый изъ этихъ соковъ, вслѣдствіе смѣшеній, получилъ много видовыхъ различій,
60— то они представляютъ множество видовъ, для которыхъ даже именъ особыхъ не имѣется. Но слѣдующіе четыре вида, которые всѣ содержать въ себѣ огонь, по причинѣ особенной замѣчательности своей, получили особыя названія. Это во 1-хъ сокъ, имѣющій свойство согрѣвать душу и тѣло—*вино,* во 2-хъ сокъ, условливающій раздѣленіе (расширеніе) зрительнаго огня [1]), и по тому самому прозрачный, лоснящійся, блестящій на взглядъ,—сокъ разныхъ древесныхъ маслъ, какъ то: *древесная смола*, кики (рециновое масло), *деревянное масло* въ собственномъ смыслѣ и всѣ другіе соки, обладающіе подобными свойствами. Далѣе,—всѣ тѣ вещества, которыя имѣютъ свойство распространяясь въ полости
B.— рта и проникая въ самую глубь тканей доставлять ощущеніе сладости, получили преимущественно предъ другими названіями названіе *меда*, между тѣмъ какъ тотъ, отдѣленный отъ всѣхъ остальныхъ, родъ (соковъ), который имѣетъ способность разрѣшать тѣло и свойство пѣниться отъ нагрѣванія, получилъ названіе *опоса* (опіума) [2]).

---

[1]) Здѣсь слово ὄψις употреблено не для обозначенія зрѣнія, а въ такомъ же, какъ и выше (р. 45 Д.), значеніи внутренняго зрительнаго огня. Платонъ здѣсь приписываетъ маслянистымъ жидкостямъ способность блескомъ своимъ раздѣлять или вѣрнѣе расширять огонь, истекающій изъ глазъ,—способность, которую ниже (р. 67 и 68) онъ усвояетъ также бѣлому цвѣту и вообще всему тому, въ чемъ онъ предполагаетъ присутствіе огня, который все раздѣляетъ своими острыми, рѣжущими пирамидами.

[2]) Слово ὀπός означаетъ вообще родъ соковъ клейкихъ, которые истека-

XXV.—Что касается теперь видовъ земли, то видъ ея,
пропитанный водою, обращается въ каменное тѣло слѣдую-
щимъ образомъ. Примѣшанная (въ землѣ) вода, какъ только —C.
распадается ея соединеніе, принимаетъ видъ воздуха, а
воздухъ, такимъ путемъ образовавшійся, сейчасъ подни-
мается къ мѣсту, которое ему свойственно. Поелику же
кругомъ нигдѣ нѣтъ пустоты, то онъ производитъ давленіе
на воздухъ, тутъ-же вблизи находящійся. Тогда этотъ по-
слѣдній, тоже обладающій извѣстною тягостію (упругостію),
бывъ приведенъ въ движеніе, распространяясь вокругъ зем-
ляной массы, оказываетъ на нее сильное давленіе и тѣмъ
заставляетъ ее сжаться плотнѣе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ,
откуда вышелъ новообразовавшійся воздухъ. Такимъ-то
образомъ изъ массы земли, сжатой воздухомъ до того, что
она не можетъ уже быть разрѣшена водою, образуются
камни—болѣе красивые, если они составляются изъ одина-
ковыхъ и равномѣрныхъ частей и бываютъ прозрачны,—
менѣе красивые, когда они обладаютъ противоположными
этимъ свойствами. Когда же изъ земляной массы силою огня
извлекается вся находящаяся въ ней влага, и она въ своемъ
составѣ становится суше (даже чѣмъ камень), тогда про-
исходитъ тотъ родъ (земли), который мы называемъ (по- —D.
судною) *глиною*. Но бываетъ и такъ, что тутъ остается
влага; въ такомъ разѣ изъ массы земли, расплавленной
огнемъ, послѣ того какъ она остываетъ, образуется камень
чернаго цвѣта[1]). Когда же земляная масса съ одной сто-
роны точно такимъ же образомъ освобождается отъ боль-
шей части воды, которая была къ ней примѣшана, но съ

ютъ изъ деревьевъ и другихъ растеній при надрѣзѣ. Но весьма вѣроятно, какъ полагаютъ Линдау и Мартенъ, что тутъ Платонъ разумѣетъ особый сокъ—опіумъ, такъ какъ къ нему могутъ относиться оба частнѣйшія опредѣленія опоса и способность разрѣшать тѣло, т. е. причинять ему смертъ и пѣниться отъ жары—на солнцѣ.

[1]) Линдау полагаетъ, что этимъ именемъ названъ здѣсь базальтъ, а Мартенъ думаетъ, что вообще—камни вулканическаго происхожденія.

другой сама состоитъ изъ частей земли болѣе тонкихъ,
между которыми содержится и соль, тогда она становится
окаменѣлою лишь на половину, ибо можетъ быть опять
разрѣшена посредствомъ воды. Такимъ-то образомъ про-
исходитъ съ одной стороны вещество, служащее для очи-
щенія (пятенъ отъ) масла и грязи,—натръ [1]), а съ другой—
соль, которая очень употребительна какъ приправа, со-
E.— общающая пріятный вкусъ (другимъ веществамъ),--веще-
ство, которое, по выраженію закона, пріятно самимъ—
богамъ [2]). Что касается далѣе тѣлъ, которыя въ составѣ
своемъ имѣютъ оба элемента—воду и огонь, но которые не
водою, а огнемъ разрѣшаются, то это по слѣдующей при-
чинѣ, и сплочиваются они вотъ какимъ образомъ. Массъ
земли ни огонь ни воздухъ не плавятъ, потому что будучи
по природѣ своей тоньше, чѣмъ промежутки въ строеніи
земли, и тотъ и другой, проходя чрезъ эти слишкомъ про-
сторные для нихъ пути, безъ всякаго усилія, не могутъ
разрѣшить ея и оставляютъ ее нерасплавленною, между
тѣмъ какъ вода будучи по природѣ болѣе массивною (чѣмъ
огонь и воздухъ), пролагаетъ себѣ путь въ земляной массѣ
насиліемъ, и потому разрѣшаетъ ее и расплавляетъ. Такимъ
образомъ землю, если она не сплочена насильственно (то
61— есть вышеописаннымъ обр. 60 с.), разрѣшаетъ только вода,
когда же сплочена, то ничто не разрѣшаетъ ея кромѣ огня,
потому что тогда (въ ней) не остается доступа ничему дру-
гому, кромѣ огня. Опять же изъ соединеній воды самое

---

[1]) По мнѣнію Линдау, селитра служитъ для очищенія масла и земли тѣмъ, что въ соединеніи съ масломъ можетъ сдѣлаться мыломъ,—веществомъ не только чистымъ, но и чистительнымъ, а въ соединеніи съ землею—можетъ превратиться въ стекло—тѣло чистое, свѣтлое и блестящее. Но гораздо проще разумѣть тутъ вообще свойство селитры, какъ вещества пригоднаго для мойки и очистки вещей отъ всякаго рода грязи.

[2]) Платонъ тутъ разумѣетъ употребленіе соли при жертвахъ и другихъ религіозныхъ церемоніяхъ по точному предписанію церковнаго закона, и, по аналогіи съ значеніемъ соли въ яствахъ употребляемыхъ людьми, называетъ ее веществомъ столь же пріятнымъ и для боговъ.

прочное (ледъ, градъ) раздѣляетъ только огонь, но болѣе слабое (снѣгъ, иней, обыкновенную воду)—и огонь и воздухъ вмѣстѣ,—воздухъ проникая въ пустые промежутки, а огонь—раздѣляя даже на (составные) треугольники. Что касается далѣе воздуха, то, когда онъ сплоченъ какою либо силою, его ничто не можетъ разрѣшить иначе, какъ (раздѣливъ) на составные элементы, а когда (никакою силою) не сплоченъ, то одинъ огонь способенъ разрѣшить его [1]). Такимъ образомъ, что касается тѣлъ, представляющихъ въ себѣ смѣсь земли и воды, то,—пока вода занимаетъ здѣсь —В. пустые промежутки въ массѣ земли, сплоченной какою либо силою,—части воды, проражающейся отвнѣ, не имѣя вовсе

[1]) Здѣсь Платонъ представляетъ въ общемъ очеркѣ физическія условія сжатія и расширенія, соединенія и разложенія 4-хъ видовъ тѣлъ. Что касается тѣлъ, составленныхъ изъ земли, то онъ раздѣляетъ ихъ на два класса — не-сплоченныя и сплоченныя, и полагаетъ, что первыя по причинѣ неплотности своей или большой ширины своихъ поръ будучи недоступны разрѣшенію отъ огня, легко разрѣшаются водою, между тѣмъ какъ послѣднія совсѣмъ не пропускаютъ въ себя воды и разрѣшаются только огнемъ. Точно такіе же два класса представляютъ изъ себя и тѣла, составленныя изъ воды. Къ классу сплоченному Платонъ относитъ всѣ металлы, вышепоименованные минералы, а также ледъ и градъ, и полагаетъ, что по той же причинѣ и эти тѣла могутъ быть разрѣшены только огнемъ; но тѣла несплоченныя, какъ-то, снѣгъ, иней, простую воду можетъ разрѣшать и воздухъ и огонь, воздухъ—только на части, а огонь—даже на составные элементы (треугольники). Воздухъ тоже бываетъ несжатый и сжатый (въ тучахъ). Въ первомъ случаѣ огонь его только разрѣшаетъ т. е. расширяетъ или раздѣляетъ одни октаэдры его отъ другихъ, не разрѣшая самыхъ элементовъ ихъ и не превращая въ фигуры другаго рода, но въ послѣднемъ случаѣ ничто, слѣдовательно, и огонь не можетъ разрѣшить его иначе, какъ раздѣливъ на составные треугольники и превративъ вслѣдъ за тѣмъ или въ огонь же или въ воду (гроза, громъ, молнія). Что касается наконецъ огня, то никакое другое тѣло не способно въ него проникнуть и его разложить на части, а потому когда онъ при слишкомъ малой массѣ попадаетъ въ сферу другихъ тѣлъ большой массы, то ему ничего болѣе не остается, какъ превратиться въ ихъ сущность или потухнуть. Эти условія имѣютъ силу и по отношенію къ тѣламъ двусоставнымъ—представляющимъ смѣсь земли и воды: ихъ не разрѣшаетъ,—по причинѣ плотности ихъ, ни вода, ни даже воздухъ, а только огонь,

доступа во внутрь, омываютъ только всю массу кругомъ и потому оставляютъ ее нерасплавленною; напротивъ, когда въ пустые промежутки воды вторгаются части огня, то онѣ и онѣ однѣ способны сдѣлать то, чтобъ такое сложное тѣло растопившись получило текучій видъ, потому что онѣ оказываютъ на нее такое же воздѣйствіе, какое оказываетъ вода на землю и самъ огонь—на воздухъ. Къ этому разряду относятся съ одной стороны тѣла, которыя содержатъ въ себѣ меньше воды чѣмъ земли, какъ-то-всѣ виды стекла, а также всѣ тѣ каменныя породы, которыя извѣстны подъ именемъ плавкихъ, а съ другой—тѣла, содержащія въ себѣ больше воды чѣмъ земли,—именно всѣ вещества, имѣющія
C.— составъ подобный воску и ароматическія.

XXVI.—Такимъ образомъ, нами почти все показано, что касается видовъ вещей, представляющихъ великое разнообразіе и по формамъ и по взаимодѣйствію и по способамъ превращеній ихъ другъ въ друга; теперь-же мы попытаемся показать, какимъ образомъ происходятъ въ насъ разныя впечатлѣнія отъ этихъ вещей. Самое первое, что̀ для этой цѣли должно принадлежать вещамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ это—свойство ощущаемости [1]). Однако, мы ни о происхожденіи тѣла и всего относящагося къ тѣлу, ни о происхожденіи смертной стороны души [2]) ничего еще не сказали, а между тѣмъ столь же неудобно вести изслѣдованіе объ этомъ (о тѣлѣ и душѣ) отдѣльно отъ (изслѣдованія)

---

1) Πρῶτον ὑπάρχειν αἴσθησιν δεῖ τοῖς λεγομένοις. Выраженіе—двусмысленное. Но конечно, тутъ идетъ рѣчь не о способности вещей „имѣть ощущенія", которой Платонъ физическимъ вещамъ не могъ даже приписать, а о способности ихъ „быть отъ насъ ощущаемыми" или „доставлять ощущенія". Это свойство вещей есть конечно самое первое условіе познанія вещей, ибо что мы могли бы знать и сказать объ нихъ безъ этого свойства?

2) Ниже (р. 69. 70) Платонъ подробнѣе и точнѣе скажетъ, что это за смертная сторона или смертный родъ души отличной отъ души разумной и безсмертной, о созданіи которой выше была рѣчь.

впечатлѣній (внѣшнихъ), какъ такихъ, которыя способны
быть ощущаемыми, какъ и (изслѣдованіе) о сихъ послѣд-
нихъ независимо отъ того (что касается состава тѣла и
души), о томъ же и другомъ (вести рѣчь) совмѣстно—почти —D.
невозможно. Поэтому намъ приходится взяться сперва за
одно что-нибудь изъ двухъ, къ тому же, что̀ отложено на-
послѣ, мы возвратимся уже позднѣе. Итакъ, чтобъ имѣть
возможность разсмотрѣть впечатлѣнія въ порядкѣ, совпа-
дающемъ съ порядкомъ родовъ тѣлъ (вызывающихъ эти
впечатлѣнія), начнемъ съ впечатлѣній относящихся къ душѣ
и тѣлу вмѣстѣ. И прежде всего посмотримъ, почему это мы
объ огнѣ говоримъ, что онъ есть жгучій? Объяснить это
можно, принявъ въ соображеніе то разрѣшеніе и раздѣле-
ніе, которое происходитъ отъ огня въ нашемъ тѣлѣ. Ибо,
что впечатлѣніе, (вызываемое этимъ его дѣйствіемъ) есть —E.
какое-то особенно-острое,—это конечно всѣ чувствуютъ.
Если же вдобавокъ къ этому обратимъ вниманіе на тонкость
его (огня) краевъ, на остроту его угловъ, на малость его
(составныхъ) частей и на быстроту, благодаря каковымъ
свойствамъ онъ всюду врывается и проникаетъ, все попа-
дающееся навстрѣчу быстро разсѣкаетъ, да припомнимъ
еще и составъ его фигуры, то легко поймемъ, что именно —62
онъ—этотъ составъ, дѣлая огонь болѣе всякой иной сущ-
ности способнымъ раздѣлять и разрѣшать наши тѣла на
мелкія части, вполнѣ объясняетъ и то впечатлѣніе, которое
мы называемъ жгучимъ, и самое названіе этого впечатлѣ-
нія [3]). Противоположное этому впечатлѣніе само собою по-
нятно; однакожъ, и его объяснить будетъ не излишне. Итакъ,
когда изъ окружающихъ тѣло наше влагъ вторгаются въ

---

[1]) По русски названіе принадлежащей огню способности раздѣлять тѣла—„раздѣленіе“ вовсе не способно объяснить изъ себя то получаемое отъ огня ощущеніе, которое извѣстно подъ именемъ ощущенія *жара*, но по гречески, можетъ быть и изъясняетъ потому, что Платонъ видимо отождествляетъ здѣсь слово θερμός—жаркій съ словомъ κερματίζω—расщепляю.

него такія, которыя состоятъ изъ болѣе крупныхъ частицъ (чѣмъ внутреннія влаги тѣла), то онѣ конечно выгоняютъ вонъ болѣе мелкія частицы (внутренней влаги), но не въ состояніи будучи занять ихъ мѣста, онѣ лишь сжимаютъ находящіяся въ насъ влаги и дѣлаютъ то, что эти послѣднія, обладавшія дотолѣ подвижностію благодаря своей преж-
B.— ней неравномѣрности, дѣлаются, вслѣдствіе наступившей равномѣрности и сгущенія, неподвижными и коченѣютъ[1]). Но подвергаясь такому противоестественному сжатію, онѣ натурально борются противъ него, стараясь привести себя въ противоположное этому (обычное) состояніе. Этой борьбѣ и этой схваткѣ (влагъ) дано названіе *дрожи* и *озноба*, для обозначенія же всей совокупности этого рода впечатлѣній и того, что даетъ ихъ, служитъ слово *холодъ*. *Твердымъ* далѣе называются всѣ тѣ тѣла, которымъ наше тѣло (при давленіи) уступаетъ, а *мягкимъ*—тѣ, которыя тѣлу уступаютъ; точно также (различаются всѣ тѣла) и въ отношеніи другъ къ другу. Уступаетъ же всегда то тѣло, которое имѣетъ меньшее основаніе, напротивъ тотъ видъ (тѣлъ), который
C.— имѣетъ основаніями четвероугольныя плоскости, обладая самою бóльшею устойчивостью, вмѣстѣ съ тѣмъ способенъ оказывать давленію самое сильное сопротивленіе, точно

---

[1]) Здѣсь очевидно Платонъ прибѣгаетъ къ той же теоріи круговаго движенія или толканія частицъ, которою онъ выше изъяснялъ сплоченіе земляныхъ и водяныхъ массъ, съ тѣмъ только различіемъ, что тамъ принципомъ феномена былъ воздухъ, а здѣсь—вода или влага. Ощущеніе холода, по Платону, происходитъ отъ того, что къ тѣлу нашему приражаются влаги болѣе плотныя (т. е. менѣе проникнутыя и расширенныя огнемъ), чѣмъ влаги, содержащіяся въ нашемъ тѣлѣ, потому что въ такомъ разѣ онѣ прежде всего выжимаютъ изъ этихъ послѣднихъ болѣе мелкія (т. е. менѣе плотныя, или болѣе согрѣтыя) частицы и хотя сами на мѣсто ихъ вторгнуться не могутъ, но продолжая далѣе свое сжимающее дѣйствіе достигаютъ того, что и наши внутреннія влаги дѣлаются все болѣе и болѣе равномѣрными, плотными (т. е. лишенными расширяющей теплоты огня), а вмѣстѣ съ тѣмъ неподвижными. Въ этомъ изъясненіи есть своя доля правды.

также какъ видъ (тѣлъ), обладающій наибольшею плотностію способенъ производить самое большее давленіе. Что касается затѣмъ *тяжелаго* и *легкаго*, то то и другое можетъ быть вполнѣ выяснено лишь послѣ разсужденія о природѣ того, что извѣстно подъ именемъ (находящагося) *вверху* и *внизу*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, никоимъ образомъ нельзя признать за истинное того представленія, что по самой природѣ существуютъ какія-то два другъ другу противоположныя мѣста, которыя раздѣляютъ всю вселенную на двѣ половины,— одно мѣсто внизу, куда устремляется все, что имѣетъ какую-бы то ни было тѣлесную массу,—другое мѣсто вверху, куда все поднимается лишь противъ воли (т. е. дѣйствіемъ какой либо посторонней силы),—нельзя, потому что, такъ какъ все небо имѣетъ шарообразный видъ, то точки, которыя на равномъ D.— разстояніи отъ средины оказываются самыми крайними, необходимо должны всѣ одинаково имѣть свойства самыхъ крайнихъ точекъ, равно и средина, поелику она удалена на одинаковое разстояніе отъ всѣхъ крайнихъ точекъ, (периферія) должна быть представляема лежащею какъ разъ напротивъ каждой изъ нихъ. Если же міръ имѣетъ такое именно устройство, то о какой изъ названныхъ сейчасъ точекъ можетъ кто либо утверждать, что она вверху или внизу, не рискуя подвергнуться справедливому укору за употребленіе слова, которое вовсе не соотвѣтствуетъ самой вещи? Потому что средина міра, справедливо говоря, не можетъ находиться ни внизу ни вверху, но именно только въ срединѣ, окружность же міра какъ сама (во всей цѣлости своей) не можетъ быть —E. срединой, такъ и не представляетъ (ни съ той, ни съ другой стороны) ни одной части, выдающейся тою особенностію, чтобъ эта часть была болѣе близка къ срединѣ, чѣмъ всякая изъ частей на противоположной сторонѣ. Еслиже повсюду (въ міровомъ шарѣ) оказывается такое свойство, то кто и на какомъ основаніи станетъ усвоять какія либо противоположныя другъ-другу названія (вещамъ для обозначенія положенія ихъ въ пространствѣ)? И развѣ можетъ тако-

вой считаться говорящимъ правду?—Въ самомъ дѣлѣ, если допустить даже, что въ центрѣ вселенной есть нѣкое твердое равномѣрно движущееся тѣло, то и это тѣло все таки не можетъ въ своемъ движеніи придвинуться ближе ни къ ка-
63.— кой изъ крайнихъ точекъ, по причинѣ равномѣрнаго разстоянія сихъ послѣднихъ (отъ центра), такъ что еслибы кто либо самъ сталъ ходить вокругъ этого тѣла, останавливаясь всякій разъ на точкахъ, которыя противоположны другъ другу, то ему пришлось бы одну и туже часть этого тѣла называть то верхнею то нижнею попеременно. Итакъ, если вселенная, какъ показано, имѣетъ шарообразную форму, то называть въ ней одно мѣсто нижнимъ, другое верхнимъ, совсѣмъ не подобаетъ смыслъ имѣющему. Но, что касается того, откуда произошли и къ чему на самомъ дѣлѣ приложимы эти названія („вверху" „внизу"), которыя мы привыкли прилагать даже ко всей вселенной, раздѣляя ее та-
B.— кимъ образомъ надвое,—то это мы можемъ изъяснить, положивъ въ основаніе слѣдующія (соображенія). Еслибы кто-либо, очутившись въ томъ мѣстѣ вселенной, которое досталось въ удѣлъ главнымъ образомъ природѣ огня и гдѣ находится самая большая и главная масса его, къ которой онъ устремляется [1]), сталъ бы, при достаточныхъ для своей цѣли силахъ, отдѣлять части огня и класть ихъ на вѣсо-

---

[1]) Мы уже знаемъ, что четыре рода тѣлъ, бывшіе пока въ безпорядочномъ и смѣшенномъ состояніи, въ моментъ образованія міра, по волѣ Творца, вслѣдствіе движенія мѣстилища, распредѣлились на главныя четыре массы, изъ коихъ каждая заняла соотвѣтственное себѣ мѣсто, причемъ натурально массы наиболѣе разнородныя, какъ напр. земля и огонь удалились наидальше одна отъ другой, а менѣе разнородныя, какъ напр. эѳиръ и огонъ, или воздухъ и эѳиръ заняли мѣста поближе другъ къ другу (р. 52. 53. 57). Здѣсь не показывается съ точностію, какое именно мѣсто заняла каждая масса; но мы уже знаемъ (р. 55. 56. 40), что Платонъ землю помѣщаетъ въ центрѣ міра, огонь—на окружности, а воду и воздухъ въ срединѣ между ними, именно воду—поближе къ землѣ, а воздухъ, особенно же эѳиръ—поближе къ огню. Впрочемъ онъ допускаетъ также, что хоть незначительная доля каждаго изъ тѣлъ обрѣтается повсюду во всякой части вселенной.

выя чашки, а потомъ приподнимая вѣсы сталъ бы силою
тащить (положенныя на нихъ) части огня въ сферу неодно-
роднаго съ нимъ воздуха, то въ этомъ разѣ, какъ само со-
бою понятно, меньшее количество огня уступало бы силѣ
легче, чѣмъ бо́льшее, потому что когда двѣ вещи подни-
маются вмѣстѣ на высоту одною и тою же силою, то мень- —C
шая изъ нихъ необходимо болѣе, а большая менѣе поддается
дѣйствію этой силы, и вотъ на какомъ основаніи о большей
изъ нихъ говорятъ, что она тяжела и тянетъ внизъ, а о
меньшей, что она легка и поднимается вверхъ. Но вѣдь дол-
жно сознаться, что тоже самое мы дѣлаемъ и вотъ на этомъ
мѣстѣ, потому что находясь на землѣ, мы отдѣляемъ (другъ
отъ друга) земныя вещи, а то и части самой земли (отъ
всей ея массы) и поднимаемъ ихъ силою, вопреки природѣ,
въ область несроднаго воздуха, и, такъ какъ двѣ подни-
маемыя вещи все таки тяготѣютъ къ сродной съ ними массѣ,
то понятно, что меньшая вещь при этомъ легче поддается
нашимъ усиліямъ и скорѣе поднимаетъ въ несродную сферу, —D.
чѣмъ большая [1]; по этой-то причинѣ мы и называемъ та-

---

[1]) Платонъ, говоритъ Маргенъ, отлично понималъ, что шаръ земной со всѣхъ сторонъ одинаково представляетъ центръ притяженія для тѣлъ тяжелыхъ, отдѣляемыхъ отъ земли, и, вопреки Анаксагору, училъ, что оба полушарія въ этомъ отношеніи одинаковы, такъ что ни того ни другого изъ нихъ нельзя считать ни нижнимъ ни верхнимъ исключительно Но наблюдая, что огонь устремляется не къ землѣ, а къ небу, онъ не могъ допустить, что огонь стремится къ тому же центру, что вода и камни. Поэтому онъ предполагалъ, что лишь тѣла однородныя притягиваютъ другъ друга и стремятся другъ къ другу, то есть, допускалъ не одинъ, а цѣлыхъ четыре міровыхъ центра притяженія. Огонь, думалъ онъ, притягивается огненною сущностію, собранною главнымъ образомъ на окружности неба, воздухъ стремится въ ту часть атмосферы, гдѣ собрана главная масса воздушной стихіи, вода привлекается морями, которыя наполняютъ глубочайшія углубленія въ землѣ, а всѣ тѣла земныя привлекаются и тяготѣютъ къ центру земнаго шара. Поэтому *нижнее* для того или другаго тѣла— это есть главное мѣстилище того рода, къ которому оно принадлежитъ, а *верхнее* есть противоположное этому мѣсто другаго рода. На этомъ основаніи мѣстилище или вообще мѣсто, которое для одного тѣла есть нижнее (т. е. его собственное), для другаго есть высокое, и наоборотъ, и такъ какъ тяжесть есть собственно стремленіе тѣла къ главной массѣ своего рода, то она

кую вещь легкою, а мѣсто (занять которое ее) принуждаемъ,—верхнимъ, а когда бываетъ обратное отношеніе, то говоримъ: (вещь) „тяжелая", (мѣсто) „нижнее". Но эти взаимныя отношенія (вещей) необходимо должны разнообразиться по той причинѣ, что главныя массы различныхъ родовъ (тѣлъ) занимаютъ различныя въ отношеніи другъ къ другу мѣста, такъ что вещи,—изъ которыхъ одна легка въ одномъ мѣстѣ, а другая легка въ противоположномъ мѣстѣ, та тяжела здѣсь, а та тамъ, одна нижняя здѣсь, другая—нижняя тамъ, та верхняя тамъ, а та—здѣсь,—всѣ могутъ оказаться, да и на самомъ дѣлѣ суть и противоположны одна другой, и кривы, и вообще представляютъ самыя разнообразныя
E.— взаимоотношенія [1]). Однакожъ, по крайней мѣрѣ вотъ что

принадлежитъ тѣлу и дѣлаетъ его *тяжелымъ* лишь тогда, когда оно, оторванное отъ этой массы, находится внѣ ея, но она не присуща тѣлу, когда оно находится въ самой этой массѣ. Платонъ при этомъ допускаетъ, что сила, съ которою тѣло стремится къ главной массѣ своего рода, пропорціональна массѣ этого тѣла, и что поэтому самыя малыя корпускулы занимаютъ мѣста самыя отдаленныя отъ центра міра. Оба эти предположенія сами собою подразумѣваются въ его классификаціи четырехъ родовъ элементарныхъ корпускулъ—классификаціи, началомъ которой служитъ геометрическая величина, но вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и относительная тяжесть каждаго изъ нихъ.

[1]) Мартенъ полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ собственно о направленіяхъ передвиженія корпускулъ изъ одной сферы въ другую и по этому поводу замѣчаетъ, что въ дѣйствительности тѣла напр. болѣе легкія, чѣмъ воздухъ, поднимаются въ сферу его вертикально, какъ и падаютъ внизъ тѣла болѣе чѣмъ онъ тяжелыя тоже вертикально; различіе тутъ представляютъ только скорости движенія, зависящія отъ большей или меньшей плотности тѣлъ. Конечно, эти вертикальныя и пожалуй параллельныя линіи (если они очень близко другъ отъ друга и другъ противъ друга проходятъ) суть радіусы одной и той же сферы, и вслѣдствіе этого онѣ въ отношеніи другъ къ другу то прямо противоположны то наклонны; но это зависитъ именно отъ единства общаго центра, къ которому естественно тяготѣютъ всѣ тѣла, находящіяся въ сферѣ притяженія земли, а вовсе не отъ множества мѣстъ притяженія, какъ полагаетъ Платонъ. По выраженію его, то, что есть нижнее по отношенію къ камню, высоко по отношенію къ огню и парамъ болѣе легкимъ, чѣмъ воздухъ; и камни будучи тяжелыми по отношенію къ землѣ, легки въ отношеніи къ высшимъ слоямъ атмосферы, между тѣмъ какъ пары будучи легки въ отношеніи къ землѣ, тяжелы по отношенію къ этимъ слоямъ атмосфе-

одно слѣдуетъ замѣтить относительно всего этого,—что присущее каждому изъ тѣлъ стремленіе къ сродной массѣ дѣлаетъ то, что тѣло тяготѣющее туда мы называемъ тяжелымъ, а мѣсто, къ которому оно стремится—нижнимъ, и даемъ противоположныя этимъ названія, когда то и другое (то есть тѣло и мѣсто) противоположны этимъ. Итакъ, вотъ каковы, по моему мнѣнію, причины этихъ явленій. Что же касается впечатлѣній *гладкаго* и *шероховатаго*, то причину ихъ понять и другому объяснить всякій—въ состояніи: твердость въ соединеніи съ неравномѣрностію (частей поверхности) доставляетъ послѣднее изъ нихъ, а равномѣрность въ соединеніи съ плотностію—первое.

XXVII.—Намъ остается еще изслѣдовать то, что есть самаго важнаго во впечатлѣніяхъ общихъ всему тѣлу,— —64
именно причину, которая обусловливаетъ пріятность и непріятность тѣхъ впечатлѣній, о которыхъ выше шла рѣчь и которая дѣлаетъ то, что извѣстныя впечатлѣнія имѣютъ способность вызывать въ различныхъ частяхъ тѣла особыя ощущенія, отъ которыхъ получается удовольствіе или неудовольствіе. Чтобъ уловить причины всѣхъ впечатлѣній, какъ сопровождающихся, такъ и не сопровождающихъ ощущеніями, припомнимъ, что мы выше сказали, различая природу
удобоподвижную отъ неудобоподвижной, потому что именно —B.
этимъ путемъ намъ нужно слѣдовать, чтобъ уяснить себѣ все, что мы намѣтили. Итакъ, когда впечатлѣніе хотя бы-то даже очень легкое попадаетъ въ часть тѣла, которая обладаетъ удобоподвижною природою, то оно распространяетъ вокругъ себя тоже самое дѣйствіе отъ однихъ частей на другія дотолѣ, пока не доведетъ его до мѣстилища разума и не покажетъ ему силу того, что произвело это впечатлѣніе. Напротивъ, часть, обладающая противоположной природой, остается въ этомъ разѣ неподвижною, а потому не

ры. Всѣ эти и подобныя выраженія означаютъ лишь то, что направленія движенія различаются смотря потому, съ какой точки мы ихъ захочемъ наблюдать.

можетъ вызвать этого кругового движенія, а только сама претерпѣваетъ воздѣйствіе отвнѣ, не затрогивая никакой изъ сосѣднихъ съ нею частей, и такъ какъ сіи послѣднія не передаютъ перваго впечатлѣнія другъ другу, то оно оста-
C.— навливается на нихъ, не проникая во все живое существо, которое потому не получаетъ никакого ощущенія. Это слѣдуетъ сказать о костяхъ, волосахъ и всѣхъ другихъ частяхъ, которыя у насъ состоятъ главнымъ образомъ изъ земли, но напротивъ сказанное предъ этимъ (о послѣдовательной передачѣ впечатлѣній) болѣе всего приложимо къ зрѣнію и слуху по той причинѣ, что въ нихъ содержится самое большее количество огня и воздуха. Что же касается удовольствія и страданія (сопровождающихъ извѣстныя впечатлѣнія), то вотъ какъ слѣдуетъ представлять себѣ дѣло: впечатлѣніе противное нашей природѣ и насильственное, когда оно попадаетъ въ насъ въ излишкѣ и внезапно, сопровож-
D.— дается *болѣзненно непріятнымъ* ощущеніемъ, впечатлѣніе же хотя внезапное, но опять попадающее въ тактъ съ природою нашею, есть пріятное; впечатлѣніе затѣмъ, которое наступаетъ тихо и съ постепенностію, не доходитъ до сознанія, въ противномъ же случаѣ, конечно, бываетъ напротивъ. Впрочемъ, всякое вообще впечатлѣніе, даже приражающееся къ намъ съ легкостію, можетъ съ одной стороны быть вполнѣ ощущаемымъ, а съ другой можетъ и не сопровождаться ни страданіемъ, ни удовольствіемъ, каковы напримѣръ впечатлѣнія, получаемыя нашимъ зрительнымъ огнемъ, который, какъ выше было сказано, представляетъ собою во время дня тѣло, внутренно соединенное съ нами [1]).

---

1) См. выше (р. 45). Здѣсь опять подъ словомъ ὄψις разумѣется и не ощущеніе зрѣнія, и не процессъ его и не органъ его—глазъ, а все тотъ же внутренній, исходящій сквозь глаза зрительный огонь. Онъ не доставляетъ ни чувства боли отъ приражненія къ нему предметовъ рѣжущихъ или жгущихъ, ни удовольствія отъ предметовъ противоположнаго свойства, потому что огненныя части его, будучи очень тонки и подвижны, уступаютъ всякому внѣшнему воздѣйствію съ нечувствительною легкостію, но за то онъ даетъ намъ самыя ясныя ощущенія

Въ самомъ дѣлѣ, ему ни сѣченія, ни жженія, ни иныя подоб- —E.
ныя истязанія не причиняютъ страданія, равно какъ и не
чувствуетъ онъ пріятности, возвращаясь въ прежнее свое
состояніе, а между тѣмъ онъ даетъ самыя полныя и самыя
ясныя ощущенія какъ тогда, когда онъ испытываетъ какое
либо воздѣйствіе отвнѣ, такъ и тогда, когда самъ, обраща-
ясь на внѣшніе предметы, соприкасается съ ними, и это
именно по той причинѣ, что въ этомъ разѣ какъ въ раздѣ-
леніи, такъ и въ возсоединеніи его (частей) не имѣетъ мѣста
никакое насиліе. Органы же, состоящіе изъ болѣе плотныхъ
частей, которые не такъ легко поддаются воздѣйствію отвнѣ,
но все таки передаютъ отъ себя движенія цѣлому (живому
существу) испытываютъ и удовольствіе и страданіе,—стра-
даніе, когда ихъ что либо выводитъ изъ обычнаго состоянія,
а—удовольствіе, когда что либо опять возвращаетъ ихъ въ
прежнее состояніе. Потомъ, всѣ органы, опустѣвіе и исто- —65
щеніе которыхъ происходитъ мало-по малу, наполненіе же
наступаетъ вдругъ и въ изобиліи, будучи нечувствительны
къ истощенію и напротивъ чувствительны къ наполненію,
не причиняютъ страданія смертной сторонѣ души, а напро-
тивъ доставляютъ самыя живыя удовольствія, какъ это за-
мѣчается напримѣръ въ ощущеніи пріятныхъ запаховъ [1]).

этихъ предметовъ. Вообще, по теоріи Платона, внѣшнее впечатлѣніе сопровождается ощущеніемъ (сознаваемымъ) тогда, когда оно попадаетъ на органъ, состоящій изъ удобоподвижныхъ частей и когда этотъ органъ доноситъ его до самой души. Для того, чтобъ ощущеніе это было кромѣ того непріятнымъ или пріятнымъ, нужно еще во 1-хъ, чтобъ внѣшнее впечатлѣніе по отношенію къ органу представляло собою или быстрое нарушеніе обычнаго состоянія его, или возстановленіе этого состоянія, во 2-хъ чтобъ части органа не обладали такою излишнею подвижностію, при которой онѣ какъ выступали бы изъ своего обычнаго состоянія (отъ внѣшняго воздѣйствія), такъ и возвращались въ него съ нечувствительною легкостію, и въ 3-хъ чтобъ впечатлѣніе наступало не съ медленною постепенностію, а съ быстротою и силою.

[1]) Платонъ хочетъ сказать, что потери, испытываемыя обонятельною перепонкою, по причинѣ медленности своей не только не болѣзненно-непріятны, но и почти нечувствительны, между тѣмъ какъ частицы какихъ либо ароматическихъ веществъ, быстро и въ изобиліи входящія въ ноздри для вознагражденія этихъ потерь, доставляютъ очень живое пріятное ощущеніе. По мнѣнію Платона, пріятные запахи суть тоже самое для обонянія, что яства для желудка, то есть служатъ ему своего рода питаніемъ. Запахи же у него—это своего рода пары,

Напротивъ, когда органы выводятся изъ своего положенія вдругъ, возвращаются же въ него постепенно, тогда бы-
B.— ваетъ отношеніе ощущеній, какъ разъ противоположное вышеописанному;—это особенно замѣчается въ случаяхъ прижиганій и сѣченій тѣла.

XXVIII.—Такимъ образомъ о впечатлѣніяхъ общихъ всему тѣлу и о названіяхъ вещей, которыя производятъ эти впечатлѣнія, почти-что все уже сказано; а потому теперь попытаемся, если будемъ въ состояніи, изслѣдовать тѣ впечатлѣнія, которыя имѣютъ мѣсто въ отдѣльныхъ частяхъ нашего тѣла, и притомъ изслѣдовать какъ самыя ощущенія, такъ и причины, по которымъ извѣстные предметы вызываютъ ихъ. И прежде всего намъ слѣдуетъ изъяснить то, что мы опустили выше, когда говорили о сокахъ,— именно
C.— тѣ особыя впечатлѣнія, которыя свойственны языку. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти впечатлѣнія, какъ большинство впечатлѣній, происходятъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ сокращеній и расширеній (въ ткани организма), но что кромѣ того въ нихъ, больше чѣмъ въ остальныхъ, играетъ роль шереховатость или гладкость (вещества, отвнѣ приражающагося). Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ какъ (тѣ или другія) вещества проникаютъ въ тѣ жилки, которыя въ качествѣ судящихъ
D.— органовъ языка протянуты въ направленіи къ сердцу [1]), и попавъ на влажную мякоть ихъ, растворяютъ здѣсь свои составные элементы, они сжимаютъ и дѣлаютъ сухими эти жилки, и тогда кажутся (на вкусъ) *остро-ѣдкими*, если они

которые воспринимаются и усвояются обоняніемъ потому, что суть одной съ нимъ природы, какъ и свѣтовые лучи отъ внѣшнихъ предметовъ воспринимаются зрѣніемъ потому, что органъ его—ὄψις—внутренній огонь имѣетъ одну съ ними природу.

[1]) Платонъ, какъ оказывается, не зналъ ни того, что главнымъ органомъ вкуса служитъ небо, ни того, что передаютъ всякія вообще ощущенія, не исключая и ощущеній вкуса, собственно нервы, стоящіе въ непосредственной или посредственной связи съ головнымъ мозгомъ. У Платона это назначеніе должны выполнять жилки, которыхъ центръ есть печень—мѣстилище смертной души.

очень жестки, а когда менѣе жестки,—*кисло-терпкими*. Далѣе, тѣ вещества, которыя при своемъ чистительномъ (вижимающемъ слюну) свойствѣ, распространившись вокругъ языка, оказываютъ это дѣйствіе въ излишней мѣрѣ и притомъ все болѣе и болѣе усиливаютъ его, такъ что сущность самого языка начинаетъ таять, каково напримѣръ свойство щелочей, всѣ вообще называются *горькими*, вещества же, которыя —Е.
вообще слабѣе щелочныхъ солей и которыя чистительнымъ свойствомъ обладаютъ лишь въ умѣренной степени, кажутся намъ (на вкусъ) *солеными*, безъ жесткой горечи и болѣе пріятными. Потомъ, вещества, которыя бывъ согрѣты теплотою рта и растворены въ немъ, сами воспламеняются и вслѣдъ затѣмъ съ своей стороны сообщаютъ огонь растворившему ихъ органу, а потомъ по причинѣ своей легкости устремляются вверхъ къ чувствилищамъ головы и пронзаютъ все встрѣчающееся имъ на пути,—всѣ подобныя вещества по причинѣ этихъ свойствъ получили названіе *острыхъ* [1]). —66
Когда же эти самыя вещества вслѣдствіе гніенія становятся болѣе тонкими и въ этомъ состояніи проникаютъ въ узкія жилки (о которыхъ выше была рѣчь), то они конечно застаютъ здѣсь части землянистыя и части воздуха въ соразмѣрномъ взаимоотношеніи. Но они оказываютъ здѣсь такое дѣйствіе, что эти части начинаютъ двигаться одна вокругъ другой и перемѣшиваются между собою, перемѣшавшись же сталкиваются другъ съ другомъ, скользятъ однѣ промежъ другихъ и такимъ образомъ образуютъ пустые промежутки, разступаясь предъ веществами, проникающими въ жилки. Тогда вся эта жидкость частію грязноватая, а частію чистая растягиваясь вокругъ частей воздуха, дѣ- —В.
лается внутри пустою, и такимъ путемъ образуются водяныя фигуры, полыя, круглыя, состоящія изъ воды и напол-

---

[1]) Тутъ, очевидно, разумѣются тѣ разныя спиртныя вещества, которыя жгутъ во рту, возбуждаютъ мозгъ и органы обонянія и зрѣнія до того, что вызываютъ чиханье и слезы у не привыкшихъ къ нимъ.

ненныя воздухомъ, изъ коихъ однѣ—именно состоящія изъ чистой жидкости и прозрачныя извѣстны подъ именемъ пузырей, а другія, состоящія изъ жидкости грязноватой и притомъ находящейся въ движеніи и все поднимающейся вверхъ носятъ названіе (элементовъ) *броженія* и *закваски*; то-же, что служитъ причиною этихъ измѣненій, извѣстно подъ именемъ *кислаго* [1]). Противоположное всѣмъ вышеописаннымъ ощущеніе происходитъ отъ противоположной при-
C.— чины; именно, когда составъ веществъ, входящихъ въ жидкости, представляетъ сродство съ свойствами языка, то они наподобіе нѣкоей мази размягчаютъ то, что слишкомъ жестко, сгущаютъ то, что слишкомъ жидко и растворяютъ то, что слишкомъ плотно, и такимъ образомъ все приводятъ въ состояніе наиболѣе сообразное съ природою. Поелику же весь родъ этихъ веществъ представляетъ для всякаго пріятное и желательное средство противъ насильственно-непріятныхъ ощущеній (вкуса), то и дано ему названіе *сладкаго*.

XXIX.—Такъ вотъ какимъ образомъ все это обстоитъ.
D.— —Что касается теперь того чувства, органомъ котораго служатъ ноздри, то тутъ какихъ либо (опредѣленныхъ) видовъ (ощущеній, обусловливаемыхъ впечатлѣніями отвнѣ) совсѣмъ не оказывается по той причинѣ, что каждый изъ *запаховъ* имѣетъ половинчато-обоюдный характеръ, и что

---

[1]) Смыслъ всей этой запутанной трактаціи, кажется, тотъ, что, кислое образуется путемъ того процесса варенія и броженія частицъ земли и воздуха, который имѣетъ мѣсто въ жилахъ тогда, когда поступаютъ въ нихъ элементы, подвергшіеся гніенію. Мартенъ полагаетъ, что тутъ описывается образованіе кислотъ изъ броженія собственно спиртныхъ веществъ и что самыя ощущенія, которыя испытываются послѣ употребленія этихъ веществъ, изъясняются тѣмъ броженіемъ, которое они производятъ, поступая въ извѣстные органы. Какъ бы то ни было впрочемъ, но несомнѣнно, что греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ настолько неисправенъ, что буквальный переводъ его рѣшительно не возможенъ. Вотъ почему мы допустили здѣсь свободу какъ въ порядкѣ размѣщенія, такъ и въ способѣ соединенія предложеній, входящихъ въ составъ этой трактаціи, но соединенныхъ въ греческомъ текстѣ самымъ страннымъ и безграмотнымъ образомъ.

между (четырьмя) видами тѣлъ нѣтъ ни одного такого, который бы такъ былъ принаровленъ (къ чувству обонянія), чтобъ могъ возбуждать какой либо (опредѣленный) запахъ, такъ какъ сосуды, служащіе у насъ органомъ обонянія, для элементовъ земли и воды, слишкомъ тѣсны, а для элементовъ огня и воздуха слишкомъ пространы. Вслѣдствіе —E.
этого ни отъ одного изъ этихъ тѣлъ никто не чувствуетъ запаха, а если и получаются отъ нихъ запахи, то это только въ томъ случаѣ, когда то или другое изъ нихъ или размачивается и разлагаясь испаряется, или же загорается и въ дымѣ улетучивается, потому что, въ самомъ дѣлѣ, когда вода превращается въ воздухъ или воздухъ—въ воду, тогда появляются, какъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ тѣломъ, и запахи, которые вообще представляютъ собою или дымъ или паръ; —именно, то, что переходитъ изъ состоянія воздуха въ состояніе воды, есть паръ, а то, что изъ состоянія воды переходитъ въ состояніе воздуха, есть дымъ. По этой-то причинѣ всѣ вообще запахи болѣе тонки чѣмъ вода и болѣе плотны, чѣмъ воздухъ. Это съ очевидностію можетъ обнаруживаться въ томъ случаѣ, когда кто либо одинъ заградитъ себѣ (чѣмъ нибудь, напр. какою нибудь тканью) выходъ дыханія, а другой станетъ силою втягивать въ себя его дыханіе (проходящее все-таки сквозь сдѣланную преграду), ибо въ этомъ разѣ не пройдетъ вмѣстѣ съ воздухомъ никакой запахъ, а получится одно только дуновеніе (воздуха) чуждое всякихъ запаховъ. Вотъ поче- —67
му запахи не представляютъ разнообразія опредѣленныхъ и чистыхъ видовъ. Различные оттѣнки въ нихъ не имѣютъ даже для себя никакихъ наименованій, и лишь два рода между ними отчетливо различаются и именуются,—запахъ пріятный и запахъ непріятный, изъ коихъ послѣдній производитъ непріятное возбужденіе и раздраженіе по всей полости отъ темени до пупа [1]), а первый эту самую полость

[1]) Тутъ Платонъ разумѣетъ собственно тѣ слишкомъ острые запахи (напр. хлора, аммоніака), раздражающее дѣйствіе которыхъ не ограничивается ноздрями и мозгомъ, а распространяется чрезъ дыхательное горло на всю грудную полость.

успокоиваетъ тѣмъ, что снова пріятнымъ образомъ возвращаетъ ее въ сообразное съ природою состояніе.

Затѣмъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть третій органъ чувствъ и показать, какими причинами обусловливаются относящіяся къ нему впечатлѣнія. Вообще мы можемъ ска-
B.— зать, что *звукъ* есть толчекъ, передаваемый воздухомъ чрезъ уши, мозгъ и кровь до души и что въ свою очередь слухъ (какъ ощущеніе) есть вызванное этимъ толчкомъ сотрясеніе въ насъ самихъ, начинающееся въ головѣ и оканчивающееся около мѣстилища печени[1]). Сотрясеніе (воздуха) быстрое даетъ звукъ *острый* (высокій), а медленное—*тяжелый* (низкій); сотрясеніе равномѣрное даетъ звукъ однообразный и *гладкій* (нѣжный), въ противномъ-же случаѣ—*жесткій* (дробезжащій); сотрясеніе значительное даетъ звукъ
C.— *сильный*, въ противномъ-же—случаѣ—*слабый* (тихій). Что-же касается гармоніи звуковъ, то намъ придется упомянуть объ ней въ нашемъ изслѣдованіи послѣ.

XXX.—Остается намъ разсмотрѣть еще четвертый родъ свойствъ (тѣлъ), которыя могутъ быть нами ощущаемы,--родъ, представляющій въ себѣ тѣ весьма многія различія, которыя извѣстны вообще подъ именемъ *цвѣтовъ* и которыхъ причина есть огонь, исходящій отъ каждаго изъ тѣлъ и содержащій въ себѣ части соразмѣренныя съ нашимъ зрительнымъ огнемъ для вызова ощущенія. О причинахъ происхожденія зрительнаго огня уже говорено было выше (р. 45, 64), а потому здѣсь болѣе всего умѣстно и нужно войти въ надлежащее разсужденіе о цвѣтахъ. Итакъ, между частицами (огненными), которые, отдѣляясь отъ другихъ тѣлъ, приражаются къ нашему зрительному огню,

---

[1]) Звуковое ощущеніе, по представленію Платона, получается оттого, что звукъ—т. е. толчекъ воздуха приводитъ въ сотрясеніе органъ слуха, т. е. тотъ воздухъ, который всегда находится во внутренности уха, и что это сотрясеніе затѣмъ наполненныя кровью жилки доносятъ до самаго мѣстилища ощущающей души—печени, послѣ чего это простое физическое сотрясеніе обращается въ сотрясеніе психическое—въ чувствуемое и сознаваемое ощущеніе звука.

однѣ бываютъ меньше, чѣмъ частицы этого огня, иныя— больше, а иныя равны имъ. Тѣ изъ нихъ, которыя равны, —D. остаются для насъ не ощутимыми, и мы называемъ ихъ прозрачными; но что касается частицъ большихъ и меньшихъ, то первыя изъ нихъ сжимаютъ, а послѣднія расширяютъ нашъ зрительный огонь[1]) и представляютъ для него почти тоже самое, чѣмъ для тѣла нашего бываютъ вещества теплыя и холодныя, или чѣмъ для языка нашего бываютъ вещества —E. терпкія и горячительныя, о которыхъ выше была рѣчь, такъ что *бѣлое* и *черное* суть такія же впечатлѣнія (отъ свѣтоносныхъ частицъ), какъ и (названныя) впечатлѣнія отъ этихъ веществъ, но только они имѣютъ мѣсто въ органѣ совсѣмъ иного рода и по этой причинѣ кажутся намъ совсѣмъ иными[2]). Поэтому, вотъ какъ слѣдуетъ называть ихъ (эти впечатлѣнія):—бѣлымъ то (впечатлѣніе

---

[1]) Такимъ образомъ, по Платону, весь секретъ цвѣтовыхъ ощущеній заключается во взаимодѣйствіи свѣта или огня внѣшняго, идущаго отъ предметовъ, съ огнемъ или свѣтомъ внутреннимъ, зрительнымъ, и различіе цвѣтовъ обусловливается различными отношеніями между величинами частицъ того и другаго огня. Если присущій тому или другому тѣлу огонь и по количеству и по величинѣ своихъ частицъ меньше, слабѣе, чѣмъ зрительный огонь, то онъ оказываетъ на этотъ послѣдній сжимающее, сокращающее дѣйствіе, а если больше,—то—расширяющее; въ первомъ случаѣ онъ даетъ впечатлѣніе и ощущеніе чернаго цвѣта, а въ послѣднемъ - бѣлаго. Всѣ остальныя цвѣтовыя впечатлѣнія суть только разныя комбинаціи этихъ двухъ главныхъ, и зависятъ отъ разныхъ комбинацій величины и количества частицъ двухъ огней—субъективнаго и объективнаго при ихъ встрѣчахъ. Но перевести всѣ эти комбинаціи на точный математическій языкъ, выразить въ пропорціяхъ нѣтъ, по убѣжденію Платона, никакой возможности, потому что нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ.

[2]) Здѣсь сравниваются цвѣтовыя впечатлѣнія и ощущенія съ другими родами впечатлѣній только въ объективномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи всѣ впечатлѣнія и всѣ ощущенія одинаковы, ибо всѣ впечатлѣнія одинаково суть воздѣйствія отъ внѣшнихъ предметовъ и всѣ ощущенія одинаково даютъ знать о свойствахъ этихъ предметовъ. Но въ субъективномъ отношеніи впечатлѣнія цвѣтовыя, ощущенія зрѣнія, у Платона, тѣмъ существенно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, что въ составъ ихъ не входитъ ни страданіе ни удовольствіе, между тѣмъ какъ почти во всѣ остальныя входитъ или то или другое чувство.

отъ внѣшняго огня), которое расширяетъ зрительный огонь, а чернымъ то, которое имѣетъ противоположное этому свойство. Но есть еще иного рода огонь, который несясь (отвнѣ) гораздо стремительнѣе и встрѣчая (нашъ) зрительный огонь, раздѣляетъ его до самихъ глазъ, да и глазные проходы (зрачки) до того расширяетъ, что они какъ бы
68— таютъ и источаютъ изъ себя ту соединенную съ огнемъ влагу, которая извѣстна у насъ подъ именемъ слезъ. Итакъ, когда этотъ особаго рода огонь устремляется какъ разъ навстрѣчу (внутреннему огню), тогда (вотъ что бываетъ): одинъ огонь (внутренній) брызжетъ наружу какъ изъ молніи, другой вторгается во внутрь и тутъ потухаетъ во влагахъ, и пока длится бореніе (двухъ различныхъ огней) появляются (въ ощущеніи) всевозможные цвѣта. Это впечатлѣніе мы называемъ впечатлѣніемъ блеска, а то, что производитъ
B.— его,— *блестящимъ* и *сіяющимъ*. Потомъ, есть еще родъ огня, занимающій средину между этими двумя, который, проникая въ глазную влагу и смѣшиваясь съ нею, не даетъ (впечатлѣнія) блеска, но прошедши своимъ сіяніемъ сквозь влагу и смѣшавшись съ нею принимаетъ цвѣтъ крови; этотъ родъ мы называемъ *краснымъ*. Когда же цвѣтъ блестящій смѣшивается съ краснымъ и бѣлымъ, то становится *желтымъ*. Что касается самыхъ пропорцій этого смѣшенія, то толковать объ нихъ было-бы не раціонально даже тому, кто имѣетъ толкъ въ этихъ вещахъ, потому что никто не въ состояніи показать тутъ ни необходимыхъ, ни даже только вѣроятныхъ основаній. Красный цвѣтъ, смѣшанный съ чернымъ и бѣлымъ,
C.— обращается въ *пурпуровый*; когда же эти цвѣта (красный и бѣлый) бывъ смѣшаны и обожжены, принимаютъ въ себя еще большую примѣсь чернаго цвѣта, тогда выходитъ цвѣтъ *орфниновый* (темный вообще, темносиній, темнобурый и т. под.). *Коричневый* цвѣтъ образуется изъ смѣси желтаго и сѣраго, *сѣрый*—изъ бѣлаго и чернаго, *охровый* (блѣдно-желтый)—изъ смѣси желтаго и бѣлаго. Когда же бѣлый цвѣтъ соединяется съ блестящимъ и ложится на глубоко-

черномъ (фонѣ), тогда происходитъ цвѣтъ *синій* (темно-лазуревый), отъ смѣшенія же синяго съ бѣлымъ бываетъ цвѣтъ *голубой*, а отъ смѣси коричневаго съ чернымъ—зеленый. Что же касается другихъ цвѣтовъ, образующихся изъ —D. этихъ, то изъ приведенныхъ примѣровъ легко понять, какими смѣшеніями можно съ вѣроятностію изъяснить ихъ [1]).

---

[1]) Гёте въ своей „исторіи ученій о цвѣтахъ“ вотъ въ какомъ видѣ представляетъ ученіе древнихъ объ этомъ предметѣ. „Древніе, говоритъ онъ, выводили всѣ цвѣта изъ свѣта и мрака, изъ бѣлаго и чернаго, и говорили, что всѣ остальные цвѣта вмѣщаются между этими двумя крайностями и состоятъ изъ смѣшенія ихъ между собою, при чемъ одни принимали меньшее количество главныхъ или родовыхъ цвѣтовъ, другіе большее, одни—7, другіе—12. Изъ разсмотрѣнія названій цвѣтовъ какъ греческихъ такъ и латинскихъ оказывается, что древніе употребляли генерическія названія вмѣсто видовыхъ и наоборотъ, и что вообще эти названія не имѣли у нихъ ни точности, ни устойчивости. У нихъ напр. желтый цвѣтъ приближается то къ красному, то къ синему, красный—переходитъ то въ желтый, то въ голубой, голубой—то въ зеленый, то въ красный, пурпуровый колеблется между краснымъ и голубымъ и приближается то къ багровому, то къ фіолетовому. Такъ какъ древніе смотрѣли на цвѣта, какъ на нѣчто не устойчивое и движущееся по ступенямъ и внизъ и вверхъ, то и говорили напр., что желтый цвѣтъ можетъ покраснѣть, и наоборотъ, что красный можетъ пожелтѣть, что каждый изъ цвѣтовъ прибавкою свѣта можно сдѣлать живже, свѣтлѣе, а прибавкою тѣни—гуще, темнѣе. Каждый цвѣтъ отъ сгущенія или, такъ сказать, самососредоточенія становится темнѣе, и въ такомъ разѣ, независимо отъ рода или вида, къ которому онъ относится, древніе называли его suasum, πεπεισμένον, in se consumptum, plenum, saturum—κατακορές, meracum—ἄκρατον, pressum—βαρύ, adstrictum, austerum,—triste—αὐστηρόν amarum πικρόν, nubilum—ἀμαυρόν, profundum—βαθύ. Наоборотъ, каждый цвѣтъ отъ разбавки блѣднѣетъ, тогда его называли dilutum, liquidum—ὑδαρές, pallidum ἔκλευκον. Потомъ каждый цвѣтъ можетъ быть усиленъ до блеска или до способности отражать въ себѣ свѣтъ, тогда его называли clarum, candidum, acutum—ὀξύ, excitatum, laetum, hilare, vegetum, floridum—εὐανθές, ἀνθηρόν. Что касается теперь генерическихъ и видовыхъ названій, то начиная съ той самой низшей ступени, гдѣ свѣтъ впервые даетъ впечатлѣніе цвѣта, мы встрѣчаемъ прежде всего ἀχρόν (блѣдный безцвѣтный),

Но кто захотѣлъ-бы на самомъ дѣлѣ подвергнуть этотъ вопросъ строгому изслѣдованію, тотъ показалъ-бы, что не знаетъ различія между человѣческою и божественной при-

---

потомъ ξανθόν (желтый), потомъ πυρρόν (огненный), далѣе ἐρυθρόν (красный) и наконецъ φοινικοῦν или πορφυροῦν (багровый). Пурпуровый цвѣтъ, уклоняясь въ сторону, переходитъ въ темносиній ἀλουργές, κυανοῦν — caeruleum. потомъ въ голубой γλαυκόν—caesium, посредствомъ которыхъ примыкаетъ къ порейному πράσινον — porraeum, травяному ποῶδες—herbidum и наконецъ къ зеленому χλωρόν — viride, который съ своей стороны представляетъ смѣсь голубаго съ желтымъ и такимъ образомъ соединяетъ послѣднее звено съ первымъ. Изъ этихъ цвѣтовъ за родовые могутъ быть приняты: 1., *желтый* ξανθόν, который начинаясь отъ соломеннаго и свѣтлорусаго, доходитъ чрезъ золотистый, темножелтый и красножелтый до пурпуроваго и который обнимаетъ, какъ виды слѣдующіе цвѣта: ὠχρόν, θάψινον, κιῤῥόν, κίτρινον, κνηκόν, μήλινον, μήλοψ, σιτόχρουν, ξουθόν, πυῤῥόν, χρυσοειδές, ἡλιῶδες, φλογοειδές, οἰνῶδες, κροκοειδές; или buxeum, meleum, cereum, flavum, fulvum, helvum, galbinum, aureum, croceum, igneum, luteum, melinum, gilvum, rubeum, adustum, russum, rufum и др.; 2., *красный* rufum — ἐρυθρόν, къ которому, какъ виды, относятся: rubrum, russum, rutilum, rubicundum, spadix, badium, puniceum—φοινικοῦν, coccineum—ὑσγινόν, purpureum—πορφυροῦν, а также ἀλουργές и др., 3., *голубой*—γλαυκόν или κυάνεον, къ которому относятся: ἀεριζόν или ἀεροειδές—aërium, οὐρανοειδές—coelinum, ὑακίνθινον—ferrugineum, οἰνοπόν, ἀμεθύστινον—thalassinum, vitreum, venetum, а также χαροπόν и ravum и др. 4., *зеленый* χλωρόν — viride, въ которомъ, какъ виды, содержатся: ποῶδες—herbidum, πράσινον—porraceum — aerugineum, ἰῶδες, σμαράγδινον, vitreum, ἰσατῶδες venetum. Изъ смѣшенія чернаго и бѣлаго происходятъ у Платона и Аристотеля слѣдующіе цвѣта: темный φαιόν, сѣрый μύϊνον, черновато-синій, оловянный— πελλόν, πέλιον, пепельный σπόδιον, τεφρόν и др., а изъ обожженнаго пурпуроваго— черно-красный ὀρφνινόν—furvum. Что касается въ частности Платоновской теоріи и градаціи цвѣтовъ, то Гёте переведши цѣликомъ все это мѣсто, прибавляетъ: „у Платона мы видимъ то же древнее воззрѣніе, но оно у него возвышено, очищено. Цвѣтъ у него есть четвертый родъ ощущаемаго; у него мы находимъ и то внутреннее, что отвѣтствуетъ этому внѣшнему, а главное находимъ самое основаніе для всей теоріи цвѣтовъ и свѣтотѣней въ его положеніи, что бѣлое развязываетъ, расширяетъ наше зрѣніе, а черное собираетъ, сжимаетъ, сокращаетъ. Но что болѣе всего восхищаетъ насъ въ Платонѣ, такъ

родой, потому что Божество обладаетъ вполнѣ и вѣдѣніемъ и силою для того, чтобъ многія вещи соединять въ одну, и опять эту одну разрѣшать на многія, между тѣмъ какъ изъ людей никто ни на то, ни на другое и нынѣ не способенъ и не будетъ способенъ.

Всѣ эти вещи, обладающія такими свойствами въ силу —Е.
необходимости, имѣлъ въ своемъ распоряженіи художникъ
красоты и совершенства во всемъ происходящемъ въ то
время, какъ рождалъ самодовлѣющее и совершеннѣйшее бо-
жество, пользуясь конечно при образованіи и устроеніи
(физической природы) вещей и услугою соотвѣтствующихъ
(ихъ физическимъ свойствамъ) причинъ, но, что касается
блага ихъ, то его устрояя самъ собою (независимо отъ
этихъ причинъ). Поэтому, должно различать два рода при-
чинъ—родъ необходимый и родъ божественный, и боже-
ственныхъ причинъ искать во всѣхъ вещахъ, чтобъ стяжать
блаженную жизнь насколько допускаетъ это наша природа,
ради же божественныхъ (не оставлять безъ изученія) и не- —69
обходимыхъ, въ томъ убѣжденіи, что безъ сихъ послѣднихъ
и самаго того, что составляетъ цѣль нашихъ стремленій
(т. е. божественнаго), мы не можемъ ни уразумѣть, ни
обнять, ни даже участвовать въ немъ какимъ либо обра-
зомъ.

это тотъ его благочестивый трепетъ, съ которымъ онъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, приближается къ природѣ, та осторожность, съ которою онъ какъ бы ощупываетъ ея тайники и потомъ опять удаляется на почтительное разстояніе, то наконецъ удивленіе, которое онъ выноситъ изъ познанія ея и оторое, какъ онъ самъ выразился, такъ идетъ къ лицу философа.

XXXI.—Однако, теперь, когда у насъ, какъ у строителей дома—выготовленный матерiалъ, имѣются въ готовности роды причинъ, на почвѣ которыхъ должна быть обработана остальная часть нашей бесѣды, мы еще разъ возвратимся къ началу и оттуда быстро снова пройдемъ тотъ путь, которымъ мы достигли до настоящаго пункта, и за тѣмъ постараемся присоединить къ нашему повѣствованiю
B.— заключительную главу, которая бы соотвѣтствовала всему предъидущему. Итакъ, всѣ эти вещи, какъ выше было замѣчено, находились въ состоянiи, лишенномъ всякаго порядка, и только Богъ какъ каждой изъ нихъ въ частности, такъ и всѣмъ имъ въ отношенiи другъ къ другу, сообщилъ пропорцiональность и соразмѣрность, насколько онѣ были въ состоянiи стать пропорцiональными и соразмѣрными. Ибо до этого если и были въ нихъ какiе либо слѣды этихъ (свойствъ), то развѣ только какъ нибудь случайно, такъ что вообще ничто даже не заслуживало тѣхъ наименованiй, которыми нынѣ называются такiя вещи, какъ напримѣръ
C.— огонь, вода и другiя подобныя. Итакъ, Богъ прежде всего всѣ эти вещи привелъ въ надлежащiй порядокъ, а потомъ изъ всѣхъ этихъ вещей устроилъ вотъ эту вселенную—единое живое существо, содержащее въ себѣ всѣ живыя существа какъ смертныя, такъ и безсмертныя. Впрочемъ, самъ Онъ былъ создателемъ только божественныхъ существъ, трудъ же созданiя смертныхъ существъ Онъ возложилъ на своихъ собственныхъ чадъ. И вотъ они, по Его примѣру, получивши отъ Него безсмертное начало души, вслѣдъ затѣмъ облекли ее въ смертное тѣло, дали ей все это тѣло
D.— какъ колесницу, помѣстивъ въ немъ еще и другой—смерт-

ный родъ души, въ которомъ содержатся опасныя и управляемыя необходимостію чувства, какъ-то—прежде всего удовольствіе—сильнѣйшая приманка (всякаго) зла, потомъ страданіе—пугало всего добраго, кромѣ того самонадѣянность и боязнь—обѣ плохія совѣтницы, потомъ—гнѣвъ, не поддающійся убѣжденію и надежда легко поддающаяся обольщенію (идущему) какъ со стороны неразумнаго ощущенія, такъ и со стороны любви способной гоняться за всякими вещами. Смѣшавши все это по принципу необходимости, они такимъ образомъ устроили смертный родъ (души). По этой-то причинѣ, именно изъ боязни, чтобъ божественное (начало души) не подвергалось безъ всякой крайней необходимости оскверненію, помѣстили начало смертное совсѣмъ отдѣльно отъ него—въ другое мѣстилище тѣла, устроивши и положивши въ качествѣ (соединяющаго) моста и (раздѣляющей) границы между головою и грудью шею, чтобъ (то и другое начало) были отдѣльно другъ отъ друга [1]). —Е.

---

[1]) Мы знаемъ уже, что такое у Платона безсмертный или божественный родъ души: это—разумъ, который представляетъ въ себѣ три функціи, три стороны, или три силы и способности,—способность идей, способность строгонаучнаго или математическаго знанія, и способность мнѣнія или вѣроятнаго познанія вещей измѣнчивыхъ. Эту душу, вся сущность и дѣятельность которой состоитъ въ познаніи или мышленіи, боги поселили въ головѣ, какъ въ акрополѣ, а затѣмъ создавши, отдали ей подъ власть другую смертную душу, сущность и дѣятельность которой сложена изъ всякаго рода ощущеній, чувствъ, пожеланій, стремленій; и для того, чтобъ эта послѣдняя поменьше тревожила первую, отдѣлили ее шеей, какъ бы перешейкомъ. Но душа смертная сама имѣетъ двѣ стороны или части, изъ коихъ одна болѣе духовная, другая болѣе чувственная, одна болѣе мощная, энергичная и значитъ мужская, другая болѣе слабая, болѣе податливая и значитъ женственная. А потому, какъ въ домѣ половина мужская отдѣляется отъ половины женской перегородкой или даже стѣной (γυναικεῖον,

Итакъ, въ *груди* или въ такъ называемой грудной полости они заключили смертный родъ души. Поелику-же въ самомъ смертномъ родѣ души одна часть ея—лучше, другая—хуже, по своимъ качествамъ, то боги раздѣляютъ грудную полость на двѣ половины и кладутъ между ними въ качествѣ
70— перегородки грудную перепонку—наподобіе того, какъ въ домѣ отдѣляется половина женская отъ мужской. При этомъ ту часть души, которая надѣлена способностію мужественности, суровости и настойчивости въ борьбѣ, они помѣстили поближе къ головѣ—въ промежуткѣ между шеей и грудной перепонкой для того, чтобъ она слушаясь сама разума, совмѣстно съ нимъ могла силою приводить въ повиновеніе ему родъ страстей, всякій разъ, какъ онѣ не захотѣли бы добровольно подчиняться рѣшенію и приказу, идущему изъ акро-
B.— поля. *Сердцу* же—этому соединенію жилъ, источнику крови, быстро обращающейся по всѣмъ членамъ, они отвели внизу помѣщеніе—въ родѣ караульни для того, чтобъ, всякій разъ какъ когда закипитъ гнѣвъ при извѣстіи со стороны разума, что имъ (членамъ) грозитъ какая либо опасность или отъ какой нибудь несправедливости отвнѣ, или отъ внутреннихъ страстей, всѣ чувствительныя части тѣла, слыша сквозь всѣ эти узкія трубки ободренія и угрозы, оказывали повиновеніе имъ, слѣдовали повсюду (куда требуется) и этимъ способствовали тому, чтобъ всѣми ими управляла
C.— высшая часть души.

γυναικωνῖτις отъ ἀνδρωνῖτις) для того, чтобъ совѣтъ мущинъ не былъ возмущаемъ суетою женщинъ, такъ боги отдѣлили мужескую душу отъ женской посредствомъ особой перегородки (διάφραγμα или διάζωμα) и размѣстили ихъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, именно первую помѣстили въ сердцѣ, а послѣднюю въ печени.

XXXII.—Предвидя же возможность сердцебіеній отъ ожиданія ли чего нибудь ужаснаго или прилива гнѣва, зная кромѣ того напередъ, что во всякой подобной вспышкѣ кипучихъ (состояній) главную роль будетъ играть огонь, и придумывая, какую-бы помощь оказать сердцу въ этихъ состояніяхъ,—боги устроили и приладили къ нему механизмъ *легкихъ*, которыя и мягки и не наполнены кровію и кромѣ того наподобіе губки имѣютъ чрезъ всю внутренность просверленныя скважины для того, чтобъ онѣ принимая въ себя воздухъ и влагу, охлаждали сердце и этимъ доставляли ему — D. освѣженіе и успокоеніе въ состояніи разгорячееія [1]). По этой-то причинѣ они провели въ легкія особые каналы отъ дыхательнаго горла и обложили сердце легкими, какъ-бы подушками, чтобъ оно во время сильнаго волненія ударяясь объ это эластичное тѣло и охлаждаясь (отъ прикосновенія къ нему), съ одной стороны само себя меньше изнуряло, а съ другой больше повиновалось разуму и его (высшимъ) порывамъ. Ту-же часть души, которая алчетъ пищи и питья и всего того, въ чемъ она чувствуетъ нужду по причинѣ связи своей съ природою тѣла, они помѣстили въ пространствѣ *отъ грудной перепонки до самаго пупа*, устроивши на —E всемъ этомъ протяженіи какъ-бы ясли для кормленія тѣла. Тутъ они привязали ее какъ дикаго звѣря, чтобъ она питала связанное съ нею тѣло, такъ какъ это необходимо для того, чтобъ родъ смертный могъ существовать. Такъ

[1]) Это описаніе легкихъ, конечно, страдаетъ неточностію. Легкія— вовсе не такой органъ, къ которому бы кровь не имѣла никакого доступа; напротивъ сквозь легкія проходитъ и въ нихъ очищается вся кровь, обращающаяся въ въ тѣлѣ. Кромѣ того, Платонъ ошибочно думалъ, что чрезъ легкія проходитъ питье на пути къ кишкамъ (Тимэй р. 91). Гораздо вѣрнѣе представленіе Платона о сердцѣ какъ объ источникѣ крови и центрѣ, къ которому сходятся и отъ котораго расходятся всѣ главные кровоносные сосуды. Но усвоивъ этимъ сосудамъ роль не только вѣстниковъ сердца но и выполнителей его требованій. Платонъ, очевидно, усвоилъ имъ то, чего они вовсе не имѣютъ,—совсѣмъ чуждую имъ функцію нервовъ, какъ настоящихъ органовъ движенія.

вотъ въ какихъ видахъ боги именно здѣсь назначили мѣсто этому звѣрю,—для того, чтобъ всегда кормясь у яслей и живя подальше отъ души разумной, онъ какъ можно мень-
71— ше безпокоилъ ее своимъ шумомъ и ревомъ и давалъ ей возможность въ спокойствіи принимать самыя лучшія рѣшенія на общую пользу всѣхъ частей (человѣческой природы). Зная же, что онъ не станетъ внимать разуму и что совсѣмъ не въ его природѣ, испытывая какія либо ощущенія, допытываться разумныхъ для нихъ основаній, но что онъ и ночью и днемъ болѣе всего будетъ отдавать душу свою призракамъ и фантасмамъ,—Богъ, въ умыслѣ противъ этого (его нрава), устроилъ органъ *печени*, которую помѣстилъ въ его жилищѣ, сдѣлавши ее плотною, гладкою, блестящею и сладкою, но
B.—содержащею также и горечь [1]),— съ тою цѣлію, чтобъ, съ

[1]) Печень слагается изъ множества маленькихъ мочекъ, которыя соединяются въ двѣ главныя большія лопасти, раздѣленныя извѣстными границами (именно сверху посредствомъ такъ называемаго ligamentum suspensorium, а внизу посредствомъ такъ называемой fossa longitudinis). Изъ нихъ правая толще и въ направленіи отъ правой стороны къ лѣвой длиннѣе; въ ней же есть двери (πύλαι) и желчный пузырь (χολή). Что Платонъ упоминая здѣсь объ одной только лопасти, разумѣетъ именно эту правую, это подтверждается съ одной стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что собственно одна правая половина печени носила названіе λοβός и что эта именно половина служила для древнихъ какъ бы книгою гаданій при жертвоприношеніяхъ, а съ другой—однороднымъ по смыслу мѣстомъ у Еврипида (Електра 828), изъ котораго кромѣ того мы узнаемъ, что̀ именно должно разумѣть подъ упоминаемыми здѣсь сосудами δοχαί. Это суть сосуды или пути, которые прорѣзывая повсюду печень, содержатъ въ себѣ и несутъ къ пузырю желчь и которые нѣкоторымъ образомъ составляютъ основу самой печени, т. е. основу болѣе тонкихъ развѣтвленій всѣхъ остальныхъ ея сосудовъ. Что же касается воротъ—πύλαι, то это есть углубленіе (нынѣ fossa transversa), въ которомъ сходятся вѣтви разныхъ кровеносныхъ сосудовъ (именно—такъ называемая arteria hypatica, и воротная вена—vena portarum, которая соединяя въ своемъ руслѣ кровь, идущую со всѣхъ сосудовъ и органовъ, представляетъ собою какъ бы дерево, котораго корни утверждены въ нижней части живота, а вѣтви входятъ въ легкія). Въ новѣйшей физіологіи печень, конечно, не играетъ уже той мистической роли, которую усвоялъ ей даже такой мудрецъ древности, какъ Платонъ; однакожъ и нынѣ, какъ извѣстно, еще далеко не съ полною точностію опредѣлено значеніе печени въ экономіи человѣческаго организма.

одной стороны, несущаяся отъ разума гроза мыслей внезапно
появляясь въ ней какъ въ зеркалѣ, которое принимаетъ въ
себя образы (вещей) и даетъ возможность видѣть въ себѣ
отраженія ихъ, частію наводила на него страхъ своими
угрозами, пользуясь для этого присущою печены горечью,
именно быстро распространяя эту горечь по всей печени и
этимъ вызывая въ ней появленіе желчныхъ цвѣтовъ, а
вмѣстѣ съ тѣмъ сжимая ее и всю дѣлая сморщенною и жесткою,
частію же причиняла ему (все тому же звѣрю) боль и страданіе,
выводя изъ прямого положенія и сгибая лопасть
(правую) печени, стягивая сосуды ея, загораживая и запирая —C.
ея двери, а съ другой—чтобъ вѣющій отъ того же разума
духъ кротости отражалъ въ ней (печени) противоположные
этимъ образы, при чемъ не только не волновалъ бы горькой
части печени, но даже не прикасался бы къ этой противоположной
себѣ сущности, и напротивъ опять приводилъ бы
печень въ состояніе спокойствія, пользуясь для этого присущею
ей сладостію, возвращая всѣмъ частямъ ея правильное
положеніе, гладкость и свободу и такимъ образомъ съ
одной стороны дѣлалъ обитающую въ сферѣ печени часть
души спокойною и веселою, а съ другой доставлялъ ей ночью —D.
приличное времяпрепровожденіе—занятіе мантикой во время
сна, такъ какъ эта часть (души) разсудительностію не
обладаетъ. Такимъ то образомъ создавшіе насъ, помня
заповѣдь отца, въ которой онъ повелѣлъ имъ родъ смертныхъ
создать какъ можно лучшимъ, даже худшей части нашего —E.
существа дали доброе назначеніе, именно, для того чтобъ
и она какимъ нибудь образомъ имѣла участіе въ истинѣ,
помѣстили въ ней даръ прорицанія. Довлѣющимъ же доказательствомъ
того, что Богъ мантику сдѣлалъ достояніемъ
именно неразумной стороны человѣческой природы, служитъ
то, что истинное богодухновенное прорицаніе никогда не
дается человѣку въ то время, когда онъ владѣетъ своимъ
разумомъ, но только или тогда, когда, какъ напр. во время
сна, у него бываетъ связана сила мышленія, или тогда,

когда по причинѣ болѣзненнаго или энтузіастическаго состоянія она оставляетъ его. Уже дѣло здравомыслящаго--ска-
72— занное во снѣ или наяву энтузіастическою-прорицающею натурою и потомъ припомянутое обсудить, всѣ видѣнныя ею фантасмы изслѣдовать и опредѣлить, насколько и для кого именно онѣ знаменуютъ какое либо зло или добро въ будущемъ ли-то, прошедшемъ или настоящемъ времени, но вовсе не дѣло самого пришедшаго въ изступленіе и находящагося въ этомъ состояніи разсуждать о томъ, что ему видѣлось и что онъ самъ своимъ голосомъ говорилъ, ибо еще съ древнихъ временъ и справедливо говорятъ, что дѣлать что либо и при этомъ сознавать и свои дѣйствія и себя самого возможно только для владѣющаго своимъ разумомъ. По этой то причинѣ законъ предписываетъ имѣть для богодухновенныхъ прорицаній въ качествѣ судей осо-
В.— бый родъ пророковъ, которыхъ самихъ нѣкоторые считаютъ за прорицателей, вовсе того не зная, что эти люди суть собственно изъяснители (чужихъ) изреченій или видѣній, представляющихъ загадочный характеръ, и что поэтому они не прорицателями, а справедливѣе всего толкователями прорицаній должны быть именуемы [1]).

---

[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что Платонъ дѣлая такое разграниченіе между мантикой и ея герминевтикой, между звуками и словами, безсознательно вырывающимися изъ устъ лицъ, находящихся въ экстазѣ, и сознательнымъ изъясненіемъ этихъ звуковъ и словъ, лежащимъ на обязанности совсѣмъ иныхъ въ здравомъ состояніи находящихся лицъ, разумѣетъ не какой либо иной, а именно только Дельфійскій оракулъ, въ практикѣ котораго дѣйствительно соблюдалось разграниченіе между этими двумя сторонами или факторами мантики. При этомъ оракулѣ дѣйствительно были особые органы мантики безсознательной—такъ называемыя Пиѳіи или дѣвственныя жрицы, которыя бывъ приведены въ экстатическое состояніе нервовозбуждающими парами, произносили звуки и слова, которыхъ сами не только не понимали, но не помнили, и были особые органы мантики сознательной—*προφῆται*, которые ловили звуки и слова Пиѳіи, устанавливали ихъ смыслъ и редактировали отвѣты вопрошателямъ—редактировали притомъ, какъ извѣстно, чисто раціональнымъ образомъ, т. е. давали отвѣты и совѣты такіе, какіе по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ въ данныхъ обстоятельствахъ могли казаться наиболѣе цѣлесообразными. Этимъ главнымъ обра-

Такъ вотъ почему печень получила такую природу и помѣщена въ показанномъ нами мѣстѣ;—это—ради мантики. Впрочемъ, только пока человѣкъ живъ, печень обладаетъ этимъ свойствомъ, то есть, содержитъ въ себѣ ясныя черты знаменій; когда же она лишается жизни, то становится какъ бы слѣпою и даетъ не настолько ясныя указанія, —C. чтобъ они знаменовали что нибудь съ очевидностію. Что же касается устройства и мѣста сосѣдняго съ печенью внутренняго органа, то онъ находится налѣво отъ нея и (существуетъ) ради нея же, именно для того, чтобъ поддерживать ее всегда чистою и ясною (служа ей), наподобіе приготовленнаго для зеркала и всегда наготовѣ вблизи лежащаго полотенца. Поэтому-то, когда, вслѣдствіе болѣзней тѣла, появляются вокругъ печени какія либо нечистоты, то рыхлая селезенка, будучи пустою и безкровною, принимаетъ ихъ въ себя и тѣмъ очищаетъ (печень), и такъ какъ при этомъ сама она наполняется веществами, которыя она вы- —D. чищаетъ (вбирая въ себя), то въ это время бываетъ большою и вздутою, а послѣ того какъ тѣло станетъ чистымъ, она постепенно умаляется и опять приходитъ въ прежній видъ.

Что все сказанное нами о душѣ—о ея смертной и ея божественной части а также о томъ, какимъ образомъ, въ какихъ органахъ и по какимъ причинамъ онѣ получили отдѣльное помѣщеніе, что все сіе представляетъ истину,—утверждать это мы дерзнули бы развѣ только въ томъ случаѣ, если-бы само Божество дало намъ на это свое изволеніе; но что нами высказаны такія мнѣнія, которыя по крайней мѣрѣ имѣютъ свойство вѣроятности, это можемъ смѣло думать и утверждать и теперь и тѣмъ болѣе, когда войдемъ въ ближайше изслѣдованіе предмета. Поэтому и —E.

зомъ и объясняется то огромное вліяніе, какое имѣлъ дельфійскій оракулъ не только на религіозную, но и на политическую жизнь Еллады.

въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы будемъ держаться того
же метода. Слѣдуетъ же теперь вопросъ о томъ, какимъ
E.— образомъ произошли остальныя части тѣла.

XXXIII.—Въ устройствѣ этихъ частей естественнѣе
всего предположить слѣдующій порядокъ идей. Создатели
нашего рода напередъ хорошо знали нашу будущую неумѣ-
ренность въ пищѣ и питьѣ, а также то, что мы то и дру-
гое, по причинѣ своей жадности, можемъ принимать въ себя
сверхъ мѣры и надобности. Предвидя же это (и опасаясь),
73— что можетъ вслѣдствіе болѣзней воспослѣдовать быстрая
смертность и что такимъ образомъ родъ смертныхъ можетъ
преждевременно покончить свое существованіе, не будучи
еще совершеннымъ,—они, для оказывающагося (въ тѣлѣ) из-
лишка пищи и питья, устроили въ качествѣ хранилища такъ
называемую *нижнюю* (брюшную) *полость*, въ которой поло-
жили *кишки* многими изгибами для того чтобъ пища не
проходила сквозь нихъ слишкомъ быстро и отъ этого не
возбуждалась тутъ же въ тѣлѣ потребность новаго питанія,
чтобъ не появилась вслѣдствіе этого ненасытная прожор-
ливость и чтобъ родъ (человѣческій) не сдѣлался чуждымъ
любомудрія и музъ, ставъ непослушнымъ тому, что есть
наиболѣе божественнаго въ насъ[1]).

Далѣе что касается *костей*, а также *мясистыхъ частей*
и всей этого рода субстанціи, то тутъ вотъ въ чемъ суть
B.— дѣла: первоосновою для всѣхъ этихъ частей служитъ при-
рода мозга, потому что такъ какъ къ нему собственно при-
крѣплены тѣ нити, которыя соединяютъ душу съ тѣломъ,
то въ немъ же лежатъ и самые корни смертнаго рода. Но
самъ *мозгъ* образованъ изъ иныхъ (элементовъ, чѣмъ эти
части). Именно, изъ всѣхъ треугольниковъ Богъ взялъ тѣ

---

[1]) Тутъ опять нашъ философъ изъ-за этическаго значенія органа про-
смотрѣлъ его физіологическое значеніе: кишки, какъ извѣстно, доканчиваютъ
пищевареніе, которое не вполнѣ оканчиваетъ желудокъ.

первичные треугольники, которые въ силу своей правильности и соразмѣрности лучше всего способны представлять огонь, воду, воздухъ и землю, отдѣлилъ одни отъ другихъ, смотря по роду, изъ котораго бралъ ихъ, потомъ смѣшалъ вмѣстѣ всѣ эти пропорціональные другъ другу треугольники [1]) и желая создать для всего смертнаго рода всеобщее —C. сѣмя, устроилъ изъ нихъ мозгъ, въ которомъ насадилъ и утвердилъ всѣ роды души и, сообразуясь съ тѣмъ, сколько и какихъ именно формъ предстояло принять мозгу въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, на столько и такихъ именно формъ раздѣлилъ его при первоначальномъ же дѣленіи. При этомъ ту часть мозга, которой предстояло воспринять въ себя, подобно вспаханной почвѣ, сѣмя божественнаго (начала души), Онъ сдѣлалъ со всѣхъ сторонъ круглою и наименовалъ ее *головнымъ мозгомъ* на томъ основаніи, что со- —D. державшій его сосудъ, по окончаніи образованія каждаго живаго существа, имѣетъ быть главою (всего его существа), а ту массу (мозга), которая предназначена содержать въ себѣ остальную—смертную часть души, всю раздѣлилъ на круглыя и (вмѣстѣ) продолговатыя доли, которымъ далъ общее названіе *мозга*, прикрѣпилъ къ нимъ какъ къ якорямъ связи всякаго (т. е. обоего) рода души и расположилъ вокругъ ихъ все наше тѣло, устроивши для всей массы мозга особый костяной покровъ [2]). Костяной же скелетъ Онъ устрояетъ —E.

---

[1]) Это все тѣже треугольники, которые Платонъ принималъ за основные элементы четырехъ правильныхъ поліэдровъ, а потомъ и всѣхъ вообще тѣлъ.

[2]) Мозгъ, который предназначенъ быть почвою для смертной части души, раздѣленъ на части круглыя и вмѣстѣ продолговатыя, то есть, почти цилиндрическія. Къ нимъ, какъ къ якорямъ, Богъ привязалъ связи всякаго или точнѣе обоего рода этой души, то есть, лучшей или мужской, и худшей или женской. Первая изъ этихъ душъ, какъ извѣстно уже, помѣщается выше—въ сердцѣ, и значитъ связи ея прикрѣплены къ верхней части позвоночнаго мозга, послѣдняя помѣщается ниже—въ печени и около печени, и связи ея, значитъ, утверждены въ низшей части этого мозга. Почва же, въ которой посѣяно и вкоренено сѣмя божественное, то есть, душа безсмертная—разумная, —это мозгъ головной, со всѣхъ сторонъ округленный, т. е. сферическій. Платонъ, очевидно, допускалъ

вотъ какимъ образомъ: пересѣваетъ землю и, послѣ того
какъ она стала чистою и тонкою, поливаетъ ее мозгомъ и
смѣшиваетъ съ нимъ, затѣмъ эту смѣсь влагаетъ въ огонь,
потомъ погружаетъ въ воду, изъ воды же—опять въ огонь, а
изъ огня—снова въ воду; окунувши же ее такимъ обра-
зомъ нѣсколько разъ то въ ту, то въ другую стихію,
Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее нерасплавимою ни со стороны
той, ни со стороны другой изъ нихъ. Затѣмъ Онъ сталъ
употреблять въ дѣло эту смѣсь,—именно устроилъ изъ нея
вокругъ головнаго мозга костяной шаръ, оставивъ въ немъ
74— узкое отверстіе (затылочное), а чтобъ покрыть также за-
тылочный и спинной мозгъ сдѣлалъ изъ нея *позвонки*, кото-
рыя наложилъ другъ на друга наподобіе дверныхъ петлей
отъ головы внизъ чрезъ всю верхнюю часть тѣла. Такимъ-
то образомъ, въ желаніи защитить все сѣмя Онъ оградилъ
его какъ бы каменною оградою, но къ ней придѣлалъ сус-
тавы, при чемъ пользовался услугою еще сущности инаго
(свойства) [1]), полагая ее въ средину между ними для того,
чтобъ было возможно движеніе и сгибаніе. Потомъ, имѣя
въ виду, что составъ костяной субстанціи съ одной стороны
B.— слишкомъ твердъ и не элластиченъ, а съ другой что онъ,

самую глубокую и внутреннюю связь съ одной стороны между позвоночнымъ мозгомъ и чувствовательною и желательною функціями смертной души, а съ другой между головнымъ мозгомъ и мыслительною дѣятельностію души безсмертной. Тутъ же лежитъ физіологическое основаніе и для постояннаго взаимодѣйствія между тою и другою душою: головной мозгъ посредствомъ затылочнаго отверстія соединяется съ спиннымъ и служитъ для него какъ бы корнемъ или источникомъ; точно также душа, связанная съ первымъ, должна служить правящимъ началомъ для души, связанной съ послѣднимъ. Что же касается тѣхъ связей, которыми одна душа прикрѣплена къ головному мозгу, другая къ спинному, то едва ли это суть нервы, на которые обращено было вниманіе въ наукѣ гораздо позже Платона, а скорѣе суть нѣкія только предполагаемыя или воображаемыя связи.

1) Здѣсь подъ словомъ ἡ θατέρου δύναμις разумѣется нѣчто вовсе не тождественное а только аналогичное съ природою того „иного“, которое мы встрѣчали выше въ трактаціи объ образованіи состава міровой души. Ἡ θατέρου δύναμις, находящаяся въ суставахъ костей и облегчающая ихъ сгибаніе, есть очевидно не что иное, какъ такъ называемая синовія или суставная пасока. Но по свой-

вслѣдствіе своей способности быстро нагрѣваться и охлаждаться, можетъ легко и самъ подвергнуться порчѣ и заключенное въ немъ сѣмя повредить,—Богъ, въ этихъ соображеніяхъ, устроилъ съ одной стороны *жилы*, а съ другой *плоть*,—жилы [1]) съ тѣмъ, чтобъ онѣ связывали между собою всѣ члены и своею способностію растягиваться и сокращаться доставляли тѣлу возможность какъ сгибаться въ своихъ суставахъ, такъ и снова расправляться,—плоть же съ тою цѣлію, чтобы въ ней доставить тѣлу какъ защиту отъ жары и холода, такъ и охрану въ паденіяхъ точно —C. такую же, какою бываютъ вещи изъ шерсти, потому что для этой послѣдней цѣли она мягка и эластична и потому легко подается при столкновеніи съ тѣлами (твердыми), а для первой обладаетъ нѣкоею внутреннею влагою, которая во время лѣта выступая въ видѣ пота и вытекая наружу, доставляетъ всему тѣлу пріятное освѣженіе, а во время зимы напротивъ силою своей теплоты отражаетъ и умѣряетъ холодъ, который окружаетъ тѣло и стремится въ него проникнуть. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Ваятель нашего тѣла привелъ въ смѣсь и надлежащее сочетаніе воду, огонь и землю, потомъ прибавилъ къ нимъ закваску, составленную изъ кислаго и соленаго (вещества), и такимъ —D.

ству своему эта пасока, на взглядъ Платона, есть сущность аналогичная съ природою „иного“ въ составѣ міровой души. Именно, нѣсколько ниже выражаясь метафорически, онъ говоритъ, что кости по своей твердости и прочности представляютъ въ себѣ природу тождественнаго, что плоть и разные соки, въ томъ числѣ и суставная пасока, по своей мягкости и измѣнчивости представляютъ природу *иного*, между тѣмъ какъ жилы—имѣютъ природу среднюю между тою и другою—смѣшенную. Изъ соединенія этихъ трехъ веществъ состоитъ человѣческое тѣло подобно тому, какъ міровая душа состоитъ изъ трехъ же даже одноименныхъ съ этими, но совсѣмъ иного рода, именно невещественныхъ сущностей.

[1]) То, что здѣсь Платонъ описываетъ, называя нервами νεῦρα, очевидно, вовсе не нервы въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. не бѣлесоватыя наполненныя мозгомъ трубочки или волокна, но—сухожилье и связки, которыя дѣйствительно и выполняютъ то назначеніе, и имѣютъ тотъ составъ и цвѣтъ, которые здѣсь приписываетъ Платонъ своимъ νεῦρα.

способомъ образовалъ сочную и мягкую плоть. Что же касается природы жилъ, то ее онъ образовалъ безъ закваски изъ простой смѣси вещества костей и вещества плоти, которыя оба по соединеніи составили изъ себя единую субстанцію, по своимъ свойствамъ представляющую нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ (веществомъ); цвѣтъ же для нея употребилъ желтый. Вслѣдствіе этого жилы получили свойство съ одной стороны бóльшей упругости и сухости, чѣмъ плоть, а съ другой—бóльшей мягкости и влажности, чѣмъ кости.

Итакъ, жилы и плоть Богъ употребилъ для прикрытія костей и мозга, именно, сперва связалъ кости другъ съ другомъ жилами, а потомъ тѣ и другія покрылъ сверху плотію,
E.— причемъ на тѣ изъ костей, въ которыхъ содержится больше души, положилъ плоти меньше, а на тѣ, внутри которыхъ души меньше, положилъ ея побольше и потолще, да и на самихъ соединеніяхъ костей, гдѣ только разумъ не указывалъ особенной надобности въ плоти, тамъ боги положили ея поменьше изъ опасенія, чтобъ она не оказалась помѣхою къ свободнымъ движеніямъ тѣла и чтобъ тѣло не сдѣлалось неудобоносимымъ вслѣдствіе неудобоподвижности, а кромѣ того еще и потому, что еслибы массы ея были слишкомъ плотны и не въ мѣру нагромождены другъ на друга, то ея непроницаемая плотность обусловливала бы нашу нечувствительность и притупляла бы силы памяти и мышленія. По этой причинѣ ляжки, берцовыя кости, бедренныя части, кости руки и предплечья, да и всѣ другія кости несочлененныя [1]), а равно и тѣ
75— кости, которыя въ мозгѣ своемъ содержатъ малую долю души и потому лишены разумности, Богъ всѣ обильно

---

[1]) Не трудно видѣть, что къ разряду нерасчлененныхъ костей Платонъ относитъ тѣ кости, которыя какъ напр. поименованныя здѣсь, хотя и соединяются посредствомъ сочлененій, но не представляютъ каждая въ себѣ особыхъ расчлененій подобныхъ позвонкамъ хребтовой кости.

покрылъ плотію, между тѣмъ какъ на тѣ части костянаго скелета, которыя содержатъ въ себѣ больше разумности, положилъ ея поменьше за исключеніемъ только того случая, когда онъ хотѣлъ какую либо мясистую часть сдѣлать саму по себѣ способною къ воспріятію ощущеній, какъ напримѣръ языкъ. Всѣ же остальныя части устроены такъ (какъ сейчасъ сказано), потому что въ тѣлѣ, которое образуется и развивается по законамъ необходимости [1]), никогда съ —B.
массивными костями и обильною плотію не соединяется пропорціональная имъ тонкость ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы эти вещи могли совмѣщаться между собою, то прежде и болѣе всѣхъ частей тѣла онѣ должны были бы встрѣтиться въ строеніи головы, и тогда родъ человѣческій, имѣя на тѣлѣ массивную—мясистую и жилистую голову, конечно, получилъ бы въ удѣлъ и жизнь вдвое а—то и многократъ болѣе продолжительную, да ктому же (во столько-же кратъ) болѣе безболѣзненную, безпечальную и здоровую, чѣмъ (какую имѣетъ) теперь. Однакожъ, когда виновники нашего происхожденія обсуждали, какимъ лучше создать родъ нашъ— —C.
болѣе ли долговѣчнымъ и вмѣстѣ менѣе совершеннымъ, или же менѣе долговѣчнымъ и болѣе совершеннымъ, то пришли къ единодушному заключенію, что всякій изъ насъ долженъ во всякомъ случаѣ предпочесть жизни болѣе долгой но худшей жизнь болѣе короткую но за то лучшую, и потому покрыли голову только тонкими костями и то безъ мяса и жилъ, тѣмъ болѣе что она не нуждается въ орудіяхъ

---

[1]) Хотя Платонъ не только допускаетъ родъ конечныхъ или разумныхъ причинъ, но и считаетъ эти причины причиннѣйшими, то есть, первѣйшими могущественнѣйшими причинами, однакожъ изъ-за нихъ вовсе не хочетъ урѣзывать область, ослаблять силу причинъ низшихъ—необходимыхъ, слѣпыхъ, физическихъ. Сколь ни желательно было богамъ надѣлить родъ человѣческій и самою бо́льшею долговѣчностію и возможно большею разумностію, но уступая силѣ необходимости, которая не допускаетъ прямо пропорціональнаго, а лишь обратно-пропорціональное соединеніе этихъ двухъ вещей, вынуждены были пожертвовать значительною долею долговѣчности въ пользу желаемой степени разумности.

для сгибанія (своихъ частей). По всѣмъ этимъ причинамъ голова въ тѣлѣ всякаго человѣка представляетъ съ одной стороны часть наиболѣе надѣленную чувствительностію и разумностію, а съ другой часть слабѣйшую другихъ (въ отношеніи массивности костей, плоти и жилъ). По этой-то при-
D.— чинѣ жилы Богъ прикрѣпилъ лишь къ самой нижней части головы, именно обвилъ ими равномѣрно кругомъ шею и связалъ ими оконечности челюстей внизу лица, а всѣ остальныя жилы раздѣлилъ между всѣми прочими членами, употребивъ ихъ для соединенія сочлененій. Затѣмъ, полость нашего рта, какъ онъ нынѣ устроенъ, образователи наши снабдили *зубами, языкомъ* и *устами* съ одной стороны ради
E.— необходимаго, а съ другой—ради прекраснаго, именно для необходимаго устроили входъ, а для прекраснаго выходъ, потому что необходимое есть то, что входитъ (въ ротъ) и доставляетъ питаніе тѣлу, между тѣмъ какъ потокъ словъ, который истекаетъ наружу и который служитъ цѣлямъ разума, есть прекраснѣйшій и благотворнѣйшій изъ всѣхъ потоковъ. Опять же нельзя было ни оставить голову при одномъ костяномъ покровѣ—совсѣмъ обнаженною, въ виду обѣихъ присущихъ временамъ года крайностей (жары и холода), ни не предусмотрѣть, что бывъ покрыта массою мяса она можетъ стать тупою и не чувствительною. А потому, (для этой цѣли) употреблена была, вмѣсто мясной субстанціи, только та (образовавшаяся на ней, но) неза-
76— сохшая корка ея, которая нынѣ называется *кожей.* Итакъ, кожа, благодаря влагѣ, которая находится вокругъ мозга, соединяясь въ своихъ частяхъ, постепенно вырастаетъ, пока не покроетъ всю окружность головы, ибо (упомянутая) влага, поднимаясь къ головнымъ швамъ, орошаетъ кожу, вслѣдствіе чего она связывается на макушкѣ наподобіе узла [1]). Что же касается самихъ *швовъ,* то они

---

[1]) Итакъ, кожа, по Платону, есть не что иное какъ верхніе слои того же мяса, превращающіяся вслѣдствіе высыханія и отвердѣнія въ кору, какъ это

имѣютъ различныя формы и происхожденіемъ своимъ они обязаны взаимодѣйствію между кругообращеніями (души) и процессами питанія; ихъ бываетъ больше, когда эти (двѣ) потенціи находятся въ бóльшей между собою враждѣ, а когда онѣ въ меньшей враждѣ, то и швовъ бываетъ меньше [1]). Всю эту кожу кругомъ Божество искололо огнемъ и по этой —B. причинѣ влага чрезъ нее устремляется наружу, при чемъ тѣ жидкія и теплыя частицы ея, которыя чужды всякой примѣси (огненно-воздушныя), совсѣмъ улетучиваются, а тѣ смѣшанныя частицы, изъ которыхъ и сама кожа состоитъ, хотя тоже поднимаются вверхъ благодаря (общему) движенію (влаги) и выступаютъ наружу струйками какъ разъ равными проколамъ (кожи), но такъ какъ движеніе ихъ слишкомъ медленно (въ сравненіи съ движеніемъ частицъ безпримѣсныхъ), то окружающій воздухъ отталкиваетъ ихъ назадъ и вдавливаетъ вовнутрь—подъ кожу, вслѣдствіе чего онѣ здѣсь пускаютъ корни [2]). Благодаря дѣйствію этихъ —C.

бываетъ и со многими веществами, когда они подвергаются дѣйствію внѣшняго изсушенія. Поелику же черепъ человѣка лишенъ мясистаго покрова, то для изъясненія образованія на немъ кожи Платонъ предполагаетъ, что къ черепу поднимается кожа съ ближайшихъ мясистыхъ частей силою вырастанія, благопріятствуемаго влагами мозга.

[1]) Черепъ, какъ выше замѣтилъ Платонъ, не имѣетъ сочлененій, но все-таки состоитъ изъ многихъ костей, которыя соединяются въ видѣ зубцевъ, входящихъ въ соотвѣтственныя выемки. Эти соединенія Платонъ называетъ швами и полагаетъ, что чрезъ нихъ то и подымается вверхъ мозговая влага для питанія кожи. Извѣстно, что швы эти не во всѣхъ возрастахъ и не у всѣхъ индивидуумовъ бываютъ одинаковы и по своей величинѣ и по количеству, что въ старости они менѣе замѣтны, чѣмъ въ юности, что у женщинъ ихъ меньше, чѣмъ у мущинъ. Это различіе Платонъ объясняетъ большею или меньшею интенсивностію въ извѣстномъ субъектѣ борьбы между процессами растительными и мыслительными: у кого мысль дѣятельнѣе и борьба съ чувственностію напряженнѣе, у того и швы эти больше, замѣтнѣе.

[2]) Такъ какъ мозгъ, по Платону, содержитъ въ себѣ много частицъ огня, то онѣ проходя сквозь швы, сперва распространяются подъ надчерепной кожей, а потомъ проходятъ сквозь нее и искалываютъ ее. Сами онѣ вслѣдъ затѣмъ улетучиваются, но вмѣстѣ съ ними поднимаются также и болѣе грубыя частицы влаги, которыя силою окружающаго воздуха вдавливаются назадъ вовнутрь и

причинъ, растутъ изъ кожи *волосы* наподобіе ремешковъ,
которые имѣютъ ту же, что и она, сущность и которые
только жестче и плотнѣе, чѣмъ она,—и это вслѣдствіе сжи-
мающаго дѣйствія холода, отъ котораго каждый волосъ,
выйдя изъ тѣла, все больше и больше остываетъ и твер-
дѣетъ. Итакъ, если Создатель сдѣлалъ голову нашу воло-
сатою, то это съ одной стороны въ силу вышеуказанныхъ
(необходимыхъ, слѣпо-физическихъ) причинъ, а съ другой
руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для защиты мозга дол-
женъ служить, вмѣсто мяса, именно этотъ покровъ (изъ во-
D.— лосъ), поелику онъ съ одной стороны легокъ и однакожъ
способенъ зимою оказывать защиту (отъ холода), а лѣтомъ
давать тѣнь (отъ лучей солнца), а съ другой не можетъ
служить помѣхою для живости ощущеній (мозга). Что же
касается той кожи, которая покрываетъ концы пальцевъ и
представляетъ собою изъ жилъ, костей и кожи—изъ этихъ
трехъ (сущностей) составленную и для всѣхъ трехъ ихъ
разомъ служащую покровомъ кожу, то она хотя образова-
лась дѣйствіемъ этихъ же—второстепенныхъ причинъ, но
устроена опять-таки причиною высочайшею—Провидѣніемъ,
именно въ виду тѣхъ тварей, которыя послѣ имѣли про-
изойти. Ибо создавшіе насъ вѣдали, что отъ мужскаго по-
E.— колѣнія произойдутъ не только женщины, но и разные звѣ-
ри, знали также и то, что многія твари для многихъ вещей
будутъ нуждаться въ употребленіи когтей; а потому уже
въ моментъ образованія людей предначертали происхожденіе
когтей. Такъ вотъ по какой причинѣ и для какихъ цѣлей
они произрастили кожу, волосы и *ногти* на поверхности
членовъ.

XXXIV.—Поелику же, по образованіи у смертнаго жи-
77— ваго существа всѣхъ членовъ, необходимый порядокъ вещей

здѣсь пуская корни, растутъ и дѣлаются волосами. Такимъ образомъ, волоса, по Платону, образуются изъ элементовъ той же самой мясной субстанціи, что и кожа, но дѣлаются болѣе твердыми и сухими отъ вліянія воздуха.

указывалъ ему вести жизнь въ огнѣ и воздухѣ, разрѣшающее и истощающее дѣйствіе которыхъ могло совсѣмъ погубить его, то боги и тутъ изобрѣли для него защиту. Именно, они произвели другую сродную съ человѣческимъ существомъ природу, составивши ее путемъ смѣси изъ иныхъ формъ и элементовъ, такъ что она представляетъ совсѣмъ иной родъ живыхъ существъ,—произвели деревья, кустарники и сѣмянныя *растенія*, которыя теперь отъ воздѣлыванія и воспитанія ставъ благородными, служатъ нашей пользѣ, но которыя первоначально были дики, какъ и вообще всѣ дикіе роды древнѣе облагороженныхъ. —B.
Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, все, что только надѣлено жизнію, по всей справедливости и въ строгомъ смыслѣ слова можетъ быть названо живымъ существомъ. А это значитъ, что и тотъ родъ (живыхъ существъ), о которомъ у насъ идетъ рѣчь, во всякомъ разѣ надѣленъ по крайней мѣрѣ тѣмъ третьимъ видомъ души, который, какъ было сказано, помѣщается (у насъ) между діафрагмой и пупомъ и въ которомъ вовсе не имѣютъ мѣста ни мнѣніе, ни соображеніе, ни разумъ, а только пріятныя и непріятныя ощущенія и пожеланія. Всѣ эти состоянія и растеніе постоянно переживаетъ, но такъ какъ оно, всецѣло замкнутое въ себѣ самомъ, никакого внѣшняго (выходящаго за предѣлы его существа) —C.
движенія не имѣетъ, а совершаетъ только свойственное ему (внутреннее движеніе—въ самомъ себѣ), то природа не дала ему способности ни усматривать того, что на него воздѣйствуетъ, ни подвергать его обсужденію [1]). Поэтому то оно

---

[1]) Итакъ, растенія по Платону суть живыя существа въ строгомъ смыслѣ, но они отличаются отъ всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ съ наружной стороны тѣмъ, что имъ присуще только внутреннее движеніе—въ себѣ, но совсѣмъ чуждо движеніе внѣшнее—отъ себя и для себя. Но съ этимъ наружнымъ различіемъ необходимо соединяется и внутреннее—субстанціальное: Не обладая внѣшнимъ движеніемъ, они не нуждаются и въ тѣхъ способностяхъ, которыя необходимы для регулированія этого движенія, и потому не только вовсе не имѣютъ

съ одной стороны живетъ и не есть что либо иное, чѣмъ живое существо, но съ другой оно стоитъ неподвижно, прикрѣпленное (къ одному мѣсту) своими корнями, лишенное способности двигаться само отъ себя.

XXXV.—Произведши же всѣ эти роды (растительнаго царства) въ пищу намъ немощнымъ, могущественные боги самое тѣло наше, въ виду этого,—раздѣлили каналами, вырѣзавъ ихъ въ немъ, какъ въ саду водопроводы, съ тѣмъ, чтобы оно могло быть орошаемо какъ бы отъ нѣкоего сверху стремящагося потока. И во первыхъ они провели каналы
D.— скрытые помежъ кожею и мясомъ,—*двѣ спинныя жилы* по той причинѣ, что и тѣло представляетъ двойственность, имѣя правую и лѣвую стороны [1]). Эти жилы они провели внизъ

безсмертной души, но и смертной имѣютъ только одну половину и притомъ низшую—такъ называемую женскую, которая способна только переживать пріятныя и непріятныя физическія состоянія, но которой вовсе недоступны ни мнѣніе, ни соображеніе, ни разумъ. Растенія по этой причинѣ не входятъ у Платона и въ область его метемпсихозы.

[1]) Изъ этихъ двухъ каналовъ параллельныхъ позвоночному столбу, названныхъ у Платона общимъ именемъ двухъ спинныхъ венъ, одинъ—меньшій лежащій влѣво есть артерія—*аорта*, несущая артеріальную кровь сердца къ конечностямъ тѣла, и другой бо́льшій,—идущій направо, есть *вена* т. е. каналъ, который обратно несетъ венозную кровь отъ конечностей тѣла къ сердцу чрезъ такъ называемую полую вену. Кровь, гонимая сжиманіемъ сердца, выходитъ изъ лѣваго желудочка его, поступаетъ въ аорту и чрезъ вѣтви этой начальственной артеріи разносится къ конечностямъ тѣла; потомъ чрезъ непримѣтные сосуды она переходитъ въ систему вѣнъ, собирается въ полую вену и принесенная къ правому желудочку сердца, входитъ сюда благодаря расширенію сердца. Въ тоже время вслѣдствіе сжиманія сердца эта венозная кровь поступаетъ въ легочную артерію, которая приводитъ ее отъ праваго желудочка къ легкимъ, гдѣ она соприкасается съ воздухомъ и очищается; благодаря расширенію сердца, она потомъ чрезъ легочныя вены возвращается въ лѣвый желудочекъ сердца, чтобъ оттуда уже идти по артеріямъ. Такова давно уже въ наукѣ утвердившаяся и нынѣ господствующая теорія кровообращенія, которая конечно не была извѣстна Платону, такъ какъ онъ очевидно не различаетъ ни двухъ противоположныхъ направленій въ циркуляціи крови, ни двухъ разныхъ видовъ крови, ни двухъ различныхъ видовъ сосудовъ, несущихъ ту и другую кровь. Ему не было еще извѣстно различіе между артеріями и венами; а между тѣмъ въ этомъ различіи и заключается вся тайна процесса кровообращенія.

вдоль позвоночнаго столба, взявши въ средину между ними плодотворный мозгъ съ тѣмъ, чтобъ и онъ самъ, получая какъ можно больше соковъ, процвѣталъ и чтобъ легко отсюда разливающійся притокъ къ остальнымъ частямъ, какъ къ лежащимъ на отлогости, доставлялъ и имъ равномѣрное
орошеніе [1]). Послѣ этого они раздѣлили жилы около головы —E.
на многія вѣтви, которымъ повелѣли (съ двухъ противоположныхъ сторонъ сойдясь и) скреститься другъ съ другомъ (потомъ снова) разойтись въ противоположныя стороны, именно тѣ изъ нихъ, которыя шли по правымъ частямъ тѣла, перевели на лѣвыя, а тѣ, которыя шли по лѣвымъ,—на правыя, и это съ одной стороны для того, чтобъ онѣ вмѣстѣ съ кожею служили связію между туловищемъ и головою, такъ какъ голова на макушкѣ не обвита вокругъ сухожильемъ, а съ другой для того, чтобъ впечатлѣнія чувствъ, расположенныхъ на двухъ сторонахъ (тѣла), могли равномѣрно распространяться по всему тѣлу [2]). Затѣмъ далѣе отсюда они
устроили канализацію нѣкіимъ особымъ способомъ, который —78
мы поймемъ легче, если напередъ примемъ (за истину) то положеніе, что все, состоящее изъ меньшихъ частицъ, способно задерживать (въ себѣ) то, это состоитъ изъ бóльшихъ,

---

[1]) Тутъ тоже физіологія и анатомія Платона страдаетъ неточностію. Нельзя безусловно сказать, что орошеніе нашего тѣла совершается только сверху внизъ, потому что такъ какъ центральный резервуаръ этого орошенія—сердце лежитъ не на самой высшей точкѣ тѣла, то и влагопроводныя трубы его и самыя влаги должны, по законамъ гидродинамики, сперва подниматься въ верхъ, и потомъ уже идти внизъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ.

[2]) Истина тутъ состоитъ въ томъ, что какъ артеріи, долженствующія разносить кровь по всему тѣлу, такъ и вены, долженствующія собирать кровь со всего тѣла, и именно двѣ главныя жилы того и другаго рода—аорта и полая вена, для этой цѣли развѣтвляются по всему тѣлу и во всѣхъ направленіяхъ, такъ что вѣтви той и другой во всѣхъ частяхъ тѣла встрѣчаются и пересѣкаются въ своихъ путяхъ. Но не вѣрно ни то, что эти кровеносныя жилы служатъ для укрѣпленія связи между головою и туловищемъ, такъ какъ для этой цѣли довольно и мускуловъ, связокъ, сухожилья, ни то, что онѣ служатъ равномѣрному распространенію ощущеній по всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ эту роль выполняютъ совсѣмъ иные сосудцы—нервы.

между тѣмъ какъ состоящее изъ бóльшихъ частицъ не въ состояніи задерживать состоящаго изъ меньшихъ, и что поэтому огонь, какъ состоящій изъ частицъ тончайшихъ, чѣмъ всѣ прочіе роды тѣлъ, способенъ прорываться сквозь воду, землю и воздухъ, какъ и чрезъ все, что только изъ нихъ состоитъ, такъ что ничто не въ состояніи задержать его. Если теперь эту аксіому приложимъ къ брюшной полости, то выйдетъ, что пища и питье, поступающія въ нее, могутъ въ ней удерживаться, но воздухъ (вдыхаемый) и огонь удерживаться
B.— не могутъ, такъ какъ состоятъ изъ частицъ болѣе тонкихъ, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ ея составъ (сложенъ). Этими-то именно (двумя элементами) и воспользовался Богъ для наполненія жилъ влагою (идущею) изъ брюшной полости, [1]) именно соткалъ изъ воздуха и огня сѣть, наподобіе верши, имѣющую у отверстія два внутреннихъ рукава, изъ коихъ одинъ опять сдѣлалъ двойнымъ, и затѣмъ отъ этихъ рукавовъ протянулъ кругомъ чрезъ всю сѣть какбы нѣкіе канаты. При этомъ всю внутренность сѣти онъ составилъ изъ огня, а рукава и ихъ полости изъ субстанціи воздухообразной. За-
C.— тѣмъ, взявши эту сѣть, слѣдующимъ образомъ обвилъ ею созданное имъ живое существо: отверстіе одного рукава онъ утвердилъ въ горлѣ, а такъ какъ онъ двойной, то одну часть его провелъ чрезъ дыхательную трубку внизъ въ легкія, а другую мимо духательной трубки-въ брюшную полость, другой же рукавъ тоже раздѣлилъ на двѣ части, которыя

---

[1]) По всѣмъ соображеніямъ, здѣсь рѣчь идетъ о влагѣ млечной пасоки, которая, по Платону (Тимэй р. 79), будучи увлекаема токомъ дыхательнаго процесса, переходитъ прямо изъ брюшной полости въ вены, гдѣ она превращается въ кровь. Но и это, конечно, не совсѣмъ вѣрно, потому что, какъ извѣстно, для этой влаги есть особые такъ называемые млечные сосуды, которые расположены вдоль кишечной системы и которые наполняясь млечной пасокой по мѣрѣ того, какъ она здѣсь выработывается, несутъ ее къ легкимъ, гдѣ собственно она и превращается въ кровь, благодаря соприкосновенію съ воздухомъ, а вовсе не въ венахъ непосредственно послѣ поступленія изъ брюшной полости, какъ думалъ Платонъ.

провелъ въ носовыя отверстія, и поставилъ (оба рукава) въ такую связь, чтобы, въ случаѣ засоренія рукава, лежащаго во рту (т. е. дыхательнаго горла), этотъ другой рукавъ могъ изъ себя наполнять (воздухомъ) всѣ каналы (и свои собственные и) даже каналы того рукава. Потомъ всею остальною частію сѣти онъ покрылъ всю полую внутренность нашего тѣла и сдѣлалъ такъ, что эта внутренняя —D. (огненная) часть ея попеременно то поднимается тихо къ рукавамъ, такъ какъ она состоитъ также и изъ воздуха, то опять отталкивается оттуда назадъ, а ткань сѣти, благодаря ноздреватости (окружающаго ее) тѣла, то погружается сквозь поры внутрь, то опять выходитъ наверхъ, при чемъ лучи внутренняго огня перемѣшиваясь съ воздухомъ, слѣдуютъ за нимъ въ его движеніи по тому и другому направленію,— и это безъ перерыва совершается до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ существовать смертное животное. Кто бы ни былъ —E. тотъ, кто (первый) придумалъ названіе для этого рода (процессовъ), но съ насъ довольно знать и то, что ему усвоено названіе *вдыханія* и *выдыханія* [1]). Весь же этотъ механизмъ

---

[1]) Это мѣсто, очень важное потому что служитъ исходнымъ пунктомъ для теоріи дыханія, неудобопонятно какъ по причинѣ страннаго уподобленія, выбраннаго Платономъ для уясненія функцій дыхательныхъ органовъ, такъ и потому что Платонъ здѣсь только вскользь говоритъ объ этихъ функціяхъ и уже ниже описываетъ процессъ дыханія и показываетъ секретъ его. Мартенъ опираясь на спеціальныя изслѣдованія (Галіена, Лонка, Гассенди) физіологическихъ теорій Платона, вотъ какъ изъясняетъ это мѣсто и представляетъ Платонову теорію дыханія. Греки, говоритъ онъ, именемъ верши κύρτος называли корзину изъ тростниковыхъ или ивовыхъ прутьевъ, которой форма была—усѣченный цилиндръ и внутри которой была еще другая точно такая же меньшая корзина, имѣвшая сверху одно съ нею отверстіе, а внизу оканчивавшаяся дырою на подобіе воронки. Рыба свободно проходила сквозь эту дыру и тогда попадала въ пространство между стѣнками обѣихъ корзинъ, но отсюда не могла уже выйти назадъ, потому что дыра была окружена сходящимися въ одну точку прутьями въ направленіи ко дну. Когда Платонъ говоритъ о внутренности своей верши, то разумѣетъ именно это свободное пространство между стѣнками двухъ корзинъ, потому что рыба находилась въ западнѣ лишь въ томъ случаѣ, если

и всѣ эти (совершаемые имъ) процессы даны нашему тѣлу для того, чтобъ получая (посредствомъ ихъ) орошеніе и освѣженіе, оно имѣло питаніе и жизнь: потому что когда воздухъ

опа пройдя сквозь внутреннюю корзину, сюда попадала. Итакъ, Платонъ полагаетъ, что верша же, только верша нѣсколько иного устройства именно съ двумя внутренними корзинами, вмѣсто одной, и изъ иного матеріала, именно изъ воздуха и огня, вмѣсто тростника, занимаетъ и покрываетъ полость нашего туловища. Это уподобленіе, какъ ему казалось, лучше всего способно объяснить входъ и выходъ духа и огня, т. е. воздуха и теплорода въ процессѣ дыханія. Изъ двухъ внутреннихъ корзинъ или сѣтей верши одна имѣетъ отверстіемъ своимъ ротъ и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна дыхательнымъ горломъ и вѣтвями его спускается въ полость груди и легкихъ (которыя, по Платону, совсѣмъ лишены крови), а другая—въ животъ параллельнымъ этому проходомъ т. е. пищепріемнымъ горломъ. Другая внутренняя корзина или сѣть имѣетъ отверстіями своими двѣ ноздри и сообщается съ первою посредствомъ глотки. Платонъ не говоритъ, что обѣ эти сѣти заканчиваются дырами на подобіе воронокъ; проходъ воздуха, по его выраженію, напротивъ совершается прямо сквозь самую ткань сѣтей. Стѣнки всей этой сѣти т. е. какъ ткани двухъ внутреннихъ рукавовъ, покрывающихъ внутри полость тѣла, такъ и ткани внѣшней сѣти, покрывающей поверхъ кожи туловище тѣла, состоитъ изъ воздуха, или, другими словами, слой воздуха, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ внутреннею и наружною поверхностію тѣла, образуетъ всѣ стѣнки этой сѣти. Поэтому, полости обоихъ внутреннихъ рукавовъ ея суть не что иные, какъ продолженіе внѣшняго воздуха, который ихъ наполняетъ, а внутренность сѣти или пространство, заключенное со всѣхъ сторонъ ея стѣнками, есть очевидно не что иное, какъ покрываемая ими компактная субстанція самаго тѣла. По всему этому пространству, т. е. чрезъ массу тѣла проведены какъ бы нѣкіе канаты, идущіе съ одной стороны къ стѣнкамъ внутреннихъ рукавовъ т. е. въ полость груди и живота, а съ другой—къ стѣнкамъ наружной сѣти т. е. къ поверхности кожи. Платонъ предупреждаетъ, что эти проволоки не изъ воздуха сдѣланы, какъ сама ткань сѣти, но суть переплетающіеся лучи огня, или другими словами, суть не что иное, какъ животная теплота, содержащаяся внутри тѣла, гдѣ проходятъ жилы и кровь. Но огонь, заключенный такимъ образомъ во внутренности сѣти т. е. въ мясной массѣ тѣла, естественно стремится уйти вонъ изъ тѣла въ сферу огня, имѣя для выхода два пути—одинъ сквозь тѣло до кожи и ткани наружной сѣти, другой—сквозь ткани внутреннихъ рукавовъ и потомъ чрезъ ротъ и ноздри. Если онъ направляется по послѣднему изъ этихъ путей, то онъ входитъ во внутренніе рукава сѣти т. е. въ полость живота и груди, смѣшивается здѣсь съ оказывающимся тутъ воздухомъ и согрѣвши его, самъ вмѣстѣ съ нимъ выходитъ чрезъ ротъ и носъ. Тогда, по не возможности пустоты и въ силу круговой передачи толчка—περίωσις, сама внѣшняя ткань сѣти т. е. холодный наружный воздухъ проникаетъ сквозь тѣло, которое не настолько плотно, чтобъ не пропустить

(какъ сказано) входитъ внутрь (тѣла) и выходитъ вонъ, то и соединенный съ нимъ внутренній огонь слѣдуетъ за нимъ, и этотъ огонь проходя сквозь брюшную полость и распространяясь здѣсь, охватываетъ своею (раздѣляющею) силою—79
пищу и питье, расплавляетъ ихъ, разлагаетъ на мелкія частицы, и затѣмъ ведя ихъ тѣми же проходами, которыми самъ двигается, приноситъ наконецъ къ жиламъ, какъ будто отъ источника къ каналамъ и дѣлаетъ то, что потоки жилъ струятся сквозь тѣло, какъ ручьи сквозь ущелья.

XXXVI.—Посмотримъ однако еще поближе на явленіе дыханія и на то, какія причины участвуютъ въ его процессѣ, какъ онъ совершается (у насъ) теперь. Вотъ какимъ образомъ (онъ совершается). Такъ какъ нѣтъ нигдѣ никакой пустоты, въ —B.
которую могло бы входить какое либо изъ тѣлъ, приводимыхъ въ движеніе, а между тѣмъ воздухъ, выдыхаемый нами,

---

его, въ тѣ мѣста, откуда только-что улетучился сквозь ротъ или ноздри согрѣвшійся воздухъ. Но отъ соприкосновенія съ плотью и кровью тѣла и, значитъ, съ внутреннимъ животнымъ огнемъ, онъ сейчасъ же согрѣвается, между тѣмъ какъ теплый воздухъ, выпущенный ртомъ и ноздрями, охлаждается. Тогда согрѣвшись онъ опять удаляется вонъ, но уже другимъ путемъ, именно сквозь мясную массу и поры кожи; вышедши же вонъ, онъ тотчасъ заставляетъ наружный холодный воздухъ входить чрезъ ротъ и ноздри въ полость груди, живота и наконецъ въ легкія, гдѣ, какъ мы видѣли, по Платону, воздухъ вращается одновременно съ кровью и освѣжаетъ тѣло. Послѣ этого воздухъ, вышедшій сквозь поры, въ свою очередь охлаждается, между тѣмъ какъ воздухъ, вошедшій чрезъ ротъ и ноздри согрѣвается и согрѣвшись, удаляется вонъ обратнымъ путемъ, и такъ далѣе—непрерывно, пока есть въ тѣлѣ жизнь. Но этотъ процессъ имѣетъ еще и другое химико-физіологическое значеніе: именно, воздухъ, вошедшій сквозь массу тѣла, согрѣваясь самъ, вмѣстѣ съ тѣмъ силою огня разлагаетъ находящіяся здѣсь пищевыя вещества, а когда удаляется назадъ, то на своемъ обратномъ пути эти вещества уже въ растворенномъ и утонченномъ видѣ вводитъ въ жилы и во всѣ каналы, предназначенные орошать и питать тѣло. Въ этой теоріи Платона очевидно смѣшаны въ одинъ два различные и совершенно другъ отъ друга независимые процесса—процессъ дыханія въ строгомъ смыслѣ т. е. вдыханіе и выдыханіе воздуха легкими сквозь ротъ и ноздри, имѣющее громадное физіологическое значеніе для внутренней экономіи всего организма, и процессъ освѣженія собственно только наружной поверхности тѣла воздухомъ, входящимъ и выходящимъ сквозь поры кожи,—процессъ, который съ процессомъ дыханія не имѣетъ никакой прямой и непосредственной связи.

идетъ вонъ, то для всякаго очевидно, что онъ не въ пустоту какую либо удаляется, но непремѣнно сталкиваетъ съ мѣста близь лежащій (воздухъ). Этотъ послѣдній получивъ толчекъ, въ свою очередь гонитъ съ мѣста сосѣдній съ нимъ воздухъ и такъ далѣе, и такимъ образомъ въ силу этой необходимости весь близлежащій воздухъ, приведенный кругомъ въ движеніе, устремляется въ то мѣсто, откуда вышло дыханіе и занимаетъ (оставленное имъ) мѣсто, и такъ постоянно слѣдуетъ за дыханіемъ; словомъ, это непрерывное движеніе (воздуха) похожее на вращающееся колесо имѣетъ мѣсто (въ нашемъ организмѣ) по той при-
C.— чинѣ, что (въ природѣ) нигдѣ нѣтъ пустоты. Вотъ почему грудь и легкія каждый разъ, послѣ того какъ выдыхаютъ воздухъ наружу, снова наполняются воздухомъ, который окружаетъ наше тѣло и который бывъ приведенъ въ круговое движеніе (отъ толчка, даннаго выпущеннымъ воздухомъ) вторгается внутрь сквозь скважистое тѣло. Когда же потомъ этотъ воздухъ возвращаясь (своимъ путемъ) назадъ, выходитъ вонъ сквозь тѣло, то опять приводитъ въ круговое движеніе (внѣшній) воздухъ и заставляетъ насъ вдыхать этотъ воздухъ чрезъ отверстіе рта и носа. Что же касается главной причины, обусловливающей эти дви-
D.— женія (вдыханія и выдыханія), то вотъ она. У всякаго живаго существа тѣ внутреннія части, подлѣ которыхъ проходятъ жилы и кровь, содержатъ самое бóльшее количество теплоты и представляютъ какъ-бы источникъ присущаго ему огня. Это и есть то самое, что мы уподобили рыбачьей сѣти замѣтивъ, что вся внутренность этой сѣти (то есть, пространство, заключенное со всѣхъ сторонъ ея тканями) соткана изъ огня, а всѣ наружныя части ея (т. е. внутренняя полость и наружный покровъ ея)—изъ воздуха. Но легко понять, что эта (внутренняя) теплота стремится, по природѣ вещей (р. 58 A. B.) выйти вонъ къ тому мѣсту, которое ей свойственно и гдѣ находится однородная съ нею (главная) масса (огня). Поелику-же есть два выхода нару-

жу—одинъ сквозь тѣлесную массу, другой чрезъ ротъ и —E.
носъ, то когда теплота устремляется къ выходу съ одной стороны, она въ тоже самое время гонитъ воздухъ къ другому входу, и тогда этотъ вновь вторгающійся съ противоположной стороны воздухъ попадая въ огонь согрѣвается, между тѣмъ какъ воздухъ выходящій вонъ охлаждается. Когда-же, послѣ такого перемѣщенія теплоты, вторгшійся воздухъ станетъ болѣе теплымъ, то онъ уже этимъ другимъ выходомъ устремляется къ однородной съ нимъ массѣ и опять (путемъ того-же круговаго толчка) гонитъ воздухъ къ входу, лежащему на противоположной сторонѣ. Итакъ, воздухъ, то уступающій толчку, то дѣлающій толчекъ и благодаря той и другой способности своей постоянно движущійся отъ одной стороны въ другую и въ своемъ движеніи представляющій (непрерывающійся) кругъ,— вотъ что обусловливаетъ процессъ дыханія.

XXXVII.—Въ этомъ-же самомъ законѣ (круговой передачи толчка—περίωσις) лежатъ несомнѣнно и причины та- —80
кихъ явленій какъ напримѣръ кровососныя банки, глотаніе, движеніе брошенныхъ тѣлъ и или летящихъ вверхъ—на воздухъ или катящихся по землѣ, а также быстрые и медленные звуки, которые кажутся намъ высокими и низкими и которые то даютъ диссонансы по причинѣ несогласія вызываемыхъ ими въ насъ (въ слуховыхъ органахъ) движеній, то даютъ гармонію вслѣдствіе согласія этихъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, движенія болѣе быстрыхъ (высокихъ) звуковъ доходя (до нашего слуха) первыми, постепенно ослабѣваютъ и такимъ образомъ становятся сходными съ движеніями звуковъ болѣе медленныхъ (низкихъ) въ тотъ мо- —B.
ментъ, когда эти послѣдніе, достигшіе (къ намъ) позже, настигаютъ ихъ и присоединяютъ къ нимъ свои движенія. По этой-то причинѣ они не привносятъ собою какой либо безладицы, такъ какъ и движеніе, принесенное ими не есть (въ сравненіи съ движеніемъ отъ быстрыхъ звуковъ) со-

всѣмъ иное (не совпадающее съ тѣмъ движеніемъ). Напро-
тивъ, такъ какъ тутъ начало болѣе медленнаго движенія
сливается съ подобнымъ ему окончаніемъ движенія, быв-
шаго въ началѣ болѣе быстрымъ, то это вызываетъ (въ
насъ) одно общее ощущеніе, представляющее впрочемъ
смѣсь ощущенія высокаго (тона) съ ощущеніемъ низкаго
(тона) [1]),—ощущеніе, которое конечно глупцамъ доставляетъ
простую забаву, но людямъ мудрымъ даетъ истинное на-
слажденіе отъ сознанія сходства, оказывающагося между
движеніями (музыкальными, т. е. игрою) смертныхъ и бо-
C.— жественною гармоніей (міровыхъ движеній). Тоже самое
имѣетъ силу и въ приложеніи къ такимъ явленіемъ какъ
напримѣръ всякія теченія водъ, ниспаденіе молній, или воз-
буждающая удивленіе притягательная сила янтарей и Гер-
кулесовыхъ камней [2]), потому что на самомъ дѣлѣ ни въ

---

[1]) Это толкованіе извѣстнаго психологическаго факта—слитности ощущенія, даваемаго такъ называемымъ аккордомъ, конечно есть ошибочное. Быстрый и медленный или высокій и низкій звуки, исходящіе одновременно изъ двухъ струнъ одного и тогоже инструмента, на самомъ дѣлѣ не въ разное а въ одно и тоже время достигаютъ до нашего уха; впечатлѣнія отъ нихъ конечно постепенно ослабѣваютъ, теряютъ свою интенсивность, но каждый изъ звуковъ, пока онъ продолжается и слышится, остается однимъ и тѣмъ же и ощущеніе ихъ обоихъ будучи одновременнымъ, даетъ намъ знать о различіи или двойственности ихъ только по качеству, а не по времени, въ которое они достигаютъ до слуха. Если два или три, четыре звука даютъ одинъ гармоническій аккордъ, то это вовсе не потому, что звукъ болѣе быстрый успѣваетъ ослабѣть, пока достигнетъ до слуха звукъ болѣе медленный, вслѣдствіе чего будто бы оба они даютъ одно—родное ощущеніе, слившееся изъ двухъ разновременныхъ ощущеній, а потому, что отношенія между числами вибрацій этихъ звуковъ въ данное время представляетъ столь простую дробь, что весьма легко воспринимаются нами, интегрируясь въ одномъ общемъ слитномъ ощущеніи.

[2]) Не подлежитъ сомнѣнію, что именемъ „Геркулесовыхъ камней“ Платонъ называетъ то, что мы называемъ именемъ магнита. Въ своемъ Іонѣ (p. 533) описывая чудное свойство магнита не только притягивать желѣзныя вещи, но и передавать силу притяженія самимъ этимъ вещамъ, онъ говоритъ, что Еврипидъ называетъ этотъ камень магнитомъ, между тѣмъ какъ большинство именуетъ его Геркулесовымъ: Ταύτην τὴν λίθον Εὐριπίδης μὲν Μαγνῆτιν ὠνόμασεν οἱ δὲ πολλοὶ Ἡρακλείαν.

одной изъ этихъ вещей нѣтъ никакой притягательной силы, но вся суть здѣсь съ одной стороны въ томъ, что въ природѣ нигдѣ нѣтъ пустоты и что поэтому тѣла, толкая другъ друга, необходимо приходятъ въ круговое движеніе, а съ другой въ томъ, что одни изъ тѣлъ вслѣдствіе раздѣленія, другія-же вслѣдствіе соединенія перемѣнивши свое мѣсто, опять потомъ стремятся занять его, такъ что для того, кто захотѣлъ-бы изслѣдовать эти явленія какъ должно, все чудо тутъ оказывается лишь въ этихъ, сплетенныхъ между собою, взаимодѣйствіяхъ (вещей) [1]).

---

[1]) Платонъ изъяснивши изъ этихъ двухъ основныхъ принциповъ своей физики такія болѣе крупныя явленія, какъ первоначальное распредѣленіе массъ, продолжающееся и нынѣ перемѣщеніе частей ихъ, соединеніе и сплоченіе однихъ, разрѣшеніе другихъ, а потомъ такіе важные физіологическіе процессы, какъ дыханіе, кровообращеніе, не счелъ нужнымъ самъ изъяснять явленія, поставленныя имъ на видъ въ этой главѣ. Древнѣйшій и лучшій изъ комментаторовъ Тимэя Плутархъ вотъ какъ изъясняетъ каждое изъ этихъ явленій. 1) Когда приставлены *банки* къ тѣлу, тогда согрѣтый воздухъ, выходящій изъ тѣла, сжимаетъ воздухъ содержащійся подъ банкой и тогда этотъ послѣдній въ свою очередь тѣмъ сильнѣе надавливаетъ поверхность тѣла, и так. об. выжимаетъ изъ него кровь. 2) Во время *глотанія* воздухъ, находящійся въ пищепріемникѣ, отъ давленія пищеваго комка устремляется вверхъ и занявши позади его оставленное имъ мѣсто, толкаетъ его внизъ 3). *Брошенное тѣло* разсѣкаетъ передъ собою воздухъ, который занимаетъ въ тотъ же моментъ оставленныя имъ точки пространства и тѣмъ самымъ толкаетъ его сзади 4). *Ниспаденіе молніи* на землю имѣетъ мѣсто по той причинѣ, что огонь, изъ котораго состоитъ молнія, насильно столкнутый внизъ толчкомъ облаковъ, подобно всѣмъ движущимся тѣламъ, разсѣкаетъ на пути своемъ воздухъ, который занимая оставленное имъ мѣсто, толкаетъ его далѣе внизъ и т. об. не дозволяетъ ему возвратиться назадъ вверхъ—въ свою родную сферу. 5) Эта самая причина играетъ большую роль и въ *движеніяхъ водъ*, именно воздухъ постоянно старается занять мѣсто, оставляемое каждою водною струею идущею изъ источника, и этимъ гонитъ потокъ все впередъ и впередъ, и наоборотъ когда вѣтеръ дѣлаетъ борозду на поверхности воды, то поднимается волна, сейчасъ же замѣщающая пустоту, образовавшуюся въ массѣ воздуха. 6) *Янтарь притягиваетъ* тѣла вотъ какимъ образомъ. Этотъ минералъ содержитъ въ себѣ частицы самаго тонкаго воздуха или огня, который при открытіи его поръ отъ тренія выходитъ вонъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы нѣкій потокъ, который конечно толкаетъ окружающій воздухъ; но послѣдній отталкиваетъ назадъ этотъ потокъ и заставляетъ его возвратиться

XXXVIII.—Да и дыханіе, которымъ у насъ началась
D.— рѣчь, совершается точно такимъ-же образомъ и дѣйствіемъ этихъ самыхъ причинъ, какъ выше было показано: огонь раздѣливши пищу, поднимается вовнутрь тѣла, слѣдуя направленію дыханія, и на этомъ пути своемъ наполняетъ жилы, черпая для этого изъ брюшной полости имъ-же разложенныя здѣсь (вещества); вотъ какимъ образомъ у всѣхъ живыхъ существъ по цѣлому тѣлу наполняются каналы,
E.— доставляющіе ему питаніе. При этомъ пищевыя вещества сродныя нашей природѣ, изъ плодовъ-ли взятыя или изъ травъ, произращенныхъ Богомъ съ цѣлію доставить намъ пищу, послѣ раздѣленія (огнемъ), хотя представляютъ въ себѣ соединеніе многихъ цвѣтовъ, по той причинѣ что и сами они представляютъ изъ себя смѣсь (разныхъ элементовъ), но все таки преобладаетъ въ нихъ цвѣтъ красный, образуемый разрѣшающимъ дѣйствіемъ огня, который при этомъ и самъ отображается въ жидкости (образующейся силою его). Вотъ почему цвѣтъ этой протекающей по тѣлу жидкости имѣетъ такой видъ, какъ было показано нами (выше)[1]. Эту жидкость мы называемъ *кровію*, которая дос-

---

къ своему источнику, при чемъ онъ захватываетъ и увлекаетъ за собою и близлежащія маленькія, легковѣсныя тѣла. 7) Что касается наконецъ *магнита*, то у этого минерала поры вездѣ открыты; чрезъ нихъ постоянно и входитъ и выходитъ изъ него воздухъ и такъ какъ этотъ воздухъ обладаетъ особенною плотностію, то на обратномъ пути своемъ увлекаетъ за собою и сближаетъ съ своимъ источникомъ желѣзо—одно желѣзо потому что оно и не столь неплотно, какъ дерево и не столь плотно, какъ золото или камни, но при всей плотности своей имѣетъ и поры, такъ что воздухъ ни отражается отъ него назадъ, скользя лишь по его поверхности, ни проходитъ чрезъ него насквозь.

[1]) Возвращаясь еще разъ къ процессу дыханія, Платонъ здѣсь поставляетъ на видъ послѣднюю и самую важную услугу этого процесса—выработываніе крови. Что касается краснаго цвѣта крови, то объясненіе этого цвѣта мы встрѣчали уже выше въ теоріи цвѣтовъ. Этотъ цвѣтъ имѣетъ только кровь потому, какъ думаетъ Платонъ, что въ ней пищевыя вещества отъ дѣйствія огня потеряли совсѣмъ свою первоначальную природу и приняли природу и цвѣтъ огня, между тѣмъ какъ другія влаги, въ меньшей мѣрѣ подвергшіяся дѣйствію огня, сохраняютъ болѣе или менѣе цвѣта тѣхъ пищевыхъ веществъ, изъ которыхъ онѣ образуются.

тавляетъ питаніе мясу да и всему тѣлу и изъ которой черп-
лютъ и наполняются всѣ части тѣла въ тотъ самый мо-
ментъ, какъ та или другая изъ нихъ истощается. Самый —81
же процессъ этого наполненія и опоражниванія (частей
тѣла) происходитъ точно такимъ-же образомъ, какъ про-
исходитъ во вселенной то движеніе всѣхъ вещей, въ силу
котораго все стремится къ тому, что есть сродное съ нимъ.
Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ окружающія насъ совнѣ
(стихіи) непрестанно разрѣшаютъ наше тѣло и извлекаемыя
изъ него частицы уносятъ каждую къ сродной съ ней мас-
сѣ,—въ то самое время вынуждаются подражать этому
круговращенію во вселенной и кровяныя вещества, разрѣ-
шенныя на мелкія частицы внутри насъ и объемлемыя тѣ-
ломъ каждаго живаго существа будто распростертымъ надъ
ними сводомъ небеснымъ, такъ что какъ только какой либо
изъ этихъ находящихся внутри насъ (веществъ) бывъ раз- —B.
рѣшено уносится (изъ тѣла) къ сродной массѣ, въ тотъ
самый моментъ опустѣлое мѣсто его опять наполняется.
Само собою разумѣется, что когда (въ этомъ процессѣ) ко-
личество выдѣляемыхъ (элементовъ) превышаетъ количество
поступающихъ на ихъ мѣсто, тогда чахнетъ всякое (живое
существо), а когда напротивъ уходитъ (элементовъ) меньше,
нежели сколько получается взамѣнъ, тогда раздобрѣваетъ.
Кромѣ того, пока структура живаго существа еще совсѣмъ
нова и, значитъ, пока входящіе въ составъ ея треугольники
родовъ (тѣлъ—огня и земли, воды и воздуха) новы какъ
съ иголочки,—она содержитъ эти треугольники въ прочной
связи между собою, и хотя вся масса тѣла имѣетъ (въ это
время) еще мягкій составъ по той причинѣ, что она не такъ
давно еще образована изъ мозга и взрощена молокомъ, но
за то привходящіе въ нее отвнѣ и воспринимаемые ею —C.
треугольники, изъ коихъ состоитъ пища и питье, будучи
старѣе и (вмѣстѣ съ тѣмъ) слабѣе ея собственныхъ, легко
осиливаются и раздѣляются ея свѣжими еще треугольниками;
вотъ тогда то живое существо увеличивается въ объемѣ,

такъ какъ оно усвояетъ себѣ въ пищѣ большое количество подобныхъ (своимъ собственнымъ треугольниковъ). Когда же связь этихъ треугольниковъ ослабѣваетъ вслѣдствіе того, что (тѣлу) пришлось въ теченіе долгаго времени выдерживать постоянную борьбу съ множествомъ (треугольни-
D.— ковъ внѣшнихъ), тогда они не въ состояніи уже бываютъ разлагать входящихъ отвнѣ треугольниковъ питанія и ассимилировать ихъ себѣ, а напротивъ сами этими привходящими (отвнѣ треугольниками) легко разрываются. Тутъ уже всякое живое существо изнемогаетъ (въ этой борьбѣ), хилѣетъ, и это состояніе извѣстно подъ именемъ старости. Наконецъ, когда теряютъ способность всякаго сопротивленія (внѣшнимъ треугольникамъ) даже связи, соединяющія воедино треугольники мозга, бывъ расшатаны отъ той-же борьбы, тогда отъ нихъ отрываются также и узы души, и душа бывъ освобождена (отъ тѣла) такимъ естественнымъ образомъ, конечно, улетаетъ съ радостію, потому что сколь-
E.— ко тягостно все то, что совершается вопреки природѣ, сколько-же пріятно все то, что происходитъ такъ, какъ опредѣлено природѣ. По этому, и смерть, если она приходитъ отъ болѣзней и ранъ, какъ насильственная, есть конечно вмѣстѣ и мучительная; но если она вмѣстѣ съ старостію приближаясь наступаетъ какъ естественный конецъ старости, то такая смерть есть изъ всѣхъ смертей самая безболѣзненная и сопровождается скорѣе радостію, чѣмъ печалію.

XXXIX.—Что касается теперь того, откуда происте-
82— каютъ болѣзни, то это, полагаю, всякому извѣстно. Именно, поелику есть четыре рода (субстанцій), изъ которыхъ составлено наше тѣло—земля, огонь, вода и воздухъ: то,—воспослѣдуетъ ли неестественное накопленіе этихъ субстанцій, или истощеніе, или даже только перемѣщеніе съ мѣста свойственнаго (каждой изъ нихъ) на не свойственное—чужое, случится-ли огню или какой либо изъ остальныхъ субстанцій,—такъ какъ каждая изъ нихъ подвержена

многимъ измѣненіямъ,—воспринять въ себя то, что ей не свойственно,—всѣ эти и подобныя случайности производятъ разстройства и болѣзни, потому что когда каждая изъ этихъ субстанцій измѣнившись становится тѣмъ, чѣмъ не есть по своей природѣ, тогда тѣ части, которыя прежде
были прохладными, становятся горячими, а тѣ, что были —B.
сухими, становятся влажными, или тяжелыми тѣ, что прежде были легкими, словомъ все и всяческія терпитъ измѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, вообще говоря, только тогда тѣло можетъ быть здоровымъ и безболѣзненнымъ, когда въ немъ только подобныя субстанціи соединяются съ подобными, соединяются притомъ всегда сообразно съ своими свойствами, всегда одинаковымъ и пропорціональнымъ, образомъ, а равно и отдѣляются другъ отъ друга такимъ-же образомъ. Напротивъ, когда какая либо изъ субстанцій, вступая-ли въ соединеніе (съ другими) или отдѣляясь (отъ нихъ), отступаетъ отъ этихъ (условій), тогда она производитъ всякаго рода пертурбаціи, неисчислимыя болѣзни и поврежденія. Поелику же (кромѣ четырехъ первичныхъ соединеній изъ огня, земли, воздуха и воды) есть еще второстепенныя соединенія (въ организмѣ
тѣла), которыя представляютъ такую-же законосообразность; —C.
то отсюда проистекаютъ другаго рода болѣзни, которыя напрашиваются вниманію любопытствующаго. Именно, такъ какъ изъ тѣхъ соединеній (первычныхъ) образованы мозгъ, кости, мясо и мышцы, да и кровь изъ нихъ произошла, хотя и инымъ образомъ, то большая часть болѣзней проистекаетъ такимъ образомъ, какъ выше (показано) [1]), но

[1]) По ученію Платона, тѣло наше состоитъ прежде всего изъ первичныхъ комбинацій четырехъ тѣлъ земли, воды, воздуха и огня,—комбинацій, сложенныхъ изъ двухъ хорошо извѣстныхъ намъ треугольниковъ. Причиною большей части болѣзней, хотя не столь серьезныхъ, бываютъ случаи нарушенія правильности комбинацій этихъ четырехъ элементовъ, какъ то: несоразмѣрность въ ихъ количествѣ—преобладаніе одного изъ нихъ насчетъ другаго и наоборотъ, неправильность при перемѣщеніи одного на мѣсто другаго, неправильность нако-

самыя тяжкія и опасныя болѣзни возникаютъ вотъ какимъ образомъ: когда образованіе этихъ (частей тѣла, представляющихъ уже вторичныя комбинаціи) совершается въ противоположномъ (закономѣрному) порядкѣ, тогда онѣ подвергаются коренному разстройству. Въ самомъ дѣлѣ, при естественномъ теченіи вещей, мякоть и мышцы образуются изъ
D.— крови, мышцы изъ волоконъ [1]) (крови, или такъ называемой фибрины) вслѣдствіе своего сродства, а мякоть изъ той крови, которая сгущается отдѣляясь отъ волоконъ (то есть, отъ фибрины), между тѣмъ какъ клейкое и жирное (вещество), отдѣляющееся потомъ отъ мышцъ и мякоти, съ одной стороны склеиваетъ мякость съ костями, а съ другой питаетъ и роститъ костяные покровы мозга; наконецъ, нѣкое, изъ самаго чистаго, самаго гладкаго и самаго блестящаго (отъ жира) рода треугольниковъ состоящее вещество просачиваясь сквозь плотныя костяныя стѣнки, течетъ каплями изъ костей и орошаетъ мозгъ [2]). Итакъ, когда каждая изъ

нецъ въ разныхъ измѣненіяхъ, которымъ каждый изъ нихъ подвергается. Но въ составъ разныхъ частей тѣла кромѣ этихъ чистыхъ первичныхъ комбинацій входятъ и разныя комбинаціи тѣхъ же элементовъ второстепенныя—смѣшенныя. Какія это и изъ какихъ комбинацій состоящія части,—это Платонъ показываетъ далѣе. Въ неправильности этихъ-то комбинацій, въ ненормальномъ порядкѣ образованія этихъ частей или элементовъ тѣла одного изъ другаго лежитъ, по его мнѣнію, источникъ болѣзней самыхъ тяжкихъ и самыхъ опасныхъ.

[1]) Платонъ говоритъ здѣсь не о тѣхъ волокнахъ, которыя соединяясь въ мышцы образуютъ мясо, но о тѣхъ волокнахъ крови, которыя составляютъ самую плотную часть ея и изъ которыхъ, по его мнѣнію, путемъ соединенія образуются мышцы, сухожилье и связки, между тѣмъ какъ плоть или мякоть образуется изъ той прозрачной, но способной сгущаться, кровяной влаги, которая остается по отдѣленіи отъ нея волоконъ и которую онъ называетъ словомъ ἰχώρ. Такимъ образомъ изъ трехъ составныхъ элементовъ крови Платонъ хорошо зналъ только фибрину и отчасти жидкую водянистую пасоку (serum), но о кровяныхъ шарикахъ, кажется, не имѣлъ еще ни какого понятія.

[2]) Въ дѣйствительности мясо связываютъ съ костями связки, сухожилья и сухожильныя оболочки. Что же касается той влаги, которая идя со всѣхъ частей тѣла и просачиваясь чрезъ мышцы, связки и кости, питаетъ и раститъ кости, орошаетъ мозгъ и еще крѣпче склеиваетъ мясо съ костями, то подъ нею

этихъ субстанцій образуется какъ разъ такъ (какъ сейчасъ —E. показано), тогда тѣло по большей части обладаетъ здоровьемъ, болѣзни-же постигаютъ его тогда, когда все это идетъ навыворотъ. Такъ напримѣръ когда мякоть разрѣшаясь испускаетъ изъ себя жижу обратно въ вены, тогда вмѣстѣ съ дыханіемъ приливаетъ въ изобиліи въ эти сосуды и кровь, въ которой тогда оказывается и множество различныхъ цвѣтовъ и смѣсь всякихъ потенцій—горькихъ, кислыхъ, соленыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желчь и пасока и всевозможныя мокроты. Всѣ эти влаги, ненормально выработанныя и испорченныя, мало того что не доставляютъ отъ себя тѣлу никакого питанія, но въ добавокъ къ тому еще,—прежде всего,—растлѣваютъ кровь, потомъ начинаютъ вращаться въ венахъ по всѣмъ направленіямъ, во- —83 все не держась уже опредѣленнаго природой порядка циркуляціи и тутъ, вмѣсто того чтобъ ассимилировать другъ-друга, вступаютъ въ борьбу между собою, а въ концѣ концевъ вступаютъ въ борьбу даже съ тѣми субстанціями тѣла, которыя имѣютъ болѣе твердый составъ и не подвержены передвиженію (своихъ элементовъ), причиняя и имъ поврежденія. И когда такимъ поврежденіямъ подвергаются субстанціи, которыя по причинѣ своей ветхости оказываются неудоборастворимими, то онѣ съ одной стороны чернѣютъ отъ долгаго горѣнія, а съ другой становятся горькими, бывъ совсѣмъ пережжены огнемъ, и тогда вредоностно дѣйствуютъ и на всѣ остальныя части тѣла, которыя —B. еще не повреждены. Въ подобныхъ случаяхъ эти субстанціи иногда при черномъ цвѣтѣ принимаютъ вмѣсто горькаго кислый вкусъ,—это тогда, когда горькія частицы бываютъ

Платонъ разумѣетъ съ одной стороны вообще тѣлесный сокъ, а съ другой, какъ кажется, въ особенности сокъ, собирающійся около костей и образующій здѣсь такъ называемую надкостную плеву, которая, по его мнѣнію, выдѣляетъ изъ себя сокъ, питающій кости и чрезъ кости орошающій мозгъ.

значительно меньше (чѣмъ кислыя)[1]) а иногда при горькомъ вкусѣ (вмѣсто черпаго) принимаютъ или красноватый цвѣтъ, когда смѣшиваются съ кровью, или травянистый, когда (къ этому красному) примѣшивается еще и черный цвѣтъ [2]); съ горькимъ вкусомъ ихъ можетъ соединяться также и желтый цвѣтъ,—это тогда, когда къ нимъ присоединяется субстанція нѣжной мякоти, послѣ того какъ она расплавлена огнемъ воспаленія [3]) Для всѣхъ этихъ влагъ служитъ
C.— одно общее названіе—желчи, данное имъ кѣмъ нибудь изъ врачей, или такимъ вообще человѣкомъ, который обладалъ способностію, наблюдая многія и несходственные вещи, видѣть присущій всѣмъ имъ одинъ характеръ, дающій имъ право на (одно общее) наименованіе. Впрочемъ и (частные) виды желчи имѣютъ свои названія,—каждый сообразно своему цвѣту. Такъ, пасока крови (вѣрнѣе пасока, изъ которой образуется кровь) на вкусъ пріятна, но влага, которая идетъ изъ черной и кислой желчи, бываетъ непріятно—ѣдка, когда отъ дѣйствія теплоты получаетъ соленый вкусъ; это

---

[1]) Такъ, по мнѣнію Платона, образуется черная желчь, какъ горькая такъ и кислая,—изъ испортившейся крови и растворившейся отъ воспаленія плотяной мякоти.

[2]) Желчь горькая же, но не настолько еще поврежденная, какъ черная, смѣшиваясь съ чистою неиспорченною кровью, получаетъ цвѣтъ красноватый, но если съ кровью смѣшивается желчь сперва обыкновенная—желтая, а потомъ черная, то отъ примѣси чернаго цвѣта получаетъ цвѣтъ зеленый, который, какъ мы видѣли вообще по мнѣнію Платона, представляетъ смѣсь рыжаго и чернаго.

[3]) Желтый цвѣтъ—это обыкновенный цвѣтъ желчи—влаги, выдѣляемой печенью, которая поступая въ двенадцати перетную кишку служитъ процессу пищеваренія. Когда желчь наполняется въ излишкѣ, то разливается по всему тѣлу и вотъ собственно когда она принимаетъ различные цвѣта, смѣшиваясь съ разными другими влагами и повреждаясь отъ разныхъ болѣзней. Между тѣмъ по Платону не только эта натуральная желчь, но и такъ названная имъ бѣлая мокрота или лимфа образуется все путемъ того же ненормальнаго процесса разложенія нѣжной, молодой мякоти. Вообще же Платонъ какъ не зналъ истиннаго значенія органа, выдѣляющаго желчь,—печени въ общей экономіи цѣлаго организма, такъ не зналъ еще надлежаще ни способовъ образованія желчи, ни способовъ преобразованія ея въ другія влаги.

и есть то, что извѣстно подъ именемъ ѣдко-кислой слизи. Потомъ, что касается влаги, которая образуется вслѣдствіе разрѣшенія молодой и нѣжной мясной мякоти при участіи воздуха, который вторгшись сюда и охваченный со всѣхъ —D. сторонъ влагой дѣлаетъ то, что вслѣдъ затѣмъ образуются пузырьки, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не замѣтенъ по причинѣ своей малости, но которые всѣ въ совокупности представляютъ массу вполнѣ замѣтную и въ образующейся изъ нихъ слювѣ даютъ видѣть свой бѣлый цвѣтъ, то вся эта влага, происходящая изъ свѣже-образующейся мякоти въ соединеніи съ (проникающимъ въ нее) воздухомъ, есть то, что мы называемъ бѣлой мокротой. Изъ влагъ же постоянно образующихся (и еще не испорченныхъ) истекаютъ разныя (второстепенныя) мокроты, какъ то—потъ, слезы и другія подобнаго рода, которыя ежедневно истекая —E. очищаютъ тѣло. Всѣ эти влаги точно также становятся причиною болѣзней, когда кровь поддерживаетъ свою полноту не изъ ѣды и питья, какъ того требуетъ природа, а восполняетъ свою убыль изъ совсѣмъ иного какого либо (внутренняго) источника и при томъ противно законамъ природы. Впрочемъ, пока отдѣльныя части плотяной мякоти, терзаемыя подобными болѣзнями, сохраняютъ еще невредимыми свои общія основы, то тутъ еще только половина бѣды, потому что онѣ легко могутъ еще вознаградить свои потери. Но когда поражается болѣзнію даже та влага, которая соединяетъ мясо съ костями, и кровь, выдѣляемая волокнами [1]) и мышцами, не служитъ уже болѣе ни пищею —84

[1]) Здѣсь именемъ волоконъ ἶνες Платонъ называетъ уже не волокна крови, какъ выше, но волокна мяса, тѣ самыя, которыя по соединеніи въ плотныя массы образуютъ мышечную систему. Но ни эти мышечныя волокна, ни сухожилья и связки не выдѣляютъ изъ себя крови. Поэтому, кровью здѣсь, какъ кажется, Платонъ называетъ ту блестящую клейкую влагу, о которой выше была рѣчь и которая, по его мнѣнію, служитъ склейкою между костями и мясомъ, образуя изъ себя надкостную плеву. Платонъ полагаетъ, что въ чахоткѣ, послѣ того какъ мясо теряетъ способность выдѣлять изъ себя этотъ сокъ, или выдѣляетъ, но испорченный, эта плева отдѣляется отъ костей или какъ будто соскабливается съ нихъ, послѣ чего онѣ становятся голыми, такъ какъ ничто уже не соединяетъ ихъ съ мясомъ.

для костей ни связію, скрѣпляющею кости съ мясомъ, но изъ жирной, плотной и вязкой дѣлается, вслѣдствіе дурнаго питанія, жесткою, соленою и тощею, тогда вся эта влага, подвергшаяся таковой порчѣ, отдѣлясь отъ костей и какъ бы соскабливаемая съ нихъ, собственною силою устремляется назадъ подъ мякоть и мышцы, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что мясныя субстанціи, отрѣшаясь отъ своихъ
B.— основъ, оставляютъ мышцы голыми и полными соленаго мутнаго сока и сами затѣмъ (растворяясь и) попадая въ круговой токъ крови, еще болѣе усиливаютъ поименованныя болѣзни. Однако, какъ ни гибельны бываютъ для тѣла эти болѣзни, но еще гибельнѣе тѣ, которыя имъ предшествуютъ, потому что когда кости, вслѣдствіе плотности мяса не получая въ достаточномъ количествѣ воздуха, начинаютъ гнить и отъ этого подвергаются воспаленію, тогда онѣ въ этомъ воспаленномъ состояніи не только не воспринимаютъ въ себя (идущихъ къ нимъ) питательныхъ соковъ, но напротивъ выпускаютъ въ нихъ свою собственную (раз-
C.— лагающуюся) субстанцію, которая отдѣляется, какъ будто кѣмъ нибудь соскабливаемая; соки же эти (натурально) возвращаются затѣмъ назадъ въ плоть, а плоть возвращается въ кровь, и такимъ образомъ проистекаютъ болѣзни еще болѣе опасныя, чѣмъ тѣ, о которыхъ выше была рѣчь. Когда же въ концѣ концевъ субстанція самаго мозга заболѣваетъ по причинѣ ли недостатка или излишка (какихъ либо элементовъ), тогда наступаютъ болѣзни болѣе всѣхъ тяжкія и вѣрнѣе всѣхъ ведущія къ смерти, потому что (въ этомъ случаѣ) уже всѣ (безъ остатка) субстанціи тѣла неизбѣжно принимаютъ обратное (противоестественное) теченіе.

XL.—Есть еще и третій родъ болѣзней—тѣхъ болѣз-
D.— ней, которыя, должно думать, происходятъ изъ трехъ источниковъ—или изъ дыханія, или изъ лимфы, или изъ желчи [1]).

---

[1]) Первый классъ болѣзней, какъ мы видѣли, Платонъ выводитъ изъ основныхъ первичныхъ комбинацій четырехъ стихій, входящихъ въ составъ нашего

Такъ, когда легкія, снабжающія все тѣло воздухомъ, бывъ засорены истекающими мокротами, не представляютъ свободныхъ для него проходовъ, тогда онъ въ одно мѣсто совсѣмъ не имѣя возможности проникнуть, въ другое же вторгаясь въ количествѣ большемъ чѣмъ нужно, съ одной стороны предоставляетъ гнить тѣ части, которыя совсѣмъ не получаютъ (отъ него) освѣженія, а съ другой насильственно врывается въ нѣкоторыя изъ венъ, и заставляетъ ихъ скорчиваться, задерживаясь же (по выходѣ сквозь стѣнки ихъ) въ той внутренней части тѣла, гдѣ лежитъ грюдобрюшная преграда, разрѣшаетъ тѣло [1]), отсюда происте- —E. каютъ тысячи мучительныхъ болѣзней, которыя сопровож-

---

тѣла, другими словами, изъ недостатковъ четырехъ темпераментовъ. Считая этотъ разрядъ болѣзней самымъ легкимъ, онъ счелъ излишнимъ даже перечислять частные виды его, но ниже (р. 84. Е) причисляетъ сюда четыре вида лихорадки. Второй классъ болѣзни имѣетъ начало въ такихъ второстепенныхъ смѣшенныхъ комбинаціяхъ, какъ мясо, нервы, кровь, мозгъ, сокъ, кости; сюда относятся разные виды чахотки или общѣе сухотки, а также болѣзни мозга и костей. Третій классъ болѣзней имѣетъ свой источникъ въ порчѣ тѣхъ же второстепенныхъ комбинацій—крови и мяса и составляется изъ разныхъ пороковъ дыханія, пасоки и желчи. Отъ пороковъ дыханія происходятъ—боль груди, колика и судорога, отъ пороковъ лимфы—золотуха, лишаи и разные катарры; изъ лимфы и черной желчи вмѣстѣ проистекаютъ—кошемаръ, епилепсія и сумашествіе, а изъ одной только желчи—опухоли, желчныя лихорадки и поносы.

[1]) Въ случаѣ загражденія дыхательныхъ путей прежде всего, по Платону, портятся сами легкія и такимъ образомъ происходитъ чахотка. Кромѣ того воздухъ, насильственно и въ излишкѣ вторгающійся въ нѣкоторыя вены, выходитъ потомъ сквозь стѣнки ихъ въ тѣло, и здѣсь—въ окружности діафрагмы задерживаясь, причиняетъ разныя болѣзни, какъ то вспучиваніе, грудную боль, колотье въ боку и т. под. Тутъ же, по мнѣнію Платона, лежитъ причина такъ называемыхъ тетановъ и описѳотетановъ. Тетаны—это есть простое судорожное растяженіе и сведеніе тѣхъ или иныхъ мышечныхъ группъ и членовъ въ прямомъ т. е. свойственномъ структурѣ ихъ направленіи, а описѳотетаны—это тоже самое конвульсивное подергиваніе мускуловъ и членовъ, но только въ направленіяхъ противоположныхъ тѣмъ, въ какихъ они обыкновенно сгибаются и разгибаются. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, имѣетъ источникъ свой вовсе не въ мускулахъ и связкахъ, какъ полагалъ Платонъ, а въ нервной системѣ.

даются вдобавокъ изобильнымъ пóтомъ. Часто опять въ какой либо изъ мясистыхъ частей тѣла, сдѣлавшейся скважною, возникаетъ движеніе воздуха, и этотъ воздухъ, не имѣющій возможности выдти вонъ, причиняетъ страданія одинаковыя съ тѣми, какія происходятъ отъ воздуха, врывающагося отвнѣ; эти страданія бываютъ особенно велики въ томъ случаѣ, когда воздухъ приливая къ мышцамъ и маленькимъ сосѣднимъ жилкамъ и вспучивая какъ разгибательные мускулы, такъ и прикрѣпленныя къ нимъ жилы, заставляетъ тѣ и другія подергиваться въ направленіи противоположномъ (обыкновенному); во вниманіе къ явленію этихъ подергиваній и самыя болѣзни названы тетонами и описфотонами (сведеніе тѣла впередъ и сведеніе назадъ— судороги, конвульсіи). Лечить эти болѣзни очень трудно, и большею частію прекращаютъ ихъ только наступающія ли-
85 — хорадки. Что касается далѣе бѣлой лимфы, то, когда воздухъ пузырьковъ (изъ которыхъ она состоитъ) задерживается внутри, она причиняетъ очень сильное страданіе, и менѣе сильное, конечно, тогда, когда она находитъ себѣ сквозь отдушины выходъ на поверхность тѣла, но за то тогда она испещряетъ тѣло, покрывая его бѣлыми лишаями и другими подобными сыпями. Когда же она смѣшавшись съ черною желчью вторгается въ тѣ самыя божественныя кругообращенія, которыя имѣютъ мѣсто въ головѣ, то и ихъ приводитъ въ безпорядокъ. Если это случается во время сна, то это болѣзнь еще не очень опасная, но если пароксизмы ея повторяются и въ бодрственномъ состояніи, то отъ нея уже трудно избавиться; поелику же она имѣетъ мѣстомъ своимъ священную природу, то и сама называется
B.— по справедливости священною болѣзнію [1]). Затѣмъ мокрота

---

[1]) Божественныя круговращенія, имѣющія мѣсто въ головѣ, это, какъ намъ извѣстно уже, суть круги природы тождественнаго и иного, изъ которыхъ образована природа разумной души. Эти круговращенія, т. е. отправленія умственныхъ способностей разстраиваются по Платону тогда, когда бѣлая лимфа

кислая и соленая служитъ источникомъ всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя имѣютъ катарральное свойство; сообразно съ множествомъ различныхъ мѣстъ, въ которыхъ эта мокрота распространяется, и болѣзнь (ею причиняемая) получила много разныхъ наименованій [1]). Что касается теперь той болѣзни разныхъ частей тѣла, которая извѣстна подъ именемъ воспаленій, то она происходитъ отъ того, что эти части возжигаются и воспаляются желчію, потому что когда желчь —C. вскипая находитъ себѣ сквозь отдушины выходъ наружу, то выкидываетъ всевозможные нарывы, когда же крѣпко заключена внутри (тѣла), то производитъ разныя воспалительныя болѣзни и самую бóльшую въ томъ случаѣ, когда она смѣшавшись съ (чистою) кровію уноситъ за собою тѣ волокна, которыя разсыпаны повсюду въ крови съ тою цѣлію, чтобъ она имѣла пропорціональную разжиженность и густоту, чтобъ она не могла стать ни столь жидкою отъ разгоряченія, чтобъ выливаться изъ не очень плотнаго тѣла, ни столь плотною и неудобоподвижною, чтобъ ей трудно было обращаться въ жилахъ. Итакъ, пропорціональность эту наблюдаютъ образующіяся въ субстанціи крови волокна, —D. такъ что если бы кто либо даже послѣ того, какъ кровь лишившись жизненности застыла, привелъ эти волокна въ соединеніе другъ съ другомъ, то вся остальная кровь вслѣдъ затѣмъ опять стала бы текучею, но предоставленныя самимъ себѣ они вмѣстѣ съ холодомъ, который охва-

---

въ соединеніи съ черною желчью ударяетъ въ голову и, вторгаясь въ мозгъ, нарушаетъ правильность его круговыхъ движеній. Болѣзнь эту извѣстную подъ именемъ эпилепсіи древніе считали священною въ томъ смыслѣ, что она посылается непосредственно самими богами, Платонъ же напротивъ указываетъ на ея небожественное чисто физіологическое начало, и если все таки сохраняетъ за нею названіе священной, то лишь въ томъ смыслѣ, что она поражаетъ самыя божественныя функціи души.

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ катарры мозга, легкихъ, желудка, кишекъ, мочеваго пузыря и др. Всѣ эти катарры Платонъ объясняетъ излишнимъ накопленіемъ кислыхъ и соленыхъ мокротъ; отсюда же онъ выводитъ и такія болѣзни, какъ золотуха, лишаи и другія, о которыхъ у него сейчасъ будетъ рѣчь.

тываетъ кровь, заставляютъ ее быстро свертываться. При
такомъ значеніи для крови волоконъ, желчь,—которая по су-
ществу своему есть кровь-же, только обветшавшая и которая
обыкновенно опять возвращается (въ свѣжую, чистую)
кровь вслѣдствіе растворенія плоти,—въ тепломъ и жидкомъ
E.— видѣ и въ небольшомъ количествѣ попадая въ кровь, свер-
тывается здѣсь отъ дѣйствія волоконъ съ незамѣтною по-
степенностію; но если она охлаждается и застываетъ отъ
какой либо насильственной причины быстро, то вмѣстѣ съ
тѣмъ производитъ внутри (тѣла)ознобъ и дрожь. Потомъ
приливая (въ кровь) все въ большемъ и большемъ количествѣ,
сама начинаетъ кипѣть и одолѣвая жаромъ своимъ волокна,
потрясаетъ и разстраиваетъ ихъ, а если окажется въ со-
стояніи совсѣмъ парализовать ихъ, то проникаетъ до само-
го мозга и разрывая своею палящею силою тѣ связи, кото-
рыми привязана къ нему душа, какъ канаты корабля, дѣ-
лаетъ ее свободною (отъ узъ тѣла). Но когда приливъ ея
бываетъ не столь великъ и тѣло оказываетъ должное сопро-
тивленіе ея разрѣшающему дѣйствію, тогда она сама бу-
дучи побѣждаема, или по всему тѣлу разливается, или чрезъ
вены устремляется сперва въ верхнюю, потомъ въ нижнюю
брюшную полость и удаляясь изъ тѣла, какъ бѣглецъ изъ
86— объятаго смутою государства, причиняетъ поносы, диссен-
теріи и всякія подобнаго рода разстройства [1]). Наконецъ, во-
обще говоря, когда тѣло заболѣваетъ главнымъ образомъ
вслѣдствіе излишка въ немъ огня, то оно терпитъ горячку
и лихорадку непрерывную, если же отъ излишка воздуха,
то—повторяющуюся каждый день, а если отъ излишка воды,
то—возобновляющуюся (чрезъ каждыя сутки) на третій
день, по той причинѣ, что вода медленнѣе и огня и воздуха.
Что же касается земли, которая будучи медленнѣе всѣхъ

---

[1]) Такимъ образомъ, въ желчи, по мнѣнію Платона, имѣютъ свой источ-
никъ—поврежденіе крови, опухоли, воспаленіе разныхъ частей тѣла и въ самомъ
опасномъ случаѣ—мозга, желтянка, поносы и диссентеріи.

тѣлъ, занимаетъ въ этомъ отношеніи четвертое мѣсто, то излишекъ ея, требующій для своего очищенія вчетверо больше оборотовъ времени, причиняетъ и лихорадки, которыя возобновляются на четвертый день и которыя не легко устраняются [1]).

XLI.—Такъ проистекаютъ болѣзни, которыя имѣютъ —В. мѣсто въ тѣлѣ, болѣзни же души возникаютъ изъ состояній тѣла слѣдующимъ образомъ. Такъ напримѣръ, нельзя не согласиться, что безразсудство есть болѣзнь души. Но безразсудство бываетъ двоякаго рода—безумство и невѣжество [2]). Слѣдовательно, болѣзнями должно считать и всѣ тѣ аффекты, испытываемые нами, въ которыя входитъ тотъ или другой изъ этихъ (видовъ безразсудства). На этомъ основаніи слѣдуетъ согласиться, что чрезмѣрныя удовольствія точно также какъ и чрезмѣрныя печали представляютъ собою величайшія изъ душевныхъ болѣзней, потому что

---

[1]) Здѣсь собственно Платонъ показываетъ болѣзни, проистекающія отъ излишка той или другой изъ четырехъ первичныхъ комбинацій, соединяющагося натурально съ недостаткомъ какой либо изъ остальныхъ. Это во 1-хъ, лихорадка непрерывная—отъ излишка огня, во 2-хъ лихорадка ежедневная—отъ излишка воздуха, въ 3-хъ лихорадка, повторяющаяся на 3-й день отъ излишка воды и въ 4-хъ лихорадка повторяющаяся на 4-й день отъ излишка земли. Лихорадка и горячка непрерывная ни на одну минуту не покидаетъ тѣла; лихорадка ежедневная извѣстные часы въ суткахъ мучитъ тѣло, а извѣстные оставляетъ въ покоѣ; лихорадка третьедневная мучитъ одинъ день, на другой покидаетъ, а на третій опять возвращается. Періодъ ея собственно состоитъ только изъ двухъ сутокъ; но такъ какъ періодичность ея обнаруживается только по окончаніи вторыхъ сутокъ въ началѣ третьихъ, то и названа она τριταῖος πυρετός. Лихорадка четверто-дневная одинъ день мучитъ, два дня за тѣмъ оставляетъ въ покоѣ, а на четвертый опять возвращается. Періодъ ея значитъ состоитъ изъ трехъ сутокъ; но такъ какъ она только въ началѣ четырехъ сутокъ показываетъ свою періодическую повторяемость, то называется τεταρταῖος πυρετός.

[2]) Такъ какъ Платонъ сущность безсмертной души полагалъ въ разумѣ и главнѣйшею задачею ея считалъ сохраненіе и развитіе разума, то натурально въ потерѣ разума видѣлъ ту важнѣйшую болѣзнь души, изъ которой само собою проистекаютъ всѣ остальныя ея болѣзни.

когда человѣкъ объятъ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ или находится въ противоположномъ этому состояніи печали и торопится первымъ овладѣть не во время, а послѣдней избѣжать, тогда онъ не въ состояніи бываетъ ни видѣть
C.— ни слышать того, что составляетъ истину, напротивъ находясь въ состояніи обезумѣвшаго, менѣе всего бываетъ способенъ обладать разсудительностію. У кого оказывается изобильная, черезъ край льющаяся сперма, и кто вслѣдствіе этого похожъ бываетъ на дерево, которое родитъ плоды сверхъ мѣры, тотъ получаетъ въ удѣлъ много удовольствій, но много и страданій,—(удовольствій) отъ удовлетворенія этого рода страстей, (а страданій) отъ ихъ послѣдствій, но за то вслѣдствіе чрезмѣрности этихъ удовольствій и страданій бываетъ большую часть жизни своей безумствующимъ.
D.— Поелику же у него по винѣ тѣла и душа впадаетъ въ состояніе болѣзненности и безумія, то такой человѣкъ обыкновенно считается не больнымъ, а по собственной винѣ дурнымъ человѣкомъ. Но это—несправедливо, потому что на самомъ дѣлѣ необузданность въ любовныхъ наслажденіяхъ есть по большей части болѣзнь души, проистекающая отъ извѣстнаго рода влаги, которая по причинѣ (излишней) скважности костей изобильно разливается по тѣлу и наводняетъ его. А потому нельзя признать за справедливое порицаніе всего того, что называется невоздержностію въ удовольствіяхъ и что ставится въ укоръ людямъ въ предположеніи, что они по собственной волѣ дурны, ибо дурнымъ никто не дѣлается по своей доброй волѣ, а только
E.— по причинѣ какого нибудь дурнаго свойства тѣла и недостаточнаго воспитанія дурной становится дурнымъ. Но оба эти несчастія могутъ приключиться и со всякимъ (изъ людей), притомъ независимо отъ его воли. Съ другой стороны, что касается страданій, то и тутъ точно такимъ же образомъ душа беретъ на себя много дурнаго по винѣ тѣла. Потому что когда влаги кислой или соленой мокроты, или горькіе полные желчи соки блуждая по тѣлу не находятъ себѣ вы-

хода вонъ, но спертые внутри перемѣшиваются между со- —87
бою и испускаютъ изъ себя испаренія въ ту область, гдѣ совершаются вращенія души, то этимъ самымъ онѣ порождаютъ всяческія душевныя болѣзни, болѣе или менѣе сильныя и продолжительныя. Именно, такъ какъ эти соки вторгаются въ три области души, то въ зависимости отъ области, въ какую они попадаютъ, проистекаютъ разные виды унынія, тоски, отваги или трусости, а также забывчивости и
тупоумія [1]). Когда же вдобавокъ къ этому у насъ, при —В.
столь дурномъ составѣ темперамента, оказываются дурныя государственныя учрежденія, да еще говорятся по городамъ и приватно и публично (дурныя) рѣчи, а между тѣмъ вовсе не изучаются отъ юности науки, которыя служили бы противоядіемъ всему этому, тогда всѣ мы натурально оказываясь дурными, бываемъ такими по двумъ причинамъ совершенно независимо отъ нашей воли. За это, конечно, слѣдуетъ винить рождающихъ больше нежели рождаемыхъ и воспитывающихъ больше нежели воспитываемыхъ; но съ другой стороны всякій обязанъ стараться посредствомъ самовоспитанія, а также посредствомъ размышленія и изученія, насколько достанетъ силъ, зла избѣгать, а того, что противоположно злу, достигать [2]).

---

[1]) Причиною унынія, хандры, вообще дурнаго расположенія служатъ эти соки, когда вторгаются въ нижнюю часть брюшной полости—мѣстилище смертной—женской души, въ которой вообще лежитъ источникъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій и пожеланій; причиною смѣлости или трусости они служатъ, когда вращаются въ верхней полости, въ груди—мѣстилищѣ лучшей мужской части смертной души, и наконецъ причиною притупленія памяти и разума, когда вращаются въ головѣ—мѣстилищѣ души безсмертной и разумной.

[2]) Если выше Платонъ съ подробностію повидимому отрицалъ свободу воли т. е. способность разумно-нравственнаго самоопредѣленія къ дѣятельности, то здѣсь одною краткою фразою возстановляетъ ее. Поэтому длинную трактацію Мартена, въ которой онъ старается доказать, что ученіе Платона представляетъ чистый безусловный детерминизмъ, мы считаемъ преувеличеніемъ. Ученіе Платона въ этомъ, какъ и во всѣхъ почти остальныхъ пунктахъ, представляетъ клас-

XLII.—Все это, конечно, составляетъ предметъ для
C.— разсужденій совсѣмъ иного рода [1]); однакожъ соотвѣтственными этимъ размышленіями объ уходѣ за тѣлесными силами и мыслительными способностями и о способахъ сбереженія тѣхъ и другихъ не безполезно и весьма кстати заняться тутъ же, потому что и естественно въ бесѣдѣ больше заниматься вещами добрыми, чѣмъ дурными. Но все доброе есть вмѣстѣ и прекрасное, прекраснымъ же ничто не бываетъ безъ пропорціональности; значитъ, необходимо признать, что и живое существо, для того чтобъ быть хорошимъ, должно обладать пропорціональностію. Но въ этомъ разѣ мы обыкновенно между пропорціональными величинами усматриваемъ и соизмѣряемъ лишь самыя малыя, между тѣмъ какъ относительно самыхъ важнѣйшихъ и великихъ не даемъ себѣ отчета. Въ самомъ дѣлѣ, что касается здо-
D.— ровья и болѣзней, а также добродѣтелей и пороковъ, то тутъ не можетъ быть уже иной болѣе важной пропорціональности или непропорціональности, чѣмъ пропорціональность или непропорціональность цѣлой души въ отношеніи къ цѣлому тѣлу, а между тѣмъ мы на это обыкновенно не обращаемъ вниманія и не принимаемъ въ соображеніе, что когда душу могу-

---

сическую золотую средину. Платонъ со всею рельефностію выставляетъ силу мотивовъ, детерминирующихъ нашу дѣятельность независимо и прежде нашей воли. Мотивы эти или побужденія идутъ съ одной стороны изъ такого или иного темперамента тѣла, а съ другой изъ внѣшней обстановки житейской, изъ общественной окружающей среды. Но какъ ни сильны эти внѣшнія предопредѣленія къ дѣятельности, человѣкъ можетъ стать господиномъ ихъ путемъ размышленія, изученія и самовоспитанія.

[1]) Предметъ этихъ иного рода разсужденій, несомнѣнно, есть мораль—этика, которая если и входитъ въ составъ этого діалога, то лишь тою ея стороною, которою она тѣсно примыкаетъ къ „ученію о природѣ вещей"—къ физикѣ. Поэтому здѣсь нѣтъ ни теоріи долга вообще, ни теорія частныхъ обязанностей, а есть только начертаніе психофизической почвы нравственности. Основное положеніе этой психофизической морали—mens sana in corpore sano, а самое высшее качество человѣка по этой морали есть добро въ соединеніи съ красотою—*καλοκἀγαθία*.

чую и во всѣхъ отношеніяхъ великую носитъ въ себѣ слишкомъ малое и слабое тѣло, а равно если оказывается противоположная этой непропорціональность между этими двумя соединенными субстанціями, тогда живое существо не есть прекрасное во всей своей цѣлости, потому, что оно лишено пропорціональности въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе важны. Но въ противномъ случаѣ (то есть, когда въ немъ нѣтъ этой главной непропорціональности), конечно оно представляетъ прекраснѣйшее и прелестнѣйшее изъ всѣхъ явленій красоты для того, кто способенъ цѣнить таковыя [1]).
Какъ тѣло, которое имѣетъ слишкомъ длинныя ноги или —E.
другимъ какимъ либо свойствомъ обладаетъ въ излишней мѣрѣ, будучи несоразмѣрнымъ съ самимъ собою, съ одной стороны имѣетъ уродливый видъ, а съ другой само для себя служитъ источникомъ безчисленныхъ бѣдъ, вынуждаемое дѣлать чрезмѣрныя напряженія, излишнія движенія и вслѣдствіе своей неуклюжести постоянно падать: точно также, необходимо согласиться, бываетъ и съ тѣмъ существомъ двойственной природы, которое мы называемъ живымъ существомъ. Такъ когда въ немъ душа гораздо болѣе мощна чѣмъ тѣло, то приходитъ ли она въ чрезмѣрный гнѣвъ,—потрясаетъ все внутреннее существо его и наполняетъ болѣзнями, отдается ли она какимъ нибудь напряженнымъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ,—истощаетъ его, —88
предается ли дѣлу частному или общественному, какъ напримѣръ, обученію или состязанію въ рѣчахъ, которое не обходится безъ споровъ и ссоръ, она воспламеняетъ его и уже этимъ разслабляетъ его, а то еще и вызываетъ разные

---

[1]) Здѣсь въ опредѣленіи добра Платонъ тоже стоитъ на чисто классической почвѣ: сущность безъ соотвѣтственной ей формы, добродѣтель безъ красоты для него не мыслима; доблестная душа должна у него непремѣнно имѣть прекрасное тѣло. Это конечно не справедливо, потому что, какъ говоритъ опытъ, весьма часто не оказывается такой пропорціональности между нравственными качествами души и физическими качествами тѣла, и высокое достоинство первыхъ нисколько не теряетъ своей цѣны отъ низкаго достоинства послѣднихъ.

катарры, которыми вводитъ въ заблужденіе большую часть такъ называемыхъ врачей, которые вынуждены бываютъ искать причины всему этому въ томъ, что вовсе не есть такая причина. Напротивъ, когда большое перевѣшивающее душу тѣло соединяется съ незначительною и слабою мыслительною силою, то въ этомъ разѣ,—поелику людямъ присущи
B.— отъ природы двоякаго рода потребности—потребность пищи со стороны тѣла и потребность мудрости со стороны божественнаго начала,—движенія преобладающей стороны (то есть тѣла) постоянно одерживая перевѣсъ и способствуя ея возрастанію, душу же притупляя и дѣлая столь же мало способною къ усвоенію познаній, сколько и склонною забывать ихъ, порождаютъ самую печальную болѣзнь невѣжества. Только одно есть средство полезное для обѣихъ этихъ сторонъ (нашего существа): ни души безъ тѣла, ни тѣла безъ души не развивать, (но стараться), чтобы обѣ эти стороны состязаясь другъ съ другомъ, находились въ равно-
C.— вѣсіи и были (одинаково) здоровы. Поэтому, кто занимается наукой или предается какому нибудь другому занятію, соединенному съ сильнымъ напряженіемъ мысли, тому слѣдуетъ присоединять къ этому упражненія тѣла и отдавать досугъ свой гимнастикѣ; а кто старательно развиваетъ свое тѣло, тотъ долженъ присоединять и упражненіе души, заниматься (какимъ либо) музическимъ искусствомъ [1]) и тою или иною отраслью любомудрія, если хочетъ по справедливости именоваться и прекраснымъ и вмѣстѣ хорошимъ человѣкомъ. Точно такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и съ (отдѣльными) частями тѣла, подражая въ этомъ разѣ
D.— примѣру вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ тѣло съ

---

[1]) Такъ мы передаемъ слово ἡ μουσική, потому что въ самомъ дѣлѣ Греки этимъ именемъ называли не музыку только, но и всякое другое искусство, для котораго по ихъ понятію требовалось вдохновеніе Музъ. На этомъ основаніи поэзія у нихъ была ἡ μουσική еще больше, чѣмъ сама музыка, а Платонъ (Федонъ р. 61 А; Федръ р. 259. Д) этимъ именемъ называлъ даже философію.

одной стороны входящими въ него (элементами) разгорячается и охлаждается, а съ другой отвнѣ приражающимися (элементами) изсушается и увлажается и испытываетъ неразлучныя съ тѣми и другими состояніями перемѣны, то у того кто свое тѣло держитъ въ бездѣйствіи и тѣмъ самымъ отдаетъ его на произволъ (этимъ внѣшнимъ) вліяніямъ, оно одолѣвается ими и разрушается; но кто подражая той, которую выше мы назвали мѣстилищемъ и матерью всѣхъ вещей [1]), по возможности никогда не даетъ своему тѣлу оставаться въ бездѣйствіи, но заставляетъ его двигаться и производя постоянно какія нибудь сотрясенія во всѣхъ членахъ его этими внутренними движеніями, какъ того требуетъ природа, отражаетъ внѣшнія приражешенія и кромѣ того посредствомъ этихъ же самыхъ умѣренныхъ движеній —Е.
устанавливаетъ между совершающимися въ тѣлѣ процессами и вращающимися элементами, согласно сродству ихъ, надлежащій порядокъ,—тотъ, по смыслу сказаннаго нами выше относительно вселенной, не вредное къ вредному прибавляетъ, чтобъ онѣ вели борьбу въ тѣлѣ и причиняли болѣзни, но полезное къ полезному присоединяетъ и тѣмъ

---

[1]) Намъ извѣсно уже, что Платонова матерь всѣхъ вещей отъ начала міра находится въ постоянномъ движеніи, благодаря которому элементы противоположной природы отдѣляются и удаляются другъ отъ друга, а элементы одинаковой природы собираются въ одно мѣсто и соединяются. Но и вся вселенная отъ начала непрерывно движется, притомъ движется сама въ себя и чрезъ себя и увлекая въ это движеніе всю безъ остатка массу элементовъ, тѣмъ самымъ сохраняетъ цѣлость, нерушимость своего существа. Еслибы вселенная была движима какими либо внѣшними вещами, или еслибы таковыя вещи даже только приражались къ ней отвнѣ, то она неминуемо подверглась бы разрушенію; но такъ какъ она всѣ вещи безъ остатка въ себѣ объемлетъ, и внѣ ея ничего нѣтъ, то она ничѣмъ и никѣмъ не можетъ быть разрушена, кромѣ своего Творца. Человѣкъ напротивъ открытъ для приражѳнія къ нему всевозможныхъ внѣшнихъ вещей, которыя движеніями своими стремятся одолѣть и разрушить его тѣлесный составъ. Однакожъ и онъ можетъ хоть отчасти противодѣйствовать этому разрушенію—можетъ именно тѣмъ собственнымъ движеніемъ отъ себя и въ себѣ, которымъ сохраняетъ свое бытіе вселенная.

сохраняетъ свое здоровье. Но между движеніями самое лучше есть то, которое человѣкъ производитъ въ себѣ са-
89— момъ и отъ себя самого, потому что оно болѣе всѣхъ другихъ похоже на движеніе мыслящей силы и на движеніе вселенной, хуже его движеніе, имѣющее начало свое въ чемъ либо постороннемъ, самое же худшее—это движеніе, причиняемое чѣмъ нибудь постороннимъ въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла, между тѣмъ какъ само тѣло (въ цѣломъ) остается въ покоѣ [1]). Поэтому изъ способовъ освѣженія и укрѣпленія тѣла самый лучшій—это гимнастическія упражненія, а второй за этимъ способъ состоитъ въ колебаніяхъ, которымъ подвергается тѣло плавая ли, или вообще какъ либо передвигаясь съ мѣста на мѣсто, если это не соеди-
B.— няется съ утомленіемъ. Третій же (по достоинству) способъ движенія, который для поставленнаго въ крайность пожалуй иногда и очень бываетъ полезенъ, но къ которому безъ крайней надобности никогда не долженъ прибѣгать человѣкъ благоразумный, это—лекарскій способъ очищенія тѣла посредствомъ медикаментовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзни не представляютъ большой опасности, не слѣдуетъ прибѣгать къ возбудительному дѣйствію лекарствъ, потому что появленіе всѣхъ болѣзней нѣкоторымъ образомъ обусловливается самою природою живыхъ существъ, которая устроена такимъ образомъ, что имѣетъ опредѣленные предѣлы жизни какъ для каждаго цѣлаго рода ихъ, такъ и для каждаго живаго существа въ отдѣльности, такъ что каждое изъ нихъ раждается съ назначеннымъ ему предѣломъ жизни за исключеніемъ конечно разныхъ случайностей судьбы,

---

[1]) Подъ этимъ самымъ малополезнымъ движеніемъ здѣсь Платонъ разумѣетъ, какъ кажется, собственно усиленное движеніе элементовъ въ той или иной части тѣла, достигаемое какимъ либо внѣшнимъ механическимъ воздѣйствіемъ, какъ напр. растираніемъ, растяженіемъ и т. под., между тѣмъ какъ ниже онъ разумѣетъ внѣшнее же и насильственное движеніе, вызываемое лекарствами, предписываемыми отъ врачей какъ для внутренняго, такъ и для наружнаго употребленія.

ибо треугольники, въ которыхъ съ самаго начала заложены —C.
жизненныя связи каждаго изъ нихъ, при самомъ созданіи их, надѣлены способностію существовать (въ тѣсной связи между собою) лишь извѣстный періодъ времени, свыше котораго ни одно не можетъ продлить жизнь свою. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ процессѣ болѣзней, и кто нарушаетъ его, вопреки опредѣленному судьбою времени, употребленіемъ лекарствъ, тотъ хочетъ, чтобъ изъ слабыхъ болѣзней развились тяжкія, изъ немногихъ многія. Поэтому, всѣ подобныя болѣзни врачевать слѣдуетъ больше соблюденіемъ діэтическихъ правилъ, на сколько кому это возможно, а не прибѣгать къ лекарствамъ и не дѣлать зла —D
непоправимымъ.

XLIII.—Вотъ что можетъ быть сказано о живомъ существѣ въ цѣломъ его составѣ и о тѣлесной сторонѣ его въ особенности, а также о томъ, какимъ образомъ человѣкъ долженъ управлять и своимъ тѣломъ и самимъ собою для того, чтобъ вести жизнь возможно болѣе сообразную съ разумомъ. Въ этомъ разѣ конечно прежде всего и получше должна быть подготовлена та сторона (нашего существа), которая предназначена быть руководящею, чтобъ она была какъ можно болѣе годною и способною къ выполненію своей задачи—быть руководительницею. Однако, обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ само по себѣ одно могло бы составить цѣлое сочиненіе; а потому, въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ, намъ остается лишь мимоходомъ высказать
слѣдующія объ этомъ соображенія. Какъ выше не разъ уже —E.
мы говорили, что въ насъ три рода души получили три особыя мѣстилища, бывъ надѣлены при этомъ каждый особаго рода движеніями, точно также и теперь, выражаясь какъ можно кратче, мы должны поставить на видъ, что если какой либо изъ этихъ родовъ (душу) не упражняетъ свойственныхъ ему движеній, но пребываетъ въ бездѣйствіи, то онъ по необходимости становится слабѣе (остальныхъ), а если дѣлаетъ упражненія, то—бываетъ сильнѣе

(прочихъ). Слѣдовательно, нужно наблюдать, чтобъ всѣ они въ своихъ движеніяхъ—были соразмѣрны другъ съ другомъ.
90— Особенно-же, что касается самаго важнѣйшаго у насъ рода души, то слѣдуетъ помнить, что онъ данъ Богомъ каждому изъ насъ въ качествѣ духа-вѣщателя—тотъ-родъ, который занимаетъ вершину нашего тѣла и о которомъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что онъ въ силу своего родства съ небомъ поднимаетъ насъ выше земли, какъ тварей не земнаго, а небеснаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, вознесши голову, составляющую какъ бы корень нашего существа, туда, откуда душа получила свое первое начало (то есть къ
B.— небу), Божество съ тѣмъ вмѣстѣ и все тѣло наше выпрямило въ томъ же (вертикальномъ) направленіи (къ небу) [1]. Итакъ, кто отдается чувственнымъ пожеланіямъ и страстямъ (вытекающимъ изъ) честолюбія и всячески развиваетъ эти функціи, тотъ можетъ нажить только скоропреходящія (измѣнчивыя) мнѣнія, и во всемъ томъ, чѣмъ только можетъ проявиться смертная природа души, онъ не будетъ имѣть недостатка и даже все таковое пріумножитъ. Напротивъ, кто отдается любви къ ученію, кто ревнуетъ объ истинной мудрости и развиваетъ упражненіемъ это стремленіе преимущественно предъ всѣми остальными, тотъ конечно достигаетъ истины и, значитъ,
C.— обнимаетъ своею мыслію безсмертное (непреходящее, неизмѣнное) и божественное, и, насколько человѣческая природа способна участвовать въ безсмертіи, настолько обладаетъ имъ; кромѣ того, такъ какъ постоянно воспитываетъ въ

---

[1]) Платонъ вотъ что хочетъ здѣсь сказать: какъ растенія имѣютъ корни, которые идутъ въ глубь земли и прирастаютъ къ ней, такъ и человѣкъ имѣетъ свой корень—голову, но этотъ корень, въ которомъ помѣщается та часть его существа, которая по происхожденію своему, есть божественная, небесная, не въ землю идетъ и не въ ней утверждается, какъ у растеній, но наоборотъ поднятъ вверхъ къ небу, какъ къ своей родной почвѣ, и прикрѣпленъ къ нему, какъ будто привѣшенный. Вслѣдствіе этого и все тѣло человѣка имѣетъ такое же вертикальное положеніе какъ и стволъ растенія, но только въ противоположномъ направленіи: растеніе всѣми корнями своими сидитъ въ землѣ и только стволомъ и вѣтвями обращено къ небу, а человѣкъ корнемъ какъ бы виситъ на небѣ и только стволомъ и конечностями тѣла касается земли.

себѣ божественное начало и вслѣдствіе этого живущій въ немъ божественный духъ имѣетъ всегда прекрасный свѣтлый ликъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наполненъ бываетъ и самымъ высокимъ блаженствомъ. Вообще говоря, попеченіе о всѣхъ сторонахъ нашего существа должно состоять въ одномъ—въ доставленіи каждой изъ нихъ свойственнаго ей питанія и движенія. Но движенія, представляющія (самое —D. близкое) сродство съ тѣмъ божественнымъ (началомъ, которое живетъ въ насъ, это суть мысли и вращенія вселенной. А потому, каждый изъ насъ долженъ сообразоваться (въ своей дѣятельности) съ этими движеніями, и вращенія (совершающіяся) въ нашей головѣ, поврежденныя уже при самомъ происхожденіи своемъ, приводить въ порядокъ изученіемъ гармоніи и вращенія вселенной [1]), мыслящее начало (въ насъ) приводить въ то подобіе съ мыслимымъ (внѣ насъ), которое заложено въ первоначальномъ порядкѣ вещей, и, вмѣстѣ съ достиженіемъ этого подобія, достигать своей цѣли—той совершеннѣйшей жизни, которая предначертана намъ богами какъ задача не только для настоящаго, но и для грядущаго вѣка.

XLIV.—Такимъ образомъ, обѣщанное нами въ началѣ —E. изслѣдованіе о вселенной до происхожденія рода человѣческаго включительно, какъ кажется, пришло уже къ своему концу. Остается намъ сказать еще только о томъ, какимъ образомъ произошли (изъ человѣка) прочія живыя существа и то лишь вкратцѣ, не вдаваясь безъ особенной надобности

---

[1]) Здѣсь, какъ и выше (р. 37. A. B.) Платонъ полагаетъ, что міровая душа мыслитъ, какъ и наша, и притомъ гораздо правильнѣе и сообразнѣе съ истиной. Наша душа по существу сходна съ міровою душею, но менѣе чѣмъ она способна къ истинѣ и болѣе склонна къ заблужденіямъ по причинѣ связи своей съ несовершеннымъ тѣломъ. Неправильности и ошибки мыслительной дѣятельности, проистекающія отъ этой причины, описаны Платономъ выше (р. 43. 44). Лишь постепенно путемъ опыта, наблюденія и изученія человѣкъ можетъ выправить свою мысль и сдѣлать ее похожею въ своихъ операціяхъ на неизмѣнно-правильныя вращенія мыслящей души вселенной.

въ подробныя изысканія, чтобъ не выйти изъ предѣловъ приличныхъ разсужденію объ этомъ предметѣ. Итакъ, вотъ что можно сказать объ этомъ. По всей вѣроятности тѣ изъ созданныхъ людей, которые были трусливы и провели жизнь въ неправдѣ, при второмъ рожденіи переродились въ женщинъ. Вотъ въ это-то время, во вниманіе къ этому обстоятельству, боги вложили (въ человѣческую природу) влеченіе къ супружеству и для этого помѣстили нѣкое одушевленное животное—одно въ васъ (мущинъ), другое въ женщинъ, устроивъ то и другое слѣдующимъ образомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ питье, прошедши сквозь легкія по подъ почками въ мочевой пузырь [1]), чтобъ оттуда движеніемъ воздуха быть удаленнымъ прочь, и откуда оно поступаетъ въ каналъ, который испускаетъ его вонъ, они этотъ каналъ соединили посредствомъ отверстія съ тѣмъ густымъ мозгомъ, идущимъ отъ головы чрезъ шею и позвоночный столбъ,
B.— который выше мы назвали спермою (p. 74. A.) [2]). Поелику же этотъ мозгъ обладаетъ живучестью, то онъ имѣя всегда возможность выхода вотъ чрезъ этотъ каналъ, служащій для него какъ бы отдушиной, вызываетъ въ этомъ послѣднемъ живучее желаніе изліянія и такимъ образомъ производитъ стремленіе къ дѣторожденію. По этой-то причинѣ природа половыхъ органовъ мущины, волнуемая бѣшеными страстями, не только (сама по себѣ) самовольна, необузданна, какъ животное непокоряющееся разуму, но и все (остальное наше существо) стремится покорить (своему

---

[1]) Платонъ, оказывается, думалъ, что питье сперва проходитъ чрез легкія и потомъ уже изливается въ мочевой пузырь. Но выше, когда шла рѣчь о пищевареніи (p. 73. 78. 79), онъ утверждалъ, что и питье и пища изъ пищепріемнаго горла поступаютъ въ кишки. Это значитъ, что питье по его мнѣнію идетъ къ низу двумя путями—частію чрезъ легкія, частію чрезъ кишки.

[2]) Платонъ, какъ мы видѣли (p. 73. C. D.), считалъ и головной мозгъ и такъ называемый надосновный мозгъ за одну и туже субстанцію. Поэтому совершенно естественно здѣсь онъ принимаетъ сперму за излишекъ и истеченіе головнаго и спиннаго мозга.

произволу). По тѣмъ же причинамъ и у женщинъ та часть, которая извѣстна подъ именемъ матки или утробы, точно —C.
также есть какъ бы особое живущее въ нихъ животное, палимое жаждою дѣторожденія, которое, если долгое время по достиженіи зрѣлости остается неоплодотвореннымъ, дѣлается безпокойнымъ, ярится, а потомъ начинаетъ рыскать вездѣ и всячески по тѣлу, и заграждая при этомъ воздухопроводы, стѣсняя дыханіе, доводитъ его до крайней степени разстройства, причиняетъ ему всякаго рода болѣзни, и такъ бываетъ до того момента, когда эросъ въ соединеніи съ страстію выдѣляя и наподобіе деревьевъ стряхивая съ себя —D.
плоды, сѣютъ въ матку, какъ на воздѣланную ниву, неразвитыя и по малости своей непримѣтныя живыя существа, потомъ мало по малу даютъ имъ расчлененный видъ, вскармливаютъ и ростятъ внутри, наконецъ производятъ на свѣтъ, и этимъ заканчиваютъ процессъ рожденія живыхъ существъ. Такъ вотъ каково начало женщины и всего женскаго пола. Родъ же птицъ, надѣленный вмѣсто волосъ перьями, образовался путемъ перерожденія изъ тѣхъ людей, которые были (въ жизни) не дурными, а только легкомысленными и которые любили много заниматься небесными тѣлами и явленіями, но въ простотѣ своей полагали, что все знаніе этихъ вещей исчерпывается только тѣмъ, что —E
доставляетъ созерцаніе ихъ чувственными очами. Далѣе, родъ животныхъ пѣшеходящихъ и звѣрей произошелъ изъ тѣхъ людей, которымъ совсѣмъ чуждо было любомудріе, которые совсѣмъ не занимались изслѣдованіемъ природы міра и, значитъ, никакого употребленія не дѣлали изъ тѣхъ вращеній, которыя имѣютъ мѣсто въ головѣ, но слѣдовали водительству тѣхъ частей (смертной) души, которыя расположены около груди. Вслѣдствіе такого образа жизни переднія части и головы у нихъ наклонены къ землѣ, къ которой притягиваетъ ихъ сродство съ нею природы ихъ, головы же ихъ имѣютъ продолговатую и разныя другія формы, смотря по тому, въ какой мѣрѣ у каждаго изъ —92

нихъ съузились отъ бездѣйствія кругообращенія (безсмертной—разумной души, живущей въ головѣ)[1]). Ногъ же по четыре и больше имѣетъ этотъ родъ вотъ почему: большее количество подпорокъ далъ Богъ тѣмъ изъ нихъ, которые больше другихъ (въ прежней жизни) оглупѣли, потому что таковыхъ больше тянетъ (нажитая привычка) къ землѣ. Что же касается тѣхъ, которые даже этихъ превзошли своимъ тупоуміемъ и которые всѣмъ своимъ тѣломъ какъ бы прилипли къ землѣ, то поелику они не имѣли никакой нужды въ ногахъ, боги создали ихъ безногими и пресмыкающимися. Наконецъ четвертый родъ, обитающій въ водѣ, про-
B.— изошелъ изъ людей самыхъ невѣжественнѣйшихъ и безтолковѣйшихъ. Этому роду боги не дали даже дышать чистымъ воздухомъ по той причинѣ, что и сама душа ихъ стала нечистою отъ всякаго рода (содѣянныхъ) скверпъ. Вотъ почему, вмѣсто тонкаго и чистаго воздуха, боги опредѣлили имъ вдыхать мутную жидкость, поселивши ихъ въ водѣ. Такъ произошла порода рыбъ, устрицъ и всѣхъ другихъ (живыхъ существъ), населяющихъ воду, которыя въ наказаніе за крайнее невѣжество получили самыя послѣднія жилища. На этихъ самыхъ основаніяхъ и нынѣ точно также, какъ въ то первое время, всѣ роды живыхъ существъ перерождаются одинъ въ другой смотря по тому, теряютъ
C.— ли они (во время земной жизни) или пріумножаютъ—одни—свой разумъ, другіе—свое неразуміе.

А теперь мы можемъ считать нашу бесѣду о вселенной вполнѣ законченной. Такъ вотъ какъ произошелъ этотъ міръ, содержащій въ себѣ и смертныя и безсмертныя существа и наполненный ими,—это видимое живое существо, объемлющее всѣ видимыя (существа),—это чувственное божество, (представляющее собою) образъ умопостигаемаго (божества),—вотъ эта необъятная, преисполненная добра, прекраснѣйшая, совершеннѣйшая, единственная и единородная вселенная!

---

[1]) Движенія безсмертной мыслящей души должны по Платону имѣть сходство съ движеніями міровой души, то есть, постоянно описывать два между собою встрѣчающіеся и другъ друга пересѣкающіе круга, и въ какой мѣрѣ душа того или иного живаго существа усвоила себѣ навыкъ двигаться по этимъ кругамъ, въ такой мѣрѣ имѣетъ сферическую форму и само мѣстилище его безсмертной души—голова съ содержащимся въ немъ мозгомъ. Чѣмъ меньше и лѣнивѣе кто мыслитъ, тѣмъ меньше, тѣмъ уже натурально бываютъ и тѣ круги, которыя описываетъ въ своемъ движеніи мысль. Чѣмъ болѣе сжаты, узки бываютъ у того или другаго существа круговые пути, описываемые движеніемъ его мыслящей души, чѣмъ менѣе эти пути приближаются къ формѣ настоящихъ круговъ, тѣмъ менѣе душа его при второмъ рожденіи нуждается въ сферической головѣ, а потому, вмѣсто сферической, получаетъ болѣе или менѣе удлиненную.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ТИМЭЮ.

Музыкальная и астрономическая система Платона въ связи съ другими системами древности.

Основою музыки всегда и вездѣ считались звуки. Звуки (φθόγγοι) у древнихъ грековъ, какъ и у насъ, различаемы были прежде всего по *высотѣ* (ὀξύτης) и *глубинѣ* (βαρύτης). Причиною высоты звука считалось напряженіе (ἐπίτασις = натяжка ли струны, или напряженіе голосовыхъ органовъ), а причиной глубины—ослабленіе (ἀνίεσις) энергіи звука. Началомъ для дальнѣйшихъ опредѣленій звуковъ служили разстоянія или разности между различными по высотѣ и глубинѣ звуками, которыя назывались промежутками или интервалами (τά διαστήματα) [1]) и которыя могли быть или простыми (ἀσύνθετα), или сложными (σύνθετα).

Взаимное соотвѣтствіе извѣстныхъ звуковъ древніе называли созвучіемъ, согласіемъ, гармоніей, а науку, занимающуюся показаніемъ условій и законовъ гармоніи—гармоникой (ἁρμονική). Но, какъ сама музыка пользуется, такъ и наука объ ней пользуется для своихъ изысканій и опредѣленій двоякаго рода средствами—съ одной стороны интеллектуальными или идеальными (τά νοητικά), а съ другой—вещественными или чувственными (τά αἰσθητά), и смотря по тому, какими именно изъ нихъ пользуется преимущественно, бываетъ то болѣе, то менѣе основательною. Интеллектуальная гармонія

---

[1]) Такъ опредѣляется промежутокъ—интервалъ у Евклида (Sect. can. 1): διάστημα—τί περιεχόμενον ὑπό δύο φθόγγων ἀνομοίων ὀξύτητι καί βαρύτητι. Такъ же опредѣляется онъ и у Плутарха (о происхожденіи души міра с. 17): ἔστι γάρ διάστημα ἐν μελωδία πᾶν τό περιεχόμενον ὑπό δυοῖν φθόγγων ἀνομοίων τῇ τάσει.

имѣетъ свой источникъ въ числахъ—въ извѣстной строго-пропорціональной соразмѣрности звуковыхъ отношеній и обсуждается разумомъ и мышленіемъ, тогда какъ гармонія чувственная, имѣющая свой источникъ въ чувственныхъ орудіяхъ или органахъ звука, оцѣнивается слухомъ и душевнымъ настроеніемъ, или какъ выражается Платонъ, „нѣкіимъ инстинктивнымъ чутьемъ, чувствомъ и мнѣніемъ, лишеннымъ всякаго разумнаго основанія, чуждымъ всякаго разсужденія (ἀλόγῳ τινί τριβῇ, αἰσθήσει καί δόξῃ ἄνευ λόγου καὶ φρονήσεως). Интеллектуальная гармонія есть нѣчто первое, апріорное, независимое отъ чувственныхъ вещей, и потому можно смѣло утверждать, что душа есть поистинѣ такая гармонія (Тимэй р. 36 Е и др.); напротивъ, душу никоимъ образомъ нельзя назвать чувственной гармоніей, потому что эта гармонія появляется въ наличности лишь тогда, когда есть киөара, струны и другія подобныя вещи, между тѣмъ какъ душа существовала прежде своего тѣла и органовъ его и можетъ существовать безъ нихъ (Фэдонъ р. 92 и дал.). Предметомъ преимущественнаго изученія можетъ быть или первая изъ этихъ гармоній, и тогда само собою отводится на второй планъ, а то и совсѣмъ оставляется безъ вниманія свидѣтельство и сужденіе чувствъ, или послѣдняя, и тогда естественно оставляется въ пренебреженіи свидѣтельство и сужденіе разума. Людей, которые занимались музыкою въ первомъ изъ этихъ направленій, то есть изучали собственно теорію ея, древніе называли *гармониками*, а людей, которые занимались музыкой въ послѣднемъ направленіи—практически,—*органиками*. Къ разряду первыхъ принадлежалъ Пиөагоръ и такіе строгіе послѣдователи его, какъ напр. Платонъ, который былъ настолько полнымъ и строгимъ гармоникомъ, что органиковъ преслѣдовалъ даже прямыми порицаніями и явными насмѣшками (Республика, VII. р. 530 Е и дал.).

Пиөагору же, по единодушному свидѣтельству древнихъ, принадлежала честь перваго открытія и указанія

чиселъ въ звукахъ, то есть математическихъ отношеній между звуками, хотя не извѣстно въ точности, какимъ именно путемъ онъ дошелъ до этого важнаго открытія, такъ что источникомъ для приблизительнаго сужденія объ этомъ служитъ все-таки Платоновъ же Тимэй, вмѣстѣ съ болѣе древними его комментаріями. Древніе греки (Евклидъ, sect. can. p. 23; Порфирій, Comment. p. 193) приблизительно вотъ какъ разсуждали: если бы былъ покой, то была бы тишина, а если бы была тишина вслѣдствіе отсутствія движенія, то не было бы чего и слышать. Значитъ, для того чтобъ произошло или явилось нѣчто, что можно было бы слышать, необходимо, чтобъ произошелъ толчекъ, чтобъ было сотрясеніе, движеніе воздуха. Слѣдовательно, всякій звукъ непремѣнно предполагаетъ толчекъ воздуха, какъ съ своей стороны толчекъ предполагаетъ движеніе воздуха. Теперь же,—болѣе сильное и быстрое, болѣе учащенное или непрерывное движеніе производитъ звукъ болѣе высокій, а движеніе болѣе медленное, слабое и рѣдкое даетъ звукъ болѣе глубокій или низкій, такъ что съ увеличеніемъ или усиленіемъ движенія звукъ усиливается и возвышается, а съ уменьшеніемъ и ослабленіемъ—слабѣетъ, понижается. Но если такимъ образомъ звуки могутъ и увеличиваться отъ прибавки движенія, и уменьшаться отъ убавки, то значитъ они представляютъ не совершенно простое нѣчто, но нѣчто, состоящее изъ частей. Но, что состоитъ изъ частей, то можетъ подлежать исчисленію и быть выражено въ числахъ; слѣдовательно, и звуки подлежатъ измѣренію и опредѣленію посредствомъ чиселъ. И дѣйствительно, различіе звуковъ, напримѣръ издаваемыхъ струнами, очевидно имѣетъ свою причину въ различной длинѣ струнъ, при одинаковой толщинѣ ихъ и степени натянутости: одинаково-длинныя струны въ одинаковое время должны имѣть одинаковое количество колебаній; струна болѣе короткая должна произвести въ то же время больше колебаній и вмѣстѣ съ тѣмъ издать болѣе высокій звукъ, а струна болѣе длинная—мень-

ше колебаній и менѣе высокій, болѣе низкій звукъ. Съ другой стороны понятно, что струны, способныя дѣлать одинаковое количество колебаній, требуютъ для этого количества тѣмъ меньше времени, чѣмъ сами онѣ короче и чѣмъ звукъ ими издаваемый выше, и наоборотъ тѣмъ больше для нихъ нужно времени, чѣмъ звукъ ихъ ниже. Изъ этого слѣдуетъ, что звуки могутъ быть вычисляемы двоякимъ образомъ: или во 1-хъ по частямъ или моментамъ времени, нужнымъ для разныхъ звуковъ, чтобъ выполнить извѣстное одинаковое количество колебаній, при чемъ конечно меньшее число частей или моментовъ выпадетъ на долю звука болѣе высокаго, и большее—на долю болѣе низкаго, или во 2-хъ по числу колебаній, дѣлаемыхъ различными звуками въ одинъ и тотъ же промежутокъ, моментъ времени, и тогда, понятно, отношеніе должно выйти обратное. Но, хотя древнимъ были извѣстны оба эти способа вычисленія, пользовались они на практикѣ обыкновенно только первымъ, такъ какъ найденными этимъ путемъ числами могли обозначать вмѣстѣ и длину струнъ, при равной ихъ толщинѣ и натянутости.

Начавши же прилагать числа къ опредѣленію тоновъ, древніе натурально должны были на первыхъ же порахъ принять въ разсчетъ такъ называемые интервалы, потому что коль скоро было принято за аксіому, что высота звука стоитъ въ прямой зависимости отъ количества вибрацій, то вмѣстѣ съ тѣмъ стало очевидно и то, что отношеніе между двумя различными по высотѣ и глубинѣ звуками можетъ быть найдено и выражено не иначе, какъ показаніемъ отношенія между количествами ихъ вибрацій въ одинаковое время—отношенія, которое, какъ само собою понятно, должно выражать величину разности между двумя звуками, или, что тоже самое,—величину лежащаго между ними интервала. Нашедши это, древніе интервалъ назвали отношеніемъ (λόγος, ratio), и звукъ или тонъ—членомъ отношенія (ὅρος, terminus). Но это еще не значитъ, что для нихъ интервалъ и отношеніе составляли совершенно одно и тоже, ибо, гово-

рили они, равное отношеніе наприм. совсѣмъ не есть еще интервалъ, точно также какъ и наоборотъ два противоположныя или обратныя отношенія могутъ имѣть всего одинъ интервалъ, какъ наприм. 1: 2 и 2: 1. Напротивъ каждый интервалъ содержитъ въ себѣ непремѣнно два отношенія—одно большее (πρόλογος), какъ напр. 2: 1=$^2/_1$, другое меньшее, какъ напр. 1: 2=$^1/_2$. Сами отношенія затѣмъ, говорили древніе, бываютъ весьма различны, именно или многократныя (πολλαπλάσιοι), когда бóльшее число содержитъ въ себѣ меньшее много разъ, или двукратныя (διπλάσιοι), какъ напр. 2: 1, 4: 2, 6: 3 и т. д., троекратныя (τριπλάσιοι), какъ напр. 3: 1, 6: 2, 9: 3 и т. д., четырехкратныя (τετραπλάσιοι), какъ напр. 4: 1, 8: 2, 12: 3 и т. д. Онѣ бываютъ также сверхдольныя (Ἐπιμόριοι, superparticulares), когда бóльшій членъ состоитъ изъ цѣлаго меньшаго съ прибавкою еще какой либо части его. Сюда относятся и упомянутыя въ Тимэѣ Платона (p. 36) отношенія—сверхъ-половинное, или полуторное (λόγος ἡμιόλιος—ratio sesquialtera), когда большій членъ состоитъ изъ меньшаго и еще половины его, напр. 3: 2=1$^1/_2$, сверхъ одно-третное (λόγος ἐπίτριτος, ratio sesquitertia), какъ напр. 4: 3=1$^1/_3$, отношеніе съ излишкомъ одной осьмой доли, какъ напр. 9: 8=1$^1/_8$ и т. д. Онѣ могутъ быть также сверхъдѣлящими (ἐπιμερεῖς, superparticales), когда большій членъ содержитъ въ себѣ меньшій и еще одну или нѣсколько частей его, какъ напр. 5: 3=1$^2/_3$. Для обратныхъ же меньшихъ отношеній древніе употребляли тѣже названія, и только прилагали къ нимъ въ началѣ ὑπὸ или sub; λόγος ὑποδιπλάσιος, subdupla ratio и т. д. При обыкновенномъ вычисленіи звуковыхъ отношеній снизу вверхъ—отъ низшаго звука къ высшему, при чемъ низшему усвоялось большее число, вычисленный по бóльшему отношенію интервалъ назывался интерваломъ идущимъ снизу—вверхъ—ἐπὶ τὸ ὀξύ, а при обратномъ счисленіи вычисленный по меньшему отношенію интервалъ назывался идущимъ сверху внизъ—ἐπὶ τὸ βαρύ; въ первомъ случаѣ выходилъ λόγος πρό-

λογος, а въ послѣднемъ—ὑπόλογος. Самыя меньшія числа того и другаго отношенія назывались корнемъ (πυθμήν, radix). Эти отношенія назывались также или соразмѣрными (σύμμετροι, commensurabiles) или несоразмѣрными (ἀσύμμετροι, incommensurabiles), смотря по тому, были ли они измѣримы посредствомъ единства, или нѣтъ.

Соединеніе или смѣшеніе звуковъ такое, въ которомъ различіе ихъ совсѣмъ или въ извѣстной степени исчезаетъ и становится незамѣтнымъ, называлось созвучіемъ или согласіемъ (συμφωνία, consonantia, sonorum concentus), звуки-же, дававшіе это согласіе, назывались согласными (σύμφωνοι, consoni), а въ противномъ случаѣ—несогласными, разногласными (διάφωνοι, dissoni). Древніе думали, что самое совершеннѣйшее согласіе даютъ только совершенно одинаковые звуки ὁμόφωνοι, unisoni, такъ какъ между ними нѣтъ никакого интервала, а напротивъ совершенно равное отношеніе 1: 1, которое Платонъ называлъ (Филебъ p. 17 c) ὁμότονον. Не столь полное согласіе, не смотря на полное слитіе, даютъ οἱ ἀντίφωνοι и οἱ παράφωνοι, которые представляютъ лишь подобіе истинной симфоніи, особенно же οἱ σύμφονοι κατὰ συνέχειαν, которые образуютъ изъ себя не саму симфонію, а только элементы ея—интервалы.

Итакъ, Пиѳагоръ, какъ убѣждены были древніе, первый выразилъ въ числахъ симфоническіе интервалы. Вполнѣ ли, или только отчасти справедливо это убѣжденіе, трудно рѣшить съ точностію; но если что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ это то, что пиѳагорейское ученіе о числахъ послужило основаніемъ и для музыкальной и для астрономической теоріи Платона, какъ та и другая изложена въ Тимэѣ. Именно, пиѳагорейцы, какъ извѣстно, почти для всякой области науки имѣли такъ называемый тетрактисъ, то есть такой опредѣленный рядъ четырехъ, въ извѣстномъ отношеніи между собою стоящихъ членовъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, заключалась нѣкая особенная сила или способность. Ѳеонъ смирнскій (Ариѳметика—p. 50.

59. 61; Музыка—р. 150 и дал.) насчитываетъ одиннадцать такихъ тетрактисовъ, изъ которыхъ оба первые относятся къ числамъ, то есть къ математикѣ. Первый называется тетрактисъ десятка (ἡ τῆς δεκάδος τετρακτύς) и состоитъ изъ членовъ 1, 2, 3, 4, сумма которыхъ—10 считалась у пиѳагорейцевъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ чиселъ, вслѣдствіе чего и самый тетрактисъ этотъ содержалъ въ себѣ, по ихъ мнѣнію, особенную силу, особенное значеніе. Что касается каждаго изъ членовъ этого тетрактиса въ отдѣльности, то отъ Ѳеона же узнаемъ объ нихъ слѣдующее. Единица (μονάς), единство, есть число несложное и неразложимое, изъ себя не выходящее, то есть не измѣняющееся ни отъ умноженія, ни отъ дѣленія само на себя, есть начало всего, нѣчто нерушимое и неизмѣнное, тождество, разумъ, идея, субстанція, равное и не равное, наконецъ есть все если не въ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ въ возможности. Первую ступень вынаруженія единства, первый переходъ отъ единаго къ многому представляетъ двоица (δυάς)—происшедшее, движеніе, различіе и разнообразіе, матерія, наименьшая прямая линія, первое четное число, чувственное, отрицаніе субстанціи. Она произошла изъ присоединенной къ себѣ же единицы. Изъ единицы же и двоицы вмѣстѣ происходитъ троица (τριάς)—первое число, имѣющее начало, средину и конецъ, первая множественность, первое нечетное и вмѣстѣ первое круговое самозамкнутое число, первое плоскостное число (см. выше примѣч. къ р. 32 А. В), а также первое тѣло о трехъ измѣреніяхъ. Наконецъ, четверица (τετράς), происходящая или путемъ сложенія единицы съ троицей или путемъ умноженія самой на себя двоицы, есть первый квадратъ и притомъ квадратъ перваго четнаго же числа, а также первое тѣлесное число, какъ трехсторонняя пирамида. Этотъ первый тетрактисъ, какъ выше было замѣчено, произошелъ путемъ сложенія, второй же, который Платонъ положилъ въ основаніе своей музыкальной и астрономической теоріи (Тим. р. 35 В и дал.), происходитъ путемъ

умноженія и содержитъ въ себѣ собственно цѣлыхъ два тетрактиса—одинъ четный = 1, 2, 4, 8, въ которомъ экспонентъ есть 2, а другой нечетный = 1, 3, 9, 27, въ которомъ экспонентъ есть 3. Въ обоихъ этихъ тетрактисахъ первый членъ означаетъ точку, пунктъ, второй—наименьшую линію, третій — наименьшую плоскость, четвертый — наименьшее тѣло, и притомъ въ четномъ тетрактисѣ линію, плоскость, тѣло—въ прямолинейномъ направленіи, а въ нечетномъ—въ круговомъ направленіи. Цѣлый тетрактисъ, такимъ образомъ, будетъ: 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27. Въ немъ сумма первыхъ шести членовъ равна седьмому и число всѣхъ членовъ есть 7, такъ что седмерица—это священнѣйшее и могущественнѣйшее число обнимаетъ его собою кругомъ [1]). Этотъ тетрактисъ, по ученію пиѳагорейцевъ, есть причина всѣхъ вещей. Отъ него произошли всѣ консонансы, именно—изъ перваго интервала 2 : 1—ἀντίφωνος, изъ двухъ слѣдующихъ интерваловъ 3 : 2 и 4 : 3—παράφωνοι, изъ интервала же 9 : 3—ἀντίφωνος κατὰ συνέχειαν, да и тройной интервалъ 3 : 1 тоже принадлежитъ къ числу консонансовъ. На этой пиѳагорейской системѣ греки обосновали не только свою музыкальную, но и астрономическую теорію, которая со временъ Платона, если не ранѣе, стояла твердо до временъ Птоломея. Птоломей разрушилъ ее (Harm. 1. 5. 6) и на обломкахъ ея создалъ новую систему, которую опять ниспровергъ и замѣнилъ новою Кеплеръ. Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Многократный интервалъ, дважды сложенный, опять является многократнымъ, какъ напр. двойной интервалъ

---

1) Халцидій цѣлыхъ двѣ главы посвятилъ показанію превосходства седмерицы въ физіологическомъ, астрономическомъ и общематематическомъ отношеніи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, говоритъ между прочимъ онъ, omnibus partim nascentibus, partim parientibus (numeris), partim et nascentibus et parientibus, solus septenarius numerus neque ex duplicatione alterius nascitur nec infra decimanum limitem parit quemquam... proptereaque Minerva est a veteribus cognominatus, item ut illa sine matre perpetuoque virgo. Сравн. также у Аристотеля—метафиз. 1, 5; XIII, 6; XIV, 3 и др.

2 : 1, послѣ удвоенія 4 : 2=2 : 1 даетъ четырехкратный интервалъ 4 : 1. Первый изъ многократныхъ интерваловъ—двойной наполняется двумя первыми же сверхдольными полуторнымъ (ἡμιόλιον) 3 : 2 и сверхъодно третнымъ (ἐπίτριτον) 4 : 3; слѣдовательно будетъ 4, 3, 2. Доказательства на это представлены уже Евклидомъ.

Двойной интервалъ 2 : 1 греки называли діапасонъ (διά πασῶν), такъ какъ это есть интервалъ между первымъ самымъ низкимъ звукомъ и послѣднимъ самымъ высшимъ, или между первою и послѣднею струною октохорда, и, значитъ, простирается на всѣ струны вмѣстѣ, всѣ обнимаетъ собою. У насъ этотъ интервалъ носитъ названіе октавы. Этотъ двойной интервалъ, дважды сложенный, даетъ четырехкратный интервалъ 4 : 1, или два діапасона (δίς διά πασῶν, т. е. двѣ октавы, въ которыхъ отношеніе между первою и послѣднею струною 1 : 4), трижды сложенный даетъ осьмикратный интервалъ 1:8 или три діапасона (τρὶς διά πασῶν), четырежды сложенный даетъ шестнадцатикратный интервалъ 16:1 или четыре діапасона (τετράκις διά πασῶν) и т. д. Каждый діапасонъ (октава) содержитъ два консонанса,—одинъ болѣе, другой менѣе совершенный; болѣе совершенный есть вмѣстѣ съ тѣмъ и большій 3 : 2=1 1/2, а менѣе совершенный есть вмѣстѣ и меньшій 4:3=1 1/3; первый называется διά πέντε (тоже самое, что у насъ называется квинтой), а послѣдній—діатессаронъ (διά τεσσάρων—тоже, что наша кварта). Иногда также вмѣсто διά πασῶν говорили ἁρμονία, вмѣсто διὰ πέντε,—δι᾽ὀξειῶν, и вмѣсто διά τεσσάρων,—συλλαβή.

Наконецъ, тройной интервалъ состоитъ, очевидно, изъ двойного и полуторнаго (ἡμιόλιον)=3, 2, 1, слѣдовательно содержитъ въ себѣ діапасонъ и діапенте, почему и называется διά πασῶν καί διὰ πέντε. Тотъ же интервалъ, которымъ діапенте превышаетъ діатессаронъ, называется тономъ (τόνος, котораго не должно смѣшивать со звукомъ φθόγγος) и имѣетъ своимъ отношеніемъ 9:8, другими словами, греки считали за интервалъ цѣлаго тона, когда вибраціи высшаго тона

къ вибраціямъ низшаго въ одинъ и тотъ же моментъ времени относились какъ $9:8=1^1/_8$, или на оборотъ, когда количества времени, употребляемыя высшимъ и низшимъ тонами на произведеніе одного и того же числа вибрацій, относятся между собою какъ 8:9, потому что если отнять отъ діапенте, то есть отъ 9:6 діатессаронъ, то есть 8:6, то останется тонъ = 9 : 8, и такъ какъ діапасонъ состоитъ изъ діапенте и діатессаронъ, то принимая разницу между этими двумя интервалами за тонъ, можно сказать также, что діапасонъ состоитъ изъ діатессаронъ (кварты), тона и діатессаронъ (другой кварты). Все это мы узнаемъ отъ Плутарха (о музыкѣ с. 17 и др.).

Плутархъ же, какъ выше было замѣчено (см. примѣч. къ р. 36 А), указалъ на существованіе между членами Платоновскаго тетрактиса двоякаго отношенія—ариѳметическаго (μεσότης ἀριθμητική) и гармоническаго (μεσότης ὑπεναντία ἢ ἁρμονική). И въ самомъ дѣлѣ, діапасонъ раздѣляется сверху внизъ съ одной стороны на діапенте и діатессаронъ ариѳметическимъ средне-пропорціональнымъ, какъ напр. 4, 3, 2, между которыми діапасонъ есть 4 : 2, діатессаронъ 4 : 3, діапенте 3 : 2, а съ другой на діатессаронъ и діапенте средне-гармоническимъ пропорціональнымъ 12, 8, 6, между которыми діапасонъ будетъ 12 : 6, діапенте 12 : 8, діатессаронъ 8:6, и наконецъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ раздѣляется діапасонъ на діатессаронъ, тонъ (τόνος) и діатессаронъ въ числахъ 12, 9, 8, 6, между которыми 9 есть ариѳметическое средне-пропорціональное, и 8—гармоническое средне-пропорціональное, діатессаронъ будетъ 12 : 9, тонъ 9 : 8, діатессаронъ 8 : 6. Потомъ, діапасонъ и діапенте состоитъ изъ діапенте, діатессаронъ, діапенте, и не трудно видѣть, что онъ дѣлится средне-пропорціональнымъ ариѳметическимъ на діапасонъ и діапенте сверху внизъ 3, 2, 1, а гармоническимъ—сверху же внизъ—на діапенте и діапасонъ, 6, 3, 2, обоими же вмѣстѣ—на діапенте, діатессаронъ, діапенте 6, 4, 3, 2, между которыми 4 есть средне-пропорціональное ариѳмети-

ческое, 3—гармоническое, діапенте $6:4=1^1/_2$, діатессаронъ $4:3=1^1/_3$, діапенте $3:2=1^1/_2$ и т. д. и т. д.

Далѣе, тонъ (τόνος) не можетъ быть раздѣленъ на равныя части, другими словами, въ интервалъ тона нельзя помѣстить ни одного, ни больше среднепропорціональныхъ ариѳметическихъ, потому что тонъ всегда представляетъ собою такой сверхдольный (ἐπιμόριος) и именно $9:8=1^1/_8$ (ἐπόγδοος) интервалъ, въ срединѣ котораго нельзя помѣстить ни одного, ни двухъ среднепропорціональныхъ ариѳметическихъ членовъ, поелику такой среднепропорціональный долженъ по правилу (Тим. р. 36, А: τὴν δὲ ἴσῳ μέν κατ' ἀριθμόν ἄκρων αὐτῶν ὑπερέχουσαν, ἴσῳ δέ ὑπερεχομενην) быть на одно и то же число и больше меньшаго изъ крайнихъ членовъ, и меньше большаго изъ нихъ и, слѣдовательно, долженъ дѣлить разность между этими членами, а между тѣмъ она не можетъ быть раздѣлена поровну (сравн. Euclid. sect. Canon. theorem. III. XVI). Такимъ образомъ, въ этой теоріи, строго говоря, нѣтъ точнаго, чистаго полутона (ἡμιτόνιον, hemitonium), а есть одна часть большая, а другая меньшая полутона. Полутонъ меньшій древніе называли лиммой (λεῖμμα, отъ λείπω, собств. —остатокъ, hemitonium minus, сравн. Плутархъ о происхожд. міровой души гл. 17 и др.), а большій полутонъ апотомэ ἀποτομή, hemitonium majus); оба эти названія, какъ увидимъ ниже, взяты отъ діатессарона. Цѣлостный несоставный интервалъ тона и лиммы назывался триполутоніемъ (τριημιτόνιον) и былъ тоже самое, что наша такъ называемая малая терція, а половина полутона называлась, какъ и нынѣ, діэзомъ (δίεσις) и считалась за самый послѣдній по малости своей интервалъ, доступный воспроизведенію человѣческимъ голосомъ (сравн. Ѳеонъ, ариѳм. р. 87). Кромѣ того древнимъ извѣстны были еще слѣдующіе несоставные интервалы: интервалъ тона и тона—двухтонный (δίτονον), или наша большая терція, интервалъ тона, тона и тона—трехтонный (τρίτονον) или наша чрезмѣрная кварта, интервалъ четырехтонный (τετράτονον), или наша малая секста, пятитонный (πεντάτονον), или наша малая септима.

Діатессаронъ наполняется тономъ (τόνος), тономъ и лиммой. Такъ какъ 4 : 3=256: 192, то послѣдній членъ есть діатессаронъ; поеликужъ 216 : 192=9 : 8, 243 : 216=9 : 8, то тонъ, значитъ, содержится въ діатессаронѣ два раза. Ближайшій за тѣмъ тонъ есть $273^{3}/_{8}$: 246=9 : 8. Но діатессаронъ простирается только до 256; слѣдовательно 256 : 243 есть только половина тона. Теперь же, интервалъ 256 : 243, очевидно, есть меньшій чѣмъ интерзалъ $273^{3}/_{8}$: 256, потому что 243 : 256 = 256 : $269^{139}/_{243}$. Легко понять теперь, что обозначенный Платономъ въ точности „промежутокъ (διάστημα) доли“, который былъ выдѣленъ Творцемъ въ каждомъ интервалѣ—$^{9}/_{8}$ или $1^{1}/_{8}$, и который вездѣ былъ 256 : 243, есть не что иное, какъ лимма, и что напротивъ $273^{3}/_{8}$: 256, или въ цѣлыхъ числахъ, 2187 : 2048 есть апотоме. Интервалъ, которымъ апотоме превышаетъ лимму, есть очевидно $273^{3}/_{8}$: $269^{169}/_{243}$, или въ цѣлыхъ числахъ 531441 : 524288. Проклъ говоритъ, что онъ назывался коммой (κόμμα, отъ κόπτω, собств. сѣченіе). Наконецъ, трехполутоніе (τριημιτόνιον), очевидно, получится, если будетъ отнятъ тонъ отъ діатессарона. Діатессаронъ есть 32 : 24, и если отнять отъ него тонъ 27 : 24, то останется корень трехполутонія 32 : 27.

Соединеніе многихъ интерваловъ называлось группой, системой (σύστημα). Системы бываютъ различны: однѣ изъ нихъ даютъ консонансы, другія—диссонансы, смотря по тѣмъ (численнымъ же) отношеніямъ, въ какихъ группируются ихъ основные элементы. Самая первая и меньшая изъ системъ есть тетрахордъ, подъ которымъ гармоники разумѣли обыкновенно интервалъ діатессарона. Она осуществлялась въ четырехструнной киѳарѣ, которая въ древнѣйшія времена была во всеобщемъ и исключительномъ употребленіи и которая вслѣдствіе этого и позднѣе пользовалась такимъ уваженіемъ, что полагаема была въ основу каждой новой музыкальной системы. Ептахордъ содержитъ дважды діатессаронъ или два тетрахорда, но такимъ образомъ, что самый низшій звукъ (φθόγγος) высшаго тетрахорда есть вмѣстѣ самый высшій—низшаго. Два соединенныя такимъ образомъ

тетрахорда назывались соприкосновенными, связанными (συνημμένα, отъ συνάπτω). Но, такъ какъ не принято было дважды діатессаронъ считать за консонансъ, такъ какъ совершеннѣйшимъ консонансомъ считался діапасонъ, то Пиѳагоръ, говорятъ, изобрѣлъ октахордъ, именно, оставилъ между двумя тетрахордами еще интервалъ тона, послѣ чего къ первому тетрахорду присоединился, вмѣсто тетрахорда же, пентахордъ, или образовались два тетрахорда же, но только уже раздѣленные (διεζευγμένα), потому что между двумя послѣдовательными въ срединномъ пунктѣ сливающимися тетрахордами вставленный въ срединѣ тонъ (т. е. тоновой интервалъ) служитъ общимъ раздѣленіемъ (διάζευξις, disjunctio) точно такъ же, какъ средній общій звукъ (φθόγγος) служитъ соединеніемъ (συναθή, conjunctio). Такимъ то образомъ образовался интервалъ полнаго діапасона, который, какъ уже показано, содержитъ въ себѣ діатессаронъ, тонъ, діатессаронъ. Эти два тетрахорда, которые потомъ назывались τετράχορδον μέσων и τετράχορδον διεζευγμένων и къ которымъ присоединены были позднѣе еще два тетрахорда—внизу τετράχορδον ὑπάτων съ прибавкою тона (τόνος), а вверху—τετράχορδον ὑπερβολαίων, такъ что вся система обнимала собою дважды діапасонъ. Именно, позднѣе греческіе артисты (μουσικοί) имѣли цѣлыя двѣ такъ называемыя совершенныя системы (συστήματα τέλεια), одну меньшую, которая шла снизу вверхъ путемъ соединенія (συναφή) чрезъ тонъ и три тетрахорда ὑπάτον (низшій), μέσων (средній) и συνημμένων (соединенный) и, значитъ, содержала въ себѣ діапасонъ и діатессаронъ, а другую большую, которая состояла изъ четырехъ по-парно соединенныхъ тетрахордовъ или двухъ самостоятельныхъ ептахордовъ, и шла снизу вверхъ сперва чрезъ тонъ, потомъ чрезъ два соединенные тетрахорда ὑπάτων и μέσων, потомъ опять чрезъ тонъ и два соединенные же те-тетрахорда διεζευγμένων (раздѣленный по отношенію къ низшему ептахорду) и ὑπερβολαίων (надбавочный), но представляла

собою интервалъ только двухъ октавъ—δὶς διὰ πασῶν. Изъ соединенія же обѣихъ этихъ системъ образовалась такъ называемая неизмѣнная система (σύστημα ἀμετάβολον), которая имѣла тотъ же объемъ, что и бо́льшая изъ совершенныхъ системъ, но содержала кромѣ тетрахордовъ, входящихъ въ составъ ихъ обѣихъ, еще одинъ тонъ внизъ и которая отъ измѣнчивой системы (σύστημα μετάβαλον) только тѣмъ отличалась, что имѣла всегда только одну μέση—media, между тѣмъ какъ измѣнчивая могла имѣть ихъ нѣсколько. Подъ именемъ же μέση—media разумѣлась въ системѣ разъединенія (διέζευξις) струна, которая въ направленіи снизу вверхъ имѣетъ несоставной тонъ, а сверху внизъ представляетъ интервалъ двухъ тоновъ, простой-ли-то, или составной, а въ системѣ соединенія (συναφή)—струна, которая служитъ вмѣстѣ и самою высшею струною средняго и самою низшею высшаго изъ трехъ соединенныхъ тетрахордовъ. На этомъ основаніи неизмѣнная система называлась также простою, между тѣмъ какъ измѣнчивая называлась еще сложною и по числу μέσων двойною, тройною и т. д.

Смотря по тому, какъ дѣлился тетрахордъ (то есть интервалъ, имъ обнимаемый), сами звуки получали тотъ или иной характеръ и составляли изъ себя тотъ или иной родъ (γένος). Уже древнимъ хорошо извѣстны были всѣ три, нынѣшнею теоріею различаемые, рода: *діатоническій*, отличавшійся силою, спокойствіемъ, достоинствомъ, простотою, имѣвшій сверху внизъ интервалами тонъ, тонъ и лимму,—*хроматическій*—тоже не непріятный, но слишкомъ нѣжный, вялый и унылый, имѣвшій интервалами внизъ тригемитоніумъ, апотоме, лимму, и *енгармоническій*—самый пріятный, самый оживленный, свѣжій, веселый, имѣвшій несоставной интервалъ двухъ тоновъ, потомъ діеза, діеза [1]). Но древніе же

[1]) Эти роды имѣли еще въ древности и свои оттѣнки (Εἴδη, χρόαι, species, которыхъ однако не должно смѣшивать съ видами εἴδη, (о которыхъ рѣчь будетъ ниже), которые тоже относились еще къ родамъ (напр. Птоломей Harm II). Гармонія, говорили древніе, конечно имѣетъ только роды; однакожъ, прибавляли, γένος διάτονον бываетъ или σύντονον, который совпадаетъ съ родомъ, или μαλακόν

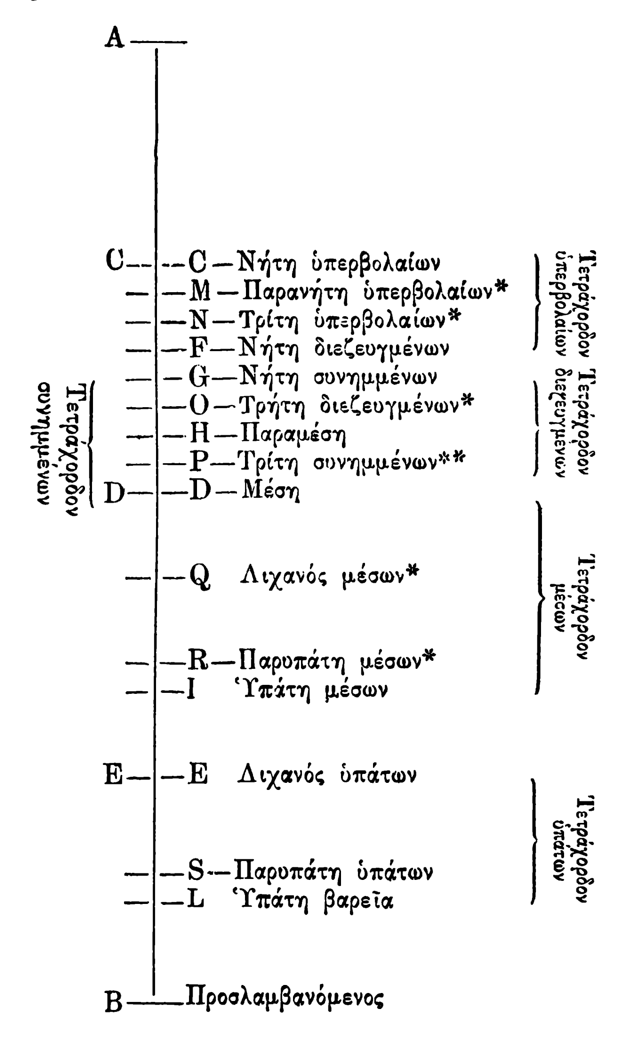
повидимому и объединяли эти роды, когда говорили о родѣ смѣшенномъ, какъ такомъ, который составляется изъ двухъ и болѣе родовъ (Птоломей Harm II. с. 15), и о родѣ общемъ (κοινόν), какъ такомъ, который содержитъ тоны общіе всѣмъ родамъ—тоны, которые по этой причинѣ назывались устойчивыми или неподвижными (ἑστῶτες, immobiles). Эти неподвижные тоны или границы тетрахорда имѣли слѣдующія названія:

Προσλαμβανόμενος
Ὑπάτη βαρεῖα (ὑπάτη ὑπάτων)
Ὑπάτη μέσων
Μέση
Παραμέση
Νήτη συνημμένων
Νήτη διεζευγμένων
Νήτη ὑπερβολαίων

Тѣже тоны, которые видоизмѣняются, смотря по тому, въ какой родъ входятъ, назывались подвижными (φερόμενοι, mobiles). Опредѣленіе тѣхъ и другихъ сообразно съ длиною струнъ по линейкѣ (по монохорду), носившей названіе канона, называлось сѣченіемъ канона (κανόνος κατατομή, sectio canonis) и составляло предметъ особой науки—каноники, которою много занимались пиѳагорейцы. Въ сѣченіи же требовалось прежде всего опредѣлить длину и расположеніе неподвижныхъ струнъ, а потомъ наполнить образовавшіеся между ними интервалы новыми интервалами, опредѣливши для этого предварительно длину и мѣсто струнъ подвижныхъ. Это послѣднее дѣйствіе называлось сгущеніемъ (зву-

(molle), который дѣлится внизъ на несоставной интервалъ пяти діезовъ, на такой же интервалъ трехъ діэзовъ и лимму. Точно также и χρῶμα, или χρωματικὸν γένος бываетъ или τοναῖον, называемый также и σύντονον, который имѣетъ дѣленіе одинаковое съ своимъ родомъ, или ἡμιόλιον (sesquialterum), который внизъ имѣетъ во 1-хъ несоставной интервалъ семи енгармоническихъ—діэзовъ (такой діэзъ=$^1/_4$ тона), потомъ интервалъ въ $1^1/_2$ такихъ діэза и еще интервалъ одинаковаго размѣра со вторымъ, или наконецъ—μαλακόν, который въ томъ же порядкѣ модулируется чрезъ несоставной интервалъ тона, полутона и хроматическаго діэза (такой діэзъ=$^1/_3$ тона), потомъ чрезъ хроматическій діэзъ и еще чрезъ таковой же.

ковъ и интерваловъ ихъ) *καταπύκνωσις*, condensatio; но о Богѣ Платонъ говоритъ, что Онъ, при сѣченіи канона міровой гармоніи, *восполнялъ* συνεπληροῦτο τῷ τοῦ ἐπογδόου διαστήματι τὰ *ἐπίτριτα πάντα*... Если же найденное такимъ путемъ отношеніе тоновъ или струнъ, бывъ переведено на числа, изображалось въ фигурѣ, то эта фигура называлась діаграммой. Слѣдующая фигура представляетъ сѣченіе канона для самаго обыкновеннаго—діатоническаго (собственно-синтоническ·го) рода, для котораго ниже и діаграмма будетъ найдена и представлена.



Всматриваясь въ методъ сдѣланнаго здѣсь сѣченія, не трудно открыть слѣдующее. Вся система обнимаетъ δὶς διὰ πασῶν (по нашему двѣ октавы) и значитъ представляетъ отношеніе 4 : 1, или, что тоже самое, самая низшая струна προσλαμβανόμενος, относится къ самой высшей νήτη ὑπερβολαίων какъ 4 : 1. Если AB есть προσλαμβανόμενος, то, по раздѣленіи AB въ точкахъ C, D, E на четыре равныя части, AC будетъ (самою высшею струною) νήτη ὑπερβολαίων, а AD—μέση, которая очевидно окажется самою низшею струною тетрахорда συνημμένων и самою высшею тетрахорда μέσων. Далѣе, самая низшая струна тетрахорда ὑπερβαλαίων и вмѣстѣ самая высшая тетрахорда διεζευγμένων есть νήτη διεζευγμένων; слѣдовательно, если AC : AF = 3 : 4, то AF есть νήτη διεζευγμένων. Потомъ, такъ какъ AF : AG = 8 : 9, или AC : AG = 2 : 3, то AG есть νήτη συνημμένων—самая высшая струна тетрахорда συνημμένων. Поелику же AF:AH = 3:4, то AH есть παραμέση—самая низшая струна тетрахорда διεζευγμένων, а μέση AD—самая низшая струна тетрахорда συνημμένων. Потомъ, если AD : AI = 3 : 4, то AI есть ὑπάτη μέσων—самая низшая струна тетрахорда μέσων и самая высшая струна самаго низшаго тетрахорда ὑπάτων. Точно также, если AI : AL = 3 : 4, то AL есть ὑπάτη βαρεῖα—самая низшая струна тетрахорда ὑπάτων. Вотъ и всѣ такъ называемые неподвижные тоны и ихъ струны. А затѣмъ восполненіе интерваловъ между этими неподвижными тонами посредствомъ тоновъ подвижныхъ, обозначенныхъ здѣсь звѣздочками, совершается въ діатоническомъ родѣ по слѣдующимъ законамъ слѣд. образомъ: AC : AM = 8 : 9, слѣдовательно, AM есть παρανήτη ὑπερβολαίων; точно также и AM : AN = 8 : 9, значитъ AN будетъ τρίτη ὑπερβολαίων. Кромѣ всего этого AN : AF = 243 : 256. Вотъ и весь τετράχορδον ὑπερβολαίων. Далѣе,—AF : AG = 8 : 9, но струна, которая (по образцу тетрахорда ὑπερβαλαίων) должна бы быть παρανήτη διεζευγμένων (т. е. второю внизъ отъ самой высшей νήτη), оказывается въ тоже время νήτη συνημμένων; точно также и AG : AO = 8 : 9, слѣдовательно AO хотя есть τρίτη διεζευγμένων,

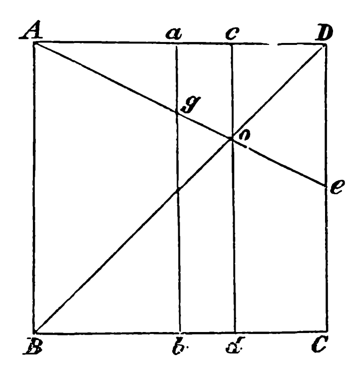
но вмѣстѣ съ тѣмъ есть παρανήτη συνημμένων, и кромѣ того AO : AH = 243 · 256. Это будетъ весь τετράχορδον διεζευγμένων Потомъ, AO : AP = 8 : 9, слѣдовательно AP будетъ τρίτη συνημμένων, а затѣмъ въ порядкѣ слѣдовало бы AH:AP=243:256, и это была бы опять таже τρίτη συνημμένων; но поелику въ такомъ разѣ сошлись бы вмѣстѣ три послѣдовательныхъ полутона AO : AH, AH : AP и AP : AD, а этого не допускаетъ канонъ діатоническаго рода, то ее приходится по примѣру Евклида совсѣмъ опустить въ счетѣ и присчитать только AP : AD : 243 : 256. Тутъ оканчивается тетрахордъ συνημμένων. Затѣмъ AD : AQ = 8 : 9, значитъ AQ будетъ λίχανος μέσων (струна, которая бралась всегда указательнымъ пальцемъ λιχανός); точно также и AQ : AR = 8 : 9, слѣдовательно AR будетъ παρυπάτη μέσων, и кромѣ того AR:AI=243:256. Тутъ оканчивается τετράχορδον μέσων. Наконецъ, AI:AE=8:9, значитъ AE будетъ λίχανος ὑπάτων, а потомъ AE:AD=3:2, между тѣмъ какъ AD:AI=3:4, а AI:AE=8:9, слѣдовательно AD:AE=2:3. Далѣе, AE:AS=8:9, слѣдовательно AS будетъ παρυπάτη (струны, слѣдующія за самою низшею струною тетрахорда) ὑπάτων, и кромѣ того AS:AL=243:256 (то есть интервалъ полутона). Вотъ и весь τετράχορδον ὑπάτων. Струны или тоны παρανήτη и λίχανος каждаго діатоническаго тетрахорда называются также діатонами этого тетрахорда, напр. ὑπερβολαίων διάτονος, ὑπάτων διάτονος, или съ прибавкою имени струны παρανήτη ὑπερβολαίων διάτονος, λίχανος μέσων διάτονος и т. д. [1]).

1) Бэккъ въ своемъ „изслѣдованіи объ образованіи міровой души по Тимэю Платона“ (стр. 70 и дал.) представляетъ также и опытъ сѣченія канона въ обыкновенномъ хроматическомъ родѣ (χρῶμα τοναῖον). Но это сѣченіе нужно только для ближайшаго знакомства вообще съ музыкальною теоріею древнихъ, а вовсе не для уясненія разсматриваемой теоріи Платона, такъ какъ въ эту теорію оно совсѣмъ не входитъ. А потому, чтобъ еще лучше уяснить себѣ законы сѣченія въ діатоническомъ родѣ, на которомъ исключительно утверждается теорія Платона, можно развѣ воспользоваться еще другимъ древнимъ инструментомъ для опредѣленія и утвержденія интерваловъ, который назывался геликономъ (Ἑλικών).

Именно, если начертавъ квадратъ ABCD, примемъ, что половина стороны AD будетъ въ точкѣ a, а половина стороны DC будетъ въ точкѣ e, потомъ со-

Каждая система въ каждомъ родѣ имѣетъ опять свои виды или лады (εἴδη, species; σχήματα figurae), которые въ

единимъ A съ e, проведемъ діагональ DB а отъ точки *a*, указывающей половину AD, проведемъ прямую линію ab параллельную AB и наконецъ чрезъ точку *o*, въ которой пересѣкаются Ae и BD, проведемъ такую же прямую cd и тоже параллельную съ AB, то получимъ слѣдующее:



1. De = eC = $^1/_2$ AB. Кромѣ того
   AD : De = Aa : ag
   AB : $^1/_2$ AB = $^1/_2$ AB : ag
   1 : $^1/_2$ = $^1/_2$ AB : ag, d, h
2. ag = $^1/_4$ AB, слѣдовательно также
3. gb = $^3/_4$ AB. А затѣмъ
   AD : De = Ac : co
   AB : $^1/_2$ AB = od : co
   2 : 1 = (AB—co) : co
   2 co = AB—co
   3 co = AB, d, h.
4. co = $^1/_3$ AB и
5. od = $^2/_3$ AB.

Если теперь примемъ, что начертанный и разсмотрѣнный квадратъ представляетъ собою верхнюю доску инструмента, на которомъ протянуты по четыремъ линіямъ AB. ab, cd, Dc четыре струны одинаковой силы и напряженности, подъ струны же подставлена острымъ краемъ линейка или подставка въ направленіи Ae, но такъ, чтобъ не измѣнять степени ихъ напряженности, то очевидно, что въ отношеніи къ струнѣ AB струна gb окажется квартой, od—квинтой, De и ec—октавой, co—квинтой въ слѣдующей октавѣ, ag—двойной октавой и т. д. И если мы примемъ AB за единицу мѣры, то получимъ слѣдующія величины, выражающія и отношеніе длины струнъ и отношеніе количествъ ихъ вибрацій:

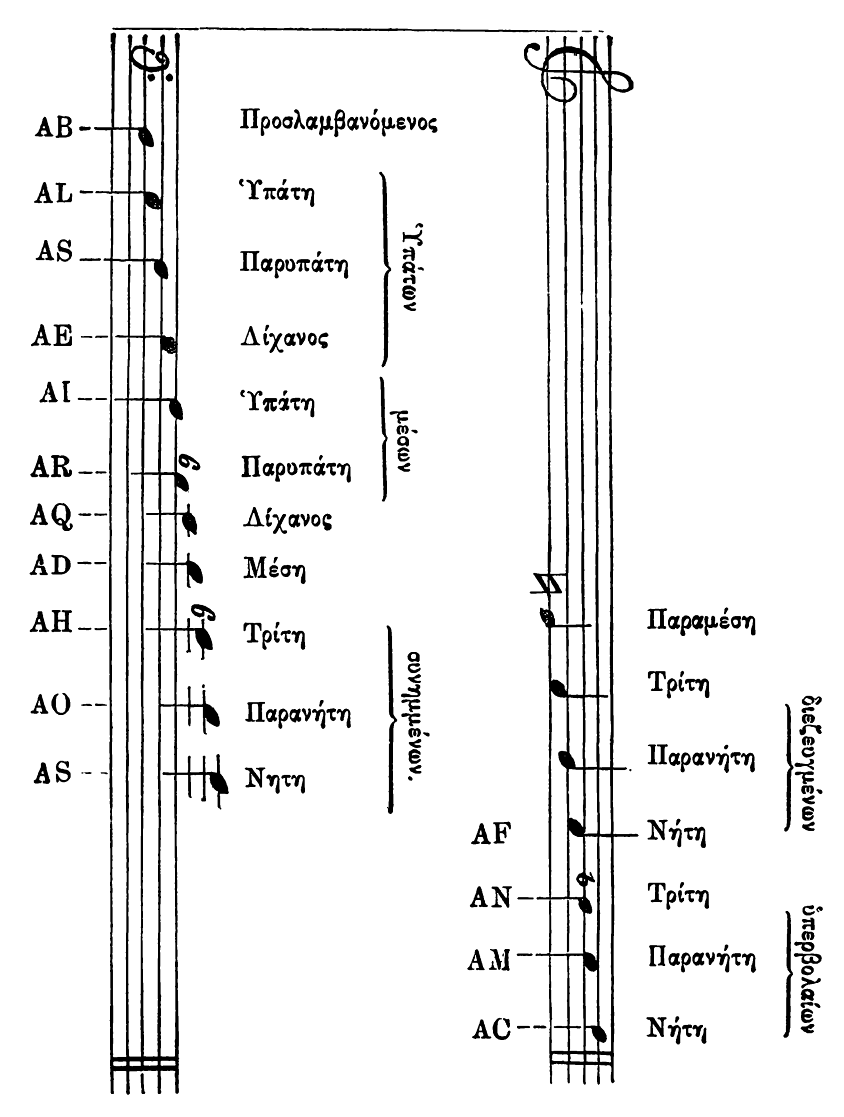
1. длина кварты = $^3/_4$, квинты = $^2/_3$, октавы = $^1/_2$, тона = $^8/_9$
2. число вибрацій — = $^4/_3$ — = $^3/_2$ — = 2 — — $^9/_8$.

хроматическомъ родѣ и енгармоническомъ опредѣляются степенью плотности (наполненія интерваловъ), а въ діатоническомъ—положеніемъ лиммы. Оставивъ въ сторонѣ діатессаронъ и діапенте (кварту и квинту), разсмотримъ только виды діапасона, или такъ называемые въ наше время порядки тоническіе (гаммы), которые должны быть строго отличаемы отъ тѣхъ видовъ или ладовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Всѣхъ ихъ должно быть, по числу главныхъ тоновъ діапасона, семь. Первый порядокъ имѣетъ одну лимму на первомъ мѣстѣ снизу, а другую на четвертомъ мѣстѣ сверху внизъ, и идетъ отъ ὑπάτη ὑπάτων до παραμέση. Второй имѣетъ ее снизу на третьемъ мѣстѣ, а сверху внизъ—на первомъ и простирается отъ παρυπάτη ὑπάτων до τρίτη διεζευγμένων. Третій имѣетъ лимму въ томъ и другомъ направленіи на второмъ мѣстѣ и идетъ отъ λίχανος ὑπάτων до παρανήτη διεζευγμένων. Четвертый имѣетъ ее снизу на первомъ мѣстѣ, а сверху на третьемъ и простирается отъ ὑπάτη μέσων до νήτη διεζευγμένων. Пятый имѣетъ ее на четвертомъ мѣстѣ снизу, а сверху на первомъ и идетъ отъ παρυπάτη μέσων до τρίτη ὑπερβολαίων. Шестой порядокъ начинающійся отъ λίχανος μέσων и оканчивающійся въ παρανήτη ὑπερβολαίων имѣетъ лимму на третьемъ мѣстѣ снизу и на второмъ сверху. Наконецъ седмой порядокъ имѣетъ ее на второмъ мѣстѣ снизу и на третьемъ сверху и простирается отъ μέση до νήτη ὑπερβολαίων отъ προσλαμβανόμενος до μέση. Такъ учатъ Евклидъ, Аристидъ, Гавденцій.

Различія въ цѣлой гармонической системѣ называются видами, ладами, или тонами (τρόποι, modi, а также τόνοι). Въ древнѣйшее время всего три таковыхъ вида было въ употребленіи: дорійскій, фригійскій и лидійскій. Каждый изъ нихъ отличался отъ каждаго другаго или присутствіемъ одного лишняго тона вверху, или отсутствіемъ таковаго, и въ этомъ отношеніи дорійскій былъ самымъ низшимъ, фригійскій среднимъ, лидійскій—самымъ высшимъ. Дорійскій имѣлъ строгій, серьезный, торжественный характеръ и

считался наиболѣе способнымъ къ выраженію спокойныхъ, ясныхъ, трезвыхъ душевныхъ состояній и настроеній. Фригійскій отличался большимъ оглушающимъ шумомъ и гамомъ и считался особенно способнымъ къ выраженію темныхъ, неосмысленныхъ, необузданныхъ порывовъ, влеченій, бурь страсти. Лидійскій отличался успокаивающею мягкостію, ласкающею нѣжностію и служилъ преимущественно предъ другими для выраженія тихихъ чувствъ радости и печали. Но, кромѣ этихъ трехъ видовъ, уже во времена Сапфо и Алкэя (за 600 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.) сталъ входить въ употребленіе видъ или ладъ *миролидійскій* (Плутархъ о музыкѣ с. 16 и 28) и вмѣстѣ съ нимъ, если не ранѣе его, *іонійскій* (иначе, іастическій), практиковавшійся въ лесбійской пѣвческой школѣ, а также эолійскій (Бэккъ,—примѣч. къ Пиндару II стр. 235). Изъ нихъ іонійскій занялъ по высотѣ мѣсто между дорійскимъ и фригійскимъ, эолійскій—между фригійскимъ и лидійскимъ, а миролидійскій—за лидійскимъ. Позднѣе произошло еще больше видовъ вслѣдствіе того, что къ этимъ первоначальнымъ видамъ стали прилагать такіе же второстепенные и сверху и снизу, при чемъ этимъ послѣднимъ давали тѣ же имена, только съ прибавкою или ὑπὸ, если они прибавлялись снизу, или ὑπέρ, если прибавлялись сверху. Такимъ-то образомъ для семи видовъ діапасона получились слѣдующіе семь ладовъ по направленію сверху внизъ: миролидійскій, лидійскій, фригійскій, дорійскій, иполидійскій, ипофригійскій и иподорійскій (называемый также Λοκριστί и Κοινόν). Всѣ они вмѣстѣ образуютъ интервалъ δὶς διὰ πασῶν, такъ какъ каждый изъ нихъ превышаетъ каждый слѣдующій однимъ тономъ, а два слѣдующіе всего однимъ полтономъ. Аристоксенъ-же (ученикъ Аристотеля въ своихъ ἁρμονικὰ στοιχεῖα) насчитываетъ цѣлыхъ 13 видовъ: ипермиролидійскій или иперфригійскій, высшій миролидійскій или иперіастическій, низшій миролидійскій или ипердорическій, высшій лидійскій, низшій лидійскій или эолійскій, высшій фригійскій, низшій фригій-

скій или іастическій, дорійскій, высшій иполидійскій, низшій иполидійскій или ипоэолійскій, высшій ипофригійскій, низшій ипофригійскій или ипоіастическій, и наконецъ иподорійскій. Каждый изъ нихъ, по его описанію, обнимаетъ δίς διὰ πασῶν (двѣ октавы) и превышаетъ слѣдующій по порядку всего однимъ полъ-тономъ, такъ что отъ προσλαμβανόμενος иподорійскаго до νήτη ипермиролидійскаго выходитъ τρίς διὰ πασῶν (три октавы). Наконецъ, болѣе новые музыкальные теоретики насчитываютъ цѣлыхъ 15 видовъ въ слѣдующемъ порядкѣ снизу вверхъ: иподорійскій, іпоіастическій, ипофригійскій, ипоэолійскій, иполидійскій, дорійскій, іастическій, фригійскій, эолійскій, лидійскій, ипердорійскій (или миролидійскій), иперіастическій, иперфригійскій, иперэолійскій, иперлидійскій. Каждый изъ нихъ превышаетъ каждый слѣдующій однимъ полъ-тономъ, и, такъ какъ объемъ каждаго изъ нихъ (δίς διὰ πασῶν) двѣ октавы, то объемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ—три октавы (τρίς διὰ πασῶν) и одинъ тонъ. Для большей ясности дѣла, лучше всего будетъ представить посредствомъ нашихъ нотъ какой нибудь изъ этихъ видовъ, напр. лидійскій, составъ и высота котораго болѣе другихъ намъ извѣстны. При этомъ звуки или ноты обозначимъ буквами, показывающими длину струнъ въ вышеначертанной фигурѣ сѣченія канона въ діатоническомъ родѣ.



Что παρανήτη συνημμένων тождественна съ τρίτη διεζευγμένων, а νήτη συνημμένων тождественна съ παρανήτη διεζευγμένων и что τρίτη συνημμένων, собственно говоря, можетъ быть совсѣмъ выпущена, объ этомъ уже было сказано. Основнымъ тономъ дорійскаго лада принято считать B=Ais, и если это

вѣрно, то основные тоны всѣхъ остальныхъ ладовъ безъ всякаго труда могутъ быть отысканы; основнымъ тономъ напр. миролидійскаго или гипердорическаго будетъ очевидно Dis=Es и т. д.

Если теперь, имѣя въ виду всѣ эти данныя древней музыкальной теоріи, обратимся къ разсматриваемому мѣсту Платона, то найдемъ въ немъ—въ его тетрактисѣ, состоящемъ изъ семи чиселъ 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27 гармоническую систему, обнимающую τετράκις διά πασῶν (1:2, 2:4, 4:8, 8:16), одно διαπέντε (16:24) и τόνος (24:27), или, по нашему счету, систему въ четыре октавы съ большою секстою. Такая большая система никогда не была въ употребленіи у грековъ и есть простой философскій вымыселъ Платона. Θеонъ смирнскій высказалъ (Муз. p. 98), а Проклъ (въ своемъ комментаріѣ на Тимэя III p. 192 B) повторилъ предположеніе, что Платонъ въ своемъ тетрактисѣ довелъ первыя четныя и нечетныя числа до третьей степени для того, чтобъ міровая гармонія тронула и привела въ гармоническое состояніе даже безчувственную матерію, чтобъ міровая душа насквозь проникла и охватила все міровое тѣло. Какъ бы то ни было впрочемъ, но очевидно прежде всего, что Платоновскій тетрактисъ представляетъ два различные ряда интерваловъ—рядъ интерваловъ двойныхъ 1:2, 2:4, 4:8, и рядъ тройныхъ 1:3, 3:9, 9:27. Задача прежде всего состоитъ въ томъ, чтобъ для каждаго изъ интерваловъ того и другаго рода, или для каждой пары членовъ найти два среднепропорціональныхъ члена—одинъ ариѳметическій, другой гармоническій. Для этой цѣли лучше всего, по примѣру Евдора и Крантора (у Плутарха о происхожденіи міровой души c. 16, 8 p. 1020), принять за единицу число 384, чтобъ избѣжать дробей, и затѣмъ поступать какъ выше было указано. Такимъ образомъ получатся для двойныхъ интерваловъ числа

1 : 2) 384 : 512 = 576 : 768.
2 : 4) 768 : 1024 = 1152 : 1536.
4 : 8) 1536 : 2048 = 2304 : 3072,

а для тройныхъ числа:

1 : 3) 384 : 576 = 768 : 1152.

3 : 9) 1152 : 1728 = 2304 : 3456.

9 : 27) 3456 : 5184 = 6912 : 10368.

Этими пропорціями, согласно вышесказанному, каждый двойной интервалъ дѣлится на діатессаронъ, тонъ и діатессаронъ, а каждый тройной—на діапенте, діатессаронъ, діапенте. Да и самъ Платонъ это говоритъ. А теперь слѣдуетъ, по требованію Платона, всѣ διαστήματα Ἐπίτριτα ($^1/_3$), то есть, интервалы діатессарона наполнить διαστήμασι ἐπογδόοις интервалами въ $1^1/_8$, то есть тонами (τόνοις). Платонъ забываетъ сказать, что тутъ прежде всего должны быть наполнены διαστήματα ἡμιόλια ($1^1/_2$), то есть, интервалы діапенте, но это само собою разумѣется. Для этихъ интерваловъ въ тройныхъ промежуткахъ очевидно выйдутъ числа: 384. 512. 576. 768. 1024. 1152. 1536. 1728. 2304. 3072. 3456. 4608. 5184. 6912. 9216. 10368. Если теперь всѣ діатессароны ($1^1/_3$) наполнить тонами ($1^1/_8$), которыхъ въ каждомъ діатессаронѣ, какъ извѣстно, должно быть по два съ прибавкою еще лиммы, которая у Платона должна представлять отношеніе 256:243, то получатся въ двойныхъ интервалахъ числа: 384. 432. 486. 512. 576. 648. 729. 768. 864. 972. 1024. 1152. 1296. 1458. 1536. 1728. 1944. 2048. 2304. 2592. 2916. 3072, а въ тройныхъ числа: 384. 432. 486. 512. 576. 648. 729. 768. 864. 972. 1024. 1152. 1296. 1458. 1536. 1728. 1944. 2187. 2304. 2592. 2916. 3072. 3456. 3888. 4374. 4608. 5184. 5832. 6561. 6912. 7776. 8748. 9216. 10368. Всѣхъ чиселъ вышло 34. Отношеніе 28-го числа къ 29-му есть тонъ (5832:6561). Но между этими числами обыкновенно вставляютъ еще 6144 на томъ основаніи, что оно есть очень важное, какъ τετράκις διὰ πασῶν, и чрезъ это получается апотоме 6144:6561. Точно также между 17-мъ и 18 числомъ вставляется 2048 и тоже выходитъ апотоме 2048:2187. Всѣхъ чиселъ, слѣдовательно, выходитъ 36—число, которое само по себѣ въ пиѳагорейской системѣ считалось очень важнымъ и нѣкоторыми [1]) принимаемо было за сумму особаго тоже весьма важнаго тетрактиса. Изъ этихъ чиселъ получается слѣдующая истинно-Платоновская діаграмма:

---

1) Плутархъ (о происх. міровой души p 1027 F cap. 30) упоминаетъ объ особомъ двойномъ тетрактисѣ изъ четырехъ первыхъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7 и четырехъ первыхъ же четныхъ чиселъ 2, 4, 6, 8, общая сумма которыхъ число 36 имѣло у пиѳагорейцевъ особенно важное значеніе и пользовалось особымъ уваженіемъ.

I. 384. Тонъ. 432. Тонъ. 486. Лимма. 512. Тонъ. 576. Тонъ. 648. Тонъ. 729. Лимма. 768.

II. 768. Тонъ. 864. Тонъ. 972. Лимма. 1024. Тонъ. 1152.

III. 1152. Тонъ. 1296. Тонъ. 1458. Лимма. 1536.

IV. 1536. Тонъ. 1728. Тонъ. 1944. Лимма. 2048. Апотоме. 2187. Лимма. 2304. Тонъ. 2592. Тонъ. 2916. Лимма. 3072.

VIII. 3072. Тонъ. 3456.

IX. 3456. Тонъ. 3888. Тонъ. 4374. Лимма. 4608. Тонъ. 5184. Тонъ. 5832. Лимма. 6144. Апотоме. 6561. Лимма. 6912. Тонъ. 7776. Тонъ. 8748. Лимма. 9216. Тонъ. 10368.

XXVII. 10368.

Общая сумма всѣхъ членомъ=114.695. Такою она оказывается уже и у Тимэя локрскаго (апокрифическаго). Съ музыкальной стороны рядъ членовъ представляетъ систему, но не неизмѣнную и не прямо изъ тетрактиса образовавшуюся, а при посредствѣ средне-пропорціональныхъ членовъ. Слѣдованіе интерваловъ съ необходимостію опредѣляется корнями ихъ. Именно въ двойномъ ряду діапенте предшествуетъ діатессарону 2, 3, 4, а въ тройномъ діапасонъ идетъ впереди діапенте 1, 2, 3; въ самомъ же діапенте діатессаронъ предшествуетъ тону, а въ діатессаронѣ два тона предшествуютъ полутону 192, 216, 243, 256. Происшедшій такимъ путемъ гармоническій родъ есть синтоно-діатоническій и діапасонъ въ немъ раздѣленъ по самому серьезному и величавому дорическому строю. Вся система можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

	Звуки или струны.	Интервалы.	Численное обозначеніе.
Ὀκτώχορδον 1.	Νήτη	Тонъ	384
	Παρανήτη	Тонъ.	432
	Τρίτη	Лимма.	486
	Παραμέση	Тонъ.	512
	Μέση	Тонъ.	576
	Λίχανος	Тонъ.	648
	Παρυπάτη	Лимма.	729
	Ὑπάτη(		
Ὀκτώχορδον 2.	Νήτη (	Тонъ.	768
	Παρανήτη	Тонъ.	864
	Τρίτη	Лимма.	972
	Παραμέση	Тонъ.	1024
	Μέση	Тонъ.	1152
	Λίχανος	Тонъ.	1296
	Παρυπάτη	Лимма.	1458
	Ὑπάτη(		
Ὀκτώχορδον 3.	Νήτη (	Тонъ.	1536
	Παρανήτη	Тонъ.	1728
	Τρίτη	Лимма.	1944
	Παραμέση	Апотоме.	2048
	(Ἡμιτόνιον μεῖζον	Лимма.	2187
	(Ἡμιτόνιον μεῖον	Тонъ.	2304
	Λίχανος	Тонъ.	2592
	Παρυπάτη	Лимма.	2916
	Ὑπάτη		3072
Ὀκτώχορδον 4.	Νήτη	Тонъ.	3072
	Παρανήτη	Тонъ.	3456
	Τρίτη	Тонъ.	3888
	Παραμέση	Лимма.	4374
	Μέση	Тонъ.	4608
	Λίχανος	Тонъ.	5184
	Παρυπάτη	Лпмма.	5832
	Ὑπάτη	)Апотоме.	6114
Διὰ πέντε.	Νητη	)Лимма.	6561
	—	Тонъ.	6912
	Παρανήτη	Тонъ.	7776
	Τρίτη	Лимма.	8748
	Παραμέση	Тонъ.	9216
	Φθόγγος Προσλαμβανόμενος		10.368

Изъ тетрахордовъ, входящихъ въ составъ этихъ октохордовъ, два первые суть раздѣленные διεζευγμένων, второй и третій суть связанные συνημμένων, третій и четвертый

опять раздѣленные, четвертый и пятый—соединенные, если считать объемъ ихъ отъ 1536 до 2048, но раздѣленные, если считать отъ 1728 до 2304; въ первомъ случаѣ точно также пятый и шестой суть раздѣленные, а въ послѣднемъ—связанные. Шестой и седмой—суть раздѣленные, седмой и осьмой—связанные, если считать ихъ отъ 4608 до 6144, но раздѣленные, если считать отъ 5184 до 6912; въ первомъ случаѣ осьмой и девятый будутъ раздѣленными, а въ послѣднемъ—связанными. Всю систему девяти тетрахордовъ заканчиваетъ, или вѣрнѣе, обосновываетъ еще одинъ лишній такъ называемый прибавочный тонъ—προσλαμβανόμενος.

Это есть вѣчная сверхчувственная гармонія чиселъ, Богомъ положенная гармонія міровой души, и она отнюдь не можетъ и не должна быть смѣшиваема съ тою чувственною мимолетною гармоніей, которая получается отъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ (Тимэй p. 37 A, сравн. p. 47 D. и др.).

Во всей этой теоріи нужно различать двѣ стороны или двѣ различныя гипотезы. Что въ мірѣ опредѣлены мѣрою, вѣсомъ и числомъ всѣ вещи отъ небесныхъ звѣздъ до песка дна морскаго, что вселенную со всѣхъ сторонъ обнимаетъ и повсюду насквозь проникаетъ міровая душа—самая строгая, точная, безошибочная пропорціональность всѣхъ міровыхъ силъ, дѣятельностей и ихъ всевозможныхъ комбинацій,—это была первая и существенная гипотеза древнихъ—столь натуральная и столь истинная, что и нынѣ она имѣетъ и во вѣки вѣковъ будетъ имѣть свою полную силу. Но, что число, мѣра и вѣсъ вселенной могутъ быть измѣряемы числомъ и мѣрою музыкальной гармоніи, что строго пропорціональныя отношенія міровыхъ тѣлъ, міровыхъ силъ должны совпадать съ отношеніями музыкальныхъ тоновъ,—это была гипотеза слишкомъ смѣлая, слишкомъ поспѣшная и произвольная. Но даже между древними отлично это сознавали такіе строгіе и вмѣстѣ такіе скромные мыслители, какъ напр. Платонъ, который и цѣлой системѣ своихъ воз-

зрѣній, какъ она изложена въ Тимэѣ, усвоялъ лишь чисто-гипотетическій характеръ (Тим. р. 29, A—D и др.) и въ частности если и приложилъ вышеизложенную музыкальную теорію къ космической системѣ, то не во всей цѣлости и не во всѣхъ частностяхъ, а только лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Но комментаторы Платона хотѣли во что бы ни стало, такъ или иначе, но непремѣнно во всѣхъ частяхъ связать его астрономическую теорію съ теоріею музыкальною, и такъ какъ у самаго Платона не нашли достаточныхъ для этого данныхъ, то натурально впали въ такое разногласіе между собою, настроили такое множество и столь (часто до противоположности) различныхъ догадокъ, объясненій, что вывести изъ нихъ что нибудь общее, несомнѣнное нѣтъ никакой возможности.

Итакъ, Творецъ, по словамъ Платона, образовавши сверхъчувственный составъ міровой души по вышеизложеннымъ математическимъ и вмѣстѣ гармоническимъ законамъ, раздѣлилъ затѣмъ весь этотъ составъ на двѣ части или на два круга, изъ которыхъ одному—внѣшнему опредѣлилъ быть кругомъ природы тождественнаго, а другому—внутреннему—быть кругомъ иного, измѣнчиваго. Что такое внѣшній кругъ тождественнаго и что такое внутренній кругъ иного, мы уже знаемъ (см. примѣч. къ р. 36 C. D.); но какое отношеніе имѣетъ это космическое раздѣленіе, это двоякое вращеніе двухъ круговъ къ законамъ и числамъ музыкальной гармоніи,—неизвѣстно. Потомъ Богъ, оставляя внѣшній кругъ тождественнаго единымъ, цѣлостнымъ, нераздѣльнымъ, шесть разъ разрѣзаетъ внутренній кругъ иного и дѣлитъ его на семь неравныхъ круговъ, которые размѣщаетъ сообразно съ разстояніями трехъ двойныхъ и трехъ же тройныхъ промежутковъ. Тутъ очевидно опять вступаетъ въ силу тотъ самый тетрактисъ изъ семи чиселъ, который лежитъ въ основѣ музыкальной гармоніи, и слѣдовательно опять повторяются отношенія 1:2, 2:4, 4:8, и 1:3, 3:9, 9:27. Что эти семь неравныхъ круговъ, расположенныхъ на разстояніяхъ

двойныхъ и тройныхъ интерваловъ, суть планетные пути, это самъ Платонъ говоритъ и указываетъ даже, какая именно изъ семи планетъ соотвѣтствуетъ каждому изъ семи чиселъ тетрактиса, или, что тоже, какіе интервалы представляютъ онѣ по отношенію другъ къ другу. Именно, ставя землю въ центрѣ всѣхъ круговъ и не принимая ее въ счетъ, онъ размѣщалъ планеты въ слѣдующемъ порядкѣ:

Луна.	Солнце.	Венера.	Меркурій.	Марсъ.	Юпитеръ.	Сатурнъ.
1,	2,	3,	4,	8,	9,	27.

Такъ какъ интервалы звуковъ, издаваемыхъ извѣстными струнами, представляли отношенія, совпадающія съ отношеніями между числами этого тетрактиса, то древніе, совсѣмъ забывая о томъ, что они же сами подложили эти послѣднія отношенія подъ первыя, стали искать затѣмъ соотвѣтствія между извѣстными струнами и извѣстными планетами. Такъ, по свидѣтельству Никомаха неопиѳагорейца (жив. въ концѣ 2-го и началѣ 3-го в. по Р. Х. Harm. II. p. 33); уже нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ допускали слѣдующее соотношеніе между струнами и планетами.

Луна = Νήτη (συνημμένων).
Венера = Παρανήτη (συνημμένων).
Меркурій = Τρίτη (συνημμένων—παραμέση).
Солнце = Μέση.
Марсъ = Λίχανος μέσων.
Юпитеръ = Παρυπάτη μέσων.
Сатурнъ = Ὑπάτη μέσων.

Полагаютъ (Бэккъ—примѣч. къ Пиндару p. 205), что этотъ, составленный изъ двухъ соединенныхъ тетрахордовъ, ептахордъ былъ музыкальною системою извѣстнѣйшаго изъ пиѳагорейцевъ Филолая. Быть можетъ, это и такъ, хотя, по свидѣтельству Никомаха (Harm. p. 9), уже Пиѳагоръ замѣнилъ древній ептахордъ октохордомъ. Что же касается самого Пиѳагора, то одни подкладываютъ подъ его астрономическую систему одну, другіе—другую музы-

кальную систему. Еще болѣе расходятся между собою и древніе и новые толкователи въ вопросѣ о томъ, какая именно музыкальная система принята Платономъ въ основу своей астрономіи, какія именно струны и какимъ планетамъ у него соотвѣтствуютъ. И неудивительно, потому что если астрономическая система Платона представляетъ значительную разницу сравнительно съ другими болѣе древними системами, не исключая и пиѳагорейской, то его музыкальная система, какъ показано, уже совсѣмъ ничего общаго не имѣетъ ни съ одною изъ древнихъ системъ. Входить въ разсмотрѣніе этого слишкомъ спорнаго, слишкомъ запутаннаго вопроса здѣсь не мѣсто, тѣмъ болѣе, что почти нельзя надѣяться на достиженіе сколько нибудь точнаго, несомнѣннаго рѣшенія. Однакожъ, чтобъ не пройти совсѣмъ его молчаніемъ, можно развѣ принять въ соображеніе мнѣніе Бэкка— самаго даровитѣйшаго и усерднѣйшаго изъ изслѣдователей міровой души или міровой гармоніи древнихъ. Такъ какъ онъ положилъ въ основаніе вычисленій систему 15-ти ладовъ, то у него вышла слѣдующая лѣстница планетъ и соотвѣтственныхъ имъ струнъ:

Луна 1	=	Νήτη ὑπερβολαίου Ὑπερλυδίου τρόπου.
Солнце 2	=	Μέση ὑπερλυδίου τρόπου.
Венера 3	=	Ὑπάτων διάτονος Ὑπερλυδίου τρόπου.
Меркурій 4	=	Προσλαμβανόμενος Ὑπερλυδίου τρόπου.
Марсъ 8	=	Προσλαμβανόμενος Ὑπερφρυγίου τρόπου.
Юпитеръ 9	=	Προσλαμβανόμενος Ὑποδωρίου τρόπου.
Сатурнъ 27		„ „ „ „

Что эта лѣстница совершенно совпадаетъ съ порядкомъ планетъ у Платона,—объ этомъ не можетъ быть спора, но что и струны распредѣлены между планетами какъ разъ такъ, какъ предполагалъ Платонъ, въ этомъ можно рѣшительно усомниться уже въ виду того одного обстоятельства, что для Сатурна, совершающаго самый большій кругъ, здѣсь совсѣмъ не оказывается соотвѣтственной струны—не-

оказывается по той простой причинѣ, что даже система 15 ти строевъ обнимаетъ всего τρὶς διὰ πασῶν и одинъ тонъ, слѣдовательно представляетъ отношеніе 9:1, какъ выше показано. Но именно уже одно это обстоятельство, не говоря о многихъ другихъ, идя въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Бэкка, въ тоже время сильно говоритъ въ пользу того предположенія (Шталлбаума), что Платонъ утверждался не на какой либо изъ извѣстныхъ музыкальныхъ системъ, даже не на системѣ 15-ти ладовъ, а на единственной въ своемъ родѣ системѣ, которая была плодомъ его собственнаго измышленія. Если же мы будемъ стоять на этомъ предположеніи и на мѣсто этихъ первыхъ чиселъ гармонико-астрономическаго тетрактиса поставимъ соотвѣтствующія имъ числа вышеначертанной Платоновской діаграммы, то получимъ, согласно распредѣленію планетъ у Платона, слѣдующее:

Луна.	Солнце.	Венера.	Меркурій.	Марсъ.	Юпитеръ.	Сатурнъ.
384.	768.	1152.	1536.	3072.	3456.	10.368.

А затѣмъ никакого уже труда не стоитъ отыскать въ вышеначертанной системѣ Платона и струны, соотвѣтствующія каждой изъ планетъ. Конечно, эти струны не совпадутъ ни со струнами системы 15-ти ладовъ, принятой Бэккомъ, ни со струнами вышепоказаннаго такъ называемаго пиѳагорейскагоептахорда. Но это совсѣмъ не важно, потому что, какъ выше замѣчено, весьма можно сомнѣваться даже въ томъ, что это былъептахордъ Филолая, не говоря уже о самомъ Пиѳагорѣ. Итакъ, струною Сатурна будетъ προσλαμβανόμενος—самая низшая и вмѣстѣ самая длинная струна самаго низшаго полуоктохорда, а струною Юпитера будетъ παρανήτη—вторая сверху струна слѣдующаго (4 го) октохорда. И если Юпитеръ относится къ Сатурну какъ 9 : 27 или какъ 3456 : 10.368, то ихъ раздѣляетъ διάστημα τριπλάσων, содержащій въ себѣ διά πασῶν, διαπέντε и ἐπόγδοον, или по нашему интервалъ октавы съ большой секстой. Этотъ интервалъ, какъ показываетъ діаграмма, наполненъ меньшими интервалами тона, тона, лиммы, тона,

тона, лиммы, апотоме, лиммы, тона, тона, лиммы и тона. Струною Марса будетъ Νήτη—самая высшая струна того же самаго, или, что тоже, Ὑπάτη—самая низшая струна слѣдующаго (3-го) октохорда, и если Марсъ такъ относится къ Юпитеру, какъ 8:9, или какъ 3072:3456, а къ Меркурію какъ 8:4 или 3072:1536, то значитъ отъ Юпитера его отдѣляетъ διάστημα ἐπόγδοον, то есть интервалъ одного тона, а отъ Меркурія διάστημα διπλάσιον, то есть интервалъ октавы. И дѣйствительно, какъ показываетъ діаграмма, между числами 3072 и 3456 помѣщается всего одинъ тонъ, тогда какъ между числами 1536 и 3072 помѣщаются интервалы тона, тона, лиммы, апотоме, лиммы, тона, тона и лиммы. Струною Меркурія будетъ Νήτη—самая высшая струна средняго (3-го) или, что тоже, самая низшая струна слѣдующаго (2-го сверху) октохорда, и если Меркурій такъ относится къ Венерѣ, какъ 4:3, или 1536 : 1152, то его отдѣляетъ отъ Венеры διάστημα ἐπίτριτον, или διά τεσσάρων, или по нашему интервалъ кварты, который, какъ видно изъ діаграммы, наполненъ тономъ, тономъ и лиммой. Струною Венеры будетъ Μέση—средняя струна тогоже (2-го сверху) октохорда, и если Венера относится къ Солнцу какъ 3:2 или какъ 1152:768, то значитъ эти два тѣла раздѣляетъ διάστημα ἡμιόλιον, или διά πέντε, по нашему интервалъ квинты, который, какъ показываетъ діаграмма, состоитъ изъ тона, тона, лиммы и тона. Наконецъ струною солнца будетъ Νήτη—самая высшая струна тогоже (2 го) или, что тоже, Ὑπάτη—самая низшая струна слѣдующаго (1-го сверху) октохорда, а струною Луны будетъ Νήτη—самая высшая и вмѣстѣ самая кратчайшая струна того же (1-го) октохорда, и если Солнце такъ относится къ Лунѣ, какъ 2:1 или 768:384, то значитъ оно, отдѣляясь отъ Венеры интерваломъ квинты, отъ Луны отдѣляется, какъ и Марсъ отъ Меркурія, интерваломъ октавы, который, какъ видно изъ діаграммы, состоитъ изъ тона, тона, лиммы, тона, тона, тона и лиммы.

Вопросъ теперь въ томъ, какими соображеніями могъ

руководствоваться Платонъ, предполагая такіе интервалы между 7-ю планетами, оправдывается ли сколько нибудь эта его гармонико-астрономическая система по крайней мѣрѣ древними же астрономическими вычисленіями, не говоримъ уже о новѣйшихъ?—Если припомнимъ сказанное Платономъ относительно движенія планетъ (Тим. р. 36 D и р. 38 D; см примѣчанія къ этимъ страницамъ), и примемъ въ соображеніе, что онъ измѣрялъ скорость планетныхъ движеній исключительно только количествомъ времени, употребляемаго каждою изъ планетъ на совершеніе своего кругооборота, то найдемъ, что показанные сейчасъ гармоническіе интервалы между струнами лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ точно или только приблизительно показываютъ у него относительную скорость движенія планетъ въ этомъ смыслѣ. Такъ струна Сатурна, отстоя отъ струны Юпитера на интервалъ октавы и большой сексты и представляя отношеніе къ ней по величинѣ своей 27:9, а по скорости движенія 9:27, довольно близко выражаетъ относительную скорость этихъ звѣздъ, потому что Сатурнъ. по счисленію древнихъ, совершалъ путь свой чрезъ 12 знаковъ зодіака въ 30 лѣтъ, тогда какъ Юпитеръ проходилъ его въ 12 лѣтъ. Точно также въ слѣдующей парѣ—струна Марса, отстоя отъ струны Меркурія на интервалъ одной октавы и представляющая отношеніе къ ней по величинѣ 8:4, а по скорости 4:8, даже вполнѣ точно выражаетъ относительную скорость этихъ звѣздъ, такъ какъ, по счисленію древнихъ, Марсъ совершалъ свой кругооборотъ въ 2 года, а Меркурій въ 1 годъ. Но что касается остальныхъ струнъ и планетъ, то онѣ повидимому совершенно произвольно приравнены другъ къ другу, потому что гармоническіе интервалы тутъ повидимому не имѣютъ даже приблизительно отношенія къ скоростямъ планетныхъ вращеній, и усиливаться во что бы ни стало найти совпаденіе этого отношенія, не имѣя вѣрнаго къ тому ключа, значило бы стараться увеличить и безъ того очень большое число сдѣланныхъ разными комментаторами Платона иногда

самыхъ произвольныхъ и самыхъ странныхъ догадокъ, комбинацій. Еще большею смѣлостію было бы наполнивъ, по требованію и правилу Платона, большіе промежутки въ рядѣ семи чиселъ его тетрактиса, обозначающемъ порядокъ семи планетъ, рядами чиселъ, представляющихъ разные меньшіе промежутки, стараться и эти послѣднія числа связать съ извѣстными тѣлами міровой системы подобно тому, какъ они связываются съ извѣстными звуками въ музыкальной системѣ. Было бы это крайнею и безумною смѣлостію, потому что Платонъ даже намека не далъ на то, какъ можно бы это сдѣлать, и весьма вѣроятно даже самъ не доводилъ до такой степени сближеніе между астрономическою и музыкальною системами[1]).

---

[1]) Замѣчанія о музыкальной и астрономической системѣ Платона заимствованы нами изъ изданія Platon's Werke griechisch und deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen. Leipz. 1853. Они же въ свою очередь извлечены изъ болѣе обширныхъ замѣчаній Бэкка и Шталлбаума.

КРИТІЙ.

Лица діалога: Тимэй, Критій, Сократъ, Гермократъ.

Тимэй.—Ахъ,—какъ радъ я теперь, Сократъ, что кое- 106.
какъ наконецъ выплелся изъ лабиринта своего разсужденія,—
точь-въ точь какъ человѣкъ, могущій наконецъ свободно
вздохнуть послѣ длиннаго путешествія! Но (въ заключеніе
всего) еще тому Божеству, которое на самомъ дѣлѣ было
и прежде, которое въ словѣ только сейчасъ предъ нами
явилось, помолюсь, да будетъ во благо намъ изъ сказаннаго
все то, что сказано истинно, и да постигнетъ насъ подобаю-
щее наказаніе, если мы невольно проронили по этому пред- —B.
мету что-либо несогласное съ истиною. Поелику же самое
справедливое наказаніе для погрѣшающаго состоитъ въ томъ,
чтобъ (такъ или иначе) привести его въ согласіе съ исти-
ною, то мы молимъ, да дастся намъ съ тѣмъ, чтобъ мы
впредь могли высказывать вполнѣ истинныя сужденія о
происхожденіи божествъ, самое лучшее и дѣйствительнѣй-
шее для этой цѣли лекарство—вѣдѣніе. А теперь, послѣ
этой молитвы, продолженіе слова передаю, согласно уго-
вору, Критію.

Критій. Да я, Тимэй, конечно и приму (роль продолжа-
теля). Но, какъ ты въ началѣ испрашивалъ себѣ снисхож- —C.
денія во имя великой трудности предметовъ, о которыхъ
собирался вести рѣчь, такъ и я теперь попрошу и, надѣюсь,
достигну у васъ даже еще большаго снисхожденія къ тому,
что предстоитъ мнѣ разсказать. Самъ знаю, что просьба, 107.
которую я собираюсь предложить вамъ, имѣетъ видъ излиш-

ней притязательности, и совершенной несообразности; однакожъ высказать ее долженъ. Ибо, что сказанное тобою, не вѣрно сказано,—какой здравомыслящій человѣкъ рѣшился бы утверждать это? Но, что вещи, которыя мною будутъ сказаны, будучи болѣе трудными (въ отношеніи вѣроятія у тѣхъ, которымъ разсказываются) требуютъ и большей снисходительности (отъ слушателей),—это я попытаюсь доказать. Вѣдь, гораздо-же легче, Тимэй, казаться истину говорящимъ тому, кто повѣствуетъ людямъ о богахъ, нежели тому, кто разсказываетъ предъ нами о (такихъ же, какъ мы) смертныхъ, потому что неопытность и совершенное не-
B.— вѣденіе слушателей относительно извѣстныхъ вещей даютъ полный просторъ тому, кто собирается что-либо говорить о нихъ; а вы отлично знаете, что всѣ мы именно таковы (то есть, совсѣмъ невѣжественны) относительно боговъ. А чтобъ еще болѣе стало яснымъ то, что я разумѣю, сообразите, вмѣстѣ со мною вотъ что: если мы посмотримъ на искусство изображенія художниками тѣлъ божественныхъ ли, или вообще не человѣческихъ со стороны легкости или трудности, съ какою художникъ на взглядъ цѣнителей мо-
C.— жетъ показаться достаточно хорошимъ изобразителемъ (этихъ тѣлъ), то найдемъ, что какъ относительно земли съ ея горами, рѣками и лѣсами, такъ и относительно цѣлаго неба со всѣмъ тѣмъ, что на немъ находится и движется, мы бываемъ довольны и тѣмъ, если кто либо оказывается способнымъ въ своихъ изображеніяхъ представить нѣчто хотя сколько нибудь похожее на эти вещи, а затѣмъ такъ какъ ничего болѣе точнаго о подобныхъ вещахъ мы не знаемъ, то безъ изслѣдованія и изобличенія (невѣрности) изображеннаго, довольствуемся и неясными, обманчивыми силуэтами
D.— этихъ вещей. Но лишь только кто возьмется изображать наши собственныя тѣла, мы сейчасъ становимся строгими критиками въ отношеніи къ тому (художнику), который не всѣ черты и не съ полною точностію воспроизводитъ (въ своемъ изображеніи), потому что сейчасъ-же отчетливо за-

мѣчаемъ пропущенное, благодаря всегда присущей намъ способности (такого рода) провѣрки. Тоже самое, должно согласиться, бываетъ и съ рѣчами: рѣчами о небесномъ и божественномъ мы удовлетворяемся, если онѣ представляютъ хоть маленькую вѣроятность, между тѣмъ какъ все смертное и человѣческое мы тщательно провѣряемъ. А потому, требуется (отъ васъ) снисхожденіе къ тому, что сейчасъ —E.
будетъ говориться мною безъ надлежащей подготовки, если я не въ состояніи буду высказать все, какъ слѣдуетъ, ибо должно (вамъ) помнить, что не легко, а напротивъ трудно представить (въ словѣ) смертное такъ, чтобъ оно оказалось въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ [1]). Все, это, Сократъ, высказалъ я съ тѣмъ, чтобъ напомнивъ вамъ объ этомъ испро- 108.
сить у васъ не меньшее (чѣмъ Тимэй получилъ), а даже еще бо̀льшее снисхожденіе относительно того, что имѣетъ быть мною сказано, и если, на вашъ взглядъ, я правъ, прося этого дара, то дайте мнѣ его отъ добраго сердца.

II. *Сократъ.*—Почему же, Критій, мы могли бы и не дать его тебѣ? Да заразъ уже дадимъ его и третьему — Гермократу, ибо несомнѣнно, что не много погодя, когда придется ему говорить, и онъ станетъ просить о томъ-же, —B.
что и вы. Но, чтобы онъ могъ начать (рѣчь) другимъ вступленіемъ, а не былъ вынужденъ опять повторять тоже самое, пусть онъ себѣ говоритъ уже какъ такой, у котораго будетъ на лице (желаемое) снисхожденіе. Тебѣ же, любезный Критій, я напередъ открою мнѣніе публики, именно, что предшествовавшій тебѣ поэтъ [2]) заслужилъ у нея чрезвы-

---

[1]) Подъ „мнѣніемъ“ разумѣется здѣсь такая гносеологическая форма познанія предметовъ, подпадающихъ чувственному воспріятію, которая хотя не имѣетъ полной истинности умозрительнаго, интуитивнаго познанія изъ идей, но все таки, въ лучшемъ случаѣ, имѣетъ полную вѣроятность. См. выше примѣч. къ p. 37. B.C. p. 52. A.B. Тимэя.

[2]) Если здѣсь Сократъ себя и остальныхъ слушателей называетъ театральною публикою, а Критія—поэтомъ (драматическимъ), то это потому что Критій въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ поэтомъ, изъ трагедій котораго небольшіе отрывки даже до насъ дошли (Poetarum tragic. graec. fragmenta ed. W. Wagner vol.

чайное одобреніе, такъ что тебѣ непремѣнно оказано будетъ снисхожденіе уже въ полной мѣрѣ, если только ты надѣешься быть способнымъ взять на себя его дѣло (продолженія его поэмы).

Гермократъ.—Конечно, Сократъ, что говоришь ты ему,
C.— то относишь и ко мнѣ... Но вѣдь, Критій, несмѣлые, люди никогда еще не водружали побѣдныхъ трофеевъ; а потому тебѣ сейчасъ же слѣдуетъ, призвавши Пэона[1]) и Музъ, храбро выступить съ словомъ—открыть (намъ) и воспѣть древнихъ доблестныхъ гражданъ.

Критій. О—да, любезный Гермократъ, ты конечно можешь храбриться, стоя въ заднемъ ряду, и имѣя впереди себя другаго, но каково-то этому другому, сейчасъ покажетъ тебѣ само дѣло. Но, такъ какъ ты ободряешь и по-
D.— буждаешь, то, такъ и быть, нужно тебя послушаться, да, кромѣ поименованныхъ тобою божествъ, призвать еще и прочихъ, въ особенности же—Мнемозину[2]), потому что

III). Если же онъ, кромѣ того, и Тимэя величаетъ поэтомъ, то это потому, что Платону угодно было изъ скромности и весь діалогъ, вложенный въ уста Тимэя—свое изслѣдованіе о вселенной назвать поэтическимъ сказаніемъ (μῦθος) для того, чтобъ кто либо не вздумалъ усвоять ему большаго вѣроятія и значенія, чѣмъ какого можетъ заслуживать подобное сказаніе.

[1]) Пэонъ (Παιήων, Παιών, Παιάν)—цѣлитель у Гомера (Ιλ, 5, 405. 899) есть еще особая самостоятельная личность всезнающаго врача олимпійскихъ боговъ, а позднѣе это уже не личность, а простой епитетъ или титулъ разныхъ другихъ божествъ обладающихъ силою исцѣленія душъ и тѣхъ, какъ напр. Аполлона (Софоклъ О. Г. 154), Асклепія (Vergil. A. 7), Діониса и даже Θанатоса, поколику и смерть есть освободительница отъ болѣзней (Еврипидъ въ Ипполитѣ ст. 1373). Но здѣсь очевидно Пэонъ принимается за особое живое божество, къ которому можно и должно обращаться съ молитвою.

[2]) Мнемозина—память, припоминаніе въ Гомеровскомъ гимнѣ къ Гермесу, да и въ Θеогоніи Гезіода (ст. 54. 135. 915 и др.) есть дочь Урана и мать всѣхъ остальныхъ музъ, рожденныхъ ею отъ Зевса. Другими словами, память, по мысли древнихъ, была матерію, отъ которой родились всѣ искусства, особенно же разные виды поэзіи. И это видимъ естественно, потому что до изобрѣтенія письменъ память служила единственнымъ средствомъ передачи добытыхъ знаній и созданныхъ поэзіею пѣсней. Сравни объ этомъ Федръ р. 259: 274. 275. И вотъ почему Критій, собираясь говорить о вещахъ, нигдѣ не записанныхъ и дошедшихъ до него путемъ устнаго преданія, считаетъ необходимымъ преимущественно предъ всѣми божествами призвать на помощь Мнемозину.

самое важнѣйшее въ нашей рѣчи всецѣло зависитъ отъ этой богини, ибо, какъ увѣревъ я, окажусь на взглядъ этой публики хорошо выполнившимъ требуемое только подъ условіемъ, если въ точности припомню и передамъ ей то, что нѣкогда повѣдали (Солону) жрецы и что потомъ принесено было сюда Солономъ. Итакъ, ужъ нечего медлить съ этимъ дѣломъ, а нужно скорѣй начинать его.

III.—Прежде всего припомнимъ, что уже девять тысячъ —E.
лѣтъ прошло, по смыслу сказанія, съ тѣхъ поръ, какъ возникла война между (народами) обитавшими по ту сторону столбовъ Геркулесовыхъ и всѣми (народами) обитавшими внутри (оныхъ столбовъ—по сю сторону). Объ этой-то войнѣ и слѣдуетъ сейчасъ подробно разсказать. Сказаніе гласитъ, что надъ этими послѣдними (народами) власть принадлежала вотъ этому (нашему—аѳинскому) государству, которое и войну эту всю вело, а надъ первыми—царямъ Атлантиды, которая, какъ мы уже сказали, представляла изъ себя нѣкогда островъ по величинѣ большій, чѣмъ Ливія и Азія вмѣстѣ, нынѣ же, послѣ того какъ онъ исчезъ (въ глубинѣ морской), отъ него остается только непроходимый илъ, служащій препятствіемъ мореходцамъ, плывущимъ отсюда въ 109.
море по ту сторону (столбовъ Геркулесовыхъ), такъ что этого моря переплывать они не могутъ. Что касается многихъ дугихъ народовъ того времени и варварскихъ и греческихъ, то они по частямъ будутъ далѣе выступать, и такъ сказать, развертываться впродолженіе нашей бесѣды, когда будетъ представляться къ тому случай, но объ аѳинянахъ и тѣхъ врагахъ, съ которыми они воевали, о могуществѣ и учрежденіяхъ тѣхъ и другихъ необходимо сейчасъ же все съ начала разсказать, и конечно прежде всего—о томъ, что было нѣкогда здѣсь (то есть въ нашемъ аѳинскомъ государствѣ).

Раздѣлили боги нѣкогда между собою всю вселенную —B.
по странамъ, но конечно безъ борьбы, ибо не разумно же было бы думать, что боги не вѣдаютъ, что именно слѣдуетъ каждому изъ нихъ, или что одни изъ нихъ способны путемъ

борьбы овладѣвать тѣмъ, что, какъ имъ извѣстно, должно принадлежать другимъ, а не имъ. Итакъ, по справедливому рѣшенію жребія [1]), боги разобрали (каждый) желанную долю, основались въ этихъ (доставшихся каждому) странахъ, основавшись же, стали пещись о насъ—своей собственности и семьѣ, какъ пастухи о стадахъ, но только не по подобію пастуховъ, которые палочными ударами гоняютъ скотъ, они дѣйствовали на наши тѣла силою тѣлесныхъ же вещей, а управляли нашею душею посредствомъ убѣжденія, и дѣй-
C.— ствуя имъ (на душу) какъ бы рулемъ изъ кормы, располагали нами согласно своимъ намѣреніямъ; вотъ какимъ образомъ они управляли цѣлымъ родомъ смертныхъ. Получивши же въ удѣлъ страны, они затѣмъ стали устроять ихъ,—каждый свою собственную. Поелику же Гефестъ и Аѳина имѣли общую природу какъ потому что природа эта была у нихъ братняя—отъ одного отца [2]), такъ и потому что они совершенно сходились между собою въ любви къ мудрости и искусству, то и получили они оба одинъ общій удѣлъ—вотъ эту страну, какъ такую, которая по самой
D.— природѣ своей удобна и благопріятна была для развитія доблести и мыслительности, и затѣмъ населивши ее коренными жителями, которые въ самомъ дѣлѣ оказались мужами доблестными, вложили въ ихъ мысли идеалъ государственнаго устройства. Только имена этихъ мужей сохранились, дѣла же, по причинѣ неоднократной гибели ихъ потомковъ, да и по долготѣ времени совсѣмъ изгладились (въ памяти людей), потому что если сохранялся (отъ подобныхъ катастрофъ) нѣкоторый родъ людей, то, какъ сказано [3]), это были неграмотные горцы, которые конечно знали по слуху имена

[1]) Жребій въ древнѣйшія времена считался однимъ изъ видовъ откровенія Богомъ воли своей людямъ въ ихъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ и спорахъ, вообще въ сомнительныхъ случаяхъ жизни.

[2]) Гефестъ и Аѳина—братья, но не единоутробные и даже не въ строгомъ смыслѣ единокровные, потому что Гефестъ родился отъ супружескаго союза Зевса съ Герой, тогда какъ Аѳина—прямо изъ головы Зевса.

[3]) См. Тимэй р. 23.

(прежнихъ) правителей страны, но о дѣлахъ ихъ лишь
очень не многое. Не удивительно поэтому, если они, не
зная о доблестяхъ и законахъ предковъ, имѣя объ этомъ
лишь самые смутные слухи, передавали своимъ потомкамъ —E.
только имена ихъ, а такъ какъ сами они да и дѣти ихъ
въ теченіе многихъ поколѣній жили, нуждаясь въ самомъ
необходимомъ, то направляя всѣ свои помыслы на тѣ пред-
меты, въ которыхъ нуждались, объ нихъ собственно и сооб- 110.
щали свѣдѣнія (потомству), оставляя въ пренебреженіи то,
что было у предковъ и что древле нѣкогда происходило,
ибо сказаніе и изслѣдованіе древности стали мало по малу
появляться въ городахъ лишь тогда, когда оказалось, что
хоть нѣкоторые изъ людей имѣютъ уже по крайней мѣрѣ
необходимое для жизни, между тѣмъ какъ прежде и того
не было. Такъ вотъ какимъ образомъ сохранились только
имена древнихъ, безъ дѣлъ ихъ. Утверждаю же я это вотъ
на какомъ основаніи: что касается Кекропса, Ерехѳея,
Ерихѳонія, Ерисихѳона, да и большей части тѣхъ именъ,
которыя сохранились въ памяти (даже аѳинянъ), какъ имена
предковъ Тезея[1]), то какъ разсказывалъ Солонъ, жрецы В.—

---

[1]) *Кекропсъ*, по смыслу саги, былъ автхѳонъ или коренной абориrенъ Аттики, происшедшій непосредственно изъ земли (χθών), почему онъ имѣлъ только бюстъ человѣка, внизу же—тѣло дракона. Онъ основалъ Аѳины и построилъ Акрополь, который поэтому и назывался Кекропіей; этимъ же именемъ стала называться послѣ него и вся страна, звавшаяся прежде Ἀκτη. Въ его время возникъ—было споръ изъ-за обладанія Аттикой между Посейдономъ и Аѳиной: Посейдонъ своимъ трезубцемъ прикатилъ—было уже волны на самый Акрополь, но Аѳина, свидѣтельствуясь Кекропсомъ, сказала, что она уже прежде насадила тутъ маслину, и т. обр. удержала Аттику за собой. Три дочери его (Ἄγραυλος, Ερση и Πάνδροσος) были въ древности почитаемы какъ божества росы, а сынъ его *Ерисихѳонъ*, какъ первый землераздиратель, т. е. землепашецъ, научившій и другихъ этому искусству. Кекропсъ раздѣлилъ все населеніе Аттики на 12 общинъ и ввелъ повсюду почитаніе Зевса и Аѳины. Ἐριχθόνιος—только со временъ Еврипида сталъ выдѣляться въ особую самостоятельную личность, въ древнѣйшее же время онъ былъ тоже самое лицо, что и Ἐρεχθεύς, который, наравнѣ съ Кекропсомъ, считался однимъ изъ автохѳоновъ Аттики. Миѳъ представляетъ его то сыномъ земли съ нижнею половиною пресмыкающагося—символомъ автохѳонства, то сыномъ Гефеста и Аттисы—дочери Краная и питомцемъ Аѳины (Il.

многими изъ этихъ именъ называли тѣхъ (древнѣйшихъ доблестныхъ аѳинянъ), повѣствуя о войнѣ (ихъ съ царями Атлантиды, а равно и имена женщинъ (тоже извѣстныхъ изъ миѳологіи) при этомъ упоминали. Ибо даже изображеніе и орнаментировка (нашей) богини, имѣющія свое основаніе въ томъ, что такъ какъ въ то древнее время воинское дѣло было общимъ занятіемъ мущинъ и женщинъ, то, согласно этому обычаю, у людей того времени и священный образъ богини представлялъ ее вооруженною,—служатъ доказательствомъ того, что всѣ существа, которыя живутъ въ сооб-
C.— ществѣ и между которыми одни—мужскаго пола, а другія женскаго, способны отъ природы съобща заниматься дѣломъ, свойственнымъ тому ли, другому ли полу [1]).

IV.—Были въ то время въ странѣ этой и другіе классы гражданъ, занимавшихся ремеслами и землепашествомъ, но уже тѣми божественными мужами съ самаго начала былъ выдѣленъ и жилъ особо (отъ остальныхъ) классъ воиновъ, которые имѣли все необходимое для пропитанія и образованія, но считали несправедливымъ еще что либо сверхъ

2, 547), которая, подкормивши его, положила въ ящикъ и передала дочерямъ Кекропса, запретивъ имъ любопытствовать, что въ немъ находится. Но онѣ не утерпѣли, открыли ящикъ и когда увидѣли мальчика съ туловищемъ и ногами страшной змѣи, то обезумѣли отъ ужаса и бросились со скалы въ море. Эрехѳей же, возмужавши, изгналъ изъ Аттики Амфиктіона и, ставъ царемъ, установилъ культъ Аѳины и построилъ ей на горѣ храмъ, въ которомъ позднѣе и самъ пользовался почитаніемъ. Изъ дѣтей его особенно извѣстны Пандіонъ, который наслѣдовалъ отъ него царство, и Бутисъ, наслѣдовавшій отъ отца санъ жреца Аѳины и Поссейдона-Ерехѳея, родоначальникъ жреческаго поколѣнія бутадовъ. Что касается наконецъ Тезея—сына аѳинскаго царя Эгея (или Поссейдона) и Эѳры—дочери пелопида Пиѳея, то это слишкомъ извѣстное лицо греческой миѳологіи, чтобъ на немъ нужно было останавливаться. Не извѣстно только, какихъ именно предковъ—Тезея разумѣетъ тутъ Платонъ.

1) Поставляя на видъ эти черты описываемаго здѣсь и ниже древняго аѳинскаго государства, Платонъ очевидно всячески старается дать понять, что это, нѣкогда дѣйствительно существовавшее, государство по своимъ учрежденіямъ совсѣмъ было похоже на ту картину, которую онъ наканунѣ нарисовалъ просто только какъ свой собственный идеалъ государства. Потому-то онъ далѣе даже прямо ссылается на этотъ идеалъ, то есть на свою республику. Сравн. Респуб. V. p. 451—457; Тимэй p. 18, C.

этого получать отъ другихъ гражданъ, и считая все (полу- —D.
чаемое) общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго, не имѣли никто своей отдѣльной собственности, и которые выполняли всѣ тѣ обязанности, которыя мы вчера назвали, толкуя о предполагаемыхъ стражахъ (государства)[1]).

Да то, что о самой странѣ нашей было разсказываемо (жрецами), вполнѣ достовѣрно и истинно, именно прежде всего, что границами своими въ то время она простиралась до исѳмійскаго перешейка, а остальною матерою частію
своею восходила до вершинъ Киѳэрона и Парнеѳа и спуска- —E.
лась отсюда по направленію къ морю, имѣя съ правой стороны Оропію, а съ лѣвой рѣку Азопъ[2]) и что плодородіемъ своимъ она превосходила всю землю, вслѣдствіе чего только и была тогда въ состояніи кормить огромное войско періэковъ[3]), которое совсѣмъ не занималось землепашествомъ. Доказательствомъ же такого ея плодородія (можетъ служить) слѣдующее. Даже нынѣ (уцѣлѣвшій) остатокъ ея можетъ поспорить съ любою страною своею производительностію, доброкачественностію и достаточностію продуктовъ для пи-
танія всякаго рода живыхъ существъ, а тогда она достав- 111.
ляла эти продукты и въ гораздо большемъ изобиліи и гораздо лучшаго качества. Но какъ въ этомъ можно увѣриться, и на какомъ основаніи (нынѣшняя) страна наша можетъ по справедливости считаться лишь остаткомъ отъ тогдашней? А вотъ почему: вся она (отдѣляясь) отъ остальнаго материка (названными горами) тянется продольною полосою къ морю и вдается въ него наподобіе мыса, такъ что ее со всѣхъ сторонъ окружаетъ глубокое вмѣстилище моря. А такъ какъ случилось не мало великихъ потоповъ въ де-

---

[1]) Сравн. Республ. III, р. 415, IV р. 423; Тимэй р. 17—19.

[2]) Это—конечно не пелопонесскій, а южно-віотійскій Азопъ, который начинаясь вблизи Платэи течетъ на востокъ чрезъ такъ называемую Пароропію, ниже Танагры принимаетъ въ себя, въ качествѣ лѣваго притока, Ѳермодонъ и при Делфіонѣ изливается въ Аттику (Герод. VI, 108, IX 51; Ѳукидидъ IV, 96). Равн. об. и Парнеѳъ есть совсѣмъ не то, что Парнасъ.

[3]) То есть наемное войско изъ гражданъ сосѣднихъ государствъ.

B.— вять тысячъ лѣтъ [1]),—ибо именно столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—то земля въ подобныхъ случаяхъ и отъ подобныхъ вліяній (разжижаемая) стекая съ высотъ, не встрѣчала себѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, сколько нибудь значительнаго оплота, но кругомъ охваченная волнами, уносилась безслѣдно въ бездну морскую. И вотъ,—подобно тому, какъ послѣ долгихъ болѣзней бываетъ, остался отъ прежняго нашей страны словно скелетъ отъ изболѣвшаго тѣла, потому что послѣ того какъ смыта была съ нея кругомъ вся мягкая и тучная земля, остался лишь одинъ обнаженный остовъ ея тѣла. Но въ то время чуждая еще этого поврежденія она имѣла и (настоящія) горы съ высокими
C.— холмами [2]), и тучную почву въ равнинахъ, которыя нынѣ называются феллійскими [3]), и лѣса на горахъ, на что и нынѣ еще указываютъ нѣкоторые признаки. Такъ, изъ нашихъ горъ нѣкоторыя нынѣ уже только однѣмъ пчеламъ доставляютъ пищу, а между тѣмъ не очень далеко еще то время, когда цѣлы еще стояли крыши изъ кровельныхъ деревьевъ [4]), вырубленныхъ тамъ для большихъ построекъ. Но было тамъ много и другихъ деревьевъ и высокихъ и въ тоже время благородныхъ. Кромѣ того страна имѣла невообразимо-роскошныя пажити для стадъ, пользуясь ежегодно оро-
D.— шеніемъ отъ Зевса [5]), ибо если нынѣ она теряетъ свою

---

[1]) Сравн. Тимэй р. 22.

[2]) По представленію Платона, горы Аттики его времени,—какъ бы слизанныя наводненіями, суть не больше, какъ незначительныя возвышенности въ сравненіи съ настоящими—высокими горами того древняго времени.

[3]) Фелла—мѣстность въ Аттикѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ холмами, которая и во время Критія представляла равнину, но равнину совершенно безплодную, невоздѣланную.

[4]) Этимъ обозначеніемъ Платонъ желаетъ показать огромную высоту деревъ, которыя росли въ лѣсахъ того времени, потому что самыя большія бревна, требующіяся при постройкѣ большихъ зданій деревянныхъ ли-то или каменныхъ, суть именно бревна, употребляемыя на вѣнцы, балки и стропила, вообще на кровлю.

[5]) Буквально слѣдовало перевести „изъ Зевса", и это было бы вѣрнѣе, потому что это одно изъ тѣхъ выраженій, которыя указываютъ на тотъ древнѣйшій такъ называемый пеласгическій періодъ греческой религіи, когда

дождевую воду, которая стекаетъ съ обнаженной земли въ море, то тогда, будучи обильно покрыта (мягкою) землею, впитывала въ себя эту воду, и такъ какъ кромѣ того воду стекавшую съ высотъ въ углубленія она могла хранить въ землѣ—въ глиняныхъ ложахъ и отсюда по мѣрѣ надобности расходовать, то она по всѣмъ мѣстамъ разносила обильныя струи источниковъ и рѣкъ, священные остатки отъ которыхъ, существующіе и до нынѣ тамъ, гдѣ прежде были ихъ истоки, служатъ свидѣтельствомъ, что разсказываемое сейчасъ о ней, есть истина.

V.—Такъ вотъ какова была вся страна (наша) отъ —E.
природы; воздѣлывалась же она такъ хорошо, какъ только можно было ожидать отъ настоящихъ знающихъ дѣло свое земледѣльцевъ, притомъ отъ природы даровитыхъ и склонныхъ къ изяществу, особенно если земля у нихъ была самая отличная, съ орошеніемъ самымъ изобильнымъ, съ соединеніемъ климатическихъ условій самымъ благопріятнымъ [1]). Городъ же (столичный) вотъ какъ въ то время былъ расположенъ. И во 1-хъ самый акрополь былъ тогда совсѣмъ не тѣмъ, что нынѣ, потому что когда произошло вмѣстѣ съ землетрясеніемъ страшное наводненіе—третье предъ истребленіемъ (людей) при Девкаліонѣ, то чрезвычайный ливень въ одну единственную ночь снесъ съ акрополя кругомъ всю землю и сдѣлалъ его совсѣмъ голымъ [2]), меж- 112.
ду тѣмъ какъ прежде во время оно величина его была та-

Зевсъ былъ еще для грека не столько этическимъ божествомъ отеческой любви, мудрости и власти, сколько натуралистическимъ божествомъ видимаго неба, изъ котораго льется благодатный дождь. Тоже самое было съ этимъ божествомъ и въ Римѣ. И тамъ говорили: sub Jove (подъ открытымъ небомъ), sub Jove frigido (на стужѣ), Jupiter vernus (весенняя погода), J. hibernus (бурная зимняя погода) и т. под.

[1]) Сравн. Тимэй p. 24 c.

[2]) Платонъ хочетъ сказать, что Акрополь расположенъ былъ нѣкогда не какъ въ его время на небольшой площади голыхъ скалъ, но на площади, которая имѣла гораздо большіе размѣры, потому что тогда скалы эти еще не были обнажены, а были обильно покрыты землей, которая во время упоминаемаго потопа снесена была водою въ море. Сравн. Тим. p. 22.

кова, что онъ простирался (своими отлогостями) до (рѣкъ)
Еридана и Илисса заключая въ окружности своей Пниксъ,
а въ противоположную отъ Пникса сторону имѣя границею
гору Ликавитъ [1]; при этомъ онъ вездѣ былъ покрытъ зем-
лею, а сверху, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, представ-
лялъ равнину. Внѣ его (стѣнъ)—тутъ же по скату жили
B.— ремесленники и тѣ изъ земледѣльцевъ, которые поблизости
обработывали землю, а на верхней площади его жилъ самъ
по себѣ классъ воиновъ (расположившись) вокругъ святи-
лища Аѳины и Посейдона, окруживши его, какъ садъ одного
дома, одною оградою. Именно, они занимали сѣверную часть
Акрополя, гдѣ они имѣли общія помѣщенія и устрояли на зиму
залы для сисситей, пользуясь въ домашней обстановкѣ всѣмъ,
что только считается въ республиканскомъ государствѣ при-
C.— личнымъ для воиновъ и жрецовъ, за исключеніемъ только
золота и серебра, ибо ни того ни другаго они вовсе не упо-
требляли, но наблюдая средину между высокомѣріемъ (бо-
гатства) и рабскою приниженностію (бѣдности), они лишь
съ должнымъ приличіемъ обставляли свои жилища, въ кото-
рыхъ сами они, ихъ дѣти и дѣти дѣтей старились, передавая
оныя все въ одномъ и томъ же видѣ все такимъ же людямъ.
Что же касается полуденной части акрополя, то когда они,
какъ напримѣръ лѣтомъ, покидали сады, гимнастическія
залы и столовыя, пользовались ею для всѣхъ этихъ
цѣлей. Одинъ только источникъ былъ тогда на мѣстѣ
D.— нынѣшняго акрополя, но отъ этого источника, по унич-
тоженіи его землетрясеніемъ, остались донынѣ лишь ма-
ленькія (струящіяся) кругомъ (изъ горы) водныя жилы,
между тѣмъ какъ въ то время онъ доставлялъ воду всѣмъ

---

1) Немножко не точное опредѣленіе границъ акрополя, потому что если Пниксъ составляетъ въ немъ сѣверную часть, то съ сѣверовостока онъ примыкаетъ къ уступамъ горы Λυκαβηττός, которая, какъ кажется, и названіе такое получила отъ этого именно положенія въ отношеніи къ Акрополю, то есть, названіе горы разсвѣта (Λύκη—βαίνω).

(жителямъ акрополя) въ изобиліи и притомъ воду, которая хороша была и для зимы и для лѣта. Такимъ-то образомъ жили они здѣсь частію какъ защитники своихъ же согражданъ, а частію какъ вожди всѣхъ прочихъ елиновъ, когда послѣдніе этого желали, наблюдая насколько возможно, чтобъ во всѣ времена неизмѣнно было налице одно и тоже число какъ мущинъ такъ и женщинъ, способныхъ сейчасъ ли, или когда понадобится, взяться за оружіе, именно около двадцати тысячъ.

VI.—Будучи же таковыми и управляя такимъ путемъ —E.
со справедливостію какъ своею собственною страною, такъ и цѣлою Елладой, они по всей Европѣ и Азіи были извѣстны, какъ болѣе всѣхъ своихъ современниковъ замѣчательные и по красотѣ тѣла и по всевозможнымъ доблестямъ духа. Что-же касается теперь того, каковы были первоначальныя жизненныя условія выступившихъ противъ нихъ войною противниковъ, то и это сейчасъ мы покажемъ и подѣлимся (своимъ знаніемъ) съ вами, друзья, насколько не изгладилось еще изъ памяти у насъ то, что мы слышали еще въ дѣтствѣ.

Но прежде повѣствованія считаю нужнымъ поставить 113.
на видъ самъ нѣчто, послѣ чего вы не будете удивляться, слыша греческія имена, соединенныя съ личностями варваровъ, такъ какъ вы узнаете причину этого. Когда Солонъ задумавъ воспользоваться для своей поэмы (упомянутымъ выше египетскимъ) сказаніемъ, то распрашивая (у жрецовъ) о значеніи именъ, узналъ, что египтяне записывая имена тѣхъ первобытныхъ людей (о которыхъ шла рѣчь въ сказаніи, то есть первообитателей Атлантиды), переводили —B.
ихъ на свой языкъ, почему и самъ, уяснивши себѣ смыслъ каждаго изъ этихъ именъ, записалъ ихъ въ переводѣ уже на нашъ языкъ. Эти замѣтки, попавшія къ моему дѣду и существующія у меня и доселѣ, были тщательно мною просматриваемы, когда я еще мальчикомъ былъ. Итакъ,

когда вы будете слышать отъ меня имена совершенно такія же, какія и здѣсь (у насъ) употребительны, то пусть это нисколько не удивляетъ васъ, послѣ того какъ вы узнали причину этому. Исходнымъ же пунктомъ того длиннаго повѣствованія (жрецовъ) было вотъ что:

VII.—Согласно вышесказанному о раздѣлѣ боговъ, что они раздѣлили между собою всю вселенную и получивъ
C.— одни большіе, другіе меньшіе удѣлы, заботились объ устройствѣ здѣсь святилищъ съ жертвоприношеніями,—Посейдонъ, получивши въ удѣлъ островъ Атлантиду [1]), населилъ его своимъ потомствомъ, которое произвелъ отъ смертной жены вотъ въ каковомъ приблизительно нѣкоемъ мѣстѣ острова. На половинѣ разстоянія отъ моря—въ самой серединѣ острова находилась равнина, которая, по разсказу, была прекраснѣйшая и по плодородію богатѣйшая изъ всѣхъ равнинъ. На разстояніи же около 50 стадій (отъ окраинъ) къ срединѣ въ равнинѣ этой находилась гора со всѣхъ сторонъ не очень-то высокая. На этой-то горѣ жилъ одинъ изъ происшедшихъ тамъ въ началѣ прямо изъ земли людей по имени
D.— Евиноръ съ супругою своею Левкиппою. Отъ нихъ родилась одна единственная дочь Клито. Когда Клито достигла зрѣлаго возраста, а между тѣмъ отецъ и мать ея скончались, Посейдонъ воспламеняется къ ней любовію, вступаетъ съ нею въ супружескій союзъ, и тогда тотъ холмъ, на которомъ она жила, какъ-бы отрываетъ кругомъ (отъ окружающей мѣстности) и огораживаетъ, именно на равномъ раз-

---

[1]) Посейдонъ, сынъ Кроноса и Реи и братъ Зевса, послѣ пораженія титановъ, при раздѣленіи вселенной, получилъ въ удѣлъ всѣ океаны и моря (Θεογ. 453; Ιλ. 13, 21; 15, 187; 'Οδυσσ. 5, 381), но также и страны, лежащія у береговъ ихъ. Кромѣ многихъ мѣстностей Еллады, особенно на Пелопоннесѣ (Οδ. 11, 253 и дал.) Поссейдону принадлежали двѣ Эѳіопіи—одна лежащая тамъ, гдѣ восходитъ солнце, а другая—тамъ, гдѣ заходитъ (Οδυσσ. 1, 22—25, 5, 282). Въ первой изъ нихъ многіе ученые хотѣли видѣть Индію, а въ послѣдней Египетъ. Если это такъ, то Платонъ, безъ противорѣчія Гомеру, могъ протянуть область владѣній Поссейдона немного дальше—на сѣверозападъ отъ Египта, гдѣ, по его представленію, лежала Атлантида.

стояніи отъ центра острова, какъ будто циркулемъ, обводитъ другъ подлѣ друга пять круговъ поперемѣнно то большихъ, то меньшихъ—дѣлаетъ два (вала) земляныхъ и три (канавы) водныхъ [1]), такъ что холмъ этотъ сталъ совсѣмъ —E.
недоступенъ для людей, потому что ни кораблей тогда, ни мореплаванія еще не было. Самый же островокъ, лежащій въ срединѣ, онъ, какъ богъ, конечно прекрасно благоустроилъ, какъ то: вызвалъ на поверхность изъ-подъ земли два источника, изъ коихъ одинъ источалъ теплую, другой—холодную воду и произрастилъ изъ земли въ достаточномъ обиліи всякаго рода растительность на пищу. Потомъ произведши пять разъ по парѣ близнецовъ мальчиковъ и воспитавши ихъ, раздѣлилъ между ними весь островъ Атлантиду на десять частей, при чемъ родившемуся первымъ въ самой старшей парѣ назначилъ матернее мѣстожительство и окружающую его область самую большую и самую луч- 114.
шую, кромѣ того поставилъ его царемъ надъ прочими, которыхъ въ свою очередь поставилъ архонтами, отдавши каждому подъ власть великую страну и многочисленное населеніе. Имена же всѣмъ сыновьямъ далъ слѣдующія: старшему, который первый былъ царемъ и отъ котораго весь островъ да и море (его окружающее) названо были Атлантическимъ, было имя Атлантъ [2]), а вслѣдъ за нимъ родив-

---

[1]) То есть онъ вокругъ холма сдѣлалъ канаву, которую наполнилъ водою, потомъ на извѣстномъ разстояніи насыпалъ кругомъ земляной валъ, потомъ еще—канаву и еще земляной валъ, который тоже былъ окруженъ водою. Разстоянія между каждой канавой и валомъ показаны ниже (p. 115 E). Вслѣдствіе этого упомянутая горная возвышенность сама обратилась какъ бы въ островъ на островѣ, какъ бы въ неприступную крѣпость.

[2]) Здѣсь Платонъ усвояетъ Атланту совсѣмъ иную генеалогію, чѣмъ какую онъ имѣетъ въ Ѳеогоніи (507) Гезіода гдѣ онъ есть сынъ титана Іапета и океаниянки Климены, или Азіи, братъ Менэтія, Прометея и Епиметея, самъ тоже титанъ, который, по выраженію Гомера, (Од. 1, 52) вѣдаетъ глубины морскія и держитъ столбы свода небеснаго, а по выраженію Гезіода, просто головою своею и руками поддерживаетъ сводъ небесный. Вообще, хотя Платонова исторія Атлантиды носитъ явные слѣды миѳической окраски, но имена первыхъ ея обитателей и героевъ, повидимому не имѣютъ ничего общаго съ миѳологическими

B.— шемуся близнецу, который получилъ въ удѣлъ самую крайнюю часть острова отъ столбовъ Геркулесовыхъ до нынѣшней страны Гадейры [1]), было имя, которое по гречески вышло бы Евмелъ, а на мѣстномъ нарѣчіи—Гадейръ, каковое имя онъ передалъ и странѣ этой. Изъ двухъ слѣдующихъ близнецовъ первый звался Амфересъ, а второй Евэмонъ. Третьей пары близнецы звались—первый Мнесей, а второй Автхѳонъ, въ четвертой парѣ первый звался Еласиппъ, второй Месторъ, а въ пятой парѣ первый былъ Азаесъ
C.— (безвѣтренный, тихій), второй же Діапрепесъ. Всѣ они и потомки ихъ жили здѣсь впродолженіе многихъ поколѣній, господствуя (кромѣ Атлантиды) и надъ многими другими островами моря и кромѣ того, какъ выше было сказано, до Египта и Тирреніи,—надъ всѣми обитавшими внутри
D.— (этихъ предѣловъ). Отъ Атланта произошелъ родъ въ особенности многочисленный и знаменитый, и такъ какъ въ немъ всегда старшій передавалъ царство старшему же изъ потомковъ, то они сохранили за собою царскую власть чрезъ многія поколѣнья и при этомъ конечно собрали такія великія богатства, какихъ и прежде никогда не было ни у одной изъ царскихъ династій, и впредь вѣроятно не будетъ,

---

именами титановъ и героевъ Еллады, поэтому, и нечего усиливаться найти аналогію и связь между тѣми и другими, тѣмъ болѣе что, по словамъ самаго Платона, приводимыя имъ имена суть не настоящія, первоначальныя, туземныя, а переводныя греческія, въ которыхъ выражено только внутреннее значеніе тѣхъ первыхъ именъ. Это значитъ, что здѣсь можетъ быть рѣчь только о тѣхъ идеяхъ, мысляхъ, которыя въ нихъ содержатся. Это значитъ, что напр. тесть Поссейдона носилъ имя, которое въ переводѣ на греческій означаетъ „храбрый мужъ" (Εὐήνωρ), что имя тещи его было (Λευκίππη) „бѣлоконная" (=Амфитрита, разъѣзжающая, какъ и супругъ ея на бѣлыхъ коняхъ—пѣнящихся волнахъ), имя жены „пресловутая" (Κλειτώ), а имена сыновей ихъ были: „могучій, неустанный" (Ἄτλας) „пастырь прекрасныхъ стадъ" (Εὔμηλος), „памятователь" (Μνησεύς), „изобрѣтатель" (Μήστωρ), „коне-погонитель" (Ἐλάσιππος), „блестящій" (Διαπρεπής), „добрый геній" (Εὐδαίμων)' „обоюдный" (Ἀμφήρης) и т. д.

[1]) То есть ту, вмѣстѣ со всѣми остальными несуществовавшую уже и во времена Платона, часть, которая занимала мѣсто отъ столбовъ Геркулесовыхъ до Гадейры или Испаніи, то есть лежала между Гибралтаромъ и нынѣшнимъ Кадиксомъ.

потому что имъ доставлялось все нужное какъ изъ (собственнаго) государства, такъ и изъ другихъ (подвластныхъ) странъ. Многое конечно было доставляемо имъ и отвнѣ—
изъ подвластныхъ областей, но большую часть потребныхъ —E.
продуктовъ доставлялъ самъ островъ, и во 1-хъ всѣ вещества, извлекаемыя изъ нѣдръ земли, плавкія ли то (металлы) или не плавкія (минераллы); между ними и видъ, нынѣ извѣсгный лишь по имени, тогда же не имя одно (а самую вещь) означавшій,—видъ добываемой изъ земли бронзы находился во многихъ мѣстахъ острова и былъ у людей того времени, послѣ золота, самымъ цѣннымъ (изъ металловъ). Потомъ, онъ въ изобиліи производилъ все, что только можетъ лѣсъ доставить для издѣлій мастеровымъ и произращалъ въ достаточномъ количествѣ все потребное для корма животныхъ какъ прирученныхъ, такъ и дикихъ. Водились же на немъ даже слоны и притомъ въ бóльшемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, потому что какъ для всѣхъ
прочихъ животныхъ живущихъ ли въ болотамъ, прудахъ и 115.
рѣкахъ, или на горахъ и равнинахъ, такъ и для этого отъ природы самаго большаго животнаго было тутъ вдоволь корма. Потомъ,—что только земля производитъ гдѣ теперь изъ веществъ благовонныхъ,—корни ли, травы, деревья, истекающіе соки[1]),—все это онъ отлично произращалъ и доставлялъ. Кромѣ того, что касается плода спѣло-налитаго[2]), продуктовъ сухихъ[3]), изъ которыхъ мы приготовляемъ себѣ хлѣбъ, тѣхъ продуктовъ, которые мы употребляемъ въ до-
бавокъ къ хлѣбу и называемъ общимъ именемъ овощей, —B.
потомъ растеніе, которое хотя растетъ какъ дерево, но

---

[1]) Буквально „струящіеся по каплѣ“ соки, каковы разнаго рода смолы, бальзамы и т. под.

[2]) Т. е. винограда, который названъ здѣсь просто прилагательнымъ (ἥμερος—спѣло-нѣжный), кажется, по подражанію Гомеру (Одис. 5, 69).

ἡδ' αὐτοῦ τετάνυστο περὶ σπείους γλαφυροῖο
ἡμερὶς ἡβώωσα, τεθήλει δὶ σταφυλῇσιν.

[3]) Т. е. зерновой хлѣбъ.

доставляетъ и пищу и питье и благовонное масло [1]), потомъ фруктовыхъ деревьевъ, плоды которыхъ неудобосберегаемы и растутъ сколько ради удовольствія (отъ ѣды), столько же и ради забавы [2]), а также тѣхъ, которые у насъ подносятся послѣ стола чувствующему себя тяжело, какъ освѣжающее средство въ состояніи пресыщенія [3]),—то всѣ эти продукты въ то время островъ, находясь подъ (особенно-благодѣтельнымъ) вліяніемъ солнца, производилъ и здоровыми и прекрасными и въ чрезвычайномъ изобиліи. Получая же все
C.— это отъ страны, они соорудили у себя храмы, царскіе дворцы, гавани, корабельныя верфи и всю остальную страну благоустроили, слѣдующимъ образомъ.

VIII.—Во 1-хъ наполненныя водою канавы, которыя окружали древнюю столицу [4]), они соединили мостами для того, чтобы былъ путь какъ изъ нея, такъ и въ нее. Царскій же замокъ они съ самаго начала устроили подлѣ жилища своего божества и своихъ предковъ и такъ какъ получая его по наслѣдству другъ отъ друга старались въ украшеніи
D.— его каждый по возможности превзойти своего предшественника, то наконецъ сдѣлали его изумительнымъ по громадности и изяществу (разныхъ) сооруженій. Такъ, они прорыли отъ моря каналъ шириною въ три плеера (т. е. 300 футовъ), глубиною въ сто футовъ, длиною въ пятьдесятъ стадій до самой крайней изъ канавъ (окружавшихъ акрополь) и этимъ овозможили плаваніе изъ моря сюда, какъ въ гавань, сдѣлавши предварительно устье достаточно широкое

---

1) Тутъ кажется разумѣется кокосовая пальма (cocos nucifera), изъ молодыхъ листьевъ которой приготовляются отличные Legumes, изъ соковъ—пальмовое вино, уксусъ и аракъ, а изъ зеренъ огромныхъ орѣховъ—масло очень благовонное и чрезвычайно пріятное на вкусъ.

2) Тутъ разумѣются всякіе вообще фрукты, въ особенности же тѣ, которые можно не только ѣсть, но и употреблять для забавы, для разныхъ игръ.

3) Т. е. разные свѣжіе ли, или вяленые и сушеные фрукты, употреблявшіеся для десерта (ἐπιφορήματα) и разныя лакомства (τραγήματα).

4) Сравн. выше р. 113.

для входа большихъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они прорыли —E.
также и земляные валы, которыми были раздѣлены водныя
канавы, по направленію идущихъ мостовъ[1]) настолько,
чтобъ могла пройти отъ одного къ другому одна тріера и
(эти отверстія) сверху настлали крышей, такъ что плаваніе
судовъ совершалось подъ нею, потому что поверхность
земляныхъ валовъ достаточно была для этого возвышена
надъ поверхностію водныхъ канавъ. Самая большая изъ
канавъ, съ которою (непосредственно) было соединено море,
имѣла три стадіи въ ширину, точно такой же ширины былъ
и слѣдующій за нею валъ. Затѣмъ, изъ слѣдующихъ двухъ
круговъ водной имѣлъ двѣ стадіи въ ширину, а земляной
былъ равенъ предшествующему ему водному, и наконецъ
кругъ (водной) опоясывавшій (непосредственно) островъ,
лежащій въ срединѣ, былъ въ одну стадію (шириною), а 116.
самый островокъ, на которомъ находился царскій акрополь,
имѣлъ пять стадій въ діаметрѣ. Этотъ островокъ, а так-
же всѣ круги и мостъ, который имѣлъ одинъ плеѳръ въ
ширину, они обвели съ обѣихъ сторонъ каменною стѣною
и поставили на мостахъ во всѣхъ проходахъ башни и во-
рота. Камень же они добывали какъ изъ подъ этого круг-
лаго внутри лежащаго островка, такъ и изъ-подъ валовъ.
Камень этотъ былъ частію бѣлый, частію черный, частію
красный. Углубленія же, образовавшіяся отъ вынутаго камня,
двойныя и закрытыя (сверху) камнемъ-же, они обратили —B.
въ корабельныя верфи. Что же касается построекъ, то нѣ-
которыя изъ нихъ они сооружали съ простотою, а другимъ
сообщали привлекательную естественную узорчатость, ис-
кусно мѣшая различные роды камней изъ любви къ изяще-

---

[1]) Т. е. мостовъ, которые шли надъ поверхностію водныхъ канавъ отъ вала до вала и которые, повидимому, были построены прежде, чѣмъ были прорыты въ валахъ отверстія для прохода судовъ. Мосты, покрывавшіе эти отверстія и соединявшіе другъ съ другомъ части прорѣзаннаго канала, вмѣстѣ съ тѣмъ, по изображенію Платона, служили связующими звеньями между тѣми мостами, которые шли отъ вала къ валу чрезъ канавы.

ству. Кромѣ того всю окружность стѣны самаго внѣшняго (земляного) вала они покрыли мѣдью, пользуясь послѣднею какъ бы мазiю [1]), а стѣну (слѣдующаго) внутренняго вала покрыли латунью, стѣну же, окружавшую самый акрополь, покрыли бронзой, которая имѣла блескъ огня.

C.— IX.—Царскiй же замокъ внутри акрополя состоялъ изъ слѣдующихъ зданiй. Въ самой срединѣ находился недоступный [2]) храмъ, посвященный вмѣстѣ Посейдону и Клито, обнесенный вокругъ золотой оградой—то самое мѣсто, гдѣ во времена оны было зачато и рождено поколѣнье десяти царевичей. По этой-то причинѣ сюда ежегодно изъ всѣхъ десяти частей (Атлантиды) приносимы были тому и другому (божеству) жертвы (такъ называемыя) спѣлыя (ὡραῖα) [3]).
D.— Храмъ же особый одною Посейдона имѣлъ въ длину цѣлую стадiю, въ ширину три плеѳра да и высоту, которая казалась соотвѣтственною (этой величинѣ). Видъ божества имѣлъ впрочемъ въ себѣ нѣчто варварское. Весь храмъ снаружи, за исключенiемъ крыши, покрытъ былъ серебромъ, а крыша—золотомъ. Что же касается внутренности его, то куполъ его изъ слоновой кости пестрѣлъ на взглядъ украшенiями изъ золота, изъ серебра и изъ бронзы, все же остальное—какъ то стѣны, колонны, полы было покрыто бронзою. Тутъ же поставлены были серебряныя статуи—статуя бога, стоящаго на колесницѣ и правящаго шестью крылатыми
E.— конями [4])—столь великая, что онъ головою своею касался

---

1) Т. е. предварительно расплавявши мѣдь и пользуясь ею какъ лигатурой.

2) Недоступный—для мiрянъ, для непосвященныхъ.

3) Это—бывшiя у всѣхъ народовъ въ обычаѣ жертвы отъ начатковъ полевыхъ, т. е. первыхъ спѣлыхъ плодовъ, и отъ первородныхъ изъ животнаго царства.

4) По аналогiи бурныхъ волнъ, которыми правитъ Посейдонъ, съ неудержимыми дикими конями, а частiю потому что самыми лучшими пастбищами для коней были луга прибрежныхъ мѣстностей, орошаемыхъ и увлажаемыхъ царемъ водъ,—Посейдонъ—богъ морей и рѣкъ считался также у грековъ и богомъ коней. Въ этомъ разѣ онъ назывался Ποσειδῶν ἵππιος и изображался, какъ здѣсь, сидящимъ на колесницѣ и правящимъ свирѣпыми, неудержимыми крылатыми конями. Гораздо чаще онъ изображался съ трезубцемъ въ рукахъ, гонящимъ и

купола, а вокругъ—статуи ста Нереидъ (сидящихъ) на дельфинахъ [1]), ибо люди того времени думали, что именно столько ихъ есть. Кромѣ того было тутъ много и другихъ статуй—пожертвованій отъ частныхъ лицъ. На дворѣ же вокругъ храма стояли золотыя статуи и женъ и всѣхъ тѣхъ, которые родились отъ десяти (первыхъ) царей и кромѣ того многія другія дорогія пожертвованія и отъ царей и отъ частныхъ людей изъ своей ли страны, или изъ другихъ подвластныхъ ей мѣстъ. Этому великолѣпію конечно соотвѣтствовалъ и жертвенникъ какъ по величинѣ своей, такъ
и по отдѣлкѣ, а равно и дворецъ царскій (въ томъ и дру- 117.
гомъ отношеніи) имѣлъ соотвѣтствіе какъ съ громадностію царства, такъ и съ величественною обстановкою храма. Далѣе, что касается источниковъ, которые не только давали воду въ чрезвычайномъ изобиліи, но и воду удивительную по своимъ дѣйствіямъ при пользованіи ею, притомъ одинъ—холодную, другой—теплую, то вотъ какъ съ ними они (цари) распорядились: обсадили ихъ деревьями соотвѣтственными
(по своимъ свойствамъ) съ водами ихъ, и устроили кругомъ —B.
водохранилища—одни подъ открытымъ небомъ (съ холодною водою—для лѣта), другія же (предназначенныя) для теплаго

разсѣкающимъ бурныя волны. Но, по представленію Грека, и то и другое управленіе,—управленіе свирѣпыми конями и управленіе яростными волнами—одинаково не совмѣстимы съ полнымъ спокойствіемъ и благодушіемъ, и вотъ почему, какъ выражается Платонъ, образъ Посейдона имѣлъ въ чертахъ своихъ нѣчто варварское. Образъ его и у грековъ не имѣлъ величаваго спокойствія Зевса: черты лица у него всегда были угловатыя и искаженныя гнѣвомъ, волосы взъерошенные и перепутанные, всѣ мускулы напряженные.

[1]) Нереиды—морскія добрыя нимфы, родившіяся отъ океанянки Дориды и морскаго сѣдовласаго старца Нерея—сына Понта и Гэи (Θεογ. 253). Гезіодъ насчитываетъ ихъ 50, а Гомеръ 31, но съ прибавленіемъ, что ихъ есть еще гораздо больше (Ιλ. 18, 97). Очень можетъ быть, что въ болѣе древнее время ихъ насчитывали цѣлую сотню. Нереиды—это олицетвореніе не свирѣпыхъ, а умѣренныхъ волнъ морскихъ и разныхъ качествъ моря, благопріятствующихъ плаванію, какъ это показываютъ самыя имена ихъ Κυμοδόκη, Κυμοθόη 'Ιπποθόη, 'Ιππονόη, Λειαγόρη, Εὐαγόρη, Κυματολήγη, Γαλήνη, Εὐλιμένη, Ψαμάθη, Νησώ, Εὐπόμπη и т. под. На изображеніяхъ ихъ везутъ или Тритоны въ колесницахъ, или чаще всего дельфины на своихъ спинахъ, потому что вмѣстѣ съ волнами весьма часто сопутствуютъ въ морѣ кораблямъ и неотвязные дельфины.

купанья зимою покрыли крышами, и притомъ—особо царскія,
особо для частныхъ лицъ, особыя для женщинъ, особыя для
лошадей и для другихъ вьючныхъ животныхъ, при чемъ ко-
нечно и устройство каждому изъ нихъ дали соотвѣтствующее.
Воду же, которая текла (отсюда за излишкомъ), они направили
въ рощу Посейдона, гдѣ благодаря богатой почвѣ росли все-
возможныя деревья изумительной красоты и высоты, а от-
сюда направили ея теченіе чрезъ канавы въ наружные
C.— (земляные) круги по мостамъ[1]). Здѣсь—на каждомъ изъ
этихъ круглыхъ валовъ выстроено было множество святи-
лищъ разныхъ божествъ, устроены были сады, гимнастиче-
скія залы для людей и манежи для лошадей, и кромѣ того
въ срединѣ бóльшаго (т. е. втораго вала отъ акрополя) изъ
островов находился ипподромъ—для конскихъ скачекъ, ко-
торый имѣлъ стадію въ ширину, въ длину же простирался
D.— по всему кругу (вала). Тутъ же по ту и другую сторону
расположены были жилища гвардейцевъ въ количествѣ со-
размѣрномъ числу ихъ. Но болѣе вѣрные изъ нихъ распо-
лагаемы были для караула на меньшемъ и ближе къ акро-
полю лежащемъ валу, между тѣмъ какъ самымъ испытан-
нымъ изъ нихъ отводимы были квартиры въ самомъ акро-
полѣ вокругъ (дворца) самихъ царей. Наконецъ корабель-
ныя верфи были наполнены тріерами и всѣми снастями, къ
нимъ относящимися. Такъ вотъ какъ было устроено и об-
ставлено жилище царей. Кромѣ того, если пройти чрезъ всѣ
три внѣшнія гавани, то тутъ шла вокругъ начинающаяся у
моря стѣна, которая повсюду отстояла отъ самаго большаго
E.— (воднаго) круга и его гавани на пятьдесятъ стадій и замы-
кала въ себѣ (между своими концами—въ прорѣзѣ) устье
канала, сливавшееся тутъ въ одно съ гаванью моря. Все
это пространство было густо заселено и застроено, а у

[1]) Прѣсная вода изъ источниковъ акрополя и не могла быть проведена на окружавшіе его валы, раздѣленные другъ отъ друга широкими канавами, наполненными водою изъ моря, иначе, какъ только по мостамъ—въ нарочно устроенныхъ для этого трубахъ или ложбинахъ.

выхода изъ него большая гавань кишѣла кораблями и торговцами, которые пріѣзжали сюда отовсюду и которыхъ всегда было такое множество, что шумъ, гамъ, крикъ ихъ на всевозможные лады слышался постоянно и днемъ и ночью.

X.—Итакъ, все касающееся столичнаго города и того первоначальнаго жилища (богини и бога) мы припомнили и почти такъ, какъ намъ это было разсказано, а теперь еще нужно постараться припомнить, каковы были физическія свойства всей остальной страны и какъ она была устроена. И во первыхъ, что касается мѣстности приморской, то она, 118.
по смыслу разсказа, представляла очень большую и отвѣсную возвышенность (надъ уровнемъ моря), но что касается всей той мѣстности, которая лежала вокругъ города, заключая его въ себѣ и сама въ свою очередь была кругомъ замкнута горами, простиравшимися вплоть до самаго моря, то она представляла собою гладкую, ровную продолговатую равнину, обѣ стороны которой (выражавшія длину ея) имѣли по три тысячи стадій, а обѣ стороны по направленію отъ моря къ рединѣ (то есть выражавшія ширину ея, или поперечныя)—по двѣ тысячи стадій. Вся эта мѣстность —B.
острова обращена была къ югу, а съ сѣвера была защищена (горами) отъ вѣтровъ. О горахъ же которыя, окружали эту мѣстность, разсказывалось, что онѣ по множеству, громадности и красотѣ превосходили всѣ нынѣ существующія и что тутъ было множество богатыхъ жителями мѣстечекъ, были рѣки, озера и луга, дававшіе достаточное пропитаніе всякаго рода животнымъ и облагороженнымъ и дикимъ, были наконецъ большіе и разнородные лѣса, которые въ изобиліи давали матеріалъ для всякихъ и всяческихъ издѣлій. Такова была эта равнина отъ природы, и надъ устройствомъ ея трудились многіе цари и много времени. Поверхность ея представляла собою четвероугольникъ удли- —C.
ненный и большею частію прямой, а гдѣ этого (прямоты) не доставало, тамъ она выпрямилась послѣ того, какъ была

кругомъ окопана канавой. Что касается глубины, ширины и протяженія этой канавы, то трудно даже повѣрить, чтобъ при всѣхъ прочихъ сооруженіяхъ, могло быть руками же сдѣлано еще и это столь громадное; однакожъ, разскажемъ, какъ слышали. Канава была вырыта въ одинъ плееръ глубиною, въ ширину повсюду она имѣла стадію, въ длину же
D.— на всемъ протяженіи вокругъ равнины имѣла 10.000 стадій. Эта канава принимала въ себя воду, стекавшую съ горъ, и огибая кругомъ равнину, чрезъ которую то тамъ, то здѣсь сообщалась съ городомъ, изливала такимъ путемъ эту воду въ море, ибо отъ нея чрезъ равнину прорѣзаны были еще прямыя (поперечныя въ направленіи къ центру равнины) канавы почти всѣ въ сто футовъ шириною, на разстояніи ста стадій одна отъ другой (и доведены были какъ разъ) до того канала, который велъ къ морю. Кромѣ того были еще наискось прорѣзаны новыя канавы и отъ этихъ канавъ
E.— другъ къ другу и къ городу, такъ что этими путями доставляемы были на судахъ въ городъ и лѣсные матеріалы изъ горъ и всякіе продукты всѣхъ временъ года. Дважды въ годъ собирали въ этой странѣ плоды, зимою пользуясь дождями съ неба, а лѣтомъ употребляя для орошенія воду страны, изъ каналовъ. Число способныхъ къ оружію мужей въ равнинѣ было опредѣлено тѣмъ, что каждый участокъ
119. долженъ былъ доставлять одного предводителя, каждый же участокъ обнималъ десятью десять стадій, а всѣхъ участковъ было 60 000. Изъ горъ же и остальной страны собираемо было неисчислимое множество людей (простыхъ солдатъ), которые по мѣстностямъ и уѣздамъ были раздѣлены между тѣми участками и (доставляемыми оттуда) вождями. При этомъ постановлено было, чтобъ каждый предводитель представлялъ отъ себя на войну $1/6$ долю военной колесницы
B.— на общее число 10.000 колесницъ, два коня (верховыхъ) съ двумя всадниками, пару лошадей (упряжныхъ) безъ повозки, но съ сѣдокомъ-солдатомъ, вооруженнымъ малымъ щитомъ, и съ возницей, который бы независимо отъ солдата

правилъ парою коней, двухъ тяжело вооруженныхъ, двухъ стрѣлковъ, двухъ пращниковъ, легко вооруженныхъ трехъ камнеметателей и трехъ же копьеметателей и четыре матроса на укомплектованье людьми тысячи двухъ сотъ кораблей [1]). Такъ военное дѣло организовано было въ области самого царя, а какъ оно устроено было въ прочихъ девяти областяхъ,—говорить объ этомъ было бы слишкомъ долго. —C.

XI.—Что касается теперь властей и должностей, то въ этомъ отношеніи введены были и издревле слѣдующіе порядки. Каждый изъ десяти царей въ предѣлахъ своего собственнаго удѣльнаго государства имѣлъ власть и надъ людьми и надъ законами, наказывая и даже смертію казня, кого захочетъ. Но они и съобща занимались дѣломъ управленія, раздѣляя его между собою, какъ бы по программѣ самаго Посейдона—по смыслу закона, который еще праотцами ихъ былъ начертанъ на бронзовомъ монументѣ, который находился въ томъ святилищѣ Посейдона, что въ срединѣ острова. Сюда-то они, наблюдая и четное и нечетное число, собирались попеременно то чрезъ пять, то чрезъ шесть лѣтъ, и здѣсь собравшись, каждый разъ то занимались обще-государственными дѣлами, то разбирали, кто изъ нихъ и чѣмъ нарушилъ право, и судили. Но прежде чѣмъ приступить къ суду, они давали—каждый въ присутствіи остальныхъ—клятвенное обѣщаніе слѣдующимъ образомъ. Тутъ (въ священной рощѣ) на полной свободѣ паслись быки, и они (цари) одни—въ числѣ десяти войдя въ святилище Посейдона, и помолившись богу, чтобъ онъ самъ выбралъ для себя благоугодную ему жертву, отправлялись затѣмъ на ловлю, но безъ всякаго желѣзнаго орудія, съ однѣми палками и веревочными петлями, и какого изъ быковъ изловливали, того сейчасъ вели къ (упомянутому) монументу и закалали на верхушкѣ его (такъ, чтобъ кровь текла) на —D.

1) Это значитъ, что изъ одного главнаго царства Атлантиды собиралось войска сухопутнаго 960,000 и морскаго экипажа 240,000, всего же 1,200,000, кромѣ 60,000 предводителей.

упомянутую надпись. На монументѣ же, кромѣ законовъ, было и заклинаніе, угрожавшее великими проклятіями нарушителямъ (закона). Итакъ, совершая все согласно предписаніямъ своего закона, они, послѣ принесенія въ жертву
120. (всесожженія) всѣхъ членовъ вола, наполняли чашу кровію, бросая туда каждый по горсти (запекшейся крови), а всю остальную кровь относили на огонь, монументъ же совсѣмъ очищали (омовеніемъ). Потомъ черпали изъ чаши серебряными кубками и, возливая на огонь, давали клятву, что будутъ чинить судъ и расправу надъ тѣмъ, кто оказался бы законопреступникомъ согласно съ законами (начертанными) на монументѣ, что и впредь ни одного изъ этихъ узаконеній не будутъ нарушать намѣренно, что и управлять бу-
B.— дутъ (не иначе какъ по указанію законовъ) и подчиняться будутъ только тому правителю, который будетъ править по законамъ отца. Произнесши такую клятву каждый за себя лично и за весь родъ свой, они затѣмъ пили и относили кубки въ святилище бога[1]), а послѣ жертвеннаго пира и по окончаніи всего нужнаго, когда потухалъ жертвенный огонь, они всѣ одѣвались въ возможно-прекраснѣйшія одежды темно-голубаго цвѣта, тушили въ святилищѣ огни
C.— и, усѣвшись на землѣ вокругъ клятвеннаго огневища, впродолженіе цѣлой ночи судились между собою и судили, если кто объявлялъ, что который нибудь изъ нихъ нарушилъ законъ. Окончивши же судъ, они съ наступленіемъ дня записывали опредѣленія свои на золотой доскѣ, которую вмѣстѣ съ одеждами своими оставляли (при святилищѣ) въ качествѣ историческаго документа. Были еще (кромѣ этихъ) и другіе болѣе частные законы относительно правъ и обя-

---

[1]) Описанный здѣсь обрядъ, конечно, имѣетъ много общаго съ обрядомъ такъ называемой клятвенной жертвы, какъ онъ совершался у грековъ въ древнѣйшее время троянской войны (Ιλ. 3, 269—302) и даже въ позднѣйшее время экспедиція 10,000 (Αναβ. β. 11, κ. 2. § 8—11), но есть въ немъ и нѣкоторыя особенности, которыя Платонъ, можетъ быть, видѣлъ въ культѣ египетскомъ.

занностей каждаго изъ царей, и самымъ важнымъ между
ними былъ законъ, чтобъ они не поднимали оружія другъ
на друга, но напротивъ вступали бы въ общій между собою
союзъ въ случаѣ, если бы который либо изъ нихъ задумалъ
въ какомъ либо изъ государствъ истребить царскій родъ, и
чтобы они, какъ и предки ихъ, всегда съобща обсуждали и
рѣшали какъ военныя предпріятія, такъ и всякія другія
дѣла, предоставляя первенство во всемъ атлантическому —D.
роду. Ни одинъ изъ царей не имѣлъ власти казнить смертію
кого-либо изъ родственниковъ, если для этого не оказывалось
болѣе половины изъ десяти (царскихъ) голосовъ.

XII.—Такую громадность, такое могущество и такое
(прекрасное) устройство дало божество народамъ этихъ
странъ по слѣдующей причинѣ, какъ гласитъ преданіе.
Впродолженіе многихъ поколѣній, доколѣ была живодѣй-
ственна въ нихъ природа божества[1]), они обнаруживали —E.
покорность законамъ и находились въ отношеніи содружества
къ сродному имъ божественному: въ нравахъ ихъ
была истина и величіе; и въ постигающихъ несчастіяхъ и
во взаимныхъ отношеніяхъ они всегда сохраняли кроткое
терпѣніе и самообладаніе; все считали ничтожнымъ, всѣмъ
пренебрегали, кромѣ одной добродѣтели; на груды золота и 121.
всякихъ иныхъ сокровищъ смотрѣли скорѣй какъ на тяжесть,
а не теряли головы упиваясь блескомъ богатства и, всегда
будучи трезвыми, справедливо разсуждали, что хорошо,
если вмѣстѣ съ умноженіемъ этихъ вещей возрастаетъ
общая любовь и добродѣтель, но что если къ нимъ прилагается
слишкомъ много сердца, если имъ усвоятся слишкомъ
большое значеніе, то и сами онѣ идутъ прахомъ и
вмѣстѣ съ ними любовь и добродѣтель погибаетъ. Благодаря
господству такого убѣжденія и сохраненію свойствъ боже-

---

[1]) Природу эту они имѣли по наслѣдству рожденія отъ Поссейдона, который чрезъ свою смертную супругу передалъ ее прежде всего своимъ 10 сыновьямъ, а эти—всему своему потомству. Но въ этомъ потомствѣ она, по воззрѣнію Платона, была тѣмъ цѣлостнѣе, полнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ ближе оно стояло къ первому источнику ея, и напротивъ тѣмъ болѣе теряла свою силу, мельчала и такъ сказать улетучивалась, чѣмъ больше генеалогическихъ звеньевъ отдѣляло его отъ этого источника и чѣмъ болѣе многочисленнымъ оно становилось.

ственной природы, у нихъ умножалось все, выше упомяну-
B.— тое нами. Когда же частица божественной природы въ нихъ исчезла вслѣдствіе того, что размѣшивалась все въ большей и большей массѣ природы смертной, когда природа чисто-человѣческая взяла полный перевѣсъ, тогда они не въ состояніи будучи справляться съ наличными богатствами, стали вести себя постыдно и конечно были преступными въ глазахъ всякаго, кто только могъ бы видѣть, что они изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ погубили именно самое прекраснѣйшее, но на взглядъ тѣхъ, которые не способны были понять, въ чемъ собственно состоитъ истинно-блаженная жизнь, они конечно могли казаться людьми и отличнѣйшими и блаженнѣйшими даже тогда, когда у нихъ не было уже и мѣры беззаконному любостяжанію и насилію. Тогда богъ боговъ Зевсъ, правящій царствами согласно съ законами и умѣющій различать подобныя вещи, усмотрѣвъ, что родъ людей столь богато одаренныхъ дошелъ до столь печальнаго развращенія, рѣшился подвергнуть ихъ наказанію
C.— для того чтобъ они одумались и стали мудрѣе въ своихъ мысляхъ. Итакъ, онъ созвалъ всѣхъ боговъ въ то прекраснѣйшее изъ жилищъ своихъ, которое посреди вселенной находится [1]), и когда собрались они, то воззрѣвъ на все происшедшее и живущее, сказалъ [2]). . . . .

. . . .

---

[1]) Зевсъ собралъ боговъ не на Олимпъ, но въ прекраснѣйшее и выше всѣхъ другихъ находящееся жилище—въ то жилище, что среди міра или неба, то есть, на планету своего имени (Юпитеръ). См. выше примѣч. о планетной и теологической системѣ Платона. Впрочемъ, быть можетъ, тутъ разумѣется Парнассъ, который у Пиндера (Поϑ. 4, 74; 63) считается центромъ земли — ὄμφαλος γῆς.

[2]) На этомъ словѣ, которое дѣлаетъ собственно только завязку епическаго разсказа, обрывается Платонова Атлантида, судя по началу дѣйствительно обѣщавшая превзойти своею широтою и величественностію всѣ извѣстныя великія епопеи, не исключая и поэмы Гомера. „Матеріалъ для Атлантиды, говоритъ Плутархъ, достался Платону по праву родства отъ Солона, какъ поле невоздѣланное и пустое, и онъ поставилъ себѣ задачею какъ можно лучше обработать его. Къ основанію, положенному прежде, онъ присоединилъ обширныя сѣни, ограду и двери, какихъ не имѣлъ ни одинъ разсказъ, ни одна поэма. Но и онъ началъ слишкомъ поздно и кончилъ жизнь, не совершивши своего труда, такъ что чѣмъ болѣе мы наслаждаемся тѣмъ, что у него уже написано, тѣмъ болѣе жалѣемъ о томъ, чего у него не достаетъ. Подобно тому, какъ аѳиняне не окончили олимпійскаго храма (начатаго еще Пизистратомъ и оконченнаго лишь имп. Адріаномъ), такъ мудрость Платона оставила недовершенною одну только Атлантиду“ (Σόλων, 32).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Продается—1) *въ Кіевѣ*: въ Редакція Трудовъ Кіевской дух. Академіи и въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина, И. А. Розова и Ф. А. Іогансона, 2)—*въ Москвѣ:* у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, 3)—*въ С.-Петербургѣ*: у книгопродавца И. Л. Тузова и 4) *въ Одессѣ:* у книгопродавца Е. П. Распопова.

Тамъ же продаются:

1. Преосвященный Филаретъ, епископъ рижскій, какъ ректоръ Кіевской дух. Академіи *(съ фотографич. портретомъ, факсимиле и пятью особыми прибавленіями). Ив. Н. Королькова.* Кіевъ. 1882 г. Ц. 60. к.

2. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевской дух. Академіи" (съ подробнымъ обозрѣніемъ статей, посвященныхъ современнымъ вопросамъ, систематическимъ перечнемъ ученыхъ статей и алфавитнымъ указателемъ авторовъ, переводчиковъ и рецензентовъ). *Его же.* К. 1883 г. Цѣна 2 руб.

3. О преподаваніи классическихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. *Его же.* Цѣна 40 к.